

М. ПОСТУПАЛЬСКАЯ

ЧИСТОЕ ЗОЛОТО

ДЕТГИЗ - 1953

Annotation

Повесть Марии Ивановны Поступальской о школьниках выпускных классов золотодобывающего прииска Таежный, о их дружбе, о вступлении в жизнь и поиске своего пути в ней.

- [Мария Поступальская](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)

■ [Глава шестнадцатая](#)

● [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)

Мария Поступальская
ЧИСТОЕ ЗОЛОТО
Повесть

*ЗОЛОТО НЕ ЗОЛОТО, КОЛЬ НЕ БЫЛО ПОД
МОЛОТОМ.*

Народная пословица

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

«Жили-были девочка и мальчик...

Они жили не в большом городе, не в широкой степи, не у синего моря, а за горами, за долами, в дремучем лесу. Лес этот стоял на краю большой чудесной земли...»

Так можно было бы начать сказку о детстве Тони и Павлика. И Тоня повторяла про себя эти слова, стоя на высоком табурете и вешая на елку маленького ватного парашютиста.

Десятиклассники украшали к празднику большой школьный зал. Было шумно, но Тоня не слышала ни смеха, ни говора друзей.

Она всегда помнила о Павлике; с ним была пройдена большая часть ее восемнадцатилетней жизни. Но сегодня, в звездную новогоднюю ночь, ей впервые захотелось рассказать самой себе историю их дружбы так, словно она читала об этом в книге.

«Девочка была... Какая же я была в детстве? — спросила себя Тоня, и ответить оказалось так трудно, что она отмахнулась от вопроса. — Девочка была обыкновенная, а мальчик рос умным, смелым и сильным. Он ушел на войну, защищать свою родину, и... не вернулся».

Сказка неожиданно кончилась так быстро и печально, что Тоня обрадовалась, когда Лиза Моргунова окликнула ее:

— Ты спишь, что ли, Антонина? Возьми бусы!

Тоня заторопилась, взяла связку разноцветных бус и принялась укреплять на елке.

— Иду, иду! — звонко крикнула Лиза друзьям, звавшим ее в другой конец зала. Там девушки разбирали спутанную грудку флажков.

В зал вошел секретарь школьного комсомольского комитета Илларион Рогальский. Он и сегодня, среди предпраздничного оживления и суеты, был очень спокоен и даже несколько величав. Только чудесный розовый румянец, оживлявший его правильное лицо, был, пожалуй, ярче, чем обычно.

Широко расставив длинные ноги, Илларион внимательно осматривал елку.

— Хорошо, — сказал он решительно и, сняв очки, начал их протирать. Когда Ила был доволен или смущен, он снимал очки.

Тоня знала эту его привычку и всегда с интересом следила, как серые блестящие глаза Рогальского, казавшиеся под стеклами строгими и

холодными, становились вдруг добрыми и немного растерянными.

— Совсем хорошо! — повторил Рогальский. — Не зря потрудилась, Кулагина!

Тоня была членом комсомольского комитета и ведала культмассовой работой в школе. Для новогоднего праздника она немало потрудилась. По вечерам у Тони собирался ее актив — ребята из девятого и восьмого классов. Они делали игрушки, готовили малышам подарки.

— Очень рада, что нравится, — скромно отозвалась Тоня и, не удержавшись, прибавила: — Я думаю, в Москве, в Колонном зале, елка не богаче.

— Ну-ну, без зазнайства! В Колонном зале, брат, там такое, что нигде не увидишь... Да! — оживился Илларион. — Второклассники, оказывается, тоже игрушки мастерили... Моргуновой братишка целый короб приволок.

В дверях показалось курносое смеющееся лицо Степы Моргунова. Мальчуган сиял, но, увидев свою старшую сестру, Лизу, чуть помрачнел, а Лиза сейчас же сурово окликнула его:

— Степка! Опять по ночам бегаешь! Зачем явился? Почему не спишь?

— Десятый час — не ночь, во-первых, — с достоинством ответил Степа, — а во-вторых, я же по делу. Игрушки принес... Тоня, скажи ей!

— Давай, давай свои игрушки, а сам беги домой, — улыбнулась Тоня. — Нечего тебе тут рассматривать! Завтра неинтересно будет.

Когда Степа, недовольно шмыгнув носом, ушел, она с укором взглянула на подругу:

— Эх, воспитательница! Всё окрики...

— Тебе бы такого братишку, хлебнула бы с ним горя! — уже добродушно ответила Лиза, щуря светлогрешные озорные глаза и закидывая за спину каштановые, с рыжим отливом кудри.

Тоня принялась убирать упругие ветви, густо обвешанные игрушками, нехитрыми грибками, фонариками и звездочками из Степиного короба.

— Я отплываю, товарищи, — сказал Рогальский.

— Постой, Ила! — спохватилась Тоня. — У нас на завтрашний утреник выделено трое распорядителей. Я сама хотела дежурить, да уступила Лене Барановой. Ей очень хочется. Ее сестренка и маленькие братья придут на елку.

— Ну что ж, — согласился Илларион. — А ты отдохни — заслужила... Баранова-то здесь?

Круглолицая девятиклассница Лена подбежала к нему.

— Мне в клуб еще надо зайти, — сказал Рогальский. — Пойдем-ка вместе, по дороге насчет утреника поговорим. А вы кончайте тут, девчата.

Он ушел и увел с собою нескольких ребят. В зале остались Тоня, Лиза и Нина Дубинская.

Подруги работали молча. В школе было тихо. Сияли стекла дверей и шкафов, светились чисто вымытые бревенчатые стены. В печах трещало и пело пламя, и во всем доме пахло оттаявшей хвоей.

Тоня вынула из короба последнюю игрушку и залюбовалась ею. Это был деревянный горный козел с крепкой, красиво изогнутой шеей.

«Не второклассников работа. Только Соколов резал», — решила Тоня.

Такого козла она видела однажды в детстве в осеннем лесу. Ржавая и золотая листва под ногами шуршала тогда таким же сухим, бумажным шелестом, как разноцветная гирлянда флажков, которую ее подруги прилаживали под потолком зала.

Она, Павлик и Коля Белов сидели на берегу речки. Лес был тих, ребята примолкли. Вдруг Павлик поднял руку и движением бровей указал на другой берег. Там на поваленном дереве около большого камня стоял красавец козел, подняв надменную голову и выпятив грудь.

Коля Белов не удержался и свистнул. Козел, подогнув передние ноги, перемахнул через камень и исчез.

Павлик долго ругал Колю, а Тоне навсегда запомнился летящий в светлом небе над рыжим обомшелым камнем зверь, как запоминается четкий и строгий рисунок.

— Все игрушки повесила? Помоги-ка нам! — крикнула с лесенки Лиза.

Тоня прыгнула с табурета и подала подруге конец бечевки. Лиза укрепила бечевку на стене.

— Красота! — сказала она. — Надежда Георгиевна будет довольна. Она говорила: «Первый послевоенный год встречаем. Постарайтесь, девушки».

— Правда, красиво, — медленно сказала беленькая деловитая Нина Дубинская. — Давно мы так нарядно школу не украшали!

Пестрая бумажная сетка, растянутая под потолком, колыхалась. Свет ламп, пробиваясь сквозь нее, отбрасывал легкие тени.

— Все! — крикнула Лиза. — Тоня, ты говорила, что маме должна помочь? Иди. Мы теперь вдвоем управимся.

Тоня прошла коридор, где слышнее было пение огня в печах, а на полу играли дрожащие отсветы, и спустилась по лестнице.

— Не беспокойся, Маруся, я сама... — сказала она круглолицей девушке и сняла с вешалки свою шубу.

Сегодня в раздевалке было пусто. Старшеклассники уже разошлись.

Вот синяя с серым барашком шубка и такая же шапочка Нины, вот новый полушубок Лизы и ее пуховый платок. А меховая шуба — Женина. Женя украшает учительскую.

Входная дверь завизжала. Сначала показался огромный ворох заснеженных еловых ветвей, а затем уже принесший ветви человек.

— Дед Мороз, что ли? — засмеялась гардеробщица Маруся.

Ветви упали на пол. Дед Мороз стоял перед Тоней. Он был высок и тонок. Глаза его блестели смущенно и мягко под тяжелыми седыми ресницами. Не больше восемнадцати лет было этому деду.

— Толя? Ты в лесу был?

— Да... Принес вам веток, — ответил Толя. — Подумал — пожалуй, не хватит, побежите в лес на ночь глядя, а мороз-то забирает...

— Ну, спасибо тебе!.. А я только что на твоего деревянного козла любовалась.

— А! Это я для Степы Моргунова резал...

Анатолий замолчал и начал сосредоточенно рыться в кармане.

— Такой зверь в хозяйстве не пригодится? — спросил он и показал маленького, старательно вырезанного из дерева медвежонка. — Только это не на елку. Это тебе.

— Какой хороший!

Толя Соколов славился в классе как искусный резчик. Каждая девушка мечтала иметь хоть одну вырезанную им фигурку. Но Анатолий дарил свои изделия только малышам, да у Тони собралась целая полочка таких игрушек.

Тоня полюбовалась медвежонком и спрятала его.

— Ты что, уходишь? — спросил Соколов.

— Ухожу. Отдай ветки Лизе. Она наверху с Ниной.

Тоня уже надела шубу и натягивала варежки.

— Постой... — Анатолий прикоснулся к ее руке. — Так давно мы с тобой не говорили... У тебя нового ничего нет?

— Нет, — отрывисто сказала Тоня и потянула к себе входную дверь.

Ветер утих. На высоком небе вздрагивали большие звезды. Под ногами поскрипывал снег. Горы тесно обступили поселок.

Как всегда ночью, горы, дома, деревья казались чужими, незнакомыми, хотя были известны до мелочей.

Тоня с детства любила придумывать всякие истории — то страшные, то грустные, то смешные, и, если возвращалась домой одна в поздний час, всегда воображала себя усталым путником в незнакомом месте.

Путник идет и дивится: куда же это я забрел? Какие сердитые

огромные горы, высокие черные деревья, крепко запертые дома!.. Постучаться бы, да боязно. Вдруг откажут хозяева в ночлеге...

Печальные мысли «путника» обрывались у маленького крылечка. На вопрос матери: «Ты, Тоня?» — «путник» отвечал: «Я, мама», и, входя в тепло и свет родного дома, Тоня наспех доканчивала свою историю. Кончились мытарства «путника». Отыскал он пристанище.

Иногда игра продолжалась за чаем, и Тоня невпопад отвечала матери, вглядываясь в ее лицо чужими глазами. «Чисто живут, — думал «путник». — И женщина какая славная! Забот, видно, у нее немало, а в доме порядок».

Так, на мгновение увидев свой дом и родных со стороны, Тоня сильнее чувствовала кровную, живую связь с ними. В эти минуты она, не щедрая на ласку, прижималась к плечу матери, шутила с отцом.

Но сегодня Тоня была далека от привычной игры. Выйдя из школы, она отчужденно оглядела поселок, стиснутый горами, и даже подумала с горечью: «В диком месте живем... А променяла бы я это «дикое место» на какое-нибудь другое? — тут же с упреком спросила она себя. — Нет, нет, ни за что!»

Глубоко засунув руки в рукава полушубка, Тоня шагала к дому, сосредоточенно думая о своем крае, о семье и о Павлике — потерянном друге.

Ей снова казалось, что она раскрывает давно прочитанную книгу. Отдельные воспоминания возникали точно маленькие, ярко раскрашенные картинки. Одна картинка вызывала другую, и все они заставляли все дальше и дальше уходить по длинной, извилистой дороге в таинственный край детства. В этом краю шумела буйная трава. Когда-то примятая Тониными босыми ногами, она выпрямилась теперь и скрыла маленькие детские следы. И светлая вода в речке, где купались ребята, ушла далеко к морю, и ветер, которому они радостно подставляли лица, давно улетел.

Прииск Таежный, где жили Тоня и Павлик, раскинулся в глубокой котловине. В одном логу стоял поселок, в другом — шахты.

Со всех сторон прииск окружали горы. Сходя сверху в поселок, люди говорили: «Иду вниз», а «низ» этот был тоже высоко в горах. Чтобы добраться до города, лежащего действительно внизу, на равнине, нужно было долго ехать на автобусе по петляющей пологой дороге.

Горы заросли могучим кедром, лиственницей, пихтой. Над мохнатыми вершинами их поднимался угрюмый голец^[1], и гладкая верхушка его была похожа на лысый череп старика среди кудрявых голов младших товарищей.

Издавна люди добывали здесь золото. Прииск был старый, но все не

иссякал. В поселке жили семьи, в которых не только отцы, но и деды были золотоискателями.

Здесь, на прииске Таежном, Тонин отец, Николай Сергеевич Кулагин, прошел долгий и нелегкий путь от мальчика-откатчика до горного мастера. Здесь стал знаменитым забойщиком отец Павла — Кузьма Петрович Заварухин. Оба знали темноту и унылость прежней горняцкой жизни.

Тоня родилась в героический год первой пятилетки, Павел был двумя годами старше нее. Рассказы отцов о далеких дореволюционных днях казались детям страшной сказкой. Не верилось, что когда-то на Таежном не было клуба, школы, детского сада... На прииске жил «хозяин», пути из тайги оберегали «стражники», чтобы люди не могли тайком унести золото. Да мало ли еще было чудного и непонятного!..

Не только взрослые, но и ребята на прииске постоянно говорили о золоте. В прежние времена неумелые детские руки рано приучались управляться с ковшом и лотком. Летом даже шестилетние мальчики промывали золотоносные пески.

Тоня и Павел тоже с младенчества слышали разговоры о высоком или низком содержании металла в промытой породе — «шлихе», о «мясниковатых», то-есть вязких, или о сыпучих песках, о золоте знаковом и подъемном^[2]. Все это было привычным, но большого места в жизни не занимало. Их детство не было омрачено тревогой родителей о будущем. Засыпая или просыпаясь, ребята не видели потускневших от заботы лиц, не слышали тоскливых разговоров о том, что не удастся свести концы с концами и нужно послать детей на подработки.

Если и бывало родителям подчас трудно, то о таком выходе из положения все-таки никто не думал. Ни Тоня, ни Павлик не знали тяжелого труда, не ворочали лотков с породой. Впечатления бытия широко и свободно ложились в их сознание и делали детей счастливыми, с тех пор как они помнили себя.

Павлику любовь к тайге передалась от хакасской бабушки Арины, матери отца. Эта огромного роста старуха с чуть рябоватым лицом часто приходила к Заварухиным из деревни Белый Лог, где у нее был домишко. Попыхивая трубочкой, она подолгу разглядывала внука. Смуглый, с большими синими глазами малыш нравился ей. Она с одобрением говорила Дарье Ивановне, матери Павла:

— Сурьезный растет. Смотрит строго, без хитрости. И крепкий. Толк из него будет.

Видя, что Павлик занимается кубиками или картинками, бабушка предлагала:

— А ты брось-ка, Павлуша, всю эту ерунду. Идите с Тонюшкой на волю, свет посмотрите.

И два маленьких человека отправлялись исследовать мир.

Они открывали то «конскую яму», из которой пили лошади, то старую, брошенную баньку, то заросли малины на задворках.

Яма казалась страшной и глубокой. Над ней нагнулась кривая черемуха, и круглые белые лепестки плавали на темной воде. В баньке было прохладно и совсем уже страшно. В ней застоялся запах дыма и сырости. На крыше росли розовые свечи иван-чая, порог источили муравьи. А в малиннике, где под жесткими, с белой изнанкой листьями прятались толстые холодные ягоды, жила рыжая мышь. Порой она появлялась, смотрела на детей, умывалась, встав на задние лапки, и исчезала при первом шорохе.

Иногда ребята пропадали надолго, и матери начинали беспокоиться. Бабушка, посмеиваясь, утешала:

— Не пропадут, дайте им размяться-то... Захотят есть — небось живо придут.

Но Варвара Степановна Кулагина, зная, как муж любит дочку и как будет огорчен, если, вернувшись с работы, не найдет Тоню дома, отвечала:

— Малы еще, чтобы на них полагаться. Пойдем-ка, Дарья Ивановна, поищем.

В поселке все привыкли к тому, что под вечер на улицах показываются две матери и заглядывают во все закоулки, отыскивая ребят. Статная Варвара Степановна шла не торопясь, маленькая Дарья Ивановна семенила за ней.

Ребят отыскивали, приводили домой, умывали, а на другой день они снова исчезали до вечера.

Когда дети подросли, они часто гостили по несколько дней у бабушки Арины в Белом Логу. Она и ее сосед, охотник Ион, сделались главными наставниками и утешителями Павлика, а значит, и Тони.

Бабка Арина Афанасьевна была женщина невиданной силы. Однажды она остановила огромного быка, схватив его за рога, легко поднимала пятипудовые мешки с солью или мукой, очень метко стреляла и до семидесяти лет лазила на высокие кедры, когда осенью люди отправлялись «ореховать».

Путешествие в тайгу за кедровыми орехами всегда было для ребят большим событием. Выезжали на нескольких подводах, возили с собою хлеб, крупу, мясо. В тайге ставили балаганы и устраивались с семьями по-домашнему на неделю и дольше.

Дни стояли теплые, тихие, но к вечеру свежело. Ярких летних цветов уже не было. Тайга убиралась в сквозное золото лиственниц, красноту ягод, тонкое серебро паутины.

На Тоню тайга производила ошеломляющее впечатление, а Павлик то начинал громко петь, то пытался взбираться на деревья, то кувыркался. Детей поражала душистая тишина и теснота тайги. Густые толпы огромных кедров, трухлявые, поверженные стволы, которые неожиданно проваливались под ногами, высокие стены молчаливых трав на лесных полянах — еланях — все это было большим, заманчивым и немного пугающим.

Зато как радовал светлый родничок под корнями корявой сосны, луч солнца на яркой подушке мха, усеянной крохотными росинками, румяная россыпь брусники! Увидя такой уголок, дети вскрикивали, на мгновение замирали и затем летели со всех ног к облюбованному месту.

А вокруг шла работа.

Мужчины колотили по стволам кедров большими деревянными чурбанами. Грузные, растрескавшиеся шишки сыпались на землю.

Бабка Арина не позволяла бить по тем деревьям, которые облюбовала для себя. С бойком-молотком на длинной ручке, она сама взбиралась на верх кедра и сбивала шишки.

— Ой-ё-ё! Павлик! Тоня! Где вы там? Лезьте сюда! — кричала она детям.

Крохотные под исполинским деревом, они стояли внизу и, задрав головы, смотрели на бабушку. Однажды Павлик неожиданно расплакался:

— Ой, да бабушка назад не вернется!..

— Это почему? — спросил старый Ион.

— Шибко высоко, однако!

Дети подбирали шишки и хвастались друг перед другом:

— Какая у меня большенная!

— А эта-то! Гляди, бабушка!

— Расшеперилась... — говорила басом только что спустившаяся с дерева бабушка и закуривала трубку.

По вечерам разводили костер, и люди работали, сидя у огня. Деревянный валеk катал шишки по чурбану с насечками. Чешуйки — дети называли их «копеечками» — отскакивали. Потом женщины начинали трясти решета, которые пропускали орешки и задерживали чешую. Орехи сыпались в мешки. Дома их прокалят в печке, и на всю зиму у детей будет лакомство.

Тоня и Павлик, уставшие за день, перепачканные смолой, съедали

свою кашу и засыпали под стук валька.

Когда работа кончалась и бабушка, взяв детей на руки, как котят, уносила их в балаган, они на секунду приоткрывали глаза. Они видели шатающиеся тени, освещенный высоким пламенем костра куст можжевельника и конскую морду с крупными диковатыми глазами.

А кругом глухой стеной стояла «чернь» — тайга. Она только чуть-чуть расступилась, чтобы дать место их маленькому лагерю. Непривычному человеку могло прийти в голову, что достаточно людям перестать двигаться — и тайга набросится на них, сомкнется, затянет поляну кочками, мхами, забросает валежником. Балаганы превратятся в груды обомшелых досок, кони в белеющие среди зелени кости, хмель и повилика всё заплетут и скроют людские следы.

Да и выросшие здесь люди хоть не боялись тайги и хозяйничали в ней, но остерегаться не забывали.

Когда переходили с места на место, лошадей оставляли под присмотром, а детей переносили на руках. Нельзя маленькому ребенку ходить по лесу, где трава бывает выше взрослого человека. Недолго потеряться, сгинуть.

Ион таскал Павлика за спиной в мешке, а бабушка смеялась и спрашивала:

— Однако, много малины ты, Ион, набрал! А у меня одна ягодка только, да зато хороша!

Она подмигивала Тоне, которую несла на руках, и прикладывала свою морщинистую щеку к лицу девочки.

Придя к новой стоянке, Ион раскрывал мешок и низко кланялся Павлику:

— Тарыбальш! Приехали!

Иногда старик находил и показывал детям беличий запас — пуда полтора орехов в дупле. Он ссыпал орехи в свой мешок, но часть их непременно оставлял белке. Чистенький, ловкий зверек смотрел с соседнего кедра, как расхищают его добро, и не успевали люди отойти, как он бросался к своей кладовой. Ион его не трогал. «Белковать» ходят позже — зимою.

Эти поездки навсегда запечатлелись в цепкой памяти девочки, а мальчика накрепко привязали к тайге.

Тоня была права, называя своего друга сильным и смелым. Но она выросла в таежных горах и не понимала, как отличалось детство ее и Павла от детства сверстников, живущих в городах.

Павлу было всего шесть лет, когда он поймал первого серебряного

хариуса и, пыхтя, принес домой ведро, где плескалась рыба. После этой удачи его нельзя было оторвать от воды.

Мальчик поживался от утреннего холодка и знакомого каждому рыболову нетерпения, когда над протокой рассеивался плотный туман и солнце чуть трогало розовым светом воду и прибрежные кусты. Рыба в эти часы «плавится» — играет, выскакивает из воды за мошкой, и не успевают рыбаки закинуть удочку, как она уже клюет.

А ночью, при луне, идет ловля неводом. Ион стоит на берегу и держит конец, а Павлик плывет в лодке, и невод тянется за ним. Они разводят огонь у воды и жарят рыбу на палочке. К свету костра идут из глубины жирные налимы. Рыбы столько, что старик и мальчик вдвоем не могут унести добычу и зовут на помощь ребят.

Когда Павел перешел в пятый класс, Ион стал брать его с собой и на охоту. По утренней росе они пробирались к озерцу и усаживались в «скрадку» — тщательно замаскированное ветвями и травой укрытие. Здесь ждали, пока подплывут утки. Птицы прилетали сюда еще с вечера. Павлик с Ионом пускали на воду утиное чучело. Утки с лёта видели, что на озере живут их подружки, значит место безопасное, и опускались ночевать.

Выстрел утром далеко слышен. Слышит его и бабка Арина у себя в Белом Логу. Она доит корову и гадает, не внук ли стрелял. И Павлик приходит к ней мокрый, иззябший, веселый. Он отдает бабушке двух уток, а сам укладывается спать и просыпается, когда солнце стоит уже высоко, а на столе его ждут зажаренные утки.

Тоня сама не участвовала в охоте, но всегда с нетерпением ждала Павлика и жадно спрашивала его обо всем, что он видел.

Весною Ион и мальчик делали из старого патрона и деревяшки свисток и уходили в лес приманивать бурундуков. Лиловые пушистые анемоны качались среди невысокой еще травы. Светлые, собранные маленькими веерами листики смородины назойливо лезли в глаза. Бурундук откликался на свист и проворно прибежал, посвистывая сам. И всякий раз Павлика поражало простодушное любопытство рыженького зверька с черными полосками на спине. Ион уверял, что бурундука погладил медведь и от его когтей остались эти полоски... Уже поняв, что подружки здесь нет, зверек не уходил. Он влезал на дерево и сидел неподвижно, глядя на людей. Он не трогался с места и когда Ион накидывал на него волосяную петлю, прикрепленную к длинной палке. Иногда петля задевала толстую щеку бурундука, но и это не спугивало его. Рывок... Петля затягивалась, и через минуту Ион вынимал из нее неподвижную тушку.

Эту охоту Павлик скоро разлюбил. Доверчивые бурундуки чуть ли не сами лезли в петлю. Мальчик жалел их.

Ион водил его на тетеревиный ток, и Павлик любовался пляской краснобровых косачей рано поутру, когда они чужаются среди тяжелых, мокрых ветвей и клочьев уползающего тумана.

Старый хакас научил мальчика устраивать солонцы для горных козлов. Павлику было четырнадцать лет, когда он сам насыпал соли на голую землю и начал ждать первого дождя, который смывает следы человека и растворит соль.

После сильного ночного ливня мальчик и старик засели в скрадку, недалеко от солонца. Скрадок было две. В зависимости от направления ветра надо было переползать то в одну, то в другую. Ветер должен идти от зверя к человеку, и если ветер менялся, человек тоже менял убежище. Их донимали комары, но закурить трубку, чтобы отогнать их дымом, Ион не мог: лесные животные издали чуют табачный дым.

Рывканье козла сначала доносилось издали. Потом наступила долгая тишина. И неожиданно козел вышел из чащи. Он долго стоял неподвижно, приподняв голову, и «выслушивал». Прозрачные золотые глаза его были тверды и спокойны. Ему казалось, что опасаться нечего.

Он начал лизать соль, увлекся, перестал поднимать голову и слушать. Павлик, не дыша ждавший своей минуты, выстрелил, но в ту же секунду прозвучал и выстрел Иона. Старик уверял, что козла убил Павел, но торжество мальчика было неполным: втайне он не был уверен, что именно его пуля сразила козла. А еще через год, осенью, во время «рева» маралов^[3] Павел попросил Иона попробовать в тайге маралью дудку.

— Зачем тебе? Ведь маралов бить нельзя. Запрещено, — говорил старик. — Дудка-то у меня давным-давно без дела лежит...

— Поглядеть на них охота, Ион!..

Протяжный, «задушевный», как говорил старый охотник, рев маралов несся по утрам из глубины тайги. Мальчик жадно прислушивался к этим звукам, то жалобным, то торжествующим.

Маралы отвечали призывам дудки, но сами не показывались, и Павел уже потерял надежду увидеть их. Наконец однажды, пробираясь с Ионом по глубокому узкому распадку, он услышал над собой треск сучьев, поднял голову и увидел марала. Зверь стоял на заросшей кустарником скале. Бока его вздымались. Мощные рога были откинуты на спину.

— Эх! — восхищенно прошептал Павел.

Марал на миг задержался на скале и метнулся в чащу, а на скале зашевелилось что — то мохнатое и огромное. Едва успев сообразить, что

это медведь, Павел выстрелил. Зверь вздрогнул, заревел и сделал несколько шагов к краю скалы, пробуя спуститься. Павлик выстрелил еще и еще раз. Медведь упал.

Но когда молодой охотник, не помня себя, взлетел на скалу, животное поднялось и двинулось к нему. Ион снизу, со дна распадка, прицелился и почувствовал, как дрогнула его всегда уверенная рука.

Но у медведя не хватило силы. Он был трижды ранен. Огромная туша рухнула на землю.

В тот вечер старик пришел к Дарье Ивановне, поклонился ей и подал большой туес с медом:

— Охотник у тебя вырос, Дарья. Поздравлять я пришел. Будем чай пить!

Если в тайге и на реке Павел чувствовал себя как дома, то в школе верховодила Тоня. Она всегда первая читала интересные книги, зачастую объясняла другу уроки.

Училась она легко. Радость узнавания нового окрыляла Тоню все годы школьной жизни. Но в раннем возрасте бывали у нее дни, когда уроки не шли в голову. В таком настроении она могла весь вечер просидеть за «посторонней», как говорил отец, книгой или проболтать с подругой и только утром наспех просмотреть заданное. На уроках Тоня становилась рассеянной и озерной, а дома держалась очень независимо, словно пытаясь отстоять свою незаконную свободу.

— Антонина опять дурит! — с тревогой замечал отец, ревниво следивший за успехами дочери.

— Пусть немножко разомнется... — тихо отвечала мать. — Совесть у нее есть. Побегает да опять за книжки сядет.

Так и бывало. Однажды утром Тоня просыпалась и ощущала живейшее удовольствие от мысли, что сейчас пойдет в школу. К ней возвращались внимание, интерес к наукам, и с особенным усердием она просиживала вечера над учебниками.

Тонины срывы невероятно сердили Павлика. На него жалко было смотреть, когда Тоню вызывали к доске. Он краснел, перебирал без толку книжки и облегченно вздыхал, видя, что Тоня с тройкой возвращается на место.

Позднее эти припадки лени и озорства прошли бесследно. Тоня даже возмущалась и не верила, когда другие вспоминали о них.

У Павла занятия всегда шли ровно, хотя и не так легко, как у его подруги. Девочка училась, словно щелкала орешки, а Павлик каждый орех разгрызал медленно и осторожно пробовал на вкус.

— Какая книга, Павлик! Да? — с волнением спрашивала Тоня, когда ребята прочитали «Мать» Горького. — Ты хотел бы как они?.. Скажи!

— Подожди, Тоня... Про такую книгу сразу нельзя... — отвечал Павел.

Ему нужно было молча пережить прочитанное. Впечатления медленно плавились, медленно остывали, но отлиты были прочно.

Только дня через три Павел уводил Тоню куда-нибудь к опушке тайги и там негромко, запинаясь, словно великую тайну, рассказывал ей все, что думал о книге.

Когда Тоню выбрали звеньевой, жизнь ее стала очень хлопотливой. Она беспрестанно думала о том, как поинтересней провести сбор звена, подтянуть Нину Дубинскую, ленившуюся учиться, внушить Андрею Мохову, что нельзя развлекать товарищей на уроках гримасами, на которые Андрей был мастер.

А Павлик ничем не выделялся из рядовых пионеров. Только в лесных походах отряда у него проявлялись сметливость и опытность. Зато, вступив в комсомол, он сразу вырос, точно простился с детством, и показал себя таким хорошим организатором, что скоро стал секретарем комсомольского комитета. Это было уже в годы войны.

Война вошла в их теплый и радостный мир грубо и неожиданно. И этот мир с пионерскими жаркими песнями и кострами, с далекими прогулками, любимыми книжками и уроками сразу стал другим.

Далеко отсюда грохотала война. Казалось, она не должна была ощущаться в глухом таежном уголке. Но люди ежеминутно чувствовали ее.

Тонин отец, Николай Сергеевич, теперь почти не выходил из своей шахты, а Кузьма Петрович Заварухин ушел на фронт и вскоре семья его узнала, что он больше никогда не вернется.

Дарья Ивановна горевала и плакала исступленно, а Павлик словно закаменел. При взгляде на его неподвижное лицо всякому становилось не по себе. Но в то же время появились в нем решительность, смелость в высказываниях и поступках. Работать и учиться он начал с большим упорством. Или призадумался впервые о своем месте в жизни, или почувствовал себя взрослым, старшим в семье. К тому времени появился у него младший братишка. Назвали малыша Алексеем, как хотел покойный Кузьма Петрович.

Бабка Арина тоже не успела порадоваться на второго внучонка. Узнав о гибели сына, она как-то сразу захирела и весной сорок второго года умерла тихо, без всяких болезней, точно заснула.

Дарья Ивановна с детьми перебралась в деревню Белый Лог,

поселилась в доме свекрови и вступила в колхоз. Павел и Тоня, всегда жившие рядом, оказались отделенными друг от друга четырьмя километрами. Заняты они теперь были с утра до вечера, но в редкие встречи Павел попрежнему говорил с подругой обо всем, что его волновало: о маленьком брате, который рос болезненным и хилым ребенком, о тайге, где теперь удавалось бывать редко, и все чаще о том, как тяжело ему сидеть за учебниками, когда идет война.

После перехода в девятый класс Павла вызвали в райком комсомола, и, вернувшись оттуда, он начал снаряжать школьников на полевые работы. Перенесши экзаменационную горячку, ребята осунулись, и матерям стало заметней, как выросли дети за зиму. После стойких скрипучих морозов, после длинных вечеров, освещаемых чуть живым огоньком коптилок (в то время дом а часто оставались без света), после скудных школьных и не более обильных домашних обедов мечталось об отдыхе, долгом сне, ранних овощах со своего огорода...

Но от всего этого надо было отказаться. Предстояло опять недосыпать, работать от утренней до вечерней зари и, может быть, питаться только снятым молоком и прошлогодней вялой картошкой. Предстояло побеждать недоверие и воркотню сумрачного председателя колхоза и высохших от тревоги женщин. И победить можно было только самоотверженным трудом.

Школьники выходили в поле раньше всех и кончали работу при фонарях. В колхозной столовой мальчики засыпали над супом. Случалось это и с Павлом, и когда его будили, он жевал губами, мычал и потом, встряхнувшись, начинал кого-нибудь распекать.

Да, это была работа до радужных кругов перед глазами, до острой боли в спине и дрожи в руках. Но были и ночи, полные беспокойно дышащих звезд, и купанье в говорливой речушке, и поляны, на которых красным-красно от ягод, и блещущие всем великолепием алых и золотых красок восходы. Были и ссоры, и слезы, и примирения, и никогда не отходил от них верный спутник молодости — смех.

Сначала ребята косили. Тоня чувствовала свежее дыхание ветра на горячих щеках и вдыхала слабый запах вянущей травы. Поднимая изредка голову от работы, она видела русые волосы друга, упавшие ему на глаза, и расшитый ворот его рубашки. Павел шел в первом ряду косцов, и трава мягко валилась от взмахов светлой косы.

Потом начались уборка, вязка снопов, работа на сеялке... Никогда не забудется ни с чем несравнимая радость от мысли, что ты поднимаешь с земли хлеб!

Хлеб, собранный тобой, — кто будет есть его? Матрос на сторожевом катере, вернувшись с вахты, обветренными руками разломит хрустящую горбушку... Или рабочий на заводе в обеденный перерыв вытрет промасленные пальцы паклей и достанет из кармана спецовки кусок хлеба и огурец... А может быть, детдомовцы, круглоголовые, коротко стриженные ребятишки, за большим низким столом набьют рты теплым хлебом и невнятно загомонят, размахивая ложками: «Суп идет! Суп идет!»

В тот год школа открылась позднее обычного. Уборка хлеба сильно затянулась, а после нее школьники копали картошку. Они вернулись на прииск с письменной благодарностью от двух колхозов и солидным запасом муки. Этот хлеб был драгоценным даром матерям и отцам. Он не только обеспечивал семью на долгую зиму, но наполнял гордостью сердца, как первый вклад детей в дом.

Не все родители сразу примирились с решением комсомольцев отдать этот драгоценный хлеб в фонд обороны.

Тетя Даша долго плакала, а ночью окликнула сына:

— Ты лучше знаешь, как надо, Павлушенька. Согласна я.

А Николай Сергеевич, не задумываясь, согласился расстаться с хлебом и всем рассказывал, как хорошо и умно придумала молодежь. Он прибавлял, что, слава богу, Николай Кулагин может прокормить семью и без заработка дочери.

Варвара Степановна повздыхала и задумалась.

— Что же, Тоня, твой хлеб — твой и закон. Я так смотрю: ежели у меня нет, а у других есть — еще не так плохо. Вот когда у меня есть, а кругом у людей ничего — это много хуже.

Комсомольцы сами отвозили свой хлеб на станцию Шуга, грузили в вагоны и долго смотрели вслед красному товарному поезду.

Домой в тот день не вернулись. Давали концерт в военном госпитале близ Шуги, где раньше был курорт. В большой палате пели и читали стихи. Раненые бойцы серьезно глядели на молодых артистов. А с дальней койки паренек, подзывая к себе Тоню, кричал:

— Девушка! Голосистая! Подойди ко мне!

Когда Тоня подошла, он спросил:

— Ты не мастера Кулагина дочка?

— Ой, откуда вы знаете? Бывали здесь?

— Милая ты моя! — счастливо всхлипнул парень. — Ведь здешний я! С Доброго прииска. Вчера привезли... Мать и не знает ничего! Сердце так и скачет — в родные места попал... Окажи благодеяние: дай знать на Добрый.

Тоня подозвала Павла, и они обещали на другой же день пойти к матери раненого. Парень успокоился и попросил:

— А теперь спой песню, что сейчас все пели. Тихонько спой. Мне одному.

Раненые угощали школьников ужином, оставили ночевать в госпитале. А утром, приехав домой, Тоня и Павлик стали на лыжи и отправились на Добрый прииск. Легкой была дорога по белому лесу; радостно идти к людям с хорошей вестью...

Последний разговор Тони с другом произошел в пустом классе поздним вечером. Они вдвоем клеили стенную газету.

— Все! — сказал Павел, чуть тронув кисточкой алый флажок — концовку. — Можно идти домой.

Он как-то странно вздохнул, словно набрал воздуха в грудь, перед тем как прыгнуть в воду.

Тоня поняла, что он собирается что-то сказать, и вопросительно глянула на него. Он молчал.

— Ну что?

Павел улыбнулся немного растерянно и покачал головой, как бы удивляясь своей нерешительности.

— Последняя наша газета... — сказал он наконец.

— Это почему? Уходишь из редколлегии?

Тоня снова взглянула на своего друга и крикнула:

— Павел! На фронт уходишь?..

— Ухожу, Тоня.

Она положила руки на плечи юноше:

— Павлик! Как я понимаю! Я ведь знала, что ты иначе не сможешь...

— А я знал, что ты поймешь, — быстро и обрадованно заговорил Павел, — а все-таки сказать почему-то боялся... Очень уж с матерью трудный разговор был...

— Плачет тетя Даша? — грустно спросила Тоня.

— Конечно... И жаль ее, и не могу иначе. Не могу я спокойно заниматься, когда другие воюют!.. Понимаешь, не могу!

Он вытянул вперед руки, сжал пальцы в кулак, поглядел на них и тихо засмеялся.

— Силы у меня много!.. И вот... — снова смущенно начал он и, помолчав, вдруг решительно поднял голову: — Мне очень важно знать, что ты попрежнему здесь, на нашем прииске, в нашей школе, на той же парте сидишь... Я буду об этом знать, Тоня?

— Ну конечно же! Я стану писать...

И в каждом письме будешь писать, что ждешь меня?

— Да, — твердо ответила Тоня, глядя ему в глаза.

Они вышли из школы, молча дошли до дома Кулагиных. Тоня только теперь начала понимать, как странно почувствует себя без Павла. Никак не удавалось поверить, что его не будет рядом. Пораженная мыслью, которая пришла ей в голову, она остановилась у своей калитки и спросила с тревогой:

— Павлик... а вдруг... вдруг тебя...

— Что ты, Тоня! Этого не может быть! Не знаю уж, почему я так уверен, только этого быть не может!

Павел осторожно приложил теплую Тонину руку к своей холодной щеке.

— Тонюшка, — сказал он с болью, — Тоня!..

— Павлик, ты будь... будь спокоен...

Слезы перехватили голос Тони. Она тихо отняла у Павла руку и вошла в дом.

Это было в начале сорок пятого года. Павел прислал одно письмо с дороги и два с фронта. Больше вестей не было, и розыски не привели ни к чему.

Тоня перебирала в памяти все эти события недавнего прошлого, и ей казалось, что Павлик молчаливо шагает рядом с ней по заснеженным улицам. Она ясно видела его синие глаза под смелыми бровями, смуглые щеки и застенчивую, широкую улыбку.

«А может быть, ты жив, Паша? — подумала она. — Я вот сказку начала про тебя придумывать, про твое детство... А жизнь ведь богаче сказок... Разве мало в ней чудес?»

Тоня завернула за угол и остановилась. От крыльца ее родного дома отъезжали розвальни, и отец вводил кого-то в дом, светя фонариком.

Глава вторая

В жарко натопленной кухне на чистых половиках стояла закутанная женщина и старалась стащить с себя тяжелый полушубок. Отец помогал ей. Матери не было. А на лавке сидела вторая гостья, уже скинувшая шубу. Она подняла голову и улыбнулась Тоне.

— Надежда Георгиевна?!

Тоня радостно бросилась к Надежде Георгиевне Сабуровой, директору приисковой школы.

Незнакомка сняла наконец полушубок, пальто и несколько шалей. Была она невысока, смугла и показалась Тоне очень красивой. Темные глаза ее смотрели робко.

— Ну, отогревайся, Танюша, — сказала Сабурова. — Николай Сергеевич, Тоня, это Татьяна Борисовна Новикова. Она будет преподавать литературу в старших классах.

— Вместо вас? — разочарованно спросила Тоня.

Не раз уж говорила Надежда Георгиевна, что ей трудно совмещать директорство и преподавание старшеклассникам. Значит, добилась смены...

— Я ездила встречать Татьяну Борисовну. Очень она, бедная, прозябла с непривычки к нашим ветрам. Я уж не заезжала к себе. Прямо к вам ее привезла. Жить ведь она у вас будет.

Тоне вспомнился давнишний разговор с матерью о том, что на прииск должна приехать бывшая ученица Надежды Георгиевны и что можно бы сдать ей угловую комнату. Но об этом поговорили и забыли, а эта смуглая женщина получала отсюда письма, собиралась в дорогу, ехала, и вот она уже здесь и будет жить у них в доме...

Николай Сергеевич несколько растерялся:

— Это как хозяйка моя... Такие дела ей решать, я не вмешиваюсь...

— Как решать? — вскрикнула неожиданно звонко Татьяна Борисовна. — Разве вы передумали? Ведь Надежда Георгиевна писала мне, что вы сдать комнату согласны...

— Был такой разговор, да не знаю, может, жена иначе располагает. — Николай Сергеевич развел руками.

Тоня растерянно взглянула на отца. Наступило замешательство.

«Мэ-э-э...» — раздался нежный, жалобный крик за дверьми.

Вошла мать. Она несла в переднике двух мокрых, дрожащих ягнят.

И, как всегда, с появлением матери все стало на место, все сделалось простым и понятным.

— Смотрите-ка, у нас гости! Видно, с добром приехали... — говорила Варвара Степановна. — Знаете примету: коли родится что в доме, когда гость на пороге, — значит, к счастью и для дома и для гостя. Видите, какое прибавление семейства у меня? Объягчилась белая овечка... Сейчас, сейчас я вас устрою, ребятки... К матери нельзя, замерзнете там, — уговаривала она ягнят.

Мать осторожно опустила новорожденных в большую круглую корзину, устланную сеном, накрыла старой отцовской шинелью и прошла к умывальнику. Вымыв руки и повесив на крюк шитое цветами полотенце, она поздоровалась с гостями.

— Как доехали? Застыли, наверно? Как вас величать-то прикажете? Татьяна Борисовна? Комнату показали вам или думают еще? — Она, улыбаясь, покосилась на мужа. — Да что тут думать! Оставайтесь, коли понравится... Умыться не желаете с дороги? Надежда Георгиевна, вы и не думайте уходить. Будем Новый год встречать.

Через час все вещи Татьяны Борисовны были вынуты и разложены по местам. В ее комнате топилась печь. Сабурова, неторопливо двигаясь, помогала приезжей устраиваться.

Тоня накрывала на стол. Свежесть полотняной скатерти, звон посуды, податливость пышного хлеба под ножом всегда радовали ее. Она любила эти маленькие семейные праздники, просветленное лицо отца и легкую озабоченность матери, которая исчезала после того, как Николай Сергеевич и гости похвалят угощение.

Но сегодня ей трудно было попасть в тон чисто убранным комнатам, накрытому столу, празднику, глядевшему из каждого угла. Она ставила на скатерть масленку с твердым желтым маслом, миску с винегретом, похозяйски расставляла тарелки, а на сердце было тяжело. Все думалось о Павлике, который мог бы сегодня тоже встречать первый послевоенный Новый год...

Поймав настороженный взгляд матери, Тоня выпрямилась. Варвара Степановна была такая веселая сегодня, отец за дверью напевал переодеваясь... Нельзя, нельзя портить им праздник!

— Покажи-ка! Хорошо застыло! — громко сказала Тоня и взяла из рук матери глиняное блюдо.

Рыжие кусочки моркови в золотистом жирке холодца были покрыты морозными иголочками.

Николай Сергеевич в белой вышитой рубашке и праздничном пиджаке

вышел из спальни.

— Ну, стол хоть куда! — прогудел он и, подмигнув Тоне, показал ей бутылку запеканки: — Давай штопор, дочка, да усаживай гостей.

Надежда Георгиевна не спеша села за стол. Белая рука ее потянулась с тарелкой к Варваре Степановне. Мать резала пирог большими квадратными кусками. Пирог дышал, и на прожаренной корочке его сладко таяло ледяное масло.

«Как хорошо, что Надежда Георгиевна сегодня с нами! — подумала Тоня. — Вон она какая! Мама правду говорит: степенная».

Сабурова с начала войны директорствовала в школе. Знала ее вся область. Какое-то особенное, деятельное и энергичное спокойствие нравилось в ней людям. Спешки, суеты, того, что отец называл «звоном», не было в ее работе, а дело спорилось. Школа занимала первое место в области.

И Тоне все нравилось в Надежде Георгиевне: тихий голос, медленные движения, седые пушистые, поделенные прямым пробором волосы, ясное, словно тронутое легким загаром лицо и белые руки с яркорозовыми ладонями — признаком сердечной болезни. Так говорила Нина Дубинская, любившая повторять слова своего отца — приискового доктора.

Татьяна Борисовна умылась, пригладила черные прямые волосы, надела шелковое платье. Выглядела она сейчас уже не такой робкой, и Тоне показалось, что гостя с интересом присматривается к хозяевам и к дому.

— Что же, Татьяна Борисовна, недавно учиться кончили? — спросила Варвара Степановна.

— Недавно... Да, совсем недавно...

— Послали вас сюда или своей охотой приехали?

— Нет, я сама захотела.

— Вот видите, Варвара Степановна, какая нынче молодежь пошла! — сказала Сабурова. — Татьяну Борисовну в Москве хотели оставить при институте, а она сюда попросилась.

— Это хорошо... — певуче отозвалась мать. — Хорошо, когда много на себя человек берет... Только силы свои нужно рассчитывать.

— Почему вы думаете, что у меня сил не хватит? — словно обидясь, спросила Татьяна Борисовна.

— Так мне кажется, что вы загрустили. Сомнение, думается, вас взяло, не напрасно ли приехали.

Сабурова, положив вилку, испытующе взглянула на Татьяну Борисовну. Тоня хорошо знала этот пристальный, чуть тяжеловатый взгляд Надежды Георгиевны и поняла, что слова матери как-то затронули старую

учительницу.

«Может быть, в самом деле жалеешь, что приехала? Неужели я ошиблась в тебе?» — поняла Тоня взгляд Сабуровой.

И оттого, что почувствовала она чужую мысль так ясно, ей стало неловко, и сильный румянец выступил на щеках.

Когда же, справившись со смущением, она снова посмотрела на гостью, то увидела, что ее смуглое лицо тоже заалело и взгляд стал мягче.

«То-то! — с маленьким злорадством подумала Тоня. — У нас мать сквозь землю видит».

— Ну-ка, рыбки нашей извольте попробовать, — твердо перевела разговор Варвара Степановна.

— Таймень — рыба знаменитая, — вмешался отец. — У вас в Москве и не пробуют такой. Не может она к вам доехать — нежна очень. А пирожка, Татьяна Борисовна? Вы не смотрите, что тесто темное. Мука-то пшеничная. Сибирская наша пшеничка...

В стенных часах что-то щелкнуло. Николай Сергеевич оборвал разговор и поспешно наполнил рюмки. Все встали. Часы начали бить.

Хозяин задумчиво выслушал двенадцать ударов, суливших новые дела, новые мысли, новые радости и печали в новом, уже пятьдесят шестом в его жизни году.

— С Новым годом, жена и дочка! — сказал он серьезно. — Пусть у тебя, Варвара Степановна, все в доме ладится, а ты, Тоня, чтобы стала студенткой в этом году. Вам, Надежда Георгиевна, желаю, чтобы ваши питомцы — молодые наши граждане — вас утешали. И вы поздравленья примите, Татьяна Борисовна. Варвару мою не слушайте. Какое сомнение она в вас нашла? Коли человек свое дело любит, ему везде хорошо живется. Очень просто.

— У тебя-то все просто, — ласково ответила Варвара Степановна. — С Новым годом, отец!

Все чокнулись, заговорили, и Тоня, у которой румянец так и не сошел с лица, негромко сказала матери:

— За нашу победу во всем, да, мама?

— Правильно! — подхватил Николай Сергеевич, услышав слова дочери. — Великую радость нам всем победа принесла. Хочется, чтобы и работа, и хозяйство, и ученье у тех, кто им занимается, — он кивнул на Тоню, — никак бы не отставали.

— Как мне в день Победы в Москве хотелось быть!.. — сказала Тоня. — Я радио слушала и все представляла себе, что стою на Красной площади, а кругом огни, радость...

Татьяна Борисовна в первый раз внимательно глянула на Тоню.

— Да, салютов московских не забудет тот, кто их видел, — заговорила она. — Помню, бывало идешь вечером домой... еще затемнение не снято было... Идешь и все на небо поглядываешь: будет сегодня салют или нет? И все люди кругом тоже салюта ждут. И вот, как ударит, как взвываются огни!.. Зеленые, красные... Сразу город волшебным станет... Стоим все и смотрим, забудем, что устали, есть хочется, домой нужно... Незнакомые друг с другом говорят, сообщают, какие города взяты нашими войсками...

— А в день Победы?

— Об этом и рассказать невозможно. Тогда в первый раз в небе скрестились цветные лучи — розовые, голубые... и по ним словно огонь перебегают... И все высоко-высоко сошлись. Прожекторы такие работали... А мы как под куполом стоим... И плачем и смеемся...

Черные глаза госты так заблистали, такой свет разлился по смуглому лицу, что Тоня подумала:

«Счастливая, счастливая! Вот она видела такое, что на всю жизнь ей хватит вспоминать...»

Татьяна Борисовна стала спрашивать отца о прошлом прииска.

Николай Сергеевич заговорил о давних временах.

— Золото здесь исстари ведется. Сначала старатели-одиночки искали, потом богач Петрицкий здесь участки приобрел, россыпи начал разрабатывать. А одно время и рудное золото добывали... Вам разница-то понятна? Россыпь — это пески золотоносные... Вот тут у нас, недалеко от поселка, шахты. Добыча идет и промывка... А рудное золото — это золотая жила в камне, в руде. Голец наш видели? На нем шахта работала, Лиственничка... У нее история занятная. Вот как было дело...

Жил здесь мужик Федулов. Бедно жил. Охотой кое-как кормился. А не унывал, всё песни пел... И вот принес он из лесу глухаря большого. Женка рада, давай его ощипывать да суп варить. А зоб глухариный девчоночке младшей поиграть дала. Две дочки у них были... Девочка валяла, валяла по полу зоб этот, да и подходит к матери:

«Мам, глянь-ка, что в зобу-то!»

Мать смотрит — а там вместе с семенами да камешками золотины здоровые!

Подивились они. Назавтра пошел Федулов в то место, где глухаря убил, искать начал... Верно: жила наружу вышла. Заявил он находку, стал хозяином. Да Петрицкий, владелец россыпей, живо его обработал. Купил у него участок по тем временам, говорят, задаром. Ну, для Федулова, конечно, это деньги большие были. Только не впрок ему пошли. Начал он пить и

самодурствовать. Семейю тиранил, жену в телегу запрягал... Так и помер от пьянства. В ту пору простому человеку и с деньгами не было другой дороги, как в кабак.

— Ну, а Петрицкий? — спросила Татьяна Борисовна.

— Петрицкий до самой революции тут распоряжался. Баринoм жил. Вон Надежда Георгиевна — здешняя уроженка, чай, помнит, как он бывало въезжал на прииск.

— Как же, — задумчиво сказала Сабурова, — отлично помню. На одной тройке сам едет, на другой — хор, на третьей — музыканты... В деревне одной я этот поезд встретила. Возвращалась на каникулы домой... Стала тройка Петрицкого перед воротами заезжей избы, а оттуда штуку целую атласа бирюзового выносят и прямо по грязи расстилают, чтобы он пройти мог.

— Интересно как! У вас тут совсем особенный мир, — промолвила Татьяна Борисовна.

— Отец того вам не сказал, — вмешалась Варвара Степановна, с улыбкой глядя на гостью, — что о такой находке жилы на каждом руднике рассказывают. Везде есть свой Федулов и свой глухарь. Только в иных местах он в рябчика обращается, а то в куропатку...

— Ладно, ладно. Что от старых людей слышал, то и говорю... Ты мне лучше подложи капустки, — перебил ее отец.

— Скажите, Николай Сергеевич, — спросила Сабурова, — почему же шахта на гольце, эта самая Лиственничка, перестала работать? Я этой истории не знаю. В те годы не жила здесь.

— Именно полная неожиданность для всех была. Руда шла с очень высоким содержанием золота, с сумасшедшим, как мы, горняки, говорим. Иначе и не скажешь... Хозяин на глазах богател. И вдруг узнаем: добыча оборвалась, жила кончилась, взрывают и заваливают шахту.

— Ну, а россыпи не скудеют? — поинтересовалась приезжая.

— Сейчас скажу, — ответил Николай Сергеевич и продолжал, обращаясь к Сабуровой: — А я до сих пор не верю, Надежда Георгиевна, что в Лиственничке ничего нет. Моя бы воля — откопал бы ее.

— Ну, сел на своего конька! — засмеялась мать.

— Что поделаешь! Может, это стариковская блажь у меня, а нет-нет, и призадумаешься... Вы спрашивали про россыпи, Татьяна Борисовна? Нет, они не скудеют. По окрестным речкам, ключам располагаются... Одни отработаются, другие выявятся. И увеличиваем все время добычу. Да как же иначе? Ведь работа совсем другая стала. Разве прежде так работали? Я сам откатчиком когда-то был. Каторга! Всю смену породу тяжеленными

тачками возишь к подъемнику. Передохнуть нельзя... За день так измучишься, что домой, как пьяный, бредешь. А теперь пожалуйста — транспортеры в шахтах! Широкая лента резиновая бежит по главному стволу и увозит породу... Это такое облегчение! И другие механизмы вводим... Сейчас, я вам скажу, плохо работать нельзя... ну, просто нельзя, грех великий!

Когда речь заходила о переменах на прииске, о новых механизмах. Николай Сергеевич выпрямлялся, морщины на лбу его разглаживались, говорил он громко, уверенно, словно молодец. Тоня ласково смотрела на отца. Очень он ей нравился в такие минуты.

Из-за стола встали поздно. Татьяна Борисовна ушла к себе. Отец засветил фонарик и пошел провожать Надежду Георгиевну. Мать убирала посуду.

Тоня подошла к окну. Ветер совсем утих. Падал медленный снег. Тяжелые хлопья не кружились, а повисев в воздухе, опускались на землю равномерно, непрерывно. Казалось, что за окном идет большая, хорошо налаженная работа.

Тоня засмотрелась. В доме было тихо. Только изредка слабо и скорбно вскрикивал ягненок.

— Снежком-то все прикроет... — вдруг сказала мать, — и горе и радость... Иди-ка спать, доченька.

Глава третья

Светлым и прекрасным был первый день нового года.

Огромные серебряные деревья стояли неподвижно. Наверное, Новый год покрыл их за ночь сахарной глазурью. К утру сахар застыл и солнце заиграло на нем.

День красовался, похожий на расписной, белый с розовым, русский пряник.

Каждая самая крохотная веточка была обведена белой каймой инея. Даже усики пустых колосков, торчащих из-под крыши сарая, покрылись легким сквозным кружевцем.

Тоня вышла во дворик и выпустила из хлева гусей. Вымазанные кормом, грязно-желтые, ослепленные светом, они с громким гоготаньем вышли на улицу, все сразу сели в сугроб и замолкли. Тоня долго смотрела, как они чистились, купая грудь и шею в снегу.

На улице раздался звонкий лай. Во двор шмыгнул, распушив хвост, толстый соседский кот. Ему был известен лаз в крыше кулагинского хлева. Кот повадился воровать у птиц корм и знал время, когда мать высыпала курам теплую мятую картошку.

Он мчался сильными прыжками. За ним бежал лохматый пес Тявка. Высоко подпрыгнув, кот очутился на крыльце, потом на окне. Он вцепился в наличник и на секунду повис, закрыв пушистым пузом стекло и обернув к врагу круглую решительную морду.

Тявка с лаем разбежался, подняв снежный вихрь, зачихал и, сконфузившись, с нарочитой поспешностью ушел со двора. Кот проводил его опытным взглядом, подтянулся на сильных лапах и ушел в свой лаз.

Зимний день играл светом и тенью, и Тоня сосредоточенно всматривалась в эту игру. Солнце, ударяя в крыши домов, оставляло их ярkobелыми. Снега на горах были подцвечены еле уловимой синевой. А в глубоко затененных местах между высокими деревьями, куда лучи не могли проникнуть, лежала густая синь.

Кот спрыгнул с крыши, посидел на крыльце, поджимая то одну, то другую лапу, беззвучно мяукнул и медленно вышел за калитку. На улице он осмотрелся и, аккуратно ступая по узким тропкам, пошел домой. Скоро пышные сугробы скрыли его; был виден только плавно извивающийся кончик хвоста.

Тоня улыбнулась вслед коту. Надо было идти домой, но она медлила.

Сияющий день вселял в нее какую-то взволнованную уверенность, и не хотелось расставаться с этим чувством.

В ранней юности человек доверчиво и внимательно присматривается к природе. Пышный оранжевый закат обещает ему высокую радость, ночной бормочущий дождь пробуждает веселое беспокойство. Круглые тени деревьев в светлую ночь, летающие в лучах фонаря снежинки, легкая весенняя зелень заставляют глубже дышать, настороженнее глядеть на мир, ждать огромного тревожного счастья.

И хоть знала Тоня, что счастье нужно добывать своими руками, умом и сердцем, но велика была над ней власть родной природы. Во все времена года лес, река, горы пробуждали в ней безотчетную радость. И теперь она долго стояла, прислушиваясь к этой радости, пока мать не позвала ее в дом.

Помогая Варваре Степановне по хозяйству, Тоня не переставая думала о том, что ждет ее впереди. Сил у нее много, жизнь должна быть и будет замечательно хорошей.

Татьяна Борисовна с утра ушла к Сабуровой. Отец читал, надев очки в сломанной оправе. Книги он любил нежно, сердился, когда кто-нибудь из Тониных друзей долго не возвращал взятую книжку, и свои редкие свободные часы всегда проводил за чтением.

С шести часов засветились большие окна школы. В домах, где жили школьники трех старших классов, началась веселая суeta. Девушки разглаживали платья, мальчики до изнеможения начищали сапоги.

За Тоней зашла Лиза Моргунова.

— Что же днем в школу не пришла? — спросила она и тут же захохотала: — Старшекласcников набилось — страсть сколько! Уж Надежда Георгиевна говорила: «Товарищи, для кого, собственно, мы елку устраивали?» Всем хотелось поглядеть, как малыши веселятся. Наш Степка благодарил комсомольцев, с речью выступал... Ну, ты готова? Поторапливайся.

Подруги вошли в школьную раздевалку, когда там было уже полно.

Кругом шумели, смеялись... Перед Тоней возникали и исчезали знакомые лица. Некоторых друзей она даже не сразу узнавала — так изменяли их блеск глаз и неудержимая улыбка. Сегодня и воздух в школе стал праздничным; казалось, что вместе с ним вдыхаешь веселье.

Андрейка Мохов, волоча за воротник свое потертое пальто, подошел к подругам.

— Слыхали новость? — спросил он и сощурил круглые коричневые глаза. — Новая учительница литературы приехала.

— Знаем! — отмахнулась Лиза. — Она у Кулагиных жить будет.

— Да-а? — Андрейка значительно взглянул на Тоню. — Ну, теперь придется на литературу налечь... Она тебя строже всех спрашивать будет, чтобы не сказали, что дочке хозяйки своей поблажку дает.

— Чудак! — смеялась Тоня. — Сам смотри не осрамись перед новой учительницей.

Подруги разделись. Зеркала в раздевалке не было, и девушки, не сговариваясь, внимательно оглядели друг друга.

— Все хорошо, боярышня, — сказала Лиза.

«Боярышней» прозвали Тоню за статность, яблочный румянец, тугие косы. Выдумал это прозвище Толя.

— У Тони старинное лицо, — говорил он.

Из большого школьного зала слышался громкий гул. Он то затихал, то нарастал.

Свободных мест уже не было, но когда подруги остановились у дверей, Тоня увидела серьезное лицо Анатолия. Он стоял в проходе, подняв руку.

— Вон Соколов сигнализирует, что три места занял. Беги к нему, а я за кулисы пройду на минутку.

По новенькой деревянной лесенке Тоня поднялась на сцену и мимо полотняной стены прошла в «артистическую», как школьники называли длинную холодную комнату, примыкавшую к сцене. За некрашеными столами сидели «артисты».

— Тоня Кулагина, поди сюда! Пристыди свою подружку. Она совсем духом упала.

Надежда Георгиевна улыбалась, но Тоня видела, что она озабочена.

Женя Каганова в пышном розовом платье сидела у стола. Темные блестящие волосы сбегали крутыми локонами на тонкую шею. В больших глазах был испуг. Казалось, она сейчас заплачет.

Сабурова отошла к Коле Белову. Он никак не мог приладить парик.

Женя протянула к подруге руки:

— Тосенька, я не сыграю!.. Так боюсь, так боюсь...

— Любезная Софья, что я вижу? Где твое мужество?

Петя Таштыпаев в лиловом камзоле и белых кружевах стоял у соседнего зеркала. Тоня едва узнала его. Это был строгий пожилой человек. Снисходительно поглядывал он на Женю.

— Смотри, дядюшка у тебя какой! — заговорила Тоня, стараясь развеселить подругу. — Петру всегда нужно стариков играть... До чего же хорош!

— Тоня! Ты потом... потом с ним поговоришь. Скажи, что мне-то

делать? Я ведь не сыграю... — шептала Женя.

— Да что ты так растерялась? Этак и я слова сказать не смогу — буду бояться, что ты вдруг заревешь и все провалишь! — рассердился Таштыпаев.

— Подожди, Петя, — остановила его Тоня, — дай нам поговорить.

Когда недовольный Таштыпаев отошел, она взяла подругу за плечи:

— Ну, говори, что с тобой?

— Мама... Опять маме плохо. Вчера я пришла из школы вечером — у нее приступ. Всю ночь мучилась.

— Так ты и не спала, значит?

— Почти не спала. Да это пустяки. Только страшно мне очень. Главное, папа так теряется... уйдет в другую комнату, руками голову обхватит... Не могу!..

— А как сейчас?

— Сейчас ничего... успокоилась, заснула. Нинушин папа был, укол сделал.

— Трудно тебе, конечно. Только изо всех сил нужно держаться. Понимаешь?

— Я понимаю... Я, перед тем как сюда идти, слово себе дала не распускаться. А пришла — чувствую, не могу играть... Этот свет... веселье, все такие нарядные, счастливые...

— По-твоему, все, да? Больше ни у кого горя нет? — обиженно, совсем по-детски спросила Тоня и отвела глаза в сторону.

— Ах, нет, Тося, я не говорю про тебя. Я знаю... Но ты сильная.

— И ты будь сильной! — шопотом сказала Тоня, и потемневшие глаза ее засияли.

— Да! Если бы уметь!.. А мне кажется, будь я на твоём месте — потеряй я близкого друга... ну, хоть тебя... я бы ни есть, ни пить не стала, учиться бы не смогла...

— Полно, полно! Значит, ты только тогда человеком можешь быть, когда все благополучно? Ты сама еще себя не знаешь, если так говоришь.

Тоня помолчала и заговорила снова:

— Ты, может быть, думаешь: «Вот, мать больна, а я должна в забавах участвовать». Это не забава... это дело общественное. К вечеру вся школа готовилась, Надежда Георгиевна сколько сил положила. Нельзя срывать... Не думай, что я не понимаю. Только в жизни случается и хуже. Мы еще не испытали, но случается. А там, где фашисты были? Могло ведь так получиться, что мать больна, отец неизвестно где, и кругом враги... И самой тебе нужно больную оставить да на смертельно опасное дело идти...

Сабурова подошла неслышно, и девушки вздрогнули, когда она заговорила:

— Женя, приготовься. Тоня, пожелай успеха подруге и иди в зал. Сейчас начнем.

Надежда Георгиевна словно подвела черту под их разговором. В голосе, во взгляде ее была спокойная уверенность в том, что Женя будет играть, и сыграет хорошо, и что Тоня сказала подруге те слова, которые были нужны.

И кроткая Женя подчинилась этой уверенности. Она поднялась, готовая исполнить все, что от нее требуется.

Когда Тоня заняла свое место между Толей и Лизой, она была еще немного бледна, и лицо ее казалось суровым.

Так с ней часто случалось. От мысли, которая представлялась ей важной и правильной, она становилась строгой, молчаливой, будто решала какую-то трудную задачу.

Прозвенел звонок, сцену осветили, а в зале убавили свет, и Надежда Георгиевна появилась у рамп.

Она поздравила своих учеников с Новым годом, пожелала им удачи и назвала имена тех, кто в первом полугодии радовал своими успехами школу.

Услышав имя и фамилию Антонины Кулагиной, Толя покосился на свою соседку и увидел, как Тоня откровенно и ясно улыбнулась.

— С золотой медалью хочешь кончать? — спросил он тихонько.

— Если смогу, — прошептала Тоня.

Сабурова говорила о будущей учебе, о том, что выпускному классу надо особенно хорошо работать. Она была уверена, что ее ученики хорошо понимают, для каких больших дел готовит их школа, и не обманут доверия родины.

— Как вы думаете, почему ее все так любят? — спросил Толя, когда в зале уже громко хлопали, а Надежда Георгиевна, улыбаясь, неторопливо уходила со сцены.

— Ну и глупый вопрос! — отрезала Лиза, тряхнув тяжелыми кудрями. — Очень просто: потому, что она добрая.

— А что значит «добрая»? — возразил Анатолий. — Ведь когда ты урока не знаешь, она тебе тройку вместо двойки не поставит. И когда в классе себя плохо ведешь, тоже не спустит. Один раз мне так попало, что только держись... — Он улыбнулся своему воспоминанию и решительно сказал: — Нет, не в этом дело. Ее любят потому, что она нам доверяет.

— Ты умница, Анатолий! — живо обернулась к нему Тоня. — Даже

когда она пробирается, недовольна — чувствуется, что на непорядочный, нечестный поступок не считает нас способными.

На сцену вышел Андрей Мохов, председатель драматического кружка, и объявил, что представлена будет комедия Фонвизина «Недоросль». Он назвал действующих лиц и, взглянув на свои ноги, замолчал. Андрейка был в подшитых валенках, и это портило ему настроение.

В зале послышались смешки. Мохов сокрушенно вздохнул и скомандовал:

— Давайте занавес!

Комедия была разучена назубок и шла без суфлера. Декорации писал секретарь комсомольской организации и лучший художник школы Илларион Рогальский. Розовые полосатые обои с веночками и стенные часы он изобразил превосходно. На сцене стояли знакомые всем бюро, круглый стол и кресла Надежды Георгиевны.

Лена Баранова, добродушная кругленькая девятиклассница оказалась очень хорошей Простаковой. Она яростно накидывалась на мужа и брата, защищая Митрофанушку. Коля Белов — Митрофан мешковато двигался, перед тем как сказать что-нибудь — слегка задумывался, а когда поворачивал к зрителям румяное недоумевающее лицо с высоко наведенными бровями, невозможно было не смеяться.

Вся тревога Тони за подругу пропала, едва Женя вышла на сцену. Сначала ее голос звучал неуверенно, но это было правдиво и хорошо: ведь Софья должна была бояться Простаковой. А когда появился величавый и справедливый Стародум, Софья совсем ободрилась и стала даже улыбаться.

Зрители очень сочувствовали Софье. Огромная тетка Матрена Филимонова сказала довольно громко:

— Вот что делается! Со свету девчонку сживают...

Пьеса прошла гладко. Простакова убивалась о сыне, счастливая Софья тихо шепталась с Милоном, и наконец прозвучали заключительные слова: «Вот злонравия достойные плоды!»

Школьники хлопали так, что приводили в смущение родителей. Актеры выходили на вызовы раз десять.

Еще не кончились рукоплескания, как со своего места встал мастер Кротков с прииска Добрый и попросил актеров, чтобы «Недоросль» был показан у них на прииске. У мастера был довольный и усталый вид. Его сын, восьмиклассник Севка, играл Вральмана. Дома он без конца читал комедию вслух. Мастер знал роль сына наизусть и весь спектакль шопотом твердил слова, которые должен был произносить Севка. Он боялся, что сын что-нибудь забудет.

Артистов продолжали вызывать, но мальчики уже начали выносить стулья из зала. Молодежь хотела танцевать.

Женя, скинувшая пышный розовый наряд, в своем простом светленьком платье вошла в зал, когда там было уже просторно и оркестр восьмиклассников на сцене настраивал инструменты.

— Ну, Евгения, тебе прямая дорога в театральное училище! — торопливо сыпала словами Лиза. — До чего замечательно сыграла!.. И голос и походка — все как у актрисы...

Женя улыбалась кротко и застенчиво и взглядом спрашивала Тоню: «Ну как?»

«Хорошо, молодец! Я не думала, что ты так сможешь!» — отвечали ей Тонины глаза.

Подруги стояли посередине зала. Все поздравляли Женю, хвалили ее, и она радостно смотрела на своих друзей: кудрявую суматошную Лизу, беленькую невозмутимую Нину и Тоню, чья похвала была для Жени особенно дорога. И Анатолий, который дружил только с Тоней, а с другими девочками держался вежливо и безразлично, сегодня подошел к ней. Улыбка его была приветливой, и он сказал, что получил большое удовольствие от ее игры.

Подошли ребята из восьмого и девятого классов, тоже довольные игрой своих актеров.

— Ну, вы совсем Женю захвалили! — крикнул Митя Бытотов. — А про нашу Баранову почему ничего не говорите?

— И про Вральмана! Разве плох был Севка?

— Как не говорим! Просто не успели еще! Вральман — умора!

— А Лена Баранова — чудо природы! — провозгласил Андрей Мохов. — В жизни воды не замутит, а какую ведьму Простакову ухитрилась сыграть!

— Вот это-то и значит талант!

Вдруг Тоня молча кинулась к дверям. Женя побледнела и стал протискиваться вслед за подругой.

В дверях стоял ее отец.

— Михаил Максимович, что у вас? — тревожно спросила Тоня. — Женя вас еще не видела. Она испугается...

Но Женя уже сама схватила отца за рукав. Она ни о чем не спрашивала, только смотрела на него.

— Нет, нет, Женечка, не волнуйся. Маме лучше. Сейчас с ней доктор Дубинский... Она даже уговорила меня пойти узнать, как ты тут... Жалко, что не смог я поглядеть на тебя.

— Замечательно играла Женя! Прелесть! Как жаль, что вы не видели! — закричали кругом. Перед Михаилом Максимовичем стояла его взрослая красивая дочь. Лицо ее порозовело и казалось чуть влажным от плохо стертого вазелина. В темных глазах еще не исчезло выражение тревоги, вызванной появлением отца. Кругом толпились ее друзья. Михаил Максимович был растроган, ему хотелось обнять дочку и сказать ей, как он говорил, когда она в детстве, наплакавшись, затихала у него на коленях: «Все будет хорошо, девочка, все будет у нас ладно, маленькая. Ну, тихо, тихо..

Забыв на минуту, что они на людях, Михаил Максимович действительно легонько обнял Женю. А в эту минуту прозвучали первые такты вальса, и девушка поняла жест отца как приглашение к танцу.

— Ты хочешь танцевать? — спросила она удивленно. — Один вальс, да? А потом домой, к маме. Музыка окрепла, разлилась широкими волнами и унесла с собой Женю и ее отца. За ними закружились и другие.

— Смотрите, смотрите, Михаил Максимович как сразу помолодел! — говорила Лиза. — Рад за Евгению. Знаете, я слыхала, что он сам когда-то хотел стать артистом.

— Вот инженер-то наш, оказывается, какой танцор! — услышала Тоня голос Николая Сергеевича.

Она обернулась. Отец и Варвара Степановна стояли за ней и смотрели на танцы.

Отец никогда не пропускал школьных праздников, дома подробно обсуждал все выступления, негодовал и сердился, если что-нибудь не ладилось. Как-то раз он даже ходил к директору и убеждал Надежду Георгиевну, что Андрею Мохову нельзя поручать роли военных:

— Все время на погоны свои да на ордена любит, а слова забывает.

Взглянув на Николая Сергеевича, Тоня поняла, что сегодня он спектаклем доволен.

Мелодия становилась все шире и вольней. Она шумела, как ветер, что срывает и кружит цветы, листья и ветви.

Тоня глядела на танцующих, и в сердце ее опять нарастало глухое, томящее беспокойство. Какое-то решение зрело в ней. Она еще не знала какое, но что-то надо было сделать немедленно.

— Ну, всех сегодня отец с дочкой покорили, — сказала Варвара Степановна и прибавила тише: — Не надышится он на Женечку. И правда, девушка хорошая. Только здоровьем слабенькая, в мать... Да, растишь, растишь... вымахают вон какие, — она кивнула в сторону Тони, — а все за них сердце болит.

Рядом стояли родители Лизы — седая, с круглым морщинистым лицом Анна Прохоровна и Панкрат Васильевич, до того тихий человек, что все удивлялись: как это Лиза и Степа получились такими шумными и беспокойными? Анна Прохоровна часто-часто закивала, а Панкрат Васильевич подтвердил:

— Это ты, Степановна, верно. Малы, велики — все одно родителям тревога...

Тоня хотела что-то сказать, но к ней стремительно подлетела танцующая пара — Нина и Толя. Спокойная, всегда несколько вялая Нина громко смеялась.

— Понимаешь, думала, что каблук отскочил, — говорила она. — Слышу, что-то треснуло, зацепилась — там выбоинка в полу. А он не слушает — все вперед мчится. Чуть на Петра Петровича не налетел... Ой, не могу, не отдышусь никак...

Нине было смешно и то, что каблук чуть не сломался, и что она так запыхалась, и что Толя мчался вперед, не слушая ее. Увидев невдалеке Лизу, она кинулась к ней и опять начала рассказывать о каблуке и смеяться.

Тоня и Толя поглядели друг на друга и тоже засмеялись.

— А ты хочешь танцевать? — спросил Толя.

— Нет, не хочу. Я хочу...

И Тоня вдруг так ясно поняла, чего она хотела весь день сегодня и весь вечер, точно кто — то внятно шепнул ей на ухо: «Да, сделай это».

— Я знаю! — быстро сказал Толя.

— Ну, скажи...

— Ты хочешь пойти сейчас в Белый Лог.

— Да... — немного растерянно произнесла Тоня. — Как ты узнал?

— Пойдем!

— Зачем же... Как же ты уйдешь? Я не хочу, чтобы из-за меня ты праздника лишился. Такой вечер раз в году бывает...

— Пойдем! — повторил Толя.

И Тоня почувствовала, что обидит его отказом, что вечер, который бывает раз в году, покажется ему испорченным, если она уйдет одна.

— Ну хорошо. Я только маме скажу, чтобы не дожидалась меня.

Тоня шепнула матери, что хочет пойти прогуляться, и Варвара Степановна не спросила ее, с кем она идет и куда, а сказала только:

— Платком покройся. Холодно.

Когда они выходили из зала, музыка стала затихать. Прекратился широкий, торжествующий шум ветра, и последние разрозненные звуки медленно реяли, как сухие листья с завернувшимися краями.

Тоня сбежала с лестницы, в раздевалке выхватила шубу из рук Анатолия, кое-как повязалась платком.

— Идем же скорее!

Толя, застегивая полушубок, спешил за ней. В тамбуре они столкнулись с какими-то людьми. Тоня не обратила на них внимания, но Анатолий на секунду задержался, взглянув на высокого человека в дохе. Он хотел даже заговорить с этим человеком и дотронулся до его рукава, но тот не заметил робкого жеста и, громко разговаривая со своим спутником, вошел в школу.

Тоня позвала товарища, и он кинулся догонять ее, но оживление юноши пропало, и тень легла на его лицо.

Глава четвертая

Тоня молчала. Так величава была широта и тишина ночи, с такой огромной высоты светила холодная луна, что говорить не хотелось.

Они прошли мимо клуба, мимо заборов и спящих домов. Наезженная дорога четко виднелась на снегу. Она вывела Тоню и Толю из котловины, где стоял поселок, нырнула вниз, а когда выпрямилась снова, огни прииска спрятались за горой.

Анатолий еле поспевал за Тоней. А ей все казалось, что они идут слишком медленно.

— Смотри, — сказала она обернувшись, — дорога бежит, правда?

— Бежит.

— А луна?

— И луна бежит. Да как быстро!

— Побежим и мы!

Они побежали, и белые холмы за обочинами двинулись навстречу им.

Тоня легко неслась вперед, Анатолий держался сзади. Он забыл неприятное впечатление от встречи с человеком в дохе. Радость наполняла его сердце. Казалось ему, что лучше ничего не было в его жизни, чем этот бег под высокой луной по снежной дороге за милой девушкой.

У леса Тоня остановилась и, споткнувшись, чуть не упала. Толя поддержал ее:

— Устала ты. Посиди, отдышись немного.

Он подвел Тоню к большому, заметенному снегом пню.

— Сейчас снег смахну... Теперь садись.

Они отдыхали недолго и вступили в лес. Здесь было темнее. Деревья жались друг к другу по сторонам дороги. Большие ветви их были недвижны, словно не могли пошевелиться под снежным грузом.

— Ты не боишься? — спросил Толя.

— Конечно, нет! А ты? Может быть, тебе страшно?

Тоня быстро взглянула на спутника. Не обиделся ли он? Нет, Анатолий улыбался.

— Мне-то стыдно было бы бояться. А я вот подумал, что какая-нибудь столичная девушка здорово струхнула бы. Лес тут у вас серьезный!

— Тайга! Ты в Ленинграде, наверно, только в книгах про нее читал.

— Читал, конечно... И я рад, Тоня, что увидел ее своими глазами!

— Рад! Ты еще тайги по-настоящему не знаешь! Тут ведь заблудиться

ничего не стоит. Один мальчишка неделю блуждал. Он медведицу видел. На землю лег, она его обнюхала и не тронула. В Шабраки весь голый пришел, так ободрался в тайге... Здесь только такие, как Ион, ходят — не боятся.

— Это кто — Ион?

— Старик-хакас, охотник.

— Тот, что в школу приходил к Надежде Георгиевне?

— Он самый.

— Он и тебя знает. Еще сердился, что ты давно у них не была.

— Да... С осени не была в этих краях.

Тоня опять умолкла, и Анатолий не начинал разговора. С пол часа еще шли они лесом, потом поднялись на крутой холм и увидели деревню. Она чернела в логу между горами. Редкие огни слабо светились в окнах.

Тоня снова заторопилась. Они спустились с холма, прошли мостик и свернули с пустынной главной улицы в тупичок.

Домишко приютился около трех огромных елок. В палисаднике стили оголенные кусты.

Тоня толкнула калитку, вошла во двор и приникла к окошку.

— Не спят, — сказала она почему-то шопотом. — Свет есть. Пойдем.

Они остановились в темных сенях. Из избы слышалось бормотанье. Голос был детский. Ребенок не то напевал, не то читал по складам.

Тоня решительно застучала в дверь. Бормотанье оборвалось.

Что-то загремело, и женщина спросила из-за двери громко и тревожно:

— Кто там?

— Тетя Даша, откройте. Это я, Тоня.

Дверь открылась. Тоня и Толя вошли. В комнате было полутемно, а от густого пара, что ворвался с ними из сеней, и вовсе ничего не стало видно.

— Что это ты выбралась в такую пору? Да еще в праздник! У вас там, небось, гуляют сегодня... А у нас веселье плохое. Видишь?

Женщина говорила неласково и повела вокруг себя рукой с раздражением, точно хотела сказать: «Вот, любуйся».

Была она худа, лицо казалось усталым, и темные глаза смотрели отчужденно.

Тоня огляделась. В комнате пахло дымом. На столе светила коптилка. Маленький белоголовый мальчик, повязанный крест-накрест платком, сидел на табуретке. Он испуганно глядел на Тоню.

— Вот как теперь живем, — сказала женщина и неожиданно не то всхлипнула, не то простонала. Анатолию показалось, что она сию минуту заплачет, заголосит, начнет плакать и Тоня, а за ними зальется белоголовый

мальчишка. Юноша так растерялся, что сделал шаг к двери.

«Я лучше подожду во дворе...» — хотел он сказать, но Тоня заговорила вдруг оживленно и быстро:

— Соскучилась я, тетя Даша, вот и пришла. Извини, коли не вовремя. А вот Анатолий Соколов. Из нашей школы. Слыхала, наверно? Доктора Соколовой сын... Что это у вас дымно? Печка не в порядке? А свет почему не горит?... Алеша, ты меня боишься, что ли? Давай здороваться.

Говоря все это, Тоня разделась, повесила шубу на гвоздь и, обняв тетю Дашу за плечи, подвела ее к столу. Толе показалось, что сейчас она очень похожа на свою мать, Варвару Степановну.

— Раздевайся и ты, Анатолий. А мы ведь из школы, тетя Даша. Вечер у нас. Алеша-то здоров? Что же он ко мне не подойдет? Ты не узнал меня, да?

— Не узнал, — тихо сказал Алеша.

— Будет болтать-то! — сурово прикрикнула тетя Даша. — Скажет тоже! Тоню не узнал!.. Не видел он тебя давно, отвык.

— Ты песню пел, Алеша, когда мы пришли? Я из сеней слышала.

— Песню, — так же тихо ответил мальчик.

— Ну, спой нам. Мы послушаем.

Алеша помотал головой, молча слез с табуретки и подошел к Тоне.

— Ну, иди ко мне, посидим вместе.

Тоня взяла мальчика на руки. Он прислонился к ее плечу и сидел неподвижно, глядя в упор на Анатолия большими светлыми глазами.

А Тоня не смолкала ни на минуту. Она передавала тете Даше приветы от отца и матери, рассказывала о спектакле, о школьных делах.

Тетя Даша слушала молча. Постепенно лицо ее прояснилось, взгляд потеплел, и стало видно, что она добрая, даже робкая женщина, а сердится только от усталости и заботы.

— Хороша ты, Тонюшка! — вздохнув, сказала она. — Еще лучше стала... Ну, спасибо, что пришла. Я думала, вовсе забыла про нас. Да что же я... Самоварчик надо поставить.

— Не нужно, тетя Даша, не хлопочи.

— Налит он уж, налит. И уголь есть и лучина.

— Ну, так давайте, тетя Даша, я самоваром займусь, а вы с Тоней побеседуйте, — предложил Толя.

— Что ты, молодой человек! Разве сумеешь?

— А вот сейчас увидите!

Анатолий так умело и ловко захлопотал возле самовара, что тетя Даша скоро перестала тревожно следить за ним и опять обернулась к Тоне. Мало-

помалу она рассказала о своем житье. Дров у нее много, а в избе холодно потому, что печка дымит. И с чего дымить стала, непонятно. Все время топились хорошо. Надо бы позвать кого-нибудь переложить, да руки не доходят. Работает она попрежнему на колхозной лисоферме, и работы много.

— Да-да, помню, ты мне говорила. Много зверей у тебя?

— Десять лисоматок и пятнадцать молодых.

— Ну, и как управляетесь? Беспокойные, наверно, питомцы? — спросил заинтересованный Соколов.

— Привыкла... Я когда пришла, лисята хилые были, взъерошенные, ноги кривые у них. Неумелые люди ухаживали. Ни домиков не было, ни корма настоящего. Сидели в темном сарае. Гляжу бывало на них и плачу. Ну, думаю, все погибнут... А тут заведующий новый прибыл. Знающий человек. Настроили мы лисам домишек, заплотом^[4] высоким их огородили, спокойней им стало. А то ведь они шума боятся, собак боятся, людей чужих тоже. С мухами я начала бороться, убирать чаще. Мухи их донимали, да и заразу заносили всякую. Теперь такие сытые, гладкие лисы — красота! Меня знают!..

Тетя Даша оживилась, даже улыбка показалась у нее на лице.

— А кормишь чем?

— Целая кухня, Тонюшка. И мясо им нужно обязательно, и отруби едят, и овощ. Картошку даем осторожно. От нее шерстка блеск теряет. А вот от турнепса мех густой, блестящий делается...

— Интересно! Ну ладно, про лисят успеем. Ты скажи, почему Алеша такой бледный, света почему нет?

— Алешка у меня болел долго. До сих пор в садик не ходит. А свету у нас с осени нет. Вот как ты была последний раз, на Октябрьскую, кажется, тогда и выключили. Говорят: временно, на зимние месяцы. Сейчас весь свет к вам на Таежный идет. Вот керосину надо бы добыть, да так уж...

Тетя Даша заметила испытующий, недоверчивый взгляд Тони и быстро дотронулась сухой, жесткой рукой до руки девушки:

— Ты, небось, думаешь, Тонюшка: и есть им нечего, и холод у них... А я прямо скажу: трудно, конечно... Кому сейчас не трудно! Ведь какая война прошла... Но голодные не сидим. Хлеба хватает, картошка есть, из садика обед хороший на Алешу получаю... Мне бы только самой в силу войти... А я, поверишь, на ферме работаю, и дело неплохо идет, забываю беду свою как-то... а приду домой — ничего не могу. Сижу, гляжу в угол, о чем думаю, и сама не знаю...

Анатолий ждал, что Тоня сейчас скажет тете Даше какие-то ласковые

слова, начнет ее утешать, но его подруга сурово спросила:

— Запустила ты дом, тетя Даша? Скажи правду.

— Ох, запустила, Тонюшка!.. Сама знаю. Если бы поговорила с председателем, наверняка наладили бы мне печку и керосину бы дали... Только тяжко людей просить, когда раньше свой работник был, да какой... Сам всегда людям помогал.

Тоня слушала, сдвинув брови.

— Самовар готов! — объявил Анатолий.

Все сели к столу. Толя исправил копилку, она загорелась ярче. Тоня стала рассказывать тете Даше про приезд новой учительницы, про то, что Николай Сергеевич получил премию к Новому году.

Чаепитие началось очень мирно и так же мирно и кончилось бы, если бы не Алеша.

Мальчик раздумялся и повеселел. Отодвинув от себя пустое блюдечко, он несколько раз лукаво взглядывал на Тоню, потом, потянувшись к ее лицу, громко зашептал на ухо:

— Я тебя узнал. Это я нарочно сказал, что не узнал...

— А что же смотрел на меня, как на чужую тетку?

— Не... не на чужую... Я подумал — может быть, это Павлик с тобой пришел...

У Тони опять сдвинулись брови, а тетя Даша заплакала. Лицо ее, не изменившее выражения, оказалось сразу залитым слезами. Всклипывая, она шептала:

— Ой, Павлушенька... Павлик... Ой, Павлик, сынок.

Тоня быстро спустила Алешу на пол и подошла к плачущей матери:

— Тетя Даша...

Но та не слушала.

— Павлик! Ой, где же ты, Павлик... — Она схватила Тоню за руки: — Ведь нету ничего... Ничего нету с тех пор... Никакой вести... Значит, не ждать уж больше? Не ждать?

— Я жду. Жду, тетя Даша, и вам надо ждать... Будут вести. А сейчас не плачьте, не надо пугать Алешу... — Тоня крепко сжала худые плечи женщины, посмотрела ей в глаза. — Полно, тетя Даша, полно!

— Ма-ам! Не надо! — протянул Алеша, дергая мать за платье.

Дарья Ивановна взглянула на сына и не то что успокоилась, но каким-то привычным усилием сдержала слезы:

— Не буду, Алешенька, не буду!..

— Спать ему пора! — решительно сказала Тоня. — Укладывайте его, тетя Даша, а мы пойдем.

Она сняла с гвоздя шубу, быстро оделась и подошла к Алеше:

— Ну, будь здоров, милый. Приходи с мамой к нам.

Мальчик неуверенно кивнул головой.

Тетя Даша, еще всхлипывая, прислонилась к дверному косяку и дружелюбно глядела на Тоню:

— Не знаю, выберусь ли на Таежный, Тонюшка... Ты сама-то не забывай.

— Да-да. Я приду к вам, я скоро приду. А вы не хворайте тут.

Ночь и снег и далекая луна опять молчаливо встретили Тоню и Толю и повели их из печального дома.

Тоня шла опустив голову и только около леса глухо сказала:

— Соврала я ей.

— В чем соврала, Тоня?

— Что ждать надо. Нечего себя обманывать. Ничего не будет...

Тоня подняла голову. Анатолий увидел ее освещенное луной лицо и удивился, поймав в глазах, всегда спокойных и ясных, то же тоскливое выражение, что в темных, запавших глазах тети Даши.

— Конечно, ей неважно живет. Она только говорить не хочет. А я не была у нее столько времени... Эх!..

— Ладно, Тоня. Что же говорить о том, чего поправить нельзя! Теперь надо подумать, как ей помочь. Я с ребятами потолкую.

— Да-да, непременно!

Тоня вздохнула, продела свою руку под руку Анатолия и, крепко ухватившись за рукав его полушубка, пошла с ним в ногу.

«Намаялась... — подумал Соколов. — И болтовня эта не даром ей далась... Надо о чем-нибудь другом с ней заговорить».

И тут же неожиданно для себя спросил:

— Тоня, а ты очень... дружила с Павлом? Ты прости, что я спрашиваю.

Но Тоня взглянула на него доверчиво и прямо:

— Ничего... Я с тобой сегодня говорить могу. Раньше и не подумала бы, а сегодня могу. Может быть, потому, что ты пошел со мной... Да, я очень любила Павлика.

Тоня пристально смотрела на дорогу и шагала все так же в ногу с Анатолием.

— Слово-то уж очень большое, — опять заговорила она. — Самой себе и то трудно его сказать. Но что же скрывать... Думаю о Павлике постоянно. Ни с кем мне так легко и интересно не было.

— Значит, тоскуешь? Мне вот... — Анатолий замялся, — Всегда хочется, чтобы ты была счастливой.

— А я счастливая! — горячо сказала Тоня.

— Как же так?..

— Вот так. Я счастливая. Разве ты не видишь? Я как себя помню, счастье всегда со мной. Павлик — это мое личное, понимаешь? Я о нем очень грущу, только общего-то это не меняет. Не умею сказать, но ты меня' пожалуйста, несчастной не считай. И не хочу, чтобы меня жалели, и неверно будет.

Она снова помолчала.

— Ты Павлика мало знал.

— Мало, да. Маму сюда в сорок четвертом перевели, летом. Осенью я со всеми вами в школе познакомился, а ушел Заварухин...

— В начале января. Как раз год назад.

— Г оворят, вы с детства дружили?

— С пяти лет... Жили близко друг от друга. А когда у нас на Таежном открылся детский сад, мама меня туда привела и спрашивает: «Ну, Тоня, с кем из ребятшек дружить будешь?» Я показала на Павлика и говорю: «С ним, с кем же еще!»

— А потом?

— Потом вместе в школу поступали, сели за одну парту. И так до конца, пока он не ушел.

Они опять замолчали. Глядя на неподвижные косматые деревья, Тоня живо вспомнила, как ходила с Павлом на прииск Добрый к матери раненого бойца. И вот сейчас опять идет она по зимнему лесу, но другой человек рядом с ней, и нет у нее вести, которая могла бы обрадовать.

Девушка растерянно посмотрела на Анатолия:

— Ты что-то сказал?

— Я спросил: неужели вы ни разу не поссорились?

— Ну, как же! — Она с сокрушением покачала головой. — Иной раз крепко ссорились. Я ведь в отца — нелегкий характер! Только это дела не меняло.

— А... как Павел?.. Он тебе говорил когда-нибудь?

— Нет, никогда, я и так знала.

— И теперь не жаль?

— Что не сказал? — переспросила Тоня, думая, что Павел, в сущности, не сказал ей ничего перед отъездом. — Вот именно, очень жаль, очень. Хотя я и знала, а так жалею, что не услышала от него самого! И поэтому я ни от кого другого этих слов слышать не хочу.

— Никогда? — Анатолий даже остановился на минуту. — Но так ведь не бывает, Тоня. Это тебе сейчас кажется, а потом...

— Не знаю, что будет потом, — отрезала Тоня, — а сейчас не могу и не хочу ничего такого знать... Ты это учти, — прибавила она тихо.

— Не беспокойся, — сразу похолодевшим голосом откликнулся Анатолий, — запомню.

Они, не сговариваясь, ускорили шаг.

Тоня уже стыдилась своей откровенности, и последние слова показались ей излишне резкими, а Толя вдруг почувствовал, что очень устал и от далекой прогулки и от разговора.

Взглянув на окна Кагановых, Тоня сказала, как бы про себя:

— Женечка не спит. Рассказывает маме про свой успех.

— Ох, Тоня! — спохватился Анатолий. — Боюсь, что не потому у них свет горит.

— А почему?

— Ты не заметила, а когда мы выходили из школы, нам встретился доктор Дубинский. Он шел с помощником Михаила Максимовича, Кирюшиным... И доктор сказал: «Бывают же такие неожиданные ухудшения. А всего час назад она совсем прилично себя чувствовала». Боюсь, что Женина мама...

И ты мне ничего не сказал? — с укором крикнула Тоня и бросилась к дому подруги.

Глава пятая

«Плохие вести не лежат на месте», — говорит пословица.

Весть о смерти Жениной матери ворвалась в школу, смяла и потушила праздник. Всех затронуло горе Кагановых. На прииске их любили. Михаила Максимовича — за справедливость, Женю и ее мать — за кротость и радушие. Маленькая семья Кагановых жила дружно, родители и дочь всегда относились друг к другу с неослабевающим вниманием и лаской. И это нравилось людям, даже тем, кто привык выражать свои чувства проще и скупее.

Особенно взволновалась Анна Прохоровна Моргунова.

— Вот несчастье, вот несчастье, Надежда Георгиевна! — твердила она, подойдя к Сабуровой. — Совсем сердце упало... Беда-то какая! Пойдем домой, Лиза. Кулагины тоже уходят... Николай Сергеевич аж побледнел весь. Очень за своего инженера огорчается...

Анна Прохоровна вышла из зала, вздыхая и покачивая головой. Притихшая Лиза шла за ней.

Обычно ей, шумливой и грубоватой, ничего не стоило оборвать мать, не ответить на вопрос или проворчать что-то сквозь зубы. Это делалось не от нелюбви, а от небрежного отношения к близкому человеку, с которым, казалось, можно не считаться. Но сегодня Лиза вела домой Анну Прохоровну, бережно поддерживая и поправляя ее сползший платок. Мысль о Женином несчастье наполнила Лизу тревогой и раздумьем.

За Кулагиными и Моргуновыми поспешно стали расходиться и другие. Сабурова разыскала Татьяну Борисовну. Молодая учительница сидела одна в углу зала. Лицо ее показалось Надежде Георгиевне растерянным.

— Наконец-то вы! Долго думаете тут оставаться?

— Случилось несчастье, Таня. Умерла прекрасная женщина, мать Жени Кагановой, твоей будущей ученицы. Мне нужно пойти туда. Если хочешь, возьми ключ, отправляйся ко мне и жди. Сегодня и ночевать у меня оставайся.

Квартира Кагановых встретила Сабурову тяжелой тишиной. Михаил Максимович молча шагал по комнате. Иногда он останавливался возле дочери, словно собираясь заговорить с ней, но, так и не собравшись, снова начинал шагать. За ним следил добрыми тревожными глазами его помощник, инженер Кирюшин.

Женя сидела в большом кожаном кресле и казалась в нем очень

маленькой. Ее трясло мелкой, нервной дрожью.

— Надежда Георгиевна? — удивленно, как бы едва узнавая учительницу, прошептала девушка. — Вы знаете — мама умерла...

В огромных и пустых глазах ее мелькнуло какое-то ожидание. Вдруг Сабурова сейчас улыбнется, скажет, что все это неправда, бред... мама жива и зовет Женю.

Но Надежда Георгиевна сказала другие, страшные слова:

— Да, знаю, знаю, Женечка.

Что могла принести осиротевшей девушке, что могла сейчас сделать для нее старая учительница? Только накинуть на ее плечи шаль и взять в свои теплые руки холодную руку Жени.

Но велика в юном сердце вера в того, кто часто приходил на помощь и действительно помогал и утешал. Бессознательно Женя ждала какого-то чуда от Надежды Георгиевны. И слова учительницы новым отчаянием легли на ее сердце. Она сидела холодная, застывшая, по временам со страхом взглядывала на Сабурову, будто просыпаясь, и опять шептала:

— Надежда Георгиевна, вы знаете — мама умерла...

Выйдя в соседнюю комнату, Сабурова постояла там минуту. Мертвое лицо было спокойно. Тонкие брови приподнялись, губы застыли в слабой улыбке.

Вернувшись к Жене, Сабурова заметила ее вопрошающий взгляд, будто девушка ждала, что ей сообщат что-то новое о матери. Нет. Больше никаких вестей не будет.

Надежда Георгиевна не знала, сколько времени она просидела рядом с Женей. Вероятно, прошли часы. Все так же ходил из угла в угол Михаил Максимович, так же молчала и вздрагивала его дочь. Сабурова очнулась, лишь когда в дверь сильно постучали и в комнату вошла Тоня.

Иней лежал на ее ресницах и рассыпавшихся волосах, лицо алело от мороза. Она показалась Сабуровой большой и сильной рядом с маленькой, неподвижной Женей.

«Точно сама жизнь!» — подумала старая учительница.

Тоня молча подошла к подруге, встала на колени возле кресла и крепко обняла ее. Румяное взволнованное лицо, близко придвинувшееся к ней, и безмолвное объятие вывели Женю из ледяного оцепенения. Она забилась на плече у подруги, повторяя:

— Тося... Тосенька... Тося...

Михаил Максимович внезапно остановился. Лицо его исказилось. Кирюшин поспешно увел его из комнаты.

Женя долго плакала, повторяя всё те же слова, а Тоня гладила ее

волосы и с силой прижимала подругу к себе.

Мало-помалу обессиленная Женя затихла.

— Уснула? — топотом спросила старая учительница.

— Кажется...

Тоня осторожно укутала подругу платком, встала с колен и присела на маленькую скамеечку, не сводя глаз с Жени.

— А ты где была, Тоня?

— У тети Даши в Белом Логу.

Надежда Георгиевна зорко глянула на Тоню, но спросила только:

— Что там?

— Плохо, Надежда Георгиевна...

— Хорошо, что сходила туда... Надо почаще их навещать.

— Да... — прошептала Тоня.

Женя не спала и слышала этот разговор. И в первые страшные часы горя ей показалось, что она одна. Друзья здесь, глаза их светятся участием и любовью, руки нежны и голоса ласковы, но...

«Они уже говорят о другом...» — с тоской сказала себе Женя. — Они могут думать и говорить о другом, не о моей маме...»

Но Женя вспомнила, что у тети Даши нет Павлика и около нее люди тоже говорят и думают о другом. И о том, чтобы помочь ей, думают.

Сильно хлопнула дверь, и все трое вздрогнули от звука громкого, уверенного голоса. Пришел доктор Дубинский.

— Ну, как себя чувствует Женечка? Да... Вот что, Женя, надо чайку горячего выпить, а потом я вам капелек дам. Вы от них уснете. Да, да, милая, силенки нужны, надо поберечь себя.

Сабуровой показалось, что с приходом этого большого, уверенного человека время снова побежало вперед.

Доктор попросил поставить самовар, заглянул к Михаилу Максимовичу и уговорил Надежду Георгиевну идти спать. Он обещал остаться у Кагановых, пока Женя не ляжет. Тоня сказала, что она тоже останется с подругой столько времени, сколько Женя захочет, и старая учительница собралась домой.

Не успела Надежда Георгиевна пройти несколько шагов по темной улице, как увидела впереди себя светлый круг карманного фонарика. Обрадовавшись попутчику, Сабурова заспешила к нему и, подойдя ближе, узнала Толю Соколова. Он остановился:

— Это вы, Надежда Георгиевна? Проводить вас?

— Проводи, Соколов. Ты знаешь, что случилось?

— Знаю. Ребят встретил, сказали.

— А почему не спишь?

— Собрался ложиться, да не хочется спать. Решил маму встретить. Она дежурит в больнице, скоро сменится. А вы оттуда, Надежда Георгиевна? Как у них?

— Как у них может быть, милый! Тяжело.

— Тоня там еще?

— Там.

Толя больше ни о чем не спросил, но Сабурова подумала, что перед тем, как встретить маму, он, наверно, хотел встретить Тоню и теперь огорчен, что встреча не состоялась.

Около дома учительницы Соколов спросил:

— Надежда Георгиевна, вы любили вашего ученика Павла Заварухина?

— Павлик прекрасный был юноша. В нем большая сила чувствовалась. Смелый... честный... А что? Ты вспомнил его и пожалел о нем?

— Я пожалел, что я не на его месте, а он не на моем, — мрачно ответил Толя и, поклонившись, пошел прочь.

При этом он начал насвистывать какой-то веселый мотив, но сейчас же, поняв неуместность своего свиста, оборвал его. И эта попытка показать, что он весел, так не вязалась с тоном последних слов, что Надежда Георгиевна улыбнулась, всходя на крыльцо.

«Ладный паренек, — подумала она. — Неглуп, красив.... Расстроен, видно, чем-то... Поговорить с ним? Нет, сам разберется!» — решила она.

В теплой и тихой комнате с бревенчатыми стенами и белоснежными занавесками был легкий беспорядок. Не на месте стояли стол и кресла, принесенные мальчиками из школы после спектакля. Среди сдвинутых вещей бродила Татьяна Борисовна и была так погружена в свои мысли, что не сразу заметила Сабурову. А увидев ее, накинулась:

— Ну на что это похоже, Надежда Георгиевна! Нужно ведь и о здоровье помнить! Вы о ком угодно думаете, только не о самой себе!

— Да полно, Таня, что ты волнуешься! Я себя прекрасно чувствую.

Раздевшись, Надежда Георгиевна подошла к столу, дотронулась до холодного чайника, взяла было его, чтобы отнести в кухню, но раздумала и, поставив на место, села.

Татьяна Борисовна, тревожно наблюдавшая, как старая учительница сложила руки на коленях и закрыла глаза, порывисто подошла к ней:

— Простите, пожалуйста, я вижу, что вы устали, но... Надежда Георгиевна, голубчик, что мне делать?

— Что такое, Таня?

— Вы меня, конечно, презираете, но я чувствую, что... права вчера была эта женщина, моя хозяйка... Страшно мне начинать здесь работу.

— Почему?

— Сама не знаю. Чужое все здесь, незнакомое... Посмотрела я нынче на своих будущих учеников. Очень уж самостоятельно держатся... Взрослые совсем...

— Это пусть тебя не пугает. Ребята не избалованные, учатся просто с жадностью... Ты их скоро полюбишь.

— И знаете... — продолжала Новикова, не слушая Надежду Георгиевну, — как-то грустно мне стало... Все-таки ни музыки здесь нет, ни театра. Наверно, и библиотека плохая. И почему, кстати, дети так странно говорят? «Айдате» какое-то, «пошто», «чё» вместо «что». А одна девочка во время спектакля соседке шепчет: «Петя обратно сегодня старика играет». Я не выдержала, спрашиваю: «Как это — обратно?» — «А он у нас в Октябрьские дни тоже играл». «Обратно» у них значит «опять».

— Ну подожди. Ты тут столько наговорила... А из Москвы ты куда-нибудь уезжала раньше?

— В Крым, на Кавказ ездила летом, по Волге...

— Это ты на курортах бывала. Там жизнь, конечно, нарядней. А теперь послушай меня. Библиотека у нас на редкость хорошая. Все, что тебе нужно, ты в ней, во всяком случае, найдешь. Театра, правда, нет, а клуб прекрасный, и артисты столичные иногда к нам приезжают. Жена доктора Дубинского очень неплохая музыкантша. Вот погоди, подружись с семьей доктора — будешь музыку слушать. Да не маши рукой, еще как рада-то будешь! Насчет того, что ребята говорят неправильно, есть такой грех. Это местный говор. От старшеклассников ты этих словечек не услышишь, школа выправила их речь. И младшие понемногу научатся правильно говорить. А природа наша...

— Что природа! Природой приятно любоваться, когда на душе легко!

— Ну, а почему у тебя не легко будет?

Татьяна Борисовна смутилась:

— Н-не знаю... Сомневаюсь что-то, справлюсь ли с преподаванием.

Сабурова ясно представила себе Таню Новикову школьницей. Худенькая, нервная девочка училась прекрасно, но как чрезмерное самолюбие и мнительность мешали ей! Докладов своих и всяких публичных выступлений боялась панически, а экзамены обычно сдавала совсем больная. При некоторой внешней заносчивости всегда была не уверена в себе. Молода еще! Это пройдет.

— Не сомневаюсь, что справишься, Таня. Плохое настроение у тебя от неуверенности, — серьезно сказала она. — Подготовься как следует к первым урокам, я приду тебя послушать. И план составь подробный. Я тебе покажу, как это делается.

— Нас учили, я умею планы составлять, — обиженно откликнулась Новикова.

Они долго еще не спали. Тихо и медленно, так, как она привыкла говорить с учениками, Сабурова рассказывала о сущности преподавания. Татьяна Борисовна слушала невнимательно. Планы... Знание материала... Этого она не боится. Но сумеет ли найти верный тон?.. Не будут ли ученики недоверчиво относиться к ее знаниям? Ведь она только немногим старше их.

В доме Кулагиных тоже долго не ложились. Николай Сергеевич был глубоко огорчен. Горе инженера Каганова затронуло его, как свое собственное. Старый горный мастер уважал Михаила Максимовича за то, что тот работал, не считаясь со временем, подробно входил во все мелочи дела.

— Надо же!.. Жить бы и жить... — бормотал Кулагин, покусывая рыжеватые усы и хмурясь. — Нет, хорошему человеку всегда не везет. Ну что, теперь с дочкой остался... У нее большая учеба еще впереди. Да, без матери-то беда!

Когда Николай Сергеевич бывал расстроен, он становился очень тяжел для окружающих. Сам он этого не замечал, но Варвара Степановна знала, что последует за отрывочными словами мужа. Он начнет ходить по дому, заглядывать во все уголки и всюду находить непорядки.

Действительно, Николай Сергеевич молча спрятал в шкаф оставленную на столе солонку, поправил завернувшийся половик, перелистал и положил на место какую-то Тонину тетрадку. Затем он долго и неодобрительно смотрел на ягнят.

Белая овечка с точеной мордочкой уже бегала, крепко ударяя об пол копытцами, а крохотный барашек стоял, как игрушечный, расставив ноги и нагнув голову. Внезапно с коротким вскриком он подпрыгивал на месте и опять замирал.

— Не поправляется баран, — сказал Николай Сергеевич. — Должно быть, овечка все молоко у матери высасывает. Приглядывать надо.

— Да не беспокойся об этом! Рано ему поправляться, вчера только родился.

Николай Сергеевич походил по комнате и, снова войдя в кухню, зачерпнул воды в ковшик.

- Куда ты, отец, воду несешь?
- Цветок полить. Не поливали, наверно, неделю.
- Утром Тоня поливала.
- Почему же лист у него засох?
- Зима, не лето, вот и засох.

Взявшись наконец за чтение, Николай Сергеевич качал головой, снимал очки и, перевернув книгу, строго посматривал па обложку. Он хотел запомнить фамилию автора, сочинение которого не одобрял.

- Ты почему спать не идешь? — спросила его жена.
- Дочку дождусь.

Тоня пришла уже после часу. Сказала, что ужинать не будет и ляжет спать. Отец остановил ее:

- Ты где же была, Антонина Николаевна?
- У Жени.

— А-а! — Николай Сергеевич на минуту помягчел и поник головой. — Плачет, бедная?

— Сначала как каменная сидела, говорит Надежда Георгиевна. Потом заплакала. Сейчас легла. Отец около нее...

- Да-а! Вот как мать-то терять... Жалко девушку.

Николай Сергеевич хотел спросить про Михаила Максимовича, но вместо этого строго спросил:

- А с вечера куда ушла? Ведь тогда не знали еще ничего?
- В Белый Лог ходила, к тете Даше, — неохотно ответила Тоня.
- Зачем?
- Давно ее не видела. Навестить...
- Так... Другого времени не нашла? Обязательно сегодня надо было идти?

Но Тоня была тоже не в кротком настроении.

- Да, мне надо было именно сегодня. Почему это тебе не нравится?

— Потому... — Николай Сергеевич не сразу нашел слова. — Ходишь по ночам в такую даль, потом утром тебя не добудишься...

- Да что ты, папа? Я всегда легко встаю.

- Ну ладно! Сказал, и нечего возражать!

— Ты не забывай, что тетя Даша — мать Павлика, а Павлик был моим другом, значит, и с матерью его я буду дружить.

Тоня сказала эти слова жестко и решительно. Она даже побледнела. Николай Сергеевич смотрел на нее нахмурясь и, видимо, собирался ответить. Но вмешалась Варвара Степановна:

- Иди, Тоня, спать. Завтра договоритесь.

Тоня взглянула на мать и молча вышла.

— Вот как она разговаривает! Слыхала?

— А ты что к ней придираешься? Тебя беда начальника расстроила? Так ведь и она расстроена. Женя — ей подруга.

Николай Сергеевич помолчал и снова начал:

— А к тете Даше ей ходить нечего.

— Да ведь несерьезно говоришь. Ничего ты против Дарьи Ивановны не имеешь.

— Против ничего не имею, — согласился Николай Сергеевич. — А вот сходит Антонина туда, потом неделю молчать и супиться будет. К чему это?

Варвара Степановна знала отношение своего мужа к дочери. Любовь Николая Сергеевича к Тоне подчас даже пугала ее своей горячностью. Больше всего сердило отца все, что могло, по его мнению, нарушить Тонин покой, сделать ее невеселой, помешать ей спокойно жить и учиться.

«Дрожит над ней, просто дрожит!» — подумала она и примирительно сказала:

— Ну, отец, ведь ей нелегко. Дружили, можно сказать, с тех пор, как себя помнит. Парень — то какой был! Про Павлушу никто слова плохого не скажет.

— Я ничего плохого про него и не хочу говорить. Паренек был стоящий. Да ведь нет его... Что же она себя растравлять будет? Ей жить и радоваться нужно.

Варвара Степановна усмехнулась:

— Я что-то Антонину плаксивой да унылой не вижу. А ежели взгрустнется ей порой — дело понятное. Ты бы разве радовался, кабы в свое время, когда мы с тобой подружились, разлучиться пришлось?

— Ну, нашла сравнение! Ты мне, чай, жена!

— Ох, и чудак, батюшка! — Варвара Степановна засмеялась, прикрывая рот рукой. — Я тогда не жена была, а соседская девчонка — Варюшка Кочеткова. Полно тебе! Из упрямства одного споришь.

Опять посыпался снег. Он закрывал отпечатки шагов и санные колеи на дорогах. Он укутывал крыши домов, сглаживал все неровности, выбоины, все следы дня. Тихий лёт его говорил людям: прошел день с его трудом, радостями и печалью. Завтра новый труд, радость, а может быть, и печаль. Но теперь отдыхайте.

И люди спали.

Спала Лиза Моргунова, чмокая губами. И Анна Прохоровна затихла, повздыхав перед сном.

Сон заставил умолкнуть и беспокойство Татьяны Борисовны и великие

заботы Сабуровой. Засыпая, она думала обо всех, кого видела и с кем говорила в этот вечер. Обо всех своих учениках и ученицах, чьей крепкой и смелой юности тяжело коснулась война.

Уснул Толя, который не улыбнулся сегодня, взглянув в лицо своей матери — веселое молодое лицо с широкими скулами и чуть косым разрезом глаз.

Уснула Тоня и во сне бежала по снежной широкой дороге.

Уснули ее отец и спокойная, приветливая мать.

Уснула Женя, вздрагивая и тихо плача во сне.

Только Михаил Максимович не спал. Он в последний раз говорил со своей подругой, которая долго радовала его, наполняла светом жизнь и покинула таким неготовым к разлуке, таким одиноким.

Глава шестая

После похорон Евгении Аркадьевны Тоня не отходила от подруги. Осунувшаяся, побледневшая Женя, казалось, не видела и не слышала ничего вокруг, но стоило Тоне собраться домой, как большие глаза подруги наполнялись страхом:

— Не уходи, не уходи, Тося!

Так за каникулы Тоне не удалось повидаться со своими одноклассниками, но она знала, что ребята весело проводят время, организуют лыжный поход в село Шабраки, за сорок километров от прииска, собираются для совместных чтений.

Иногда к Кагановым заходила Лиза. Но ей становилось так жаль Женю, что она не находила слов для разговора, только вздыхала протяжно и негромко, как мать ее Анна Прохоровна. Бывала в опустевшем доме и Сабурова, подолгу беседовала с Михаилом Максимовичем, приносила Жене книжки. Впрочем, Тоня, читавшая вслух, знала, что подруга почти не слушает.

Ежедневно в сумерках Тоня заставляла Женю одеться и выйти на воздух. Жене уходить из дому не хотелось, но она была слишком измучена, чтобы протестовать. Подруги обычно гуляли молча. Иногда встречали Толю Соколова. Он сдержанно здоровался и проходил мимо.

Перед самым концом каникул, вечером, Тоня и Женя, как обычно, дошли до конца ущелья, в котором лежал поселок, и собирались повернуть обратно, но услышали впереди громкие голоса и смех. Девушки переглянулись.

— Наши! — радостно сказала Тоня, и глаза ее заблестели.

Она почувствовала, как соскучилась по товарищам и как ей приятно будет увидеть их.

Из-за поворота вылетели лыжники. Впереди, пригнувшись, бежал круглолицый Андрей Мохов. За ним с гиканьем спешил неуклюжий Коля Белов. Застенчивый ясноглазый Ваня Пасынков и коренастый Петя Таштыпаев старались не отстать от товарищей. Позади шел Илларион. Он тоже покраснел, но лицо его было, как всегда, серьезно.

Мохов замедлил ход, и ребята окружили подруг:

— Девушки, здравствуйте!

— Привет, Женя! Погодка-то какая!

— А мы от Заварухиных!

— Печку перекладывали под руководством Андрейки! Ну и умаялись!

— Правда? Как хорошо! Это Анатолий рассказал?

Илларион кивнул:

— Да. Говорил, что вы там были... Слушай, Кулагина, а новость знаешь? Ребята из общежития взялись-таки за ремонт!

— Значит, лета ждать не стали?

— Да нет, очень уж пристыдили мы их. Перешли в один барак, другой отделявают, потом за первый примутся. Я обещал, что мы поможем окончательный уют навести.

Ила говорил о двух длинных бараках, где помещались молодые рабочие, не имевшие семей на приiske. Общежитие славилось своей неустроенностью, и школьные комсомольцы собирались поговорить с молодыми горняками насчет ремонта. Об этом недавно Тоня напомнила секретарю комсомольского комитета. Илларион тогда снял очки и начал накручивать на палец клочок волос:

— Не говори! Очень нехорошо! Давно нужно, да руки не доходят.

— Работа всегда будет, Ила. Нечего ждать, что она кончится.

— Что же ты предлагаешь?

— Я вот что думаю... Ты с ребятами побывай на собрании у горняков... Скажите там, что позор в такой грязи жить, что для хорошего производственника обязательна чистота в быту. Ну, словом, что тебя учить!

— Пожалуй. — задумчиво сказал Рогальский и, повеселев, надел очки.

Тоня вспомнила сейчас этот разговор и подумала, что Илларион умело руководит ребятами и хорошо работает сам.

По сравнению с прежним секретарем — горячим, напористым Заварухиным — Рогальский казался несколько холодноватым и надменным. Но товарищи и учителя знали его необычайную, доходящую до щепетильности верность слову и добросовестность в работе.

Однако Тоня прежде часто спорила с ним. Ее сердило, что Рогальский все делает хорошо, без ошибок, но чересчур методично, не загораясь.

— Уж очень правильный! — твердила она. — Не люблю таких! Первый ученик!

Но в результате споров всегда оказывалось, что Тоня взволнованно, а Илларион спокойно говорят об одном и том же. Это их постепенно сблизило, и отношения установились деловито — дружественные.

— Ну, я очень рада! — от души сказала Тоня. — А вы, значит, после трудов теперь отдыхать?

— Отдохнешь с Андрюшкой! Всех загонял! — недовольно сказал Петя, вытирая потное лицо. — Пошли, ребята!

— Послезавтра в школу! — напомнил Илларион и участливо покосился на Женю: — Придешь, Каганова?

— Конечно, — тихо ответила та.

Ребята умчались, поднимая снежную пыль. Подруги медленно зашагали к поселку.

— Еще кто-то бежит! — сказала Женя.

Мимо пробежал запоздавший лыжник. Он не остановился. Но Тоня, узнавшая Толю Соколова, бросилась догонять его:

— Подожди, Соколов! Постой!

Юноша остановился.

— Ты что же не здороваешься? — весело говорила Тоня. — А я тебя поблагодарить хочу... за тетю Дашу. Это ты устроил?

— Я, собственно, только рассказал Иллариону, а устроил он, — сдержанно ответил Соколов.

— Молодец! Я так рада!

Поглощенная заботами о подруге, Тоня не замечала, как давно не смеялась, не была весела, даже не разговаривала громко. Встреча с товарищами словно перенесла ее в привычный, шумный и деятельный мир. И теперь она с удовольствием слушала свой сильный голос, дышала морозным воздухом и смотрела на Толю.

Но Соколов, глядя на нее без улыбки, отчеканил:

— Чем других хвалить, надо было самой в таком деле участие принять. Я вижу, ты чужими руками жар загребать хочешь.

— Ты с ума сошел! — вспыхнула Тоня. — Я ведь с Женей все... Не хочется ее оставлять.

— Женя — не ребенок, без тебя обойдется, — жестко отрезал Толя и, повернувшись, заскользил прочь.

Тоня оторопело смотрела ему вслед.

— Ты что? Расстроилась, Тося? — спросила подошедшая Женя. — Что он тебе сказал?

— Так... чепуху... — ответила Тоня. — Идем домой, уже поздно.

Через день рано утром Тоня стукнула в Женино окошко. Она боялась, что дверь сейчас приоткроется и Женя, выглянув, скажет, что в школу не пойдет, что уроки нейдут ей на ум и она лучше останется дома.

Но когда Женя вышла, Тоне показалось, что бледное, кроткое лицо ее стало решительней и спокойней.

Ночью бушевала пурга и замела все тропинки, а утро выдалось на редкость тихое. На чистой голубоватой пелене снега шаги школьников оставляли глубокие следы. Отпечатки больших и маленьких ног шли с гор

и с соседних котловин, отовсюду, где жили люди. И все они сходились у большого деревянного дома. Об этих следах говорили Тоня с Женей, о них подумал Толя Соколов. И Сабурова остановилась на минуту и показала Татьяне Борисовне избороздившие мягкий снег отпечатки:

— Видишь?.. Где бы ни жил человек, он протопчет себе тропку к школе. И не только на уроки сюда идут. Здесь школа взрослым, как и детям, нужна. Она и спектакль в клубе ставит, и лекцию устраивает, и литературный вечер...

Татьяна Борисовна ничего не ответила. Сабурова видела, что ее спутница сильно волнуется. «Немудрено, — подумала Надежда Георгиевна: — первый урок — дело очень серьезное. Да нет, справится Таня, привыкнет здесь. Может быть, станет наша школа для нее домом».

Она вспомнила, как один из ее учеников сказал о ней самой: «Надежда Георгиевна в класс точно домой приходит. Сядет, разложит вещи, оглянется, все ли в порядке».

Действительно, не только в свой класс, но в любую школу в любом городе Сабурова входила с чувством человека, возвратившегося домой. Светлые стены, ряды парт, особенный, присущий всем школьным зданиям запах настраивали ее деятельно и благожелательно.

Возле клуба Сабурова остановилась перед доской почета с портретами стахановцев.

— Вот наши герои, — тепло сказала она. — Взгляни на них, Таня. Это забойщик Таштыпаев. Его сын Петр у тебя в десятом классе.

Лицо на портрете показалось Новиковой суровым и замкнутым.

— Сердитый он? — спросила она.

— Почему сердитый? Молчаливый человек, это верно... Прекрасный работник. Меньше двухсот процентов нормы не дает. Вот Николай Сергеевич Кулагин, Тонин отец. А это молодежь, да совсем еще зеленая... Кустоедов, Савельев... Дети!

Они действительно выглядели детьми, эти герои. Веселые, со старательно приглаженными вихрами, с огоньком озорства в глазах. В другое время Новикова непременно подробнее расспросила бы о них, но сейчас она думала только о предстоящем уроке, и Сабурова, поняв ее, заторопилась.

На школьном дворе кипел бой. Снежные ядра перелетали через широкую расчищенную дорожку. За высокими валами снега прятались ребячьи отряды. Каждое удачное попадание сопровождалось длительным визгом.

Второклассник Степа Моргунов, в распахнутом полушубке, азартно

вопил:

— На приступ! Ур-ра! За мной!

Ребята брали приступом высокую снежную насыпь. Оттуда летели огромные снежки, Сабурова остановилась.

— «Мальчишек радостный народ...» — сказала она с тихим смешком. — Люблю я эти слова Пушкина...

Снежный шар разбился на голове у Степы и залепил ему лицо. Моргунов упал, но сейчас же вскочил и, отряхиваясь, снова помчался на приступ.

— Степка! Куда? — закричали осажденные. — Ты тяжело раненный! В санбат!

— Не по правилам! — шумели и нападавшие. — Без тебя справимся! Лежать должен и ждать санитаров!

— Это я в пылу сражения... Нечаянно! — виновато сказал Степа и, встретившись взглядом с Сабуровой, закричал с тем же азартом, с каким бросался на приступ:

— Ребята! Перемирие! Бой откладывается до после уроков! Сейчас звонок!

Мальчики кинулись к крыльцу и подняли настоящую метель, очищая пихтовым веником снег с шапок и валенок.

Сабурова и Новикова прошли в учительскую, Большая светлая комната дышала ровным теплом. У круглого стола и на диване разместились преподаватели. Высокий, широкоплечий человек с трубкой в зубах шагал из угла в угол.

Татьяна Борисовна здоровалась с новыми товарищами, вспоминая, с кем из них Сабурова уже познакомила ее на школьном вечере. Вот этот великан с трубкой — заведующий учебной частью Петр Петрович Горюнов. Он преподает химию старшеклассникам и естествознание младшим школьникам. У него некрасивое, грубоватое лицо и такие нависшие густые брови, что под ними не видно глаз.

«Угрюмый какой! — подумала Новикова. — Наверно, ребята его не любят. Неприятный тип».

Та, что греет руки у печки, — учительница истории Лидия Ивановна, худенькая, скромная, кажется, симпатичная. Этот стройный, с рыжей шевелюрой молодой человек — преподаватель физкультуры. Зовут его Александр Матвеевич. Лихо он танцевал тогда на вечере...

— Вот наш математик Федор Семенович Кареев, — сказала Сабурова, подводя к Новиковой невысокого, очень аккуратно одетого человека.

Кареев вежливо улыбнулся и сказал несколько приветливых слов.

Географ Клавдия Ильинична, девушка с энергичным круглым лицом, крепко сжала руку Татьяне Борисовне и воскликнула:

— Добро пожаловать! Чудесный класс получаете! Будете довольны.

«Если бы она знала, как я боюсь этого чудесного класса!» — подумала Новикова, прислушиваясь к гулу детских голосов, доносившемуся в учительскую.

Залился звонок. Гул мгновенно усилился, затем начал стихать и отступил. Школьники разошлись по классам.

— Идем, дружок, — сказала Сабурова, взяв журнал.

Старая учительница любила минуту, когда она еще с порога оглядывала десятый класс. Здесь всегда с легким стуком откидывались крышки парт, дружно поднимались ее ученики, незаметно выросшие и превратившиеся из детей в юношей и девушек. Громко и весело звучало их приветствие.

Все это было и нынче, но глаза учеников с любопытством устремились на спутницу Сабуровой. Татьяна Борисовна хмурилась под этими взглядами, сердясь на свое смущение.

— Товарищи, — начала Сабурова, — это ваша новая учительница литературы, Татьяна Борисовна...

Но ее перебили:

— Значит, оставляете нас, Надежда Георгиевна?

— Так немного осталось до выпуска! Уж довели бы наш класс!

— Ведь у нас не было плохих отметок!

— Тише! Тише! — подняла руку Надежда Георгиевна. — Я оставляю вас не потому, что недовольна вами. У меня нет другого выхода. Вы знаете, что преподаватель восьмиклассников долго болел, а потом совсем уехал с прииска. Я не могу поручить восьмой класс никому другому, там есть слабые ученики. О директорских обязанностях нечего и говорить... Они отнимают у меня очень много времени.

Класс снова зашумел.

— Довольно, друзья. Знаю все, что вы хотите мне сказать. Я со спокойной совестью передаю вас новому педагогу — своей бывшей ученице. Татьяна Борисовна будет и классной руководительницей. Надеюсь, что работа пойдет у вас дружно.

Сабурова сошла с кафедры и села за маленький столик в углу. Ее место заняла Татьяна Борисовна. Она открыла журнал и стала вызывать учеников, окидывая каждого коротким взглядом. Спросила, читали ли ребята Маяковского и любят ли его.

— Читали! Знаем, конечно! И любим очень! — отвечали ей.

— Мы будем проходить сегодня биографию Маяковского, — сказала учительница.

Помолчав и глядя не на класс, а в окно, она начала:

Я знаю:

глупость — эдемы и рай!

Но если

пелось про это,

должно быть,

Грузию,

радостный край,

подразумевали поэты.

Она рассказывала о детстве Маяковского в радостном краю, и от слов ее веяло свежестью горной воды и вольным шумом листьев.

Ребяческие проказы сменялись первыми раздумьями, мальчик превращался в юношу, и школьникам казалось, что они видят ожившим четкое, сильное лицо, которое так часто встречали на портретах.

Тоня любила Маяковского и, слушая новую учительницу, перенеслась в свое прошлое, в восьмой класс. Она и ее подруги сидят за партами, а на высоком подоконнике стоит Павел. Он поднял руку, и голос его наполняет просторную комнату:

Там,

за горами горя,

солнечный край непочатый...

С усилием оторвавшись от этого воспоминания, она поглядела на товарищей. Слушают Татьяну Борисовну внимательно, только на задней парте шуршат бумагой — видно, занимаются чем-то не относящимся к уроку.

«Что они там делают? Это Ваня Пасынков... Надежда Георгиевна, наверно, слышит, и это ей неприятно... Конечно, слышит... Лицо, как всегда, спокойное, а уголком глаза косится на заднюю парту...»

Женя немножко подалась вперед и не кажется сейчас такой маленькой и несчастной, как все последние дни. Как хорошо, что она пришла в школу!

Тоня внезапно поймала на себе внимательный и, как ей показалось, враждебный взгляд Анатолия. Она с досадой отвернулась, словно опять услышала обидные слова, на которые не сумела ответить.

Прозвенел звонок.

Татьяна Борисовна, говорившая о переезде семьи Маяковских в Москву, остановилась на полуслове и растерянно спросила:

— Перерыв, да?

Ей казалось, что все идет хорошо. Ребята слушают. И Надежда Георгиевна как будто довольна. Почему только она шепнула, когда после перемены опять входили в класс: «Ближе к делу, Таня»?

Новикова давала характеристику литературы начала века. Она говорила о символистах, о борьбе Горького с ними, торопясь приводила примеры, читала наизусть стихи, не замечая, что интерес в глазах школьников начал потухать, а Надежда Георгиевна не отрываясь, пристально смотрит на нее.

Когда урок кончился, оказалось, что биография поэта за этот час не подвинулась вперед.

Пробормотав: «Закончим в следующий раз», Новикова, обогнав директора, вбежала в учительскую. Обернувшись к входившей Сабуровой и приложив руки к пылающим щекам, она спросила:

— Ну как?

— А тебе самой как кажется? Понравилась ты ученикам?

— Н-не знаю.

— Разве не видно по глазам, по улыбкам?.. Конечно, ребята оценили твой живой, интересный рассказ. Для первого раза я считаю, что ты справилась очень недурно.

— Правда? Серьезно? Вы действительно так думаете? — взволнованно спрашивала Новикова. — И неужели у вас нет ни одного замечания?

Сабурова засмеялась:

— Ну, замечания-то есть... О мелочах потом расскажу тебе подробнее, а главное вот что: ты очень увлеклась, стала повторяться. Символизм можно и нужно было охарактеризовать короче.

— Ну, знаете, шоры на себя надевать я не могу! Это собственной песне надо на горло наступить, как Маяковский говорил.

— Видишь ли, важно не только знать материал, но и уметь расположить его. У тебя много времени ушло зря. Следи за собой, иначе не успеешь пройти программу.

«У каждого пожилого человека есть свой «пунктик», — с молодой уверенностью в своей правоте подумала Новикова. — У Надежды Георгиевны — это планирование. Вот она показывала мне свои записи о Фоме Гордееве: недовольство жизнью, неумение найти выход... Зачем, зачем это писать? Разве без плана она забудет, кто такой Фома Гордеев? Наверно, сто раз о нем рассказывала. Нет! Главное — горячо, вдохновенно рассказать материал, зажечь учеников, а это мне должно удаваться!»

Глава седьмая

Татьяна Борисовна работала в школе уже две недели. И две недели глаза учеников внимательно следили за ней. Они многое видели, эти карие, серые, синие смешливые, серьезные и требовательные глаза.

Разговор о новой учительнице начался неожиданно. Уроки уже кончились, но ребята сидели в классе, дожидаясь комсомольского собрания.

— А все-таки не просто себя чувствуешь с Татьяной Борисовной, — начала Лиза. — Чудная она... И стихи как-то странно читает...

— Стихи так и надо читать: чтобы и ритм слышался и мысль автора была понятна, — отозвался, не отрываясь от работы, Толя Соколов.

Он вырезал из кусочка дерева какого-то зверя, и мальчики, сгрудившись вокруг него, решали, кто это будет: носорог или бегемот.

— Очень хорошо, что она не читает стихи, как басни, с таким актерским «выражением», — продолжал Соколов.

— Ну ладно, пусть читает как хочет! Но для класса-то она чужая, разве ты не видишь? Даже по фамилиям не может всех запомнить. Как на днях получилось с Таштыпаевым!

Лиза говорила о недавнем случае.

Новикова вызвала на уроке Петю Таштыпаева, но при этом почему-то смотрела на Ваню Пасынкова. Несмелый Ваня покраснел.

«Таштыпаев болен», — объявил дежурный.

«Как болен? Вы не можете отвечать?»

«Могу... только...»

«Что «только»? Можете или нет?»

«Я не Таштыпаев».

«Как?»

«Он не Таштыпаев!» — закричали десятиклассники.

«Позвольте, как же ваша фамилия? Пасынков? Ну, у Пасынкова тоже нет отметки. Идите отвечать».

Татьяна Борисовна поставила Ване пятерку, а вечером дома спросила Тоню, не посмеялись ли над ней ученики и не назвался ли Таштыпаев Пасынковым. Тоня страшно обиделась:

«Что вы, Татьяна Борисовна! У нас ребята не обманывают учителей!..»

— Ванька с Петром и не похожи вовсе, — возмущалась Лиза, — а она их спутала! И вообще... до сих пор вызывает по журналу...

— Это все пустяки! — снова перебил Соколов. — Зато рассказывает

хорошо.

— Рассказывает тоже не просто. Хорошие-то ученики понимают, а проверить, поняла ли Заморозова, например, или Сухих, ей в голову не приходит...

— Ну и что же? — горячо вступилась Тоня. — Мы не маленькие, чтобы нам все разжевывать и в рот класть. Она с нами, как со взрослыми, обращается... Ведь скоро в институтах будем учиться. Думаете, профессор так лекцию начнет: «А знаете ли вы, ребятки, что у паука не шесть, а восемь ног? Не знаете? То-то и оно!»

Тоня сделала гримасу и запищала, изображая неведомого профессора. Все засмеялись, а Толя Соколов поморщился:

— Не кривляйся, неприятно смотреть... Никто из педагогов так с нами не разговаривает и ребятками нас не называет. Я с Моргуновой отчасти согласен: в жизнь класса Татьяна Борисовна еще не вошла, но...

— Мне она нравится, и все! — перебила его Тоня. — А ты ничего в людях не понимаешь и мыслишь примитивно. Вот!

Толя передернул плечами и наклонился над своей деревяшкой.

— И что это собрание не начинают? — забеспокоилась Лиза. — Илларион-то приехал или нет? Кто его видел?

Илларион Рогальский уезжал на несколько дней в район на комсомольскую конференцию и должен был вернуться сегодня.

— Приехал, его Мохов видел. Собрание сейчас начнут, — холодно отозвался Соколов и отложил в сторону свое изделие. — Ты, Моргунова, обвиняешь Татьяну Борисовну в том, что она неумело держится. А зачем ты ей мешаешь?

— Я?

— Да, ты. Сегодня ты не мешала классу слушать? Вертелась без конца, Заморозовой записки посылала. Татьяна Борисовна хмурилась, хмурилась...

— И все-таки ничего не сказала! — выпалила Лиза. — Я не отрицаю, слушала урок плохо. Антонина мне весь бок истолкала: не мешай, дескать. А учительница молчит! Надежда Георгиевна бы так пробрала! Сказала бы: «Как тебе не стыдно, Моргунова! Взрослая девушка, а ведешь себя, как третьеклассница! Что это за недопустимое поведение!»

— Ну и нахалка же ты, Лизавета! — рассердилась Тоня. — Мало того, что всем заниматься мешала, — еще нападает на педагога, что он не осрамил ее при всех! Да с каким жаром расписывает, как ее пробрать следовало!

Лиза скользнула по лицам товарищей озорными и виноватыми

глазами.

— И что вы опять с Заморозовой не поделили? Вечно у вас какие-то недоразумения! — сказала Нина.

Маня Заморозова, высокая девушка с невыразительным лицом и скучливым взглядом, сидела в стороне, за своей партой. Казалось, она не вслушивается в разговор товарищей.

— Вот я вам сейчас покажу, какое у нас нынче недоразумение! — заявила Лиза.

Она бросилась к Заморозовой и, несмотря на протесты Мани, отогнула воротничок ее простого серого платья. Там пряталась массивная золотая брошь с красными камешками.

— Вот! Видали? Опять нацепила! — волновалась Лиза. — Помните, как она еще в шестом классе сережки золотые вздумала носить? Потом с браслеткой ходила... Внушали ей тогда и Петр Петрович и ребята... Теперь знает, что всем это не нравится, так хоть под воротничок спрячет, а все-таки наденет! Только я углядела, у меня взгляд зоркий...

— Слишком даже зоркий на чужие дела, — сварливо начала Маня. — Подумаешь, преступление какое — брошка! А если у меня там кнопка оторвалась и надо заколоть?

— Надо пришить кнопку, и все! — сказала Нина. — Я тоже считаю, что комсомолке такие штучки носить неудобно.

— Конечно! Ведь об этом уже не раз говорили! — с жаром поддержала Тоня и вдруг вспомнила, как ее собственный отец гордится своими золотыми часами.

Она, сама не зная почему, смущалась, видя его пристрастие к золотым вещам. Отец на своем веку столько золота добыл для страны! Что ему эти часы? А он так дорожит ими...

— Да что это, запрещено, что ли? — ворчливо оправдывалась Заморозова. — Я не виновата, что мне родители такие вещи дарят.

— Не запрещено, — возвысил голос Соколов, — а сама понимать должна, что ученице советской школы подходит, а что нет.

— До чего же отсталые вы все! — злобно огрызнулась Маня. — Это Надежда Георгиевна вам такие мысли внушает, а она человек старый.

— Надежду Георгиевну оставь! — вспыхнула Тоня. — Она старая, да современной тебя, молодой...

— Ладно, ладно, сниму!.. Отстаньте только от меня!

Маня сосредоточенно начала что-то искать в парте, заглянула под скамейку.

— Что потеряла? — невинно спросила Лиза.

— Косынка куда-то делась...

— А ты, барыня, поищи под шкафом с левой стороны.

Мальчики зафыркали.

В школе рассказывали, что когда дома мать спрашивает у Мани, где ее полотенце, Маня, не сходя с дивана, отвечает: «Поищи под шкафом с левой стороны». Это был анекдот, но появился он не случайно. Маня действительно аккуратностью не отличалась.

— Да ну тебя! Только, скажи Моргуновой, чтобы ко мне не приставала! — внезапно со слезами выкрикнула Маня. — Что это, то «барыней», то «сударыней» обзывает! Я такая же, как она: горняцкая дочь! Сроду барыней не была!

Расстроенная Заморозова вышла из класса, а подруги напустились на Лизу:

— Ну что ты вечно ее дразнишь? Охота тебе! Ведь она ответить не умеет. Кроме «вот еще» да «подумаешь», ничего не скажет... А ты нападаешь... — серьезно сказала Женя.

— Ох, уж ты, тихоня, мне нотаций не читай! И чего вы за нее заступаетесь? Точно не знаете: и лентяйка, и неряха, и учится кое-как! Она только поспать да покушать не забывает. Помните, как я болела в шестом классе и она обещала каждый день ко мне заходить, да так ни разу и не была? Забывала! А ведь рядом живет!

— Тревожить себя Маня не любит, — согласилась Тоня. — Но все-таки в старших классах она куда живее стала и учится лучше.

— Папа говорит, что у нее очень бурный рост. На него все силы организма уходят, — вмешалась Нина. — Вон она какая большая, а вялая...

— Организм у нее такой же нескладный, как характер! — решила Лиза.

— На собрание! — закричали в коридоре.

Десятиклассники поспешили в зал.

— Вот он, Ила! Приехал!

— Интересно, что расскажет!

— Тише, товарищи!

Собрание началось приемом новых членов.

Глядя на ребят, рассказывавших свои похожие одна на другую биографии, слушая рекомендации пионерской дружины, Тоня вспоминала свое вступление в комсомол. Какое острое чувство радости овладело ею, когда она получила комсомольский билет и впервые подумала о себе как о взрослом человеке!

Илларион начал рассказывать о конференции:

— Мы, ребята, будем подробно обсуждать доклад секретаря райкома комсомола. Сейчас я только коротко расскажу вам главное. Кычаков говорил, что вся страна сейчас не покладая рук работает, чтобы поскорее исправить разрушения, принесенные войной. Наш район от войны был далеко, мы с вами не пострадали, но это не значит, что у нас все останется попрежнему. Наоборот, теперь возьмемся за такие дела, которые во время войны поднять было трудно. Начнется у нас и дорожное строительство, и развитие транспорта, и механизация приисков, и разведка новых месторождений. Во всем этом должен участвовать комсомол. И не просто «принимать участие», — подчеркнул Илларион, — а быть впереди.

Александр Матвеевич с ловкостью опытного физкультурника перебросил докладчику бумажный шарик. Рогальский, не прерывая речи, развернул бумажку.

— Вот Александр Матвеевич — он ведь тоже на конференцию ездил — напоминает мне, что к такой работе, как поиски полезных ископаемых, нужно привлекать пионеров. Об этом мы с вожатыми отдельно поговорим. Во время войны многие школы прекратили походы, дальние экскурсии, а в них ребята и закаляются и могут много полезного открыть: найти глину, бокситы, всякое нужное производству сырье. Райком этому большое значение придает...

Несколько монотонный голос Иллариона стал звонче и выразительнее. Очки он снял.

Тоня, знавшая, с каким восхищением Рогальский относится к Кычакову, подумала, что пересказывать его доклад Иллариону особенно приятно.

— Но секретарь райкома говорил и о том, — продолжал Рогальский, — что во время войны некоторые комсомольцы стали небрежно относиться к школьным занятиям. Насчет этого предостерегали в райкоме давно, но отстающие в школах есть. Есть они и в нашей школе... Ребята! Основная наша обязанность — учиться! Об этом забывать нельзя. Никакие ссылки на общественную работу не могут приниматься в расчет. Каждый должен уметь организовать свое время так, чтобы занятия не страдали.

Сабурова, внимательно глядя на Рогальского, покачивала головой. Илларион поймал ее взгляд.

— Я понимаю, почему так смотрит на меня Надежда Георгиевна. Не раз я защищал перед ней ученика, от которого она требовала больше, чем он давал. Я говорил: зато у него много комсомольских нагрузок... Конечно, это неверно было. Обязанность каждого комсомольца — хорошо учиться... Теперь... — Илларион улыбнулся с сожалением, — вы знаете, что

десятиклассникам рекомендуется больших нагрузок на себя не брать. Я, в частности, перейдя в десятый класс, не стал отказываться от обязанностей секретаря, которые несу второй год, но теперь сам вижу, что трудно справляться. Мы в этом году школу кончаем... Комитет перед моим отъездом на конференцию решил возложить обязанности секретаря на Митю Бытотова из девятого класса. Многие уже знают об этом. Через две недели Митя примет у меня дела. — Он помолчал и прибавил: — Я с Кычаковым советовался, он тоже сказал, что совмещать окончание школы с работой секретаря очень трудно.

Рогальский перешел к докладу о том, что сделано в первом полугодии, потом начались выступления.

— Я, ребята, предлагаю поблагодарить Иллариона за хорошую работу, — сказал Коля Белов. — Он без суеты, толково, разумно действовал.

— Заседаний лишних не устраивал! — крикнул Мохов. — Хорошо организована была работа!

— И учился прекрасно, — сказал Толя Соколов, — это тоже надо отметить.

— Зато других, кто не прекрасно учился, мало подтягивал! Сам говорит!

— Он так не говорил, товарищи! — вмешалась Надежда Георгиевна. — Со мною бывало спорил, но отстающему поблажки не давал!

Кое за что Рогальского поругали, но в общем работу его одобрили, и он сел на место с выражением какой-то растерянности на лице. Товарищи понимали, как странно ему сознавать, что через несколько дней он уже не будет секретарем и со всеми делами комсомольцы начнут обращаться к Мите Бытотову.

Про Митю говорили, что он и внешне похож на Рогальского и старается подражать ему: спокойно держится, говорит веско, внушительно. Но выдержки Иллариона Мите не хватало, порой внушительный тон не получался, Митя начинал громко спорить. И сходство их ограничивалось тем, что оба были высокого роста и носили очки. Бытотов бледен, а у Рогальского розовые щеки. Глаза у Илы, как говорили девочки, «стальные», а у Мити темные, быстрые.

— А Тоня Кулагина тоже будет просить об освобождении? — спросила Надежда Георгиевна.

— Мне слово! Мне! — сейчас же закричали ребята из Тониного актива.

— Может быть, Кулагина все-таки будет продолжать культработу? — просительно говорил восьмиклассник Сева Кротков. — Ведь она, в конце

концов, только организатор. Помощников у нее много. Но мы... помощники то-есть... — поправился он, — к ней привыкли. Работа у нас налаженная, понимаем друг друга. Спектакли, лекции, беседы с приисковой молодежью как будто удаются.

— Кычаков считает, что наша школа неплохо справляется с культработой, — вставил Илларион.

— Я бы тоже просила оставить меня на работе, — сказала Тоня. — Я ее люблю, привыкла... Обещаю, что занятия не пострадают.

— Правильно! Верно! Оставить Кулагину! — закричали комсомольцы.

— А справишься, Тоня? — заботливо спросила Надежда Георгиевна.

Тоня знала, что Сабуровой самой не хочется лишаться ее как помощницы, и улыбнулась старой учительнице:

— Справлюсь непременно!

— Помни, что слово дала! — сурово заметил Митя, совсем как Илларион.

Собрание кончилось. Ребята с шумом и песнями выходили из зала. В сутолоке Тоня с трудом отыскала Лену Баранову.

— Слушай, Леночка, ты доклад о советской литературе когда должна в общежитии делать?

— Ой, скоро уже, Тоня! — испуганно ответила Лена. — А я не готова.

— Уступи его мне. Я тебе дежурство на елке уступила.

— Да пожалуйста! — обрадовалась Лена. — Мне так некогда сейчас, так некогда!

— Ну вот и хорошо!

Тоня решила немедленно доказать товарищам, что сможет и хорошо заниматься и попрежнему вести культработу. Пусть этот доклад будет пробным камнем.

Думая о предстоящем докладе, она вышла из школы со своими подругами.

Короткий зимний день уже потускнел. На дворе школы ярко горел фонарь. Было морозно.

— Идемте скорее! — воскликнула Лиза. — Дома-то тепло небось!

Тоня и Нина тоже думали о теплом доме, обеде, собранном материнскими руками, и мирном вечере за учебниками. А Женя, остановившись на высоком школьном крыльце, почувствовала, как ей не хочется идти домой, где нет мамы, где темно и надо включить свет во всех трех комнатах, иначе будет казаться, что мама здесь и отдыхает у себя. Длинный зимний вечер трудно пробыть одной.

— Папа не раньше семи придет, — тихо сказала она.

— Ты что, Женечка? — не расслышала Тоня и, оглянувшись на подругу, мгновенно поняла. — Ты, может быть, к нам пойдешь? Мама рада будет, я тебе ягнят покажу. Смешные такие! Позанимаемся вместе.

— Да нет, Тося, — вздохнув, ответила Женя, — мне нужно дома быть к папиному приходу. Он не любит один...

— Двадцать раз вернуться успеешь, пока Михаил Максимович придет! — перебила Лиза. — Ах ты, бешеный парень! Что делает!

Это восклицание относилось к младшему Моргунову. Степа до сих пор околачивался на школьном дворе, хотя младшие классы давно кончили занятия. Бой, начавшийся в первое после каникул утро, затянулся надолго. Аккуратные насыпи снега, возведенные заботливым Мухамет-Нуром, школьным сторожем, рухнули и засыпали чистую дорожку. Мальчики, потные, красные, бестолково галдели, обсуждая какие-то тонкости игры. Среди них топтался Степа. Он был без шапки и ежеминутно наступал на длинный зеленый шарф, сползший с его шеи и одним концом зацепившийся за крючок ворот.

К ребятам спешил Мухамет-Нур. На его лице были отчаяние и негодование.

— Зачем так делать? — восклицал он. — Степа Моргунов, я тебе говорил «иди домой» или нет? Ты разве мальчик? Ты ненормальный человек! Мать скажет: «Это не мой сын!» Валенки портил, шапку терял...

Лиза прервала сетования Мухамета. Она подобрала Степину шапку, черневшую в сугробе, нахлобучила ее на голову мальчику, энергично замотала ему шею шарфом и крикнула:

— Сию минуту все по домам!

Ребята врассыпную бросились к воротам. Мухамет, тяжело вздохнув, снова взялся за лопату.

— Испортили вашу работу, Мухамет, — ласково сказала Тоня.

— Молодой еще, — ответил уже спокойно сторож. — Уроки слушать тяжело, бегать охота... Конечно, скучный ребенок тоже нехорошо. Вроде как больной... Ну, этот Степа очень веселый. Чересчур веселый... Даже не знаешь, что хуже.

Девушки посмеялись добродушию Мухамета и вышли на улицу.

— Ишь, улепетывает! — сказала Лиза, показывая на мчавшегося по дороге Степу, и сейчас же обратилась к Тоне: — Антонина, ты вот меня за Маню ругаешь, а зачем сама на Тольку накинулась? И Татьяну Борисовну так защищаешь... Неужели потому, что она у вас живет?

— Что ты! Мы даже ни разу не разговаривали как следует.

— Ну? А я думала, может, подружился очень...

— Да нет... Я ведь понимаю, что ребята правильно говорят...

— А почему же ты наперекор?

— Видишь, — нерешительно начала Тоня, — я из-за Надежды Георгиевны. Ведь плохую учительницу Надежда Георгиевна не выписала бы к нам, правда? Значит, наверно мы сами еще не разобрались. Все наладится. Надо только это настроение у ребят перебить. Надежде Георгиевне неприятно будет.

— Ну при чем тут Надежда Георгиевна? Ты просто нам рты зажимаешь!

— Я только хочу, чтобы ваши рты не болтали много прежде времени. Не может быть, чтобы Надежда Георгиевна ошиблась.

— Тоня всегда о других думает, — сказала Женя. — Меня иногда даже смущает такое отношение...

— Здравствуйте, Евгения Михайловна! — Тоня дурашливо поклонилась Жене. — Очень рада слышать, что после стольких лет дружбы вас смущает мое отношение.

Женя слабо улыбнулась этой выходке, и Тоня обрадовалась, увидев улыбку на бледном лице подруги.

— Подожди, не дури. Я правда часто думаю, что если ты решила, как надо поступить, так и будешь действовать, хотя необходимости в этом никакой нет....

— Выражайся точнее, Женечка. Приведи конкретный пример, как говорит Петр Петрович.

— Ну, вот ты зовешь меня к себе, а я не знаю, хочешь ты со мною побыть или думаешь, что так надо поступать, когда подруга... когда у подруги... словом, ты понимаешь...

— Пример неудачный, — сказала до сих пор молчавшая Нина. — Конечно, Тоня от души тебя зовет. Но вообще-то она на такие поступки способна, по-моему... ну, сознательные, великодушные, что ли... Вот я думаю, если бы кому-то из нас предстояло по выбору что-нибудь замечательное, необыкновенное... в Москву, скажем, поехать... я, да и всякая девушка, мечтала бы, чтоб меня выбрали, а Тоня, пожалуй, отказалась бы в пользу другого. Подумала бы, что справедливей будет, если Пасынков поедет или Лизка...

— Да ведь тут, девчата, два чувства. Которое сильнее, тои победит, — решительно сказала Лиза. — Скажи правду, Женя: тебе к Кулагиным хочется пойти?

Женя молча кивнула.

— А пойдешь?

— Нет... Боюсь папу пропустить.

— Ну вот. И ясно все.

Девушки дошли до угла и распрощались с Женей;

— Совсем извелась Евгения, — сказала Лиза, когда Женя скрылась за дверью. — Одни глаза остались. А не стонет, не жалуется.

— Да, — тихо отозвалась Тоня. — Она мне как-то говорила, что потерю кого-нибудь из близких не смогла бы перенести, а я ей сказала, что она еще себя не знает. Так и вышло...

В следующие дни Тоня продолжала уверять товарищей, что ей очень нравится Татьяна Борисовна, но вскоре убедилась, что надобности в этом нет: никто не собирался тревожить Надежду Георгиевну и сообщать ей, что у молодой учительницы дело идет не совсем ладно. А Сабурова и сама ясно видела, что Новикова еще не завоевала доверие класса.

Глава восьмая

— Шефы идут! — крикнул вихрастый подросток, вбегая в барак. — Шефы! Лариоша впереди шагает. Несут чего-то!

— Староста! Савельев! Иннокентий, встречай! — зашумели ребята.

— Встретим! — с достоинством ответил Савельев, здоровый белокурый парень, и, поспешно пригладив волосы, распахнул дверь.

Десятиклассники вошли в барак. Длинная, просторная комната сияла чистотой. Потолки были заново побелены, жирно блестели свежей краской окна. Посреди комнаты накалялась большая железная печь, и по вымытому, еще влажному полу тянулись уже просохшие полосы.

Илларион приготовил торжественную речь, но когда, ослепленный светом ничем не занавешенной лампочки, разглядел эту чистоту, то забеспокоился совсем о другом:

— Ребята! Валенки обметайте! Не натоптать бы здесь!

Школьники снова высыпали за дверь, энергично счищая снег с валенок.

Торжественность минуты, таким образом, пропала, и когда все возвратились обратно, Рогальский протер очки и сказал просто:

— Ну, ребята, порядок у вас полный. Точно новоселье. Мы пришли вас поздравить. Примите наши скромные подарки! — Он пожал руки молодым горнякам.

Тоня, Женя и Нина начали развязывать пакеты.

— Полочки — работы наших учеников Соколова и Мохова, — продолжал Илларион. — Это — Соколов. Он нынче в легком припадке меланхолии... Кланяйся, Анатолий. А та жизнерадостная личность — Андрюша Мохов. Андрюша, ты что стены так вдумчиво изучаешь? Побелка нравится?

— Да я гляжу, куда бы полки повесить, — невозмутимо пробасил Андрей.

Ребята со смехом и шутками окружили школьников:

— Да вы раздевайтесь, грейтесь!

— К печке поближе!

— У нас тепло теперь. Все щели замазали!

— Сейчас, сейчас. Вот книги возьмите.

Тоня распаковала пачки книг.

— Здорово!

— Это подарок!

Книги пошли по рукам.

— Гляди, ребята: «Как закалялась сталь»!

— «Овод»! Давно про эту книгу слышал!

— Эх, «Тихий Дон»! Полный! А я только первую часть читал.

— Ребята! Все книги нужно прочитать, — строго сказала Тоня, — скоро доклад у вас будет о советской литературе.

— Кто докладчик-то?

— Сама я к вам приду.

— Хорошо!

Петя Таштыпаев и Ваня Пасынков передали горнякам несколько застекленных и окантованных портретов вождей и писателей, а Женя с Ниной преподнесли им пестрый абажур своей работы.

— Давайте сейчас всё развесим и расставим по местам, — предложила Тоня.

Бойко застучал молоток. Все работали с увлечением.

— Еще занавески для окон девочки сшили, да Моргунова с ними что — то запаздывает, — заметил Илларион.

— Кто-то идет! Не она ли?

Но это была не Лиза, а Новикова. Десятиклассники встретили ее с нескрываемым удивлением:

— Татьяна Борисовна, вы?..

— Разве вы знали, что мы здесь?

— Пришла посмотреть, как у вас дела идут, — громко сказала Татьяна Борисовна.

Не могла же она признаться своим ученикам, что ее послала сюда Сабурова.

«Внешкольную работу ты, по-моему, совсем запустила, Таня, — укоряла Надежда Георгиевна. — Кроме как в классе, с ребятами не встречаешься. Для начала сходи-ка сегодня в рабочее общежитие. Все твои там будут».

Стараясь скрыть свое смущение, Новикова схватила один из портретов и принялась прибивать его, поминутно роняя гвозди.

Ее приход нарушил веселое настроение ребят. Горняки примолкли, а школьники стали переговариваться вполголоса.

— Ребята, — неожиданно спросила Нина, — вам этот вечер ничего не напоминает?

— Ну как же!

— Волковых помните?

— А тетку Матрену?

Все дружно захохотали.

Во время войны комсомольцы и старшие пионеры помогали в хозяйстве женщинам, оставшимся без мужей. За это особенно ратовал Павлик Заварухин, хотя Илларион с ним горячо спорил:

— Ты пойми, это ведь тимуровская работа по существу... пионерское дело. Так и в журнале «Пионер» написано.

— Ну, а где написано, что комсомольцам нельзя этим заниматься? — возражал Павел. — Все хорошо, что людям на пользу... И Надежда Георгиевна так считает. Тебе, Тоня, с девочками надо в первую очередь к Волковым сходить. Женщина мается с пятью детьми, отец на фронте. Кому бы и помочь, как не нам! А мы ребяташек на елку позвали, да и успокоились! Узнайте, что можно для них сделать.

Тоня с подругами побывала у Волковых. В маленьком, запущенном доме сделать можно было многое. Мать работала, а старшая девочка разрывалась между школой и семьей. Когда школьницы пришли, маленькая хозяйка, вся перепачканная сажей, топила печку.

Старшеклассницы решили сразу же взяться за работу. Они сняли шубы и схватились за ведра и тряпки. Девочка изумленно смотрела на них и изредка тихо говорила:

— Эту бутылку нельзя выкидывать, мама не велела. То ведро не берите — худое.

К вечеру пришла сама Волкова. Она не выразила никакой радости при виде чисто убранного жилья и вымытых детей.

— Батюшки! Пол-то мыли, поди, из новой лоханки! — восклицала она. — Занавеску пеструю куда дели?

Девушек такое поведение сильно охладило, но Павел принял его как должное:

— Не привыкли к этому и стесняются, наверно. Народ ведь у нас гордый. Вы, главное, держитесь так, чтобы люди не подумали, будто у нас месячник помощи или кампания какая-то. Всем говорите, что мы считаем школу и прииск одной семьей. Когда в семье кому-нибудь трудно, другие ему помогают.

Сабурова внесла в это новое дело свойственные ей спокойствие и порядок. Но работу молодежи не сразу поняли и оценили. Не обошлось и без забавных историй.

Жила на прииске старуха Матрена Филимонова, тетка «ушлая», как говорили про нее, самостоятельная и весьма самолюбивая. Муж ее погиб еще в гражданскую войну. Матрена тогда осталась с выводком крепких, белоголовых, похожих на молодые грибки ребяташек. Положение ее было отчаянное, и Матрену, против всех правил, взяли работать в шахту. В то

время это было еще редкостью. Женщины под землей не работали, и существовало поверье, что баба в шахте приносит не — счастье. Соседки боязливо взглядывали на Филимонику и удивлялись, как она справляется.

А великанша Матрена работала с такой неженской силой, так зычно покрикивала на товарищей и подручных, что скоро ей дали прозвище «баба-штейгер»^[5]. Так оно к ней и прилипло, хотя штейгеров давно не стало, а сама Филимониха поставила на ноги сыновей, женила старшего и уже не работала в шахте. Она нянчилась с внучатами, держала в страхе невестку и дочерей, а три сына ее воевали.

Кто-то из ребят проболтался внуку Матрены, что комсомольцы собираются заглянуть и к ней. Баба-штейгер загоняла всех домашних, выскребла и без того чистые комнаты, вымыла и придела ребят. Белая скатерть на столе, аккуратно разостланные половики, тепло и уют встретили школьников в этом доме.

— Гости дорогие, пожалуйста! Прямо к самоварчику угодили! — запела Филимониха. — И шанежки только из печи... Извините, что не помазаны. Нынче сметанки-то нету...

Девушки переглядывались и смущались. Они хотели было объяснить, зачем пришли, но Матрена, не слушая, попросила всех раздеться и подала веничек, чтобы обмести валенки.

— Вас, дорогие, много. Снегу мне нанесете, придется после вас полы обратно мыть.

Она заставила комсомольцев осмотреть кровати внуков, их одежду, рассказала, кто чем болел, и похвасталась отметками в тетрадях старшего внука — первоклассника. Мальчишка бабушке не перечил, но, убирая со стола свое добро, фыркнул в рукав.

— Нечего хаханьки разводить! Ежели люди интересуются, как живем, нужно показать! — строго прикрикнула Матрена. — И вы, умницы, не скальтесь! — обратилась она к дочерям и невестке.

Вместо того чтобы работать, школьники должны были чинно рассесться за столом и пить чай с шанежками. Петя Таштыпаев предложил было наколоть Филимонихе дров, но она замахала руками:

— И-и! Что ты, дорогой! Наколоты! Полный сарай. Да куда тебе против моих девок! Они начнут колоть — земля дрожит!

Заметив на куртке Мохова болтающуюся пуговицу, Матрена принялась пришивать ее.

— По чужим домам бегамши, пуговицы растеряешь... Народу-то у нас людно. Все оборветесь, дорогие! А эта варежка чья? Твоя, Лиза? Давай дыру зашью, тебе, поди, некогда. А ты пей чай-то, пей!

Десятиклассники со смехом вспоминали этот случай:

— Ядовитая тетка, что говорить!

— Честное слово, — сказал Петр, — я тогда испугался, что она баню топить побежит.

— А помните, — заговорила Тоня, — когда дочери ее уехали, а невестка заболела, она сама пришла в школу, попросила, чтобы мы помогли?

— Как же! — подхватила Нина. — Пашу Заварухина вызвала: «Девушек не пришлешь ко мне вечером, Павлуша? Может, помогут чем нити?»

Увлечшись воспоминаниями, школьники не заметили, что их внимательно слушают не только обитатели барака и Татьяна Борисовна. Незнакомый молодой человек с круто вьющимися русыми волосами и высоким лбом тоже прислушивался к разговору. Илларион, увидев его, просиял:

— Познакомьтесь, ребята: это Кирилл Захарович Слобожанин, новый, только что выбранный секретарь приискового комсомола.

— Пришел поздравить товарищей с настоящим жильем. Давно пора было за это дело взяться, — говорил Слобожанин, оглядывая общежитие.

Он обошел молодежь, здороваясь с каждым и переспрашивая фамилии.

— Суханов? Крепильщиком работаешь? А это твой брат, что ли? Такой же поджарый да смуглый. Фамилия меткая у вас Сухановы. Ты, значит, Савельев? Староста? Слышал про тебя... Ну, с твоей братией знаком, — обратился он к Иллариону. — Нам надо со школой ближе подружиться. У вас комсомольская работа хорошо идет. Не мешает кое-чему поучиться верно?

Двигался он быстро, а на людей смотрел пристально и дружелюбно. Тоня даже слегка отшатнулась от него, таким восторженным показался ей взгляд Слобожанина.

Когда на маленьких полочках аккуратно разместились умывальные принадлежности, а на большой — книги, нашли свои места портреты и абакжур качался над столом, все уселись возле печки.

— Работы много впереди, — говорил Слобожанин. — Другое время настает, ребята, по-иному и работать нужно. За войну многому научились, верно? А кое в чем и отстаем. Я слышал, третья шахта у вас хорошо идет, — обернулся он к Савельеву.

— Жаловаться нельзя, — степенно отозвался тот, и смешливое лицо его стало серьезным. — В шахте порядок. Утром придешь — выката ^[6]

подметены, инструмент приготовлен. При хорошей организации и норма хорошая: не приходится уборкой рабочего места да подготовкой инструмента заниматься. Мечты, конечно, у нас о транспортере ^[7]. В шестой и девятой поставили, а у нас пока нету...

Тоня знала, что в шестой шахте, где работал Николай Сергеевич, недавно поставили транспортер, на который отец не мог нарадоваться. Она с интересом слушала Савельева.

— Поставят! — твердо сказал Слобожанин. — В этом не сомневайся.

— Надо бы лучше учить молодых откатчиков, — вмешался до сих пор молчавший высокий парень. — Тачку многие катят так, что вся тяжесть приходится на руки, а не на колесо, да и торопятся... Сколько раз за смену съезжают с выкатов!

— Правильно! Пока снова тачку на выката поставишь да рассыпанные пески соберешь, время-то идет! Забойщику надо бы быстрее подкайливать породу под новое крепление, а он должен помогать тачки накладывать.

— Я вот как крепильщик скажу, — начал старший Суханов: — стойки тоже часто подаем несвоевременно...

Разговор становился все шумнее. Ребята торопились рассказать о своих бедах и недостатках. Слобожанин слушал каждого, быстро кивая и изредка вставляя верное и дельное слово.

«Пожалуй, не все мы так относимся к ученью, как они к работе, — подумала Тоня. — А мы ведь в тепле и чистоте за книгами сидим, не то что они — под землей, частенько ночью...»

Словно подтверждая ее мысли, раздался резкий гудок. Протяжный звук медленно плыл над затихшим по-вечернему поселком.

— Пора в ночную, ребята! — Савельев встал. — Поторапливайтесь!

— Что же ты сам не торопишься? — спросил Слобожанин.

— Я свободный. Отгуливаю за переработку.

Молодежь поднялась.

— Я, товарищ Слобожанин, вот над чем задумываюсь, — вдруг заговорил Савельев: — нельзя ли у нас в шахтах лавным способом работать?

— Как это? Лавы в твердых породах удобны, а у нас ведь пески, — сказал кто-то из горняков.

— Что это такое вообще — лава? — заинтересовалась Новикова.

— Ну как же! — охотно пояснил Савельев. — Мы в забоях работаем. Забой не шире четырех метров, а лава — широкая выработка: пятнадцать-двадцать метров. Там подготовки рабочего места ждать не надо. Фронт работ широкий, есть где развернуться.

— А обвалы? Сыпучесть породы? — спрашивали ребята.

— Конечно, лавы надо применять там, где кровля устойчивая. Разве у нас таких участков мало? На Ленских приисках не только в мерзлоте лавный способ применяют, но и в таляках^[8], вот что замечательно. Значит, и у нас вполне можно... Рабочей силы много освободится, производительность вверх пойдет...

— Вот ты о чем задумываешься! Интересно... — с улыбкой сказал Слобожанин.

— «Интересно» не то, что он над этим задумывается, — сердито вмешалась Тоня (ей показалось, что Слобожанин без внимания выслушал взволнованные объяснения паренька). — Если он передовой рабочий, вполне естественно, что его занимают новые методы. Само предложение интересное. Его обдумать, обсудить надо...

— Правильно! — Слобожанин стремительно обернулся к Тоне. — У нас ценных предложений десятки. Мы все обсудить должны. И притом, — он возвысил голос, — очень внимательно, без спешки. Все производство коренным образом будем менять. Ведь нужно добиться полной механизации работ, стахановское движение развить так, чтобы не отдельные ударники в героях ходили. По-стахановски работать должны бригады, смены, целые шахты... Немалый труд предстоит!

Он задумался, а когда заговорил, Тоню поразила грусть в его голосе.

— Людей мало, — как-то интимно, доверительно сказал он. — Люди сейчас как воздух нужны, как хлеб. Эх, ребята! Не узнаете вы свой край через несколько лет!.. Но для этого народ нужен. Каждый толковый работник для нас сейчас клад.

Прозвучал второй гудок, и ребята, торопливо натягивая ватники, стали прощаться со школьниками:

— Ну, спасибо, товарищи шефы, за внимание.

— За книжки особенно!

— Не забывайте!

— Увидимся в клубе.

Когда все разошлись и с гостями остался один Савельев, десятиклассники тоже стали собираться по домам, но в это время явилась запоздавшая Лиза. Она принесла целый ворох накрахмаленных марлевых занавесок. ^[8]

— Опоздала? — весело спрашивала она. — Разглаживала, вот и задержалась. Татьяна Борисовна, и вы здесь? Девочки, помогайте. Сейчас мы их приладим!

С тобой разговор особый будет, Моргунова, — нахмурясь, сказал Илларион. — Газету вывесили?

— Ой, нет. Ила! Сто раз слово себе давала не связываться с Заморозовой, да уговорили поручить ей оформление. И, как на грех, ведь рисует она хорошо! Конечно, подвела...

— Так вот что я тебе скажу, — резко прервал ее Рогальский: — не Заморозова тут виновата... Кто редактор школьной газеты? Ты! Не надо поручать дело человеку, на которого не надеешься. А поручила — проследи. Или тебе, комсомолке, это не ясно?

Рогальский отчитывал Лизу решительно и холодно. Лицо его сделалось «каменным», как говорили ребята.

Лиза, смущенная тем, что ее пробирают при незнакомых людях, молчала, покусывая губы. Слобожанин с интересом смотрел на нее.

— Как подвела, гадюка! — прошептала она Жене, когда Илларион умолк. — Вот доверилась ей — и что вышло! Теперь срамись тут из-за нее!

— Мы еще на собрании будем говорить об этом, — снова загремел Рогальский. — Придется, очевидно, переизбрать тебя.

— Пожалуйста! — упавшим голосом ответила Лиза.

Рогальскому бросилось в глаза бледное лицо Жени, с явным сочувствием смотревшей на подругу.

— Я уверен, что любая наша девушка, вот Женя Каганова например, вела бы себя в таком случае совершенно иначе. А почему? Она человек выдержанный, к работе относится честно. Лично я буду предлагать на собрании ее кандидатуру.

Женя слабо порозовела и испуганно заморгала, а Ила неуверенно взглянул на Тоню. Не увлекся ли он? Женя недавно перенесла тяжелую потерю, ей сейчас не до газеты... Но Тоня, незаметно кивнув ему, спокойно сказала:

— Женя — человек добросовестный и с этой работой, конечно, справится. Но ты, по-моему, зря так на Лизу нападаешь. Мы ведь в последнее время очень плохо ей помогаем. Редколлегия давно не собиралась.

— Вообще отстаем! — заявила Нина. — Литературный кружок запустили...

— И клубную работу надо наладить, — подхватил Мохов.

— Ну, ребята, вы обо всем сразу, — сказал растерявшийся Илларион. — Нашли место! Для этого школа есть. Кому интересно о наших делах слушать?

Слобожанин захохотал.

— Ничего, ничего! — крикнул он. — Ты, друг, ведь первый начал. А нам очень интересно, — подмигнул он Савельеву. — Вы нас слушали, и мы слушаем...

— А что, в самом деле! — продолжала Тоня. — Сколько времени ждем, когда литературный кружок соберется. Ребята вот о Сане Григорьеве хотели поговорить. «Два капитана» все читали. Идет спор, почему Саня Григорьев стал таким смелым, мужественным. Потому ли, что упражнял волю, или на него больше влияла окружающая обстановка...

— Петр Петрович начал в клубе занятия по химии с приисковыми ребятами, просил нас помочь, а мы ничего не делаем, — заявил Мохов.

Татьяна Борисовна слушала, опустив голову. Каждое слово было упреком ей, именно ей. Мелькнула даже мысль, что ребята нарочно затеяли этот разговор.

Что делать! Не хватает времени! Решив не возиться с планами, как Надежда Георгиевна, она скоро убедилась, что уложить программный материал в отведенное ей количество часов она не сможет. Увлекается, делает длинные отступления, говорит не о главном... Надежда Георгиевна была права, когда твердила о пользе планирования.

Теперь Новикова все вечера просиживала над подготовкой к урокам, тщательно выписывая планы.

Первая часть урока — опрос... Она соображала, что спрашивать и кого вызывать. Вторая — новый материал. Третья опять опрос, закрепляющий новое. Она начала составлять таблицы орфографических и стилистических ошибок, разработала обширную программу чтения... Не впала ли в крайность, заботясь только об учебном процессе? Жизнь школьников проходит мимо нее. Со всеми своими недоразумениями они бегут к Сабуровой или к Петру Петровичу. А она еще думала, что ребята его не любят!

Новикова молча слушала десятиклассников, хотя видела, что Тоня и Илларион посматривают на нее выжидательно.

Наконец Рогальский встал со словами:

— Ну, для собрания материала хоть отбавляй. Попрошу каждого подготовиться по затронутому им вопросу.

— И мне следует над всем этим подумать, — сказала Татьяна Борисовна, но так тихо, что никто не слышал.

— Строже, строже к себе надо относиться, ребята! — сказал на прощанье Слобожанин.

Простившись со школьниками, он вышел из барака. Новикова молчаливо последовала за ним.

— Пошли и мы. Поздно, — сказал Петр Таштыпаев.

— Подождите! Занавески-то нужно повесить! — напомнила несколько приободрившаяся Моргунова.

— Это мы мигом! Давай сюда.

— А энергичный парень Слобожанин, — задумчиво сказала Тоня. — Отец про него рассказывал... Он ведь недавно только приехал. В городе тоже был на комсомольской работе.

— Этот порядочек наведет, будьте спокойны, — решила Лиза.

— А вы знаете, девушки, — тихо начала Нина, оглядываясь на ребят, — я ему понравилась. Вот честное слово! Он на меня так посмотрел!..

— Ой, а мне показалось, что на меня! — простодушно удивилась Женя.

— Тихоня-то наша какова! Не обольщайся, Женечка: смотрел он только на меня, Лизавету Моргунову, самую рыжую из вас да еще получившую при нем выговор.

— Знаете, подруги, — сдерживая улыбку, но стараясь говорить важно, сказала Тоня, — вы все совсем еще глупые девчонки.

— А ты умная? — сейчас же обиделась Лиза.

— Не особенно, — призналась Тоня, — потому что мне почудилось, что он с меня глаз не сводил.

Тоня, не удержавшись, фыркнула, и сейчас же раздался громкий хохот. Девушки испуганно обернулись и увидели ребят, неслышно подкравшихся к ним.

— Слышал, Илка? — кричал Мохов. — Не дает им покоя его взгляд! Ах, если бы он знал... Вот умора!

Серьезный Илларион повалился на чью-то постель в припадке смеха.

— Дорогие вы мои, — сказал он, отдышавшись и протирая очки, — он же на всех так смотрит! У него глаза такие. Будто увидел что-то замечательное или великая идея пришла ему в голову... А вы...

Он махнул рукой и снова засмеялся. Веселились и другие ребята. Лишь Соколов упорно молчал.

Тоня раза два взглянула на него. На лице Анатолия оставалось замкнутое и упрямое выражение, как ей показалось — принятое специально для нее.

«Что с ним, не понимаю!.. — подумала она. — Поговорили тогда, в новогоднюю ночь, откровенно, по-дружески, а он через несколько дней дерзостей наговорил... Теперь сам же дуется... Ну, пусть потешится! Я тоже не стану ни с чем к нему обращаться. Пожалуйста! Не навязываюсь в друзья!»

Глава девятая

Анатолий тоже не понимал, что с ним делается. Грубость, с которой он накинулся на Тоню при их встрече на каникулах, удивила его самого. Он словно ждал случая поспорить с Тоней. Это было легче, чем попрежнему молча ждать Тониной улыбки или приветливого слова.

После первой встречи с новыми товарищами полтора года назад он с особенным вниманием стал приглядываться к Тоне. У этой рослой девушки были такие серьезные темносерые глаза, какие бывают у ребенка, увлеченного игрой или книгой. Толя безотчетно радовался, когда эти глаза загорались смехом, с удовольствием прислушивался к звукам Тониного голоса, если она напевала что —нибудь или отвечала урок. Его обрадовало открытие, что Тоня много читала, любит музыку, редко ведет с подругами разговоры о «тряпках», к которым так презрительно относятся мальчики.

У них быстро установились хорошие товарищеские отношения. Порою они серьезно спорили, говорили о книгах, о школе. Он стал замечать отсутствие Тони. Если она не приходила в класс, день казался Анатолию очень длинным. Каждая пустячная просьба девушки наполняла его гордостью, и он старался как мог угодить ей. А Тоня, казалось, ничего не видела.

Для Анатолия стало привычным ожидание: вдруг Тоня делается тихой и задумчивой, скажет, что она понимает все... И тогда можно будет рассказать, как он постоянно думает о ней, как радуется, если она оживленно и дружески говорит с ним, как часто вечерами бродит он по улицам в надежде встретить ее. После этой беседы ему станет удивительно легко.

Дальше мечты Анатолия не шли, а несостоявшаяся беседа столько раз повторялась в его воображении, что он знал ее наизусть. И вдруг Тоня сама, не дав ему высказаться, заговорила о том, что он тщательно скрывал. И не только заговорила, а ясно дала понять, что не хочет объяснений на эту тему. «Она не должна была так поступать! Это вышло грубо, не деликатно», — твердил себе Толя.

«Что же изменилось?» — задавал он себе вопрос. Точно так же Тоня относилась к нему и год назад... Почему же тогда он мог быть спокойным, даже веселым, а теперь ему так плохо? Придя из школы и усевшись за уроки, он часто отрывался от книги и подолгу смотрел в одну точку, ни о чем не думая. Он перестал вырезать из дерева человечков и смешных

зверушек. Инструменты и заботливо заготовленные чурки покрывались пылью. Порой Толя ленился даже разогреть себе еду и либо до — жидался прихода матери, либо отламывал кусок хлеба и вяло жевал его. Вечерами он скучал в одиночестве, но на предложения товарищей пойти куда-нибудь отвечал отказом, говоря, что хочет заниматься.

Его в самом деле беспокоили учебные дела: кое-что на уроках математики осталось для него не совсем ясным, потому что он невнимательно слушал учителя. И по истории он в последний раз отвечал не так, как всегда; Лидия Ивановна посмотрела на него удивленно и, ставя тройку, заметила:

— Что с тобой сегодня, Соколов? Или нездоровится?

Подогнать пропущенное было, собственно говоря, делом двух-трех вечеров, и Толя каждый день хотел этим заняться, но дальше добрых намерений не шел. Вечера проходили бесплодно, и он едва успевал бегло просмотреть заданные уроки. Его одолевало недовольство собой. Все валилось из рук, и не то сон, не то лень клонила голову.

В недолгие часы, проводимые с матерью, Толя был замкнут, говорил неохотно, раздражался. Удивленный взгляд ее рождал в нем еще большее раздражение.

Зинаида Андреевна знала своего сына. Деятельный, здоровый мальчик всегда радовал ее прямоотой, мягким, открытым характером. Редкие вспышки беспричинного упрямства всегда можно было победить лаской и спокойствием. Люди часто говорили ей, что юноша хорошо воспитан. Толя был приветлив, сдержан, без тени грубоватого молодечества, которым любят щеголять мальчишки. Зинаида Андреевна привыкла к похвалам сыну и принимала их как должное.

Теперь с печалью и страхом следила она за переменой в характере Анатолия. Причины этой перемены были ей ясны.

С полгода назад разговорчивая Анна Прохоровна Моргунова, любившая «веселую докторшу», шепнула ей с улыбкой: «Сынок-то ваш, говорят, по Тонюшке Кулагиной сохнет». Зинаиду Андреевну рассмешило слово «сохнет». Очень уж оно не вязалось с румянцем и ясными глазами Анатолия. Она тогда сказала Моргунихе, что это вполне естественно в Толины годы, но в глубине сердца ощутила укол. Значит, завелись у сына тайны, о которых другие знают, а она и не подозревала. Близорукими оказались ее материнские глаза.

В тот день, когда школьники ходили в общежитие, Толя был особенно раздражен с утра. Он отвечал матери так небрежно, что Зинаида Андреевна ушла на работу в подавленном состоянии и весь день не могла избавиться

от гнетущего чувства обиды.

Вечером, вернувшись домой, она нашла сына у стола, загроможденного посудой. Он невесело посвистывал, заглядывая по временам в лежащую перед ним книгу. Зинаида Андреевна побледнела от негодования, но, сдержав себя и стараясь говорить спокойно, спросила:

— Не противно тебе сидеть в таком беспорядке? Мог бы хоть немного прибрать комнату к моему приходу.

— Не хотелось — и не прибрал, — проворчал, не поднимая головы, Анатолий.

Обычно его не приходилось просить о помощи. Все маленькие хозяйственные дела он делал охотно, весело и без напоминаний. Но в последнее время эти несложные обязанности стали явно тяготить его.

Зинаида Андреевна молча сняла валенки и достала домашние туфли. Прежде их приносил ей сын, но с недавних пор перестал оказывать и эту всегда трогавшую ее услугу.

Сквозь опущенные ресницы Толя видел, как мать постояла посередине комнаты, как бы соображая, с чего начать, затем решительно собрала со стола посуду и унесла ее в кухню. Ее быстрые, легкие движения и особенно то, что, выходя, она не взглянула в его сторону, еще усилили Толино раздражение. Когда через полчаса комната была приведена в порядок и мать, поставив на стол миску с горячим супом, позвала его обедать, он буркнул, что не хочет есть.

— Да что с тобой происходит, скажи на милость?

Никогда прежде Толя не видел у матери такого выражения глаз. Это был насмешливый, оценивающий взгляд чужого человека.

— Ты отвратительно ведешь себя...

Толя внезапно вскочил, отшвырнул в сторону книгу и закричал:

— Оставь меня в покое! Слышишь? Подумаешь, преступление — комнату не прибрал! Кажется, можно избавить меня...

— Толя!..

Этот недоуменный окрик сразу отрезвил Анатолия. Он сам испугался своей выходки и растерянно взглянул на мать. Бледная, она стояла перед ним. Маленькие руки ее дрожали, и она, чтобы унять эту дрожь, крепко сжала конец перекинутого через плечо полотенца, так что на смуглой коже ясно обозначились побелевшие косточки.

— Как ты посмел так говорить со мной!

Толя шагнул к матери, но она отстранилась:

— Не подходи ко мне! Я не хочу с тобой объясняться! Я глядеть на тебя не могу... Так распускаться, раскиснуть... так не владеть собой! Мой

взрослый сын... Комсомолец! Мой друг и помощник!

Эти последние слова Зинаида Андреевна выговорила так презрительно и отчужденно, что Толя, махнув рукой — дескать, пропадай всё, — выбежал из комнаты.

Он долго стоял в кухне, не зная, куда деваться от едкого стыда. До слуха его внезапно доходил и опять пропадал равномерный стук падающих из крана капель. Моментами, точно просыпаясь, он с удивлением оглядывал кухонную утварь, словно вопрошая сковороды и кастрюли, как могло случиться, что он так обидел родного человека.

В тишине, окружавшей его, возник слабый звук. Сначала Толя не понял, что это такое. Но в следующий миг до него дошло: мама плачет. Его бросило в жар от подступившей к сердцу жалости и любви. Он кинулся к ней.

Зинаида Андреевна действительно плакала, сидя над остывающей тарелкой супа и попрежнему держа в руках полотенце. Милые, косо прорезанные глаза поднялись на Анатолия.

— Прости меня, мама!

В срывающемся голосе и сведенных бровях сына мать почувствовала его душевное смятение. И первым движением ее было обнять юношу, разгладить непривычные складки на чистом лбу.

Но она отвела глаза, вытерла слезы и сказала почти спокойно:

— Сядь, Анатолий. Расскажи мне все.

Толя говорил тихо, часто останавливаясь.

Зинаида Андреевна изредка задавала вопросы, а больше слушала. Глаза ее засветились добрым вниманием. Смешные, совсем еще детские переживания! Но сын ее мягок, он незащищен ни самомнением, ни эгоизмом. Для таких, как он, и смешные детские переживания могут стать настоящим горем. Как найти нужные слова? Как помочь ему обрести душевную крепость?

— Я тебя не буду уверять, что чувство твое скоро пройдет, слышишь, Толя? Я-то знаю, что будет так, но ты мне не поверишь. Тебе сейчас трудно и кажется, что так будет всегда. Но ведь многие, почти все, в твоём возрасте испытывают то же самое.

— Ты смотришь со стороны, мама...

Зинаида Андреевна улыбнулась:

— И я ведь была молода, Толя. И в ранней юности тоже страдала от чувства, которое казалось мне огромным. Но об этом даже никто не знал. А жизнь, ученье, работа были так интересны, что очень скоро мне пришлось удивляться, куда же это огромное чувство девалось... Это проходит, как

дождь. Порою вспомнишь с улыбкой или с грустью. Но это грусть о первой поре юности. Чудесная пора, но она только порог к большой, настоящей жизни. Жизнь тебя изменит, и другими глазами ты взглянешь...

— Нет, нет, мама! Никогда не взгляну на Тоню чужими глазами!

— Что же, если ты будешь благодарно и ласково вспоминать о ней, это хорошо. Хорошо сохранить добрую память о своей первой мечте. Но долго жить одной мечтой человек не может. Ты ведь понимаешь, что жизнь твоя только началась...

— Понимаю... Я хочу жить и работать. Знаю, что делаю только первые шаги... И ты права, наверно, что это мечта. Но почему же...

— Почему она приносит тебе боль? Это бывает... Но не стоит ничего человек, который сломается оттого, что первая мечта его не осуществилась. Где же воля твоя, где характер? Почему так мало в тебе силы?

Анатолий задумался.

— Вот ты восхищался подвигом Саши Матросова, искал книги о нем. Скажи, можно себе представить, чтобы Саша вел себя, как ты сейчас?

— Нет, конечно... — тихо сказал Толя. — Он выдержанный был.

— Ты сам нашел нужное слово. Подумай, а каково же мне сознавать, что мой сын никогда не будет способен на подвиг!

— Почему ты так говоришь? — обиделся юноша. — Может быть, и я в исключительный момент...

Чтобы совершить подвиг в исключительный момент, надо быть собранным и в обыкновенное время, в будни. Почему ты считаешь, что надо быть сильным только в особенные дни? Ты презираешь будни? А я вот люблю их. В будни как будто ничего приметного не случается, но именно в будни человек растет, идет вперед... И в буднях этих много героизма, Слабости они не терпят...

— Стыдно быть слабым, это я понимаю. Я, как говорится, поддался своему настроению.

— А это ведь легче всего. Сегодня ты грубо говорил со мной, завтра перестанешь учиться, потом.

Анатолий встал:

— Мама, не продолжай! Я сорвался... Может, не сразу возьму себя в руки, но так распускаться больше не стану. Я буду бороться... Верить мне?

— Я верю, сын. И, пожалуйста, не обижай Тоню. Ты ведь ее уважаешь. Зачем же срывать на ней досаду за то, что она не так относится к тебе, как ты хочешь?... Ну, и довольно об этом.

Они еще поговорили о Толиных школьных делах.

— Математику ты подгонишь в ближайшие же дни. Договорились?

Зинаида Андреевна заставила Толю поесть и отправила спать, а сама еще долго думала о сыне. «Я буду бороться», — вспомнила она наивные слова и улыбнулась.

«Да, он понял, понял... Я, кажется, никогда с ним так горячо не говорила. А как бы сейчас был нужен отец!»

Зинаида Андреевна вздохнула, вспомнив последнее письмо мужа. После войны майора Соколова оставили работать в Германии. И вот он пишет, что раньше чем через год-два не сможет приехать.

А Толе казалось, что он уже не чувствует себя одиноким. Чудесный человек мама! Она все понимает... Да, он сильный, он докажет это. И Тоня должна увидеть его силу.

Глава десятая

Как ни готовилась Тоня к беседе с молодыми горняками, но, идя после уроков в общежитие, чувствовала себя неуверенно. В сумке у нее лежал аккуратно переписанный и проверенный Надеждой Георгиевной доклад, примеры были подобраны, характеристики героев ясны. Как будто все в порядке, а страшно...

Она распахнула дверь в барак и сейчас же увидела, что ее ждали.

Посередине знакомой Тоне длинной комнаты с жарко топящейся печью был приготовлен стол, накрытый листом чистой бумаги, перед ним полукругом расставлены табуретки.

Уже отдохнувшие после ночной смены, подтянутые, аккуратно одетые ребята приветливо встретили Тоню.

Все уселись, и она уже откашлялась, собираясь начать, но в сенях послышались возня и сдержанный смех.

— Девчата, никак, пришли! — сказал кто-то.

— Какие девчата? — не поняла Тоня.

— А из женского общежития. Тоже хотели послушать.

— Заходите, девушки, да не галдите так! — крикнул белокурый староста Савельев.

Девушки, размотав платки и шали, скинув полушубки, шумно расселись. В комнате остро запахло снегом.

Тоня, смущаясь, поглядывала на это пополнение. Тех, кто жил в мужском бараке, она уже не раз встречала на лекциях и беседах, устраиваемых школьниками, а в женском общежитии ей бывать не приходилось. Но на лицах девушек отражалось такое искреннее любопытство и ожидание, что она успокоилась. Однако первая фраза доклада, подготовленная еще вчера, показалась ей сухой и напыщенной, и она просто спросила:

— Ребята, что вы читали за последнее время?

— «Радугу» Василевской!

— «В окопах Сталинграда»!

— «Народ бессмертен» Гроссмана!

— «Я вот замечательную старинную книгу прочитал: «Обрыв»!

— Лучше «Чапаева» книги нету!

— Мне Горький нравится!

Выяснилось, что большой и неуклюжий парень-забойщик, с сердитым

и в то же время сонным лицом, знает наизусть множество стихов, а подвижным чернявым братьям Сухановым так понравился «Сын полка» Катаева, что они ничего другого и читать не хотят.

— Уж мы нарочно проверяли, — со смехом говорил Савельев. — Ежели у Кости или Димки в руках книга, то непременно «Сын полка». Даже дрались из-за нее. Наизусть заучивают, что ли?

— Выдумает тоже — наизусть! — обиженно отозвался младший Суханов. — Хорошую книгу лишней раз почитать охота.

— Ты вот над другими смеешься, — в упор обратилась к Савельеву худенькая, бледная девушка с прозрачными голубыми глазами, — а сам почему не расскажешь, что читал?

— Могу, — ответил, не смущаясь, Савельев. — «Как закалялась сталь» прочел.

— Понравилась?

— Чудной вопрос! Как такая книга может не понравиться! — настороженно ответил парень, видимо чувствуя какой-то подвох.

— А Корчагин-то? — допытывалась девушка. — Павка? Признаешь, что молодежь на него должна походить?

— Еще бы! Конечно, признаю.

— Поймала я тебя, Иннокентий! — с торжеством, без улыбки сказала строгая девушка. — Павку Корчагина признаешь, а сам что делаешь? Разве Павка пришел бы на работу выпивши, как ты вчера? Пить-то он не умеет, — так же серьезно обратилась она к Тоне, — расслаб весь, смеется все время, тычется без толку туда-сюда. Сколько раз тачку перевернул... Забойщик не понял, в чем дело, говорит: «Ты, верно, сегодня нездоров». Мыто сообразили, какое у него нездоровье!

— Смотри, куда повернула! — изумленно сказал Савельев. — У нас же о литературе разговор, а ты об чем?

— Нет-нет, это тоже к литературе относится! — закричали девушки.

— Литература учит, как жить.

— Книгу хвалишь — поступай, как она говорит.

— Ты ответь: Павка Корчагин поступил бы так?

Савельев должен был признать, что никогда Корчагин так бы не поступил.

— Ясно! Да он покраснел бы за тебя, если б узнал!

— Так я же случайно... — оправдывался Савельев. — В привычке нет у меня выпивать.

— Насчет привычки мы бы с тобой не здесь говорили, а на комсомольском собрании, — неумолимо отрезала голубоглазая девушка.

Парни с интересом следили за спором.

— Постойте, как же так? — озадаченно спросил рослый забойщик. — Значит, я стихи любить права не имею, потому что на героев не похож? А в стихах-то не всегда герой и бывает...

— Не в этом дело, — вмешалась Тоня, — но случается так: человек говорит, что стихи любит, а сам бывает грубым...

— Вот-вот! — подхватили девчата. — Он как раз так: вечером в бараке стихи Пушкина читает, а утром на работе ругается вовсю!

— Зачем примечать все только плохое за человеком? — возмущенно сказал забойщик. — Я, может, не со зла ругаюсь, а просто так... к слову.

— Значит, не любишь ты стихи! После слов, которые сам Пушкин написал, ты «к слову» ругаться способен?

— А если Г орького взять? — несмело спросил вихрастый подросток.

— Горький упорству учит, силе, справедливости, — сказала Тоня, — у него многому поучиться можно.

— А вы, — грустно заметила бледная девушка, — книгу прочитали — в глаза она вам вошла. Потом похвалили изо рта вышла. А в голове-то что осталось?

— Что же мы, попки-попугаи по-твоему? — спросил забойщик.

— Над книгой другой раз сколько передумаешь.

— Напрасно ты, Зинка, всех, кроме себя, дураками считаешь!

— Себя-то я уж вовсе умной не считаю! — Девушка посмотрела на Тоню, словно ища помощи. — Я про героизм люблю, — продолжала она, — а сама трусиха. Мышей даже боюсь...

— Вот это, однако, неправда! — отозвался забойщик. Как насчет мышей — не знаю, а неприятности всякие ты любому в глаза говорить не боишься.

— Это разве героизм! — вздохнула девушка, не замечая насмешки.

— А правда! — оживленно заговорили ребята. — Зинка хоть мастеру, хоть директору все, что думает, выложит.

— Так и нужно. Зина правильно поступает, сказала Тоня, — и к литературе подходит правильно. Ведь не для того писатели пишут, чтобы развлечь вас на часок. Они хотят, чтобы книга учила, как жить, работать, помогала думать... И Пушкин ведь говорил, что его помнят будут за то, что он чувства добрые стихами пробуждал и свободу славил.

— Ну, а советская литература? Она ведь особенно такая? спросил Савельев.

— Да. Она... она... — Тоня долго искала нужное слово. — По-моему, ребята, она чувству ответственности учит.

— Перед обществом? Так надо понимать?
— И перед государством. И перед семьей. И перед самим собой.
— Вопросы все важные ставит! Насчет труда... — задумчиво сказала Зина. — А для каждого человека его работа — самое главное.

— Знаете, друзья, может будет такое счастье и перед выборами выступит товарищ Сталин, — сказала Тоня. — Вот он, конечно, будет говорить о работе. Скажет о работе всей страны, а каждый человек поймет, что и как ему самому нужно сделать.

— Да, это так!

— Очень правильно вы говорите!

— А Горький... — с петушиным задором вставил свое слово вихрастый подросток, — он ведь еще в старое время многое написал, а мне думается, его можно советским писателем назвать...

— Конечно, так и называем: Горький — зачинатель советской литературы.

— Вот о нашей работе, о золоте, почему мало пишут?

— Еще скажите: писатель из головы выдумывает или из жизни берет?

Тоня поворачивалась в ту сторону, откуда слышался вопрос, торопилась ответить, нередко становилась в тупик, рылась в памяти, подбирала примеры. Случайно взглянув на ходики, висевшие в простенке между окнами, она поняла, что беседа длится уже около двух часов, и испугалась:

— Доклад-то я не прочитала!

— На часы не смотрите! — крикнул тот же вихрастый подросток. — Не часто так поговорить удастся.

Тоня благодарно взглянула на него, а бледная девушка сказала заботливо:

— Нет, пора нашему беседчику домой идти. Никак, буран начинается.

Она отдернула занавеску. Белые вихри проносились в темноте мимо окна. Выл ветер. Тоня заспешила.

Ее провожали до дому всей гурьбой. Пришлось торопиться, так как буран разыгрывался не на шутку. Но и по дороге, несмотря на резкий, мешавший говорить ветер, споры и вопросы продолжались.

— Пришла! У меня уж сердце не на месте, — встретила Тоню мать. — Что на дворе-то делается!

— Метет, страсть!

Ветер выл все злее. Тоня, радуясь, что больше никуда не надо идти, звала к себе в комнату отца, чтобы рассказать ему о беседе с молодежью.

В кухне Варвара Степановна говорила с Новиковой о буранах:

— Февраль у нас частенько вьюжным бывает... Но такого бурана давно не было. В эту погоду из дому выходить никак нельзя.

Татьяна Борисовна слушала недоверчиво.

— А я как раз собираюсь к Надежде Георгиевне.

— Смотрите, снесет вас в овраг, замерзнете. Разве можно! Да вы без привычки! — уговаривала ее Варвара Степановна.

— Что вы, ведь я не маленькая! И вчера был ветер и нынче утром. Здесь так близко, я мигом добегу.

— И вчера и сегодня утром пустяки были. Вы послушайте, как задувает. Нет-нет, нельзя идти!

Новикова ничего не ответила, а когда Варвара Степановна ушла в спальню, накинула шубку и выскользнула за дверь.

Сначала ей показалось, что ничего особенного она не испытывает. Правда, было трудно дышать, никак не удавалось захватить достаточно воздуха. Но, сделав несколько шагов в непроницаемой, мутной мгле, она с ужасом почувствовала, что ветер подхватывает и несет ее, а удержаться на месте нет сил. Перелетев улицу, как на крыльях, она упала в сугроб.

Пригнувшись к земле, молодая учительница отдыхала от резкого, слепящего вихря, потом попробовала встать, но это удалось не сразу. А когда она наконец поднялась, то сейчас же снова упала.

«Дура... дура... не послушалась!.. — твердила она себе. — Ведь в двух шагах от дома действительно можно замерзнуть. Что же делать?»

Не решаясь опять подняться, она начала ползти, опираясь на руки. Но и это медленное продвижение доставалось ей с огромным трудом. Она постоянно останавливалась и осторожно втягивала в себя воздух через мех воротника.

На мгновение ей представилась залитая светом станция московского метро. Она словно ощутила под ногами твердый пол из разноцветных каменных плиток, увидела теплый мрамор стен, матовые тюльпаны светильников, решетчатые ступени эскалатора.

Но странное дело: вместо того чтобы горько пожалеть обо всем этом великолепии, Татьяна Борисовна развеселилась.

«Посмотрели бы московские подружки, как Таня Новикова ползет на четвереньках!.. — подумала она. — Точно сон какой-то... А ведь я доберусь... Ну-ка, еще немножко!»

Так, подбадривая себя, она ползла, отдыхала и снова ползла. Какое счастье! Калитка. Теперь уже близко!

Она была около самого крыльца, когда дверь распахнулась и Николай Сергеевич с фонариком в руках начал всматриваться во мглу и кричать:

— Татьяна Борисовна! Товарищ Новикова! Эй-эй!

Упорный, неослабевающий ветер срывал с губ Татьяны Борисовны ответный крик. Она подтянулась еще и схватила Николая Сергеевича за полу тулупа.

Старый мастер подхватил Новикову и ввел ее в дом. Варвара Степановна, которая не могла простить себе, что проглядела уход молодой учительницы, с тревогой вглядывалась в ее лицо. Но Татьяна Борисовна была хотя и напугана, но очень весела. Она, зябко передергивая плечами, пила горячий чай и подсмеивалась над своей неудачей.

— Упрямая какая! Все по-своему хочет! — шепнула Тоня матери.

— Неопытна, — спокойно сказала мать. — Теперь будет знать. А характер есть. Не растерялась.

Тоня подсела к отцу. Николай Сергеевич сосредоточенно крутил рычажок радиоприемника.

Задумавшись, она прослушала какой-то музыкальный отрывок, потом несколько фраз передававшейся лекции.

Спустя несколько минут Тоня взволнованно переглянулась с отцом. Радио донесло гул жарких аплодисментов. Овация продолжалась долго — медленно затихала, потом возникала вновь. И наконец раздался спокойный, единственный в мире голос.

Николай Сергеевич вскочил, крикнув:

— Идите скорее! Сталин говорит!

Подожли Варвара Степановна и Новикова.

Серьезно и негромко, словно беседуя отдельно с каждым, кто его слушал, товарищ Сталин говорил о минувшей войне:

— «Что касается нашей страны, то эта война была для нее самой жестокой и тяжелой из всех войн, когда-либо пережитых в истории нашей Родины.

Но война была не только проклятием. Она была вместе с тем великой школой испытания и проверки всех сил народа...»

Тоня снова взглянула на отца. «Выдержали проверку, да еще как!» — прочитал в ее глазах Николай Сергеевич и ласково кивнул дочери.

Сталин говорил о победе советского общественного и государственного строя, о победе армии, промышленности, сельского хозяйства. Его прерывали горячие аплодисменты.

У Николая Сергеевича блеснули глаза, он выпрямился:

— Вот сейчас, сейчас он скажет! — шептал старый мастер. — Слышите? О новой пятилетке!

— «Основные задачи нового пятилетнего плана состоят в том, чтобы

восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах.»

Отец поднял палец и наклонил набок голову.

— Так. Так. — повторял он. — Восстановить и превзойти. Иначе и быть не может!

— А потом? — шепнула Тоня. — Когда восстановим?

— Будет и об этом. Помолчи.

— «Что касается планов на более длительный период, то партия намерена организовать новый мощный подъем народного хозяйства, который дал бы нам возможность поднять уровень нашей промышленности, например, втрое по сравнению с довоенным уровнем.» — говорил вождь.

Речь кончилась, но все еще долго стояли перед приемником, слушая неистовые рукоплескания и счастливые, возбужденные голоса.

Потом начался сбивчивый и взволнованный разговор.

— Понастроим такого, о чем и не мечтали люди никогда! — радостно улыбаясь, говорила Тоня.

— Работа пойдет! — откликнулся отец. — Теперь поработать для мирной-то жизни всем особенно в охоту.

— Карточки-то отменят, как хорошо! — радовалась Варвара Степановна. — И цены снизят! Все делается для народа.

Татьяна Борисовна рассказывала, каким бывает Большой театр в дни торжественных собраний:

— На сцене красные знамена. Густой такой цвет. бархат. Много-много цветов. Бюст Ленина, а над ним — большой портрет Сталина. Люстры сияют. И народу в зале!.. Рабочие, ученые, военные. Все здесь!

Тоня в радостном нетерпении схватила бумагу и карандаш. Завтра же нужно собрать актив. Молодые горняки захотят побеседовать о речи вождя. Надо кое-что обдумать, записать.

Совсем поздно, когда ветер немного стих, пришел весь занесенный снегом дядя Егор Конюшков, приятель отца:

— Не мог утерпеть, Николай Сергеевич. Слыхал?

— Как же не слышать!

— Насчет всемирного значения победы как сказал товарищ Сталин, а?

Во многих домах поселка в эту ночь долго горел свет, и в следующие дни в семьях, шахтах, бригадах горячо обсуждались перспективы новой пятилетки. А бураны продолжали бушевать, и старики говорили, что уже лет двадцать не было таких ветров. С утра дни обещали быть ясными, но

после полудня небо нависало все ниже и ниже. Становилось почти темно, и в классах зажигали свет. Иногда после занятий Мухамет-Нуру и старшим мальчикам приходилось разводить по домам малышей.

Последний буран бушевал с особенной силой в ночь под воскресенье. У Моховых обвалилась стенка хлева, и сильно зашибло корову. Надо было немедленно исправить повреждение. Отец Андрея, раздобыв лошадь в колхозе Белый Лог, собрался за лесом, но ехать один не мог: плохо слушалась раненая рука. Андрею пришлось отправиться с отцом в тайгу, а потом чинить хлев. Новую стенку поставили, но приготовить уроки Андрей не успел. Он решил на другой день пораньше прийти в школу, чтобы попросить учителей не вызывать его. Все знают, что такое буран, и никто не заподозрит его в лени.

Получилось совсем не так, как было задумано. Уставший Андреи проспал и пришел в класс, когда урок химии уже начался.

Петр Петрович, человек добрый и справедливый, имел свои особенности: опоздания всегда очень сердили его. Он был убежден, что тот, кто опаздывает, не может хорошо знать урок.

Глядя на круглое, румяное лицо Мохова, Петр Петрович хмурился. Андрей показался ему сегодня особенно оживленным. Опоздавший, по мнению Петра Петровича, не имел права так выглядеть.

Кончив объяснение нового материала, Петр Петрович вызвал Андрея. Тот отказался отвечать, и учитель, поставив ему двойку, спросил Женю Каганову.

Андрей громко крикнул от огорчения и, оторопело мигая, сел на свое место. После урока его окружили товарищи.

— Ты что, толком объяснить не мог Петру Петровичу, в чем дело? — спрашивала Лиза.

— Да он ничего и слушать бы не стал. Сказал, как отрезал: «Садитесь, два». И сейчас же: «Каганова, можете ответить?»

— Не надо было спать! — сердито сказала Тоня. — Сам знаешь — отказываться нужно вовремя.

— Ну что же теперь делать? Не встречался с двоечкой уже года четыре, вот довелось и повидаться.

Толя Соколов с выражением кроткого терпения взглянул на Мохова:

— Может быть, ты все-таки форсить двойкой не будешь, а поговоришь с Петром Петровичем? Скажи, что хочешь исправить отметку.

Андрей проворчал, что не в его привычках бегать за преподавателями и просить вызвать его еще раз.

— Ну и целуйся со своей двойкой! Никто от этого не заплачет! — не

выдержала Лиза.

Однако все следующие дни Соколов уговаривал Мохова не портить себе табель, и Андрей наконец пошел к Петру Петровичу. Тот выслушал его и сказал:

— Что же ты сразу не объяснил, в чем дело? Если не прогулял, а проработал — положение, брат, меняется. Останься-ка сегодня вечером в школе, я тебя спрошу.

После уроков они около часа просидели в пустом классе. Андрей на все вопросы ответил хорошо, хотя Петр Петрович спрашивал по всему пройденному.

— Ну что же, Мохов, недурно. Считай, что двойки у тебя нет. Вместо нее стоит четверка. Журналы уже заперты в учительской, так я завтра скажу Татьяне Борисовне, чтобы она переправила отметку.

Обрадованный Андрей рассказал о своей удаче товарищам. Соколов был очень доволен:

— Я же тебе говорил!..

— Неужели расстался со своей двоечкой? — с притворным участием спросила Лиза. — Ведь так ей обрадовался!

Андрей не обиделся и только сказал:

— Балаболка ты, Моргунова!

История эта скоро забылась. Но в конце месяца Татьяна Борисовна стала обсуждать с классом отметки и объявила, что у Андрея двойка по химии.

— Как же это вы, Мохов?

— Нет у меня двойки! — крикнул громче, чем полагается, Андрей. — Меня Петр Петрович переспрашивал!

Новиковой не понравилась его горячность, и она ответила сухо:

— Вероятно, и тогда вы отвечали не лучше. В журнале стоит двойка.

В классе поднялся шум. Татьяна Борисовна удивленно взглянула на учеников.

— Разрешите... — встал с места Рогальский. — Петр Петрович действительно вторично спрашивал Мохова и обещал сказать вам, что надо переправить отметку.

— Вот как? Почему же сам Мохов не позаботился об этом?

— Наверно, положился на Петра Петровича.

— Странно... Или Мохову только показалось, что он отвечал на четверку, или Петр Петрович забыл мне об этом сказать.

— Нет! Петр Петрович такие вещи не забывает! — запальчиво крикнул Мохов. — Вот вы забыли, это да! Вам-то все равно, двойка у

ученика или четверка!

Андрей выпалил все это одним духом и выбежал из класса.

Татьяна Борисовна вспыхнула, но взяла себя в руки, только глаза сощурила, и спокойно дочитала ученикам отметки. Вечером она пошла к Сабуровой.

В теплой комнате на круглом столе шумел маленький самовар. Надежда Георгиевна только что вымыла голову, и розовое моложавое лицо ее казалось еще моложе от распущенных пушистых волос. Она озабоченно отводила их в сторону и говорила:

— Хорошо, что пришла. Я хочу, чтобы ты сама рассказала, как все произошло. Тоня Кулагина говорила мне об этой истории. Десятиклассники сильно встревожены.

— Когда вы видели Кулагину?

— Она и сейчас здесь. — Сабурова указала на дверь в другую комнату.
— Роемся там в книгах.

— Почему же она так уверена, что прав Мохов, а не я? — обиженно и громко заговорила Новикова, не обращая внимания на предостерегающие знаки Сабуровой. — Это уж местный патриотизм какой-то! Она, вероятно, не может допустить, что кто — то из ее товарищей может ошибиться...

— Тише же! — возмущенно сказала Сабурова. — Она может услышать. И что ты только говоришь, Таня! Сама недавно школу кончила, прекрасно понимаешь, что такое чувство ответственности за товарищей, а из упрямства...

— Конечно, вы всегда станете на их сторону... — перебила Новикова и умолкла, услышав голос

Тони:

— Я выбрала книги. Большое спасибо, Надежда Георгиевна.

Тоня стояла на пороге, держа в руках пачку книг. Губы ее были сжаты, она не смотрела на молодую учительницу.

— Выбрала, Тоня? Ну, читай на здоровье.

— До свиданья!

Тоня сдержанно поклонилась и вышла. Сабурова покачала головой:

— Боюсь, что она слышала твои слова. Это неприятно...

— Да ничего она не слышала, я тихо говорила. А Мохову, как хотите, я сбавлю отметку за поведение.

— Десятикласснику сбавлять балл за поведение? Это случай у нас неслыханный. Нечестности мы за Андреем не замечали. Паренек был трудный, это верно... Прежде часто без предупреждения уходил в Шабраки... Сестра там у него живет. Он соскучится и убежит к ней, а здесь

его разыскивают.

— Ну вот видите, какой недисциплинированный!

— Так ведь он тогда мальчиком был! Последние годы его выровняли. А ушел отец на фронт — на Андрея вся забота о доме легла. И он справлялся, хоть и тяжело ему приходилось. Прошлым летом на тракторе работал в колхозе. Благодарность тогда получил. Мачехе своей он очень помог, хоть и не много хорошего от нее видел. Всю нежность и ласку она своим детям отдает...

— Мохов работал трактористом? Я об этом ничего не знаю.

— Ты еще многого о них не знаешь... Погоди, кажется стучат. Войдите!

В дверь протиснулась грузная мужская фигура в дохе.

— Петр Петрович? Случилось что-нибудь?

Завуча на приiske считали нелюдимым человеком. Был он одинок и жил, окруженный всяческим зверьем, одно время даже медведя воспитывал. Кроме школы, он никуда не ходил и у Сабуровой появлялся в исключительных случаях.

Он кивнул хозяйке и пошел было к дивану, но, вспомнив, что не снял доху, мешковато повернулся и вышел за дверь.

Сабурова тем временем подобрала и заколола волосы, достала из шкафчика еще чашку.

— Ну, освободились от своих мехов, Петр Петрович? Присаживайтесь.

— Я, собственно, зашел узнать, не увидите ли вы нынче Татьяну Борисовну, — угрюмо начал гость, — а она, на мое счастье, и сама здесь.

Словно собираясь с мыслями перед тем, как начать разговор, он задумчиво прихлебнул крепкого, почти черного, чая. Надежда Георгиевна знала его вкусы, и Петр Петрович говаривал, что она одна из немногих женщин, умеющих по-настоящему готовить чай.

Сабурова с улыбкой ждала. Ей было известно, что завуч не умеет и не любит разговаривать с малознакомыми людьми. Но сегодня он удивил ее, решительно обратившись к Татьяне Борисовне:

— Двоечку Мохову не переправили своевременно? Теперь ерунда получается... Сейчас Соколов Анатолий ко мне прибежал...

Сабурова повесила на спинку стула посудное полотенце, за которое было взялась, и пристально посмотрела на Новикову. Лицо Татьяны Борисовны потемнело. Она рассердилась:

— Должна огорчить вас: не помню, чтобы вы просили меня переправить эту отметку. Не было такого разговора. А выяснить это можно было бы и завтра.

— Нет, извините, на завтра я такие дела откладывать не привык. Ко мне приходит староста десятого класса и говорит, что Мохов, разобиженный, опять удрал в Шабраки. Все его товарищи возмущены несправедливостью. Выходит, что я Мохова обманул. А я их никогда не обманываю. Нет, я решил выяснить немедленно. Относительно же нашего с вами разговора придется потрудиться и вспомнить.

Новикова со страхом взглянула на Петра Петровича, он же внезапно протянул руку за лепешкой и начал сосредоточенно пить чай.

— Петр Петрович не мог тут ошибиться, — заговорила Сабурова. — Его точность...

— Да Татьяна Борисовна сейчас сама вспомнит, — уже более миролюбиво сказал покончивший с чаем Петр Петрович. — Ну-с, прошу сосредоточиться. Вы были дежурной по школе. В большую перемену вышли на крыльцо, смотрели, как ребята играют в снежки. Девятиклассник Сулейманов сильно ударил Славу Черных. Вы сделали ему замечание, потом стояли задумавшись. Я к вам подошел и сказал про Мохова. Вы ответили: «Хорошо, сделаю». Ну, вспомнили?

Лицо Новиковой медленно и густо покраснело: она действительно вспомнила.

В тот день ее с утра мучило недовольство собой, своей работой, отношением к ней ребят. А тут еще произошел случай, сам по себе незначительный, но сильно испортивший ее настроение.

Ваня Пасынков не пришел в класс, и она, поставив в журнале против его фамилии «птичку», спросила Таштыпаева:

— Вы не знаете, почему Пасынкова нет?

— У них большая стирка сегодня, — невозмутимо ответил Петя.

Новикова решила, что он издевается над ней, и вспыхнула так, что юноша удивленно посмотрел на нее.

Через некоторое время она задала тот же вопрос Моргуновой, и Лиза тоже сказала:

— Стирают они.

«Разыгрывают меня! Сговорились...» — подумала Татьяна Борисовна.

В перемену она накинула шубку и вышла из школы. Стоя на крыльце, с грустью думала, что ученики не уважают ее, что она им чужая. В эту минуту подошел Петр Петрович.

В ушах Новиковой прозвучал даже тон ее ответа. Так безучастно сказала: «Хорошо, сделаю», и тут же, погрузившись снова в свои грустные мысли, начисто забыла о двойке Мохова, словно никогда не слыхала о ней.

У Татьяны Борисовны было такое растерянное лицо, что Петр

Петрович отвернулся и сказал:

— Вспомнили? То-то! Сколько там у вас, Надежда Георгиевна, пахарь напахал?

Петр Петрович говорил о бронзовых часах с фигурой согбенного пахаря. Их преподнесли Сабуровой товарищи, когда исполнился первый год ее работы в воскресной школе. Они искали часы с сеятелем, но не нашли и после долгих споров все-таки решили выгравировать под пахарем любимые молодежью того времени строчки: «Сейте разумное, доброе, вечное». Надежде Георгиевне шел тогда двадцатый год, и с тех пор четыре десятилетия часы тикали на столике у изголовья ее постели.

В последнее время пахарь стал капризничать. Часы шли то лежа на боку, то опрокинутые навзничь, требовали завода два раза в сутки и немилосердно отставали.

Высчитав, что если пахарь напахал десять, то это должно означать без четверти одиннадцать, Сабурова проводила Петра Петровича и, вернувшись в комнату, сказала Новиковой:

— Откуда у тебя такое недоверие к ребятам, Таня?

— Надежда Георгиевна, в этом случае я виновата, но у меня были основания не доверять. Они смеются надо мной...

Татьяна Борисовна рассказала о стирке в семье Пасынковых. Надежда Георгиевна покачала головой:

— Мучаешься, тревожишься по пустякам, вместо того чтобы узнать, в чем дело.

Она объяснила, что у Пасынковых десять человек детей и когда у матери много домашних дел, Ваня ей помогает, как старший. Все в школе об этом знают и не беспокоятся: Ваня всегда догонит товарищей.

Новикова слушала, опустив глаза.

— Иди-ка домой и ложись спать. Ошибку эту тебе придется поправить.

Татьяна Борисовна благодарно взглянула на Сабурову — она ждала длинных наставлений.

Идя домой по тихим улицам поселка, молодая учительница думала о своем детстве. Рано потеряла родителей... Воспитывалась у тетки — женщины холодной, требовательной... Новикова вспоминала свою постоянную детскую настороженность, недоверие, готовность отразить обиду. Поэтому, наверно, она внешне резка, кажется порой даже высокомерной, а внутренне полна неуверенности да еще мнительна не в меру. Как можно завоевать доверие учеников, если сама им не доверяешь! Педагог должен уметь воспитывать, а ей еще самое себя воспитать надо...

Нелегкая задача!

Глава одиннадцатая

Педагогический совет начался с обсуждения успеваемости выпускного класса. Сабурова была довольна. Тройки как четвертные отметки сохраняются только у двух учеников. Надо полагать, что к концу года они сменятся четверками. К экзаменам на аттестат зрелости допустят безусловно всех, но как ребята сдадут испытания? Нездоровье, случайные неприятности, растерянность — все может повлиять в такой важный момент на ученика.

Надежда Георгиевна знала, что волнуются на экзаменах всегда лучшие ученики, не желающие терять признанного положения отличников, и за них опасалась больше, чем за троечников.

Впрочем, что гадать прежде времени! Кажется, никто из преподавателей не тревожится за ребят...

Она обвела взглядом стол. Хмурый добряк Петр Петрович... Ловкий, веселый физкультурник Александр Матвеевич, холодноватый Федор Семенович... Энергичная Клавдия Ильинична — географ, скромная Лидия Ивановна — историк... Да, все они довольны выпускным классом, и все сейчас думают о дальнейшей судьбе недавних девочек и мальчиков.

А Таня Новикова сегодня особенно задумчива. Неприятный вопрос, который сейчас придется решать, касается ее. Как-то она себя поведет?

Сабурова выпрямилась:

— Следующий вопрос — о поведении десятиклассника Андрея Мохова. История вам известна. Татьяна Борисовна забыла переправить ему отметку: взамен двойки по химии поставить четверку. Вместо того чтобы спокойно выяснить, в чем дело, поговорить с Петром Петровичем, Мохов нагрубил классной руководительнице, самовольно ушел из школы и отправился в Шабраки к сестре. За ним был послан староста десятого класса Анатолий Соколов. Вернулись они, Петр Петрович?

— Вернулись. Оба здесь.

Новикова закусила губу: «Не меня спрашивает — классную руководительницу, а Петра Петровича!»

— Я жду, товарищи, ваших советов и предложений, — тихо произнесла Сабурова.

Первым заговорил математик:

— Я прекрасно понимаю, Надежда Георгиевна, что тяжело наказывать ученика десятого класса, юношу, который через три месяца окончит школу.

Но я стою за суровое воздействие, если Мохов не поймет, что сделал. У меня в течение тех четырех лет, что я работаю здесь, он учился и вел себя неплохо, но в прошлом, как я слышал, за ним числились подобные самовольные поступки. Раньше это извинялось возрастом, но для десятиклассника, я полагаю, извинений нет. Пусть тяжелый урок пойдет ему на пользу в дальнейшей жизни.

Федор Семенович говорил, как всегда, очень гладко и назидательно.

— В дальнейшей жизни... да... — повторил, разглядывая свой карандаш, Петр Петрович. — А каково она сложится, дальнейшая-то жизнь? Суровое воздействие не на всех одинаково влияет. Мохов может и вовсе оставить школу, если сочтет наказание несправедливым.

Сабурова взглянула на Клавдию Ильиничну:

— А ваше мнение?

— Конечно, необходимо строгое внушение. Такие парни, как Мохов, на фронтах воевали, блокаду в Ленинграде выдерживали!.. А тут, подумайте, какая слабонервная барышня: Убегать, пропускать занятия... Безобразие!

— Откуда вы знаете, как Мохов вел бы себя на фронте или в Ленинграде? — грубовато спросил Петр Петрович.

— Я глубоко убежден, что он вел бы себя малодушно, — решительно заявил Федор Семенович.

— А я в этом вовсе не уверен.

— Как я понял, Мохов был очень оскорблен тем, что ему не поверили, — заговорил Александр Матвеевич. — Особой благовоспитанностью Андрей, конечно, не отличается, — улыбнулся он, — но парень хороший.

— Что думает классная руководительница? — спросила Сабурова.

Татьяна Борисовна быстро вскинула на директора глаза и ответила, запинаясь:

— Я считаю... я думаю... что надо позвать сюда Мохова и... и поговорить с ним.

— Так... Вызвать его, конечно, нужно. Вызов на педагогический совет — для ученика большое событие. Он волнуется и безусловно запомнит все, что ему скажут. Значит, следует установить, как с ним держаться. Позвольте теперь мне сказать свое мнение о Мохове... Да, юноша неуравновешенный. Я думала, что за последние годы он научился владеть собой, но оказалось, что это не так. А между тем Андрей нередко проявлял выдержку. Помните его работу в колхозе прошлым летом? Наложить на Мохова строгое взыскание легче всего, но та ответственность, которую несет советская школа за каждого ученика, должна предостерегать нас от

легких путей...

Сабурова говорила медленно, наклонив голову, положив руки на край стола, словно рассуждала сама с собою. И когда она кончила, никто больше не упомянул о «суровом воздействии».

— А теперь, Петр Петрович, — сказала Сабурова, — будьте добры, попросите сюда учеников.

Андрей, Илларион и Анатолий вошли в учительскую.

Соколов был бледен, и лицо его казалось осунувшимся. Нелегко ему дался сорокакилометровый пробег на лыжах в село и обратный путь оттуда. По дороге его несколько раз обгоняли попутные машины, но он не поднимал руку. Все школьники ходят на лыжах в Шабраки, он не хуже других дойдет.

Анатолий шел весь день и добрался до села страшно усталый, но довольный. Переночевав у сестры Андрея, он утром отправился обратно с товарищем. Вдвоем идти было легче. Теперь ноги и поясница ныли, но Соколов был горд, что выполнил поручение Сабуровой и комсомольского комитета, а заодно сдал экзамен на лыжника.

В глазах Рогальского под очками пряталась тревога. Ила два дня волновался за Соколова. Непременно хотел идти, а вдруг не дойдет? Лыжу сломает, или буран начнется. Все-таки не здешний, непривычный... Да уговорит ли еще упрямого Мохова вернуться? Сейчас эти страхи казались Рогальскому пустыми. Что могло с Соколовым случиться? И как посмел бы Андрей не вернуться в школу?.. Но что скажет педагогический совет? Илларион на предстоящем комсомольском собрании вынужден был клеймить невыдержанного товарища, но сейчас желал одного: чтобы не слишком сурово покарали Мохова.

Круглое лицо Андрея было румяно, как всегда, но выражало полную растерянность. Он ежеминутно облизывал губы и глядел в сторону, избегая смотреть на учителей.

— Здравствуй, Андрей, — обратилась к нему Сабурова.

Мохов спохватился, что не поздоровался ни с кем. Вечно он сплюскает! Вот Илларион и Толька как вошли — поклонились.

— Здравствуйте, Надежда Георгиевна! Здравствуйте, Петр Петрович! — торопливо начал Андрей и умолк.

За столом сидели все его преподаватели, и ему показалось, что будет очень глупо, если он начнет здороваться с каждым в отдельности.

На лбу у Андрея выступили мелкие капли пота, он переминался с ноги на ногу и молчал.

— Очень хорошо, что ты вернулся, Мохов, — продолжала Сабурова.

— Ты, наверно, и сам понимаешь, что нам надо поговорить.

— Здравствуйте, товарищи преподаватели! — вдруг громко выговорил Мохов.

Он наконец нашел подходящее обращение.

От его громкого голоса Лидия Ивановна вздрогнула, а Сабурова и Александр Матвеевич улыбнулись.

Андрей еще больше смутился и забормотал:

— Я... вы не думайте, Надежда Георгиевна... Я, если бы Соколов не пришел, сам бы вернулся... Вот спросите у него... я собирался...

Ища подтверждения своих слов, Андрей обернулся к Соколову. Толя молча кивнул.

— Очень хорошо. А теперь объясни, пожалуйста, как ты — ученик десятого класса, комсомолец — позволил себе самовольно бросить занятия и уйти?

Андрей молчал. Лица педагогов казались ему холодными и строгими. Петр Петрович насупился, всегда веселый Александр Матвеевич не смотрит на него и рисует что-то в блокноте, а Татьяна Борисовна глядит во все глаза. Радует, конечно, что сейчас ему придется просить у нее прощения. А он не будет! Ни за что! Ему преподаватели всегда верили, только она...

Сабурова видела состояние Мохова. Ей искренне хотелось прийти ему на помощь. Но она сдержалась. Пусть заговорит сам. Она не заметила, как Татьяна Борисовна вдруг встала со своего места и, обойдя стол, приблизилась к Андрею.

— Вот что, Мохов... — сказала она, и на лице ее появилось застенчивое выражение, так что все товарищи ее заметили вдруг, как она еще молода. — Вот что... Я ведь перед вами виновата. Я действительно забыла, что Петр Петрович говорил мне о вашей четверке. А я вообразила, что вы неправду мне сказали. Извините меня, пожалуйста.

Изумление переполнило Мохова. Он сделался еще краснее.

Толя и Илларион не дыша смотрели на эту сцену. Вот она какая! Может быть, права была когда-то Тоня: Надежда Георгиевна плохому человеку класс не доверит... «Да ну же, Андрюшка, говори что-нибудь! — мучился Соколов. — Стоит, молчит, и красный какой! Как есть помидорина!» — вспомнил он слова Тони.

Мохов наконец отрывисто заговорил:

— Я сам виноват, Татьяна Борисовна... Надо выяснить было... Конечно, вы нас не знаете... Обидно мне показалось... Извините, характер у меня... Хотите верьте, хотите нет, — он вдруг смело и прямо взглянул на

Сабурову, — в последний раз это было. Ни в школе, ни потом... никогда себе не позволю.

— Ты даешь нам слово? — спросила Надежда Георгиевна.

— Даю честное комсомольское!

— Мы принимаем твое комсомольское слово, Мохов. Ты знаешь, что и товарищи спросят у тебя отчет в твоём поведении.

— Знаю. Что вам сказал, то же и на комсомольском собрании повторю.

— Хорошо. Я ещё буду говорить с тобой. Но это мы отложим на завтра. Придешь ко мне пораньше, до уроков. Ты, староста, — обратилась Надежда Георгиевна к Соколову, — подгони вместе с Андреем пропущенные уроки. Рогальский пусть останется здесь, а вы оба идите по домам.

Она помолчала и прибавила, зорко и ласково глядя на них:

— Спокойной ночи, мальчики.

Они давно не слыхали такого обращения и унесли с собой звук голоса и взгляд старой учительницы. Они не разговаривали, бессознательно не желая нарушать овладевший ими мир и покой.

На перекрестке около поворота к своему дому Толя протянул руку Андрею:

— Ну, будь здоров... мальчик!

— И ты, мальчик, будь здоров! — отозвался Мохов и, словно вспомнив что-то, стукнул Толю кулаком по плечу: — Спасибо тебе!

Соколов ответил таким же дружеским тумаком, и они расстались.

После ухода десятиклассников Татьяна Борисовна, ещё смущенная, ни на кого не глядя, села на свое место рядом с Сабуровой.

— Скажи, Рогальский, — обратилась Надежда Георгиевна к Иллариону, — вы Мохова крепко бить собираетесь?

— Собирались крепко... — ответил Илларион. — Мы ведь полагали, что он упрямиться будет, а вон что вышло.

— Так вот, я хочу вам посоветовать: держитесь спокойно, дружественно. На такого человека, как Мохов, это лучше всего действует.

— Понимаю. Пробрать-то его все-таки надо.

— Пробирайте. Пусть почувствует ответственность перед товарищами, но не очень затрагивайте его самолюбие, без резкостей.

— Есть без резкостей, Надежда Георгиевна!.. Мне можно идти? Я там газету заканчиваю.

— Иди, Илларион.

Рогальский вышел. Помогая оформлять газету вновь избранному редактору, Жене Кагановой, он произносил про себя обвинительную речь

против Мохова и не без сожаления отмечал, что она сильно потеряет, если исключить некоторые «резкости».

А заседание педагогического совета продолжалось.

— Я, товарищи, отложила разговор с Моховым на завтра, чтобы не нарушить того впечатления, которое произвел на него поступок Татьяны Борисовны.

— Да-а, — развел руками Федор Семенович, — если Татьяна Борисовна решила повиниться перед учеником, это, конечно, ее дело, но я должен заметить, что не считаю такое выступление удачным педагогическим приемом... Впрочем, посмотрим, какие плоды принесет ваш юный порыв.

Он строго взглянул на Новикова, а Надежда Георгиевна, отвечая ему, положила свою руку на руку молчавшей Татьяны Борисовны:

— Мне кажется, товарищ Новикова мало думала о педагогических приемах в данном случае. Она сделала то, что ей подсказало сердце. Но я уверена, что в применении к Мохову это оказалось как раз очень удачным «приемом».

— Несомненно! — буркнул Петр Петрович.

Во взгляде его небольших, глубоко посаженных глаз Новикова уловила искорку симпатии, и это невысказанное одобрение пожилого угрюмого человека глубоко взволновало ее. Она сидела молча, удивляясь переполнившему ее радостному чувству.

Перешли к вопросу о подготовке к экзаменам и едва успели с ним покончить, как Мухамет-Нур с фонарем в руках вошел в учительскую и сел на стул около двери.

Каким-то образом Мухамет всегда узнавал, что совещание подходит к концу, и появлялся в учительской со своим фонариком в эту минуту. Обычно он провожал домой далеко живущих учительниц.

Сабурова встала, чтобы объявить об окончании совещания, но Мухамет подошел к столу и вытянулся по-военному:

— Товарищ директор, разрешите обратиться.

— Слушаем вас, Мухамет.

— Два вопроса. Один насчет дров. Скоро будет нечем топить, — мрачно сообщил Мухамет.

— Это мне известно, — улыбнулась Сабурова. — Осенью нам дров не привезли. Но приисковое управление обещало дать. Я для того и передала вам накладную.

— Так вот — не будет дров. Новый директор отказ дает. Говорит: «Здоровые мальчики и девочки, сами нарубят». Говорит: «Мне надо

выполнять план, людей мало. Машины, — говорит, — дам».

— Молодец! Честное слово! — сказал Александр Матвеевич.

— Но позвольте! — заволновался Федор Семенович. — Он ведь обязан помогать школе! Я считаю, что вы, Надежда Георгиевна, должны сами пойти к нему. Кстати и познакомитесь.

Новый начальник прииска приехал на Таежный только на днях. Сабурова еще ни разу не видела его.

— Думаю, что просить о чем-то с первой встречи не совсем удобно, — сказала она. — Человек еще не огляделся, работа на него свалилась большая...

— Согласен! — заявил Петр Петрович. — Наши старшеклассники не убогие и не малолетние. Отправить их на три дня в тайгу со мною, Александром Матвеевичем и Мухамет-Нуром — на три года дров заготовят.

— Мне тоже кажется, что это хорошее предложение. Мухамет, попросите сюда товарища Рогальского, если он не ушел.

— Здесь Ила. Газету клеит.

Илларион, выслушав, в чем дело, сказал, что на завтрашнем собрании молодежь обсудит вопрос о лесозаготовках.

— И вы, Петр Петрович, приходите на собрание, сразу организуем бригады.

— Прекрасно! Возражений, товарищи, нет? — спросила Сабурова.

— Нет, позвольте, — начал математик, — если вопрос ставится так, то я удивлен, что Петр Петрович, назвав участниками заготовок себя, Александра Матвеевича и товарища... э... э... Магомета, пропускает мое имя. Надеюсь, я не... как это вы сказали?.. не убогий и не малолетний и смогу принять участие в мероприятии, важном для всей школы.

Молодые учительницы кусали губы, чтобы не засмеяться. Их смешил и торжественный тон Федора Семеновича и то, что он никак не мог запомнить имени Мухамет — Нура и называл его не иначе, как Магометом.

Сабурова переглянулась с Петром Петровичем. Математик был весьма тщедушен. Живя на прииске уже несколько лет, он все еще не оправился после перенесенной в Ленинграде блокады, хотя его мать и сестра старались, чтобы он ни в чем не нуждался. Однако Федор Семенович никогда не жаловался на здоровье и не любил, чтобы о нем говорили как о больном человеке.

— Ну конечно, вы поедете, — успокоила его Сабурова. — Об этом нечего говорить. Давайте ваш второй вопрос, Мухамет.

— Отец помер, — печально сообщил сторож.

— Чей отец?

— Мой.

— Да, помню, вы говорили, что он сильно болел и как будто начал поправляться?

— Нет, не поправился.

— Вы, наверно, хотите поехать на похороны?

— Похорон был уже. Мать пишет: трудно с ребятами. Разрешите, товарищ директор, молодому братишке у меня жить. Пусть в нашей школе учится.

— Ну конечно, Мухамет! Берите брата к себе. Вам надо ехать за ним?

— Зачем? Я письмо посылать буду. Тетка привезет.

— Вот и хорошо. Будете воспитывать мальчика, сделаете из него хорошего человека, — ласково сказала Сабурова.

— А не может стать такой, как этот Степа Моргунов? — со страхом спросил Мухамет.

Все засмеялись.

— Да разве Степа такой плохой мальчик?

— Это не мальчик! — с глубоким убеждением ответил Мухамет. — Это я не знаю кто... Сестра Лиза — ничего, нормальный девочка, а он... — Мухамет махнул рукой. — Вчера помогал двор убирать. Десять дикий конь не может такой беспорядок сделать, как один этот Степа. Это не мальчик...

Не найдя более сильного выражения, чтобы определить сущность Степиного характера, Мухамет, покачивая головой, стал зажигать свой фонарь.

Глава двенадцатая

Утро было не холодное, но Николай Сергеевич, придя со двора и бросив на пол охапку, или, как он говорил, «беремя», звонких березовых дров, сказал Тоне:

— Морозец с утра силенок набирается, а к вечеру разгуляется. Смотри не застудись.

— Да нет, папа, я тепло одета.

— «Тепло»! В школу пробежаться — тепло, а в лесу и застыть недолго.

Николай Сергеевич был недоволен тем, что школьников посылают в тайгу. При Тоне он молчал, но когда она, весело кивнув родителям, ушла, а Варвара Степановна стала собирать ему завтрак, разворчался:

— Для того она, что ли, выросла, чтобы в лес по дрова ездить?

— А почему же и не съездить? В жизни, может, и потрудней придется.

— Ну нет, не затем я ее растил, чтобы ей в жизни трудно приходилось.

— Как же нам-то... — начала Варвара Степановна.

— Нам — это дело десятое. Мы простые люди, да в какое время жили! А она ученым человеком будет. Ей дорога открытая.

— Шоссе асфальтовое, что ли? — усмехнулась Варвара Степановна. — Включай мотор и дуй без ухабов? Неправильно, отец! Кто она такая, чтобы на готовеньком жить? Своим трудом добиваться должна. Ты все хмуришься да супишься на девушку, а сам рад бы пылинки с нее сдуть. Не беспокойся: крепкая, здоровая. Не беда, коли и поработает!

— Да, девушка такая... не дай бог. На пагубу парням выросла. Верно, мать?

На лице Николая Сергеевича отражалась такая гордость дочерью, что Варвара Степановна засмеялась:

— Люди говорят — хороша, а нам с тобой не дело свое дитя нахваливать... Ешь скорее, на работу опоздаешь.

Когда Тоня подошла к школе, десятиклассники уже толпились возле двух грузовых машин. У всех было радостное настроение. С шутками откликались на переключку, затеянную Рогальским.

— Дубинской нет, значит. — Илларион поставил отметку в списке.

— Ясно, не придет! Не отпустил доктор.

— А ведь только вчера в клубе рассказывал насчет пользы физической работы на воздухе!

— Домой пришел, усы разгладил и сказал: «Но тебе, Ниночка, ввиду слабости здоровья от поездки в лес надо воздержаться», — решил Мохов.

Круглое лицо Андрея сияло, и светлокариye глаза щурились с особенно озорным выражением. Он все еще не мог нарадоваться, что так благополучно кончился его побег. Правда, разговор с Сабуровой вышел серьезным, но Андрей пришел к ней с полным сознанием своей вины и твердо повторил обещание не срываться.

На комсомольском собрании он тоже держался смирно и не вспылil после нескольких довольно резких реплик Иллариона. Впрочем, головомойка Мохову, как и советовала Надежда Георгиевна, была дана крепкая, но дружеская.

Замечательно все складывалось и дома: вечно ворчливая и раздраженная мачеха, узнав причину исчезновения Андрея, так горячо начала обвинять молодую учительницу, что юноша был удивлен не меньше, чем на педагогическом совете. Мачеха твердила, что не первый день Андрюшку знает, что он озорник, пересмешник, лениться любит, но врать не врал сроду. Она доказывала это даже отцу, смотревшему на нее, как и Андрей, растерянно. Когда ей сказали, что все обошлось благополучно, она умолкла, но вечером за ужином ни с того ни с сего подсунула Андрею самую большую ватрушку и прикрикнула на тянувшихся к ней малышей. Правда, на другой день она снова ворчала на пасынка, но он уже смотрел на нее другими глазами и сочувственно улыбнулся отцу, когда тот сказал: «Видишь, сынок, она не злая, Поля-то... Извелась с ребятами без меня, вот и вяжется к кому ни попадая. А справедливость она понимает. Ты сам-то к ней как-нибудь того... поласковой...»

— Мохов! — закричала Лиза. — Ты глазастый. Кто это там идет?

— Вроде Женя Каганова, — сказал Андрей, с усилием оторвавшись от воспоминаний о вечере, когда он впервые почувствовал себя дома хорошо и уверенно.

— Видите, ребята, Женька идет! А она и правда слабенькая. Может, ей-то действительно нельзя.

— А может, это мне нельзя? Вдруг я больней всех! — сказал Андрей и рассмешил товарищей.

— По коням! — скомандовал Рогальский.

И начался штурм грузовиков.

Женя прибежала в последнюю минуту. Она была закутана в большой платок и, с трудом забравшись в машину, только кивала на вопросы подруг:

— Значит, решила ехать?

— Михаил Максимович не возражал?

— Ну молодец!

На последнее восклицание Женя ответила тоже кивком. Машины уже тронулись, когда показались Нина Дубинская и всегда опаздывавшая Маня Заморозова. Их встретили криками «ура».

Грузовики шли быстро. Сильно потряхивало. Ледяной ветер резал лицо.

Зазвучала песня, оборвалась и началась сначала.

— Языки прикусите! Отставить пение! — скомандовал Илларион.

Но песня не смолкала. Она прерывалась только на ухабах, когда девушки взвизгивали и хватались друг за дружку. Затем начинался совершенно беспричинный, но долго не смолкающий хохот.

— Вот она, радость жизни. Через край бьет... — тихо сказала Новикова.

Она сидела во второй машине, рядом с Петром Петровичем. В первом грузовике ехали Александр Матвеевич и Мухамет-Нур. Федора Семеновича Сабурова уговорила остаться, сказав, что без него не сможет написать отчет.

Петр Петрович пыхтел трубкой.

— Радуются... — сказал он. — И неизвестно, чему больше: тому ли, что им дело поручили, за которое они отвечают, или тому, что вырвались на свободу, в лес едут, вместо того чтобы за уроками сидеть.

— Вы их очень любите, Петр Петрович, правда?

— Привык, — неохотно ответил Петр Петрович, но, не удержавшись, прибавил: — Всякие проявления их самостоятельности я действительно люблю. Никогда и не вмешиваюсь. Сами всё организуют и сделают — лучше не надо.

Машины въехали в лес. Иногда разлапистая ветка задевала за крышу кабины и обдавала сидевших в кузове мягким рассыпчатым серебром.

По лесу ехали больше получаса, и Маня Заморозова начала жаловаться, что озябла.

— Эх, Заморозова замерзла, а Моргунова только подмаргивает!

— А Соколов смотрит соколом!

— А Рогальский в рогульку обратился!

— Сейчас всем жарко будет, — сказал Мухамет, — и рогулькам и моргулькам. Вот наша делянка. Стоп, машина!

— Лесины-то какие здоровые! — удивился Александр Матвеевич. — Вы не ошиблись, Мухамет, это наша делянка? Такой лес жалко на дрова.

— Э, нет! Здесь сухостоя много. Да и поляну эту надо расчищать. Тут собираются лесопилку новую ставить.

— Помните порядок, ребята! — кричал Илларион, когда, проваливаясь в рыхлые сугробы, все вышли на середину делянки. — Одной партией руководит Петр Петрович, другой — Мухамет-Нур, третьей — Александр Матвеевич, четвертой — Андрей Мохов, потомственный почетный лесоруб. Получайте инструменты!

— Девочки, которые понежней — Женя, Нина, Маня, — будете сучья обрубать. А ты, Тоня, забирай остальных девчат, и берите пилы, — распорядился Андрей.

— Андрюша, я тоже нежная, поставь меня на обрубку, — просила Лиза.

— С твоей нежностью как раз сосны валить, — определил Андрей.

Высокие голоса пил зазвенели равномерно и настойчиво. С ветвей посыпался искристый снег. Раздалось дребезжащее карканье кедровки.

Анатолий работал в паре с Мухамет-Нуром. Не привыкшему к такой работе Соколову казалось, что они до вечера не перепилят толстую лиственницу. Он напрягал все силы и наконец взмолился:

— Подожди, Мухамет, что-то плохо пила пошла.

— Пила хорошо идет, — сказал Мухамет, — это ты устал маленько. Отдыхай.

Толя выпрямился, обтер платком лицо, огляделся. Недалеко от него Тоня тоже остановилась передохнуть. В платке и полушубке, смеющаяся, белозубая, под большим заснеженным деревом, она показалась ему не то Снегурочкой, не то девушкой, к которой с дерева спускается Морозко: «Тепло ли тебе, девица, тепло ли, красавица?» Какие-то детские сказочные образы толпились в мыслях юноши, но он не дал им овладеть собой.

— Ну, давай, Мухамет.

— Отдыхай еще.

— Нет-нет, я отдохнул.

Когда Толя снова взялся за пилу и она, как в первый раз, сначала пошла рывками, а потом наладилась, юношей овладел строгий ритм работы. Тело послушно двигалось вперед и назад, рука крепко держала ручку пилы, мыслей не было. Ему казалось, что он работает уже очень долго и не устает. А когда он со страхом опять почувствовал первые признаки усталости, огромное дерево качнулось и звук пилы изменился.

— Берегись! — крикнул Мухамет и, схватив Толю за руку, отбежал с ним в сторону.

Шумя ветвями, лиственница рухнула на снег, и это падение было так величественно, что юноша загляделся.

К упавшему дереву сейчас же привел свою бригаду Мохов, и стук

топоров присоединился к пению пил.

— Постой, не так топор держишь!

Андрей подошел к Мане и заметил, что на ней легкие вязанные перчатки.

— А рукавицы где?

— Да, понимаешь...

— Забыла, что ли? Ты, кажется, не из эвакуированных, здесь выросла. Знаешь, что в лесу без рукавиц работать нельзя.

— Да я знаю... Просто утром не нашла, а опоздать боялась... — вяло оправдывалась Маня.

— Эх, ты! «Под шкафом с левой стороны»! Подожди, нет ли у Мухамета запасных...

Рукавицы у Мухамета нашлись, и, принеся их Мане, Андрей язвительно сказал:

— Ничего не поделаешь, Манечка, придется поработать!

Зато Ниной и Женей Мохов был доволен. Обе работали старательно и быстро. Надо бы еще двух человек на обрубку поставить. Пильщики наддают жару, трудно поспеть за ними. А что, если снять с пилки Ваню Пасынкова? Он тоже не бог весть какой силач. Да из девушек кого-нибудь...

Отправившись искать Рогальского, чтобы договориться с ним насчет Пасынкова, Мохов вдруг заметил Новикову. Она стояла под елкой, сдвинув брови, и, видимо озябнув, переступала с ноги на ногу. Андрей подумал и, выбрав топор полегче, подошел к ней:

— Татьяна Борисовна, согреться не желаете? Топорик — игрушечка!

Новикова улыбнулась Мохову и взяла топор.

— Дубинская, Нинуша! — кричал Андрей. — Принимай пополнение! Проинструктируй Татьяну Борисовну!

Нина приветливо обернулась к Новиковой и подвела ее к срубленному дереву. Новикова с ожесточением стала обрубать ветви.

— Вы столько, сил не тратьте, Татьяна Борисовна, — спокойно говорила Нина, — не размахивайтесь так... Вот-вот... Теперь у вас пойдет.

После полудня к Тоне и Лизе, работавшим вместе, подошел Петр Петрович:

— Вы обе, говорят, хорошие хозяйки. В дежурствах по столовой всегда отличались... Идите кашу варить.

— Какую кашу? Что вы, Петр Петрович! У каждого с собой кусок хлеба. Пожужем — и ладно.

— Нет, Надежда Георгиевна распорядилась, чтобы все поели горячего.

Подруги оставили работу и направились в сторону от делянки, где меж прямых могучих стволов поднимался кудрявый столб дыма.

— Смотри, Антонина, Мухамет какую кухню устроил!

На вытопанной площадке полыхал костер. К таежному таганку, связанному из трех палок, был привешен внушительных размеров котелок.

— Ну, где крупа?

— Пожалуйста, товарищ главный кашевар.

— Да что это такое? — возмутилась Лиза. — Мороженое пшено?

— Мокрая крупа была, — объяснил Мухамет. — Мыли его в школе. А здесь мыть нельзя — воды нет. Грязная каша — плохая.

Кое-как отодрали ком замороженной крупы от мешка и опустили в котел.

Тоня и Лиза помешивали кашу, пробовали, солили. У обеих было очень хорошо на душе.

— Чудесно, Лиза, да? — спросила Тоня.

— Хорошо!

Мухамет принес стопку алюминиевых мисочек и деревянных ложек.

— Целое хозяйство! Мухамет, а чайную посуду не забыл?

Но Мухамет шуток не любил и отвечал серьезно:

— Чаю не будет. Дома вечером напьешься.

Лесорубы с мисочками в руках разместились на поваленных деревьях. Все достали хлеб и торопились проглотить кашу, пока она не остыла.

— А здорово! — восхищенно сказал Александр Матвеевич. Укутанные плотным, слежавшимся снегом деревья тесно стояли вокруг поляны. Ветви их касались друг друга, точно деревья взялись за руки и неразрывной цепью окружили людей.

Это первая горячая пища, которую получили строители после тяжелого перехода по тайге в поисках площадки для нового города. Потому-то и едят ребята с такой жадностью. Жить им пока что придется в землянках и наскоро сколоченных бараках. Домов еще нет. Но они будут! Расступятся вековые деревья, дадут место широким улицам, светлым зданиям, веселым стадионам...

Петя Таштыпаев неожиданно налетел на Мохова с криком: «Держись, Андрюха!» С мальчишеским хохотом ребята повалились в сугроб. Тоня очнулась.

— Кончай отдыхать! За работу! — крикнул Петр Петрович.

— Две пилы в длину берите, когда распиливаете дерево, — советовал Александр Матвеевич, — иначе трудно будет носить.

Он работал в одном свитере и без шапки. Его огненная шевелюра, оттененная снегом, лежащим на ветвях, казалась совсем красной. Мальчики

с восхищением посматривали на Александра Матвеевича. Всегда веселый, ловкий, он нравился им здесь, в лесу, на работе, не меньше, чем на уроках физкультуры.

— Вы того... постройтесь, Александр Матвеевич, — тихо посоветовал ему Петр Петрович, — а то начнут подражать вам — простудятся.

— За работой не простудятся, — возразил Александр Матвеевич, но все-таки послушался и надел шапку.

Петр Петрович ходил по делянке, направлял работу, советовал, указывал, сменял уставших, и, несмотря на крайнюю озабоченность, глаза его под кустистыми бровями светились теплом.

— Доволен Петр Петрович, — сказала Лиза.

— А я-то как довольна!.. — воскликнула Тоня. — Давно так хорошо не было. Все мне нравится: и день, и ребята, и ты.

— Неужели и я? А я думала, что, кроме Жени, тебе никого не надо.

— Будет тебе, ревнивица! Как не стыдно к Женечке ревновать!.. Нет, в самом деле, мне кажется, что нигде нет такой школы, как у нас. И Надежда Георгиевна у нас особенная...

— Кулагина, пилу держите ниже, — сказал, неожиданно появляясь из-за дерева, Петр Петрович. — А насчет Надежды Георгиевны это вы верно...

Он отошел, оставив девушек немного смущенными, оттого что преподаватель слышал их разговор.

— Стал на «вы» обращаться, — прошептала Лиза. — До шестого класса «ты» говорил... А чудно, Тоня, что скоро все начнут называть нас «Лизавета Панкратьевна», «Антонина Николаевна». Важные будем!

— Меня отец и сейчас все Антониной Николаевной величает.

— А меня еще никто по отчеству не называл.

На лице Лизаветы Панкратьевны появилось на миг холодное и неприступное выражение, но тут же исчезло, и попытка изобразить почтенную особу кончилась тем, что Антонине Николаевне был показан язык...

Мальчики подтаскивали распиленные стволы к дороге. Одна машина с дровами уже ушла, другая собиралась уезжать. У дороги выросла груда сложенных бревен. Андрей придумал скатывать готовые бревна по двум гладким толстым стволам, как по рельсам.

— Рационализация! — хвастался Мохов. — Экономит время и рабочую силу. Усовершенствованный новейший самокат!

Тоня совсем забыла о времени. Она чувствовала себя необыкновенно сильной и здоровой. Ей казалось, что с каждым спиленным деревом силы

ее увеличиваются.

Внезапно все закричали. Оказалось, что Петр Таштыпаев и Стеша Сухих «посадили» высокую сосну. Она упала вершиной в развилину большой голой березы и теперь висела, не доставая до земли. Стащить ее вниз не было никакой возможности.

Тоня глядела на это висящее дерево. Будет теперь висеть и сохнуть. Не выпустит мягких зеленых свечек весной, не даст людям тепла и березе расти помешает...

Оклик «берегись» дошел до слуха Тони словно издалека. В тот же миг она сообразила, что кричат давно и предостережение относится именно к ней. Тоня отскочила в сторону, и раскидистая ель с мягким шумом упала как раз на то место, где только что стояла девушка.

Тоня бессознательно отбежала еще на несколько шагов. Тут ее оглушил новый крик «берегись», и толстое бревно больно ударило по ноге. Она охнула и опустилась в снег.

Ушибло Тоню бревном, свалившимся с моховского «самоката». Вокруг девушки столпились товарищи.

— Больно, Тосенька? Встать не можешь? — спрашивала встревоженная Женя.

— Разиня! Ворон считает, не видит, куда идет! — кричала Лиза.

— Да это ничего! Ничего, я сейчас... — пыталась храбриться Тоня.

Она приподнялась с помощью друзей, но ступить на ушибленную ногу было невозможно.

— Эй, задержите машину! — крикнул Петр Петрович. — Придется кому-нибудь отвезти Кулагину в амбулаторию.

— Доктор Дубинский уже ушел, — взволнованно сказал Анатолий, взглянув на часы.

Он бросил работу, услышав о несчастье с Тоней, и теперь смотрел на девушку, не зная, что надо делать, как ей помочь.

— Можно прямо к нам домой, — предложила Нина.

— А вдруг он в больнице? Нет, мама как раз начинает работать в амбулатории, к ней надо на прием.

— Правильно, к Зинаиде Андреевне, — решил Петр Петрович. — Ты и вези, Соколов... Впрочем, — быстро прибавил он, видя растерянность Толи, — ты здесь нужен. Пусть Пасынков едет.

Тоня, морщась от боли, доковыляла до грузовика. Александр Матвеевич и Петр Петрович усадили ее в кабину, Ваня забрался в кузов, и машина тронулась.

Соколов долго смотрел ей вслед. Он ругал себя, что не упросил Петра

Петровича отправить его с Тоней. Растерялся, не хватило сообразительности... Как ему хотелось быть рядом с ней в трудную для нее минуту! Может быть, удалось бы и поговорить, загладить свою глупую выходку на каникулах, после которой Тоня почти не глядит на него.

А что сказала бы мама, если бы он приехал? Конечно, подумала бы, что он попрежнему старается быть поближе к Тоне... Нет, она поняла бы, что эту помощь он окажет любому человеку...

Зинаида Андреевна, зная, что десятиклассники работают в лесу, удивилась и испугалась, увидев перед собою Пасынкова.

— Что-нибудь случилось, Ваня? — спросила она, стараясь говорить спокойно. К этому приучил ее сын, не выносивший «материнской паники», как он выражался.

— Тоне Кулагиной ногу зашибло. Посмотрите, Зинаида Андреевна?

— Как же вы так неосторожно? Ведите ее сюда.

Тоню усадили, и Зинаида Андреевна попробовала снять с ноги валенок. Тоня сдвинула брови. Краска совсем сбежала с ее лица.

— Придется разрезать... — пробормотала Зинаида Андреевна. — Ваня, выйдите отсюда... Больно? — спрашивала она, присев и глядя на Тоню снизу блестящими узкими глазами. — Потерпите, голубчик, сейчас. Если невтерпеж — покричите немножко.

Но Тоня, сжав губы, помотала головой.

— Молодец! Крепкая девушка!

Зинаида Андреевна осмотрела больную ногу и вдруг сильно дернула ее. Тоня вскрикнула.

— Больше больно не будет. У вас был вывих. Я вправила. И ушиб сильный... Но ничего серьезного. Полежите несколько дней — и можете танцевать.

Тоня попробовала улыбнуться на эту обычную докторскую шутку. Улыбка вышла кривая. Было очень больно.

— Валенка жалко, — сказала она. — Недавно мама купила... так радовалась, что у меня новые валенки!

Зинаиде Андреевне понравилось, что девушка подумала о матери.

Она внимательно приглядывалась к Тоне. До сих пор видела ее только издали, на школьных вечерах. Но эти удовольствия были редки для доктора Соколовой: по вечерам она почти всегда работала.

— С Анатолием моим вы теперь не дружите, Тоня? — неожиданно спросила она.

— Я... — Тоня вспыхнула, но прямо посмотрела в узкие блестящие глаза. — Задираться он что-то стал... А дружить с ним я всегда согласна.

Знаю, что он хороший...

Зинаида Андреевна засмеялась:

— Хороший... Я тоже его немножко знаю... Но мне кажется, что последнее время он стал подальше от вас держаться. Правда это?

— Да. Мне очень жаль, что так получилось.

— И я была бы рада вашей дружбе. Но знаете, Тоня... Может быть, ему так лучше.

— Может быть... — задумчиво ответила Тоня, опять твердо взглянув на смуглую женщину в белом халате.

Зинаида Андреевна перешла на деловой тон:

— Полежать вам придется. И эту мазь возьмите. Смазывать ногу надо два раза в сутки. За справочкой приходите, когда не больно будет наступать.

Открыв дверь, она громко позвала:

— Ваня, как будете доставлять девушку домой?

— Машина здесь, я просил Андрона подождать. Что-нибудь серьезное, Зинаида Андреевна?

— Пустяки, могло быть гораздо хуже... Ну, будьте здоровы, Тоня.

Пасынков довез Тоню до дома и помог ей подняться на крыльцо. Она не позволила ему войти в дом:

— Не надо. Мама испугается. Спасибо, что довез.

Она чуть не прибавила: «Скажи Соколову, что у него мама очень хорошая», но вместо этого сказала:

— Привет передай ребятам.

Ваня помог шоферу выгрузить дрова на школьном дворе, коротко рассказал Сабуровой о происшествии и опять помчался в лес. Пошел ленивый, медленный снег. К вечеру, вопреки предсказаниям стариков, становилось теплее.

Когда грузовик подъехал к делянке, там был короткий отдых. Андрей Мохов и Петя Таштыпаев старались повалить в сугроб Иллариона, но тот, широко расставив длинные ноги, ловко отбивался. Соколов стоял в стороне под сосной.

Какую-то странную пустоту ощущал он в себе. Тоня представлялась ему возле большой ели, когда была похожа на Снегурочку, и побледневшая от боли, хромающая, и грустная, смотревшая из кабины грузовика. Почему-то казалось, что машина увезла ее совсем из его жизни. Анатолий не мог бы сейчас повторить про себя тот воображаемый и заученный наизусть разговор с Тоней, потому что твердо знал — его никогда не будет.

— Что с Тоней? — крикнул он, увидев Пасынкова.

Ребята окружили Ваню:

— Что сказал врач? Как там Антонина?

— В порядке. Придется полежать. Был вывих. Зинаида Андреевна моментально вправила.

— Мама врач хороший, — солидно сказал Соколов.

— Ур-ра-а! — закричал Мохов. — Качать Ваньку! И Соколова тоже! За то, что у него мать хороший врач!

Началась возня, и Толя, сердясь и смеясь, вылез из сугроба весь в снегу. Он хотел отомстить Андрею, но раздалась команда: «На работу становись!» — и все разбежались по своим местам.

— Толя, дай я тебя почищу!

К Соколову подошла Женя Каганова и принялась пучком еловых веток стряхивать снег с его полушубка. Толя, задумавшись, смотрел, как энергично двигалась ее рука в синей с белыми звездочками варежке. Потом он поднял глаза. На порозовевшем лице Жени озабоченно и забавно двигались в такт руке тонкие брови.

— Как хорошо, что с Тосей все благополучно! — сказала она.

— Да... Спасибо, Женя, — ответил Толя. — Пойдем работать.

Глава тринадцатая

Варвара Степановна, открыв дочери дверь и узнав, в чем дело, немедленно уложила Тоню в постель и побежала за доктором Дубинским. Он пришел только к вечеру, одобрил распоряжения Зинаиды Андреевны и не велел Тоне вставать. Лишь после его ухода Варвара Степановна успокоилась.

Лежать Тоне было скучно, хотя почти каждый день забежали друзья. Лиза наспех выкладывала все школьные новости и всегда забывала самое главное. Женя обстоятельно рассказывала об уроках и потом долго сидела молча, ласково и озабоченно поглядывая на подругу.

Пробовала заходить к больной и Татьяна Борисовна. Предложила помочь ей по литературе, но Тоня сдержанно поблагодарила и ответила, что ей все понятно со слов Жени. Новикова, видимо, обиделась, сказала: «Ну, как хотите», и больше в комнате у Тони не появлялась.

Десятиклассники после случая с Моховым стали мягче и доброжелательнее относиться к молодой учительнице. Только Тоня считала, что несправедливость, допущенная Новиковой, не искупалась ее поведением на педагогическом совете, и говорила подругам, что разочаровалась в ней. Даже самой себе Тоня не хотела признаться, как обидели ее случайно услышанные слова Новиковой о «местном патриотизме». Она понимала, что эти слова сказаны были в раздражении, и все-таки не забывала их.

Мать баловала Тоню чем могла: утром старалась не шуметь, чтобы дочка могла подольше поспать, подсовывала ей то ложку сметаны, то горячую лепешку. Отец, придя с работы, подсаживался к постели, заглядывал Тоне в глаза, допытывался, не болит ли нога. Был он все это время в дурном духе и как-то проговорился, что огорчает его Михаил Максимович. По мнению отца, Каганов после смерти жены стал равнодушнее к делу.

Впрочем, сущности своих огорчений Николай Сергеевич не открывал и на вопросы Тони отвечал:

— Потом, дочка, потом. Как-нибудь расскажу.

Тоня не ходила в школу две недели.

Когда она в первый раз вышла на крыльцо, опираясь на отцовскую палочку, голова у нее пошла кругом от сверкающей белизны снега, от резкого мартовского ветерка, от множества звуков и запахов.

Из ворот приискового управления одна за другой выходили машины. Переругивались шоферы. Ребята играли в снежки. У поселкового совета толпились женщины. Обычный будничный день поселка показался Тоне особенно бодрым и приподнятым после сумеречной комнатной тишины, книг, собственных дум, после всего, во что она была погружена четырнадцать длинных дней. Ей захотелось поскорее в школу, к товарищам, к учителям, в привычный мир, где властвовали не ее собственные мысли и чувства, а общая напряженная и заполненная работой жизнь.

Друзья встретили Тоню радостно, и она с удовольствием села за свою старую, поскрипывающую при каждом движении парту. На нее посыпался целый ворох новостей. Школа ждет приезда секретаря обкома. Сегодня Татьяна Борисовна составляет группы для совместной подготовки к экзаменам. А Ване Пасынкову не повезло: заболел ревматизмом. Придется долго просидеть дома. Ребята ежедневно навещают его.

Обо всем этом, захлебываясь, рассказала Лиза. Она прибавила, что Маню Заморозову вызывали в комсомольский комитет и посоветовали подумать о своих тройках.

— Досталось ей! — горячо шептала Лиза. — В самом деле, ни у кого в классе троек нет, только она картину портит.

Маня, прислушавшись к разговору, сухо спросила:

— Ты про меня, что ли, Тоне докладываешь?

— А как же! — задорно отозвалась Лиза. — Твоими успехами хвастаюсь!

— Подумаешь! Давно ли сама из троек вылезла!

Намек на то, что в младших классах она училась неважно, всегда приводил Лизу в раздражение.

— Об этом, кажется, никто, кроме тебя, уже не помнит! Ну, да у тебя голова так устроена: чужие грехи помнишь — свои забываешь.

Готова была вспыхнуть ссора, но Андрей прервал ее:

— Перестаньте вы перекоряться! Надоело!.. Тоня, ты лучше меня послушай.

Мохов рассказал, что старый Ион поднял медведя. Он закидал берлогу хворостом, поваленными деревьями и начал стрелять. Разбуженный медведь вылез и запутался в ветвях. Ион прикончил его и принес в школу большой кусок медвежатины.

Тоня слушала эти важные и интересные новости, и ей показалось, что двух недель, проведенных дома, словно не было.

После первого урока Новикова начала опрашивать десятиклассников,

кто с кем желает вместе готовиться к экзаменам. Тоня удивленно обернулась, когда Толя Соколов сказал, что сговорился заниматься с Женей Кагановой и что они просят прикрепить к ним еще Маню Заморозову.

«Маню, как отстающую... — подумала Тоня. — А Женя тут при чем? Никогда он с ней не дружил...»

Она посмотрела на подругу. Женя ответила ей спокойным и ласковым взглядом.

Тоня сказала, что будет заниматься с Лизой Моргуновой. Татьяна Борисовна посоветовала привлечь в их группу еще Андрея Мохова.

На перемене Тоня не удержалась и спросила Женю:

— Почему ты решила готовиться с Анатолием?

— Мы несколько раз вместе учили физику, пока ты болела. Он мне и предложил... — просто ответила Женя.

Почувствовав, что подругу не удовлетворил ее ответ, она добавила:

— Толя стал как-то внимательнее в последнее время... Это потому, конечно, что мамы нет... А вообще... он, Тосенька, по-моему, замечательный человек...

«Не «парень» сказала, как мы всегда говорим, а «че-ло-век»...» — отметила про себя Тоня, а вслух сказала:

— Ну, я очень рада, что он тебе поможет.

Соколов уловил Тонино недоумение. Оно на минуту даже обрадовало его.

После памятной беседы с матерью Анатолий придирчиво следил за собой. Он старался бодро держаться в школе и дома, и это ему удавалось. Уже был давно заполнен пробел в математике, и по истории у него в таблице снова стояла пятерка. Зинаида Андреевна не могла пожаловаться на сына, а он был благодарен за то, что мать ни единым словом не напоминает о нелегком для него разговоре.

Повидать Тоню во время ее болезни ему очень хотелось. Он сдержал себя и не пошел к Кулагиным, но накануне возвращения девушки в школу очень волновался, и это волнение его испугало. В тот день, во время большой перемены, он стоял у окна в коридоре и, глядя во двор, по которому с визгом носились ребята, так ушел в свои мысли, что не заметил, как подошла Женя:

— Ты задумался, Толя?

Бледное лицо и мягкий взгляд были полны дружеского участия, и Анатолий внезапно принял решение:

— Слушай, Женя: ты хорошо ко мне относишься?

— Конечно...

— Выручи меня по-товарищески, а? Давай вместе к экзаменам готовиться?

Голос Анатолия звучал почти умоляюще.

— Но... я с удовольствием... — смущенно ответила Женя, — только я думала...

— Говори начистоту. Думала, что я в Тонину группу буду проситься? Так вот, чтобы я этого не сделал, согласись.

— Хорошо, я согласна.

— И никому об этом разговоре! Обещаешь?

— Будь спокоен.

Женя сдержала обещание, но чувствовала себя с Тоней неловко, точно в чем-то обманула подругу.

На Таежном ждали секретаря областного комитета партии. Объезжая прииски и рудники, он всегда бывал в школах, посещал уроки и особенно интересовался преподаванием литературы и истории в старших классах. Однако гость все не появлялся, и многие уже уверяли, что он проехал мимо.

Маленькая черная машина подкатила к школе неожиданно. Плотный, крепкий человек лет пятидесяти быстро взбежал на крыльцо. За ним шли хорошо знакомый школьникам худощавый черноглазый парторг прииска Иван Савельевич Трубников и какая-то высокая женщина. Они разделись в общей раздевалке и, прежде чем румяная гардеробщица Маруся сообразила, что приехало начальство, прошли в учительскую.

Там они застали только Татьяну Борисовну и Петра Петровича. Остальные педагоги уже разошлись по классам.

Приезжий гость поздоровался с Петром Петровичем, как; со старым знакомцем, и представился Новиковой:

— Круглов Василий Никитич. У вас что сейчас? Литература в десятом? Если позволите, и мы с вами пойдем... Согласны? — спросил он высокую женщину, оказавшуюся методисткой из областного центра.

— Хорошо.

— Ну, а я к Петру Петровичу... — сказал Трубников. — Ты ведь на урок, товарищ Горюнов? Разрешить мне послушать?

Парторг, волжанин по рождению, говорил, сильно напирая на звук «о».

— Тебе — да не разрешить! — коротко ответил Петр Петрович.

Сдержанный, даже суровый с виду, Трубников нежно любил животных и растения. По прииску ходили рассказы о необыкновенных аквариумах парторга. У Трубникова было четверо мальчишек, которые, как и отец, постоянно возились с птицами, зверями и цветами.

К Петру Петровичу парторг относился с большим уважением и, заходя в школу, непременно бывал на уроках естествознания.

Новикова собиралась рассказывать ученикам о Шолохове, но когда гости вошли с нею в класс, поздоровались с учениками, уселись и глаза секретаря с выражением веселого внимания остановились на ней, она поняла, что говорить не сможет. Делая вид, что ищет какую-то пометку в журнале, Татьяна Борисовна старалась оттянуть время. Хуже всего было то, что ученики видели ее замешательство и с тревогой следили за ней.

Наконец Новикова вызвала Петра Таштыпаева. Напряженные лица десятиклассников прояснились.

— Разве можно так теряться? Смотреть неприятно! — шепнула Тоня Лизе.

Петя рассказывал о «Разгроме» Фадеева спокойно и обстоятельно. Все видели, что секретарь несколько раз одобрительно кивнул головой, слушая его.

Татьяна Борисовна немного успокоилась, но, отпустив Таштыпаева на место, почувствовала, что волнение опять перехватило горло. «Не смогу говорить... Что делать? Что делать?» — мучилась она.

Собирая все силы, чтобы внешне казаться спокойной, она обвела глазами класс и встретила взгляд Тони. «Вызвать разве ее? Ответит хорошо...»

Но в Тониных глазах сияло такое явное насмешливое сочувствие, что Новикова внутренне съежилась. Ей стало невыносимо стыдно. Она нервно передернула плечами, выпрямилась и заговорила.

Собственный голос показался ей сдавленным и жалким. Она остановилась и, упрямо глядя на чернильницу, стала произносить слова громче и спокойнее. Это помогло. Скоро она заметила, что присутствие гостей больше не беспокоит класс. Все, как обычно, слушали ее, и во взгляде Тони была теперь сосредоточенность внимательной ученицы.

Новикова довела объяснение до конца совсем спокойно и, лишь выйдя из класса, почувствовала, что ноги у нее чуть-чуть дрожат.

Во время перемены Круглов, успевший познакомиться с директором и другими учителями, спросил у Татьяны Борисовны, не труден ли десятиклассникам программный материал.

— Нет, что вы! Это очень развитые ребята. Они много читают и помимо программы. Класс прекрасно подготовлен.

— Да? — сказал секретарь обкома. — Это приятно слышать, если в вас не говорит местный патриотизм.

Новикова так растерянно глянула на него, что Сабурова с трудом

удержалась от улыбки.

— А вы, товарищ директор, в восьмой класс идете? Мы с вами.

Восьмиклассники о чем-то спорили, когда Сабурова и гости вошли к ним. Старая учительница не торопясь разложила на кафедре свои книги, футляр для очков, карандаши и прочее хозяйство, а затем спросила:

— О чем вы тут шумели, ребята?

— Насчет Максима Максимыча, Надежда Георгиевна! Мы прочитали «Героя нашего времени».

— Ну, и что же?

— Вова Сметанин и Сева Кротков говорят, что он неинтересный человек! — сердито сказала рыженькая, с короткими толстыми косичками девочка.

— А ты что скажешь, Тойза?

— Он добрый, хороший старик! Полюбил Бэлу... как отец к ней относился. И сила воли у него была. Еще в молодости дал зарок никогда не пить вина и всю жизнь держал слово... Замерзли ведь они в дороге, Печорин рому предлагает, а он: «Нет-с, благодарствуйте, не пью!» — с удовольствием процитировала рыженькая.

— И храбрый! — подхватила другая ученица.

— Ну, а ты, Вова Сметанин, что думаешь?

— Я разве говорю, что он плохой? — запальчиво ответил Вова и покосился на чужих людей. — Добрый старик, это верно. Только скучный, обыкновенный!.. Подумаешь, вина не пил! Мы вот никогда не пьем — что же, нас хвалить за это?

Секретарь громко закашлялся, но скрыть смех ему не удалось. Все увидели, что он смеется. А спутница его как будто стала еще серьезнее.

— Вот ты говоришь: скучный, обыкновенный... Тебе он неинтересен. А великий писатель Лермонтов нашел в этом обыкновенном человеке замечательные черты: и чуткость, и доброту, и верность долгу, и широту взглядов... Максим Максимыч — настоящий русский характер. Разберись-ка в нем, Вова...

Надежда Георгиевна задумалась на секунду. Начав урок, она мгновенно забыла, что в классе сидят два посторонних человека. Она глядела на детей. Нужно было рассказать им биографию Лермонтова.

— Давайте вспомним, ребята, последний день жизни Пушкина, — тихо заговорила она. — Февраль... серое петербургское небо, толпа на Мойке. Люди тихо переговариваются, терпеливо ждут, не выйдет ли кто из дома, где лежит раненый поэт, не скажет ли, что Пушкину лучше... И вот разносится скорбная весть: поэт скончался...

Сабурова, помолчав, спросила класс:

— Вы помните, как отозвалось русское общество на эту смерть?

— Да! Да! Помним!

Надежда Георгиевна вызвала рыженькую девочку. Та встала и, немного путаясь, начала взволнованный рассказ.

— Хорошо, — кивнула ей учительница. — И вот в эти тяжелые дни по рукам стало ходить стихотворение молодого, до тех пор неизвестного поэта. Многие из вас, наверно, читали эти стихи.

— Читали! Конечно!

— А я знаю наизусть!

— Прочитай нам его, Женя!

Подросток читал просто, но во всех чертах его еще детского лица проступало недетское презрение к тем, кто злобно гнал свободный, смелый дар поэта. Слова «А вы, надменные потомки...» — он выкрикнул страстно и гневно.

— Кто же был этот молодой обличитель, о котором Белинский писал: «Мне кажется, что Пушкин умер не без наследника»?

Тихо-тихо сидели ученики, и приезжий гость, так же как они, не отрываясь смотрел в лицо старой учительницы, слушая рассказ о гениальном юноше, прожившем сверкающую и горькую жизнь.

Когда Сабурова сказала о том, что поэт не был принят на третий курс Петербургского университета, ребята заволновались:

— Почему? Почему такая несправедливость?

— Вероятно, из Москвы уже успели послать характеристику студента Лермонтова.

— Ну ясно, послали!

Девочка-хакаска снова подняла руку.

— Что ты хочешь сказать, Тойза?

— Вы нам говорили, Надежда Георгиевна, про судьбу Грибоедова, Пушкина, Полежаева, Шевченко... и Лермонтов тоже...

— Такова, друзья, была судьба многих. Выступая на восемнадцатом партсъезде, автор «Тихого Дона» и «Поднятой целины» Шолохов говорил о писателях, награжденных нашим правительством, и сказал, что надо вспомнить тех, кого раньше награждали. Только их награждали тюрьмами, ссылками или просто убивали...

Сабурова заканчивала рассказ. Пятигорск, происки Васильчикова, дуэль... Кто-то из девочек тихо охнул, когда она сказала, как лежало тело поэта под проливным дождем в горах.

— Точно в «Герое нашего времени»!

— Как будто он предчувствовал!

— Вы читали, ребята, стихотворение «Дума». Там Лермонтов говорит, что люди его времени пройдут над миром без шума и следа, не бросят векам ни плодovитой мысли, ни труда, начатого гением. Ошибался Лермонтов! Останутся в веках его благородные мысли, великие произведения, в которых виден борец, человек, не мирившийся с произволом. И мы, судящие о прошлом «со строгостью судьи и гражданина», мы, граждане счастливой трудовой страны, с благодарностью и любовью повторяем имя Лермонтова.

После звонка Сабурова собрала свои вещи и вышла из класса. Секретарь обкома молча шел за нею.

— Сейчас большая перемена, — сказала она. — Хотите пройти в столовую?

— Я поговорить с вами хочу, — ответил гость. — Впрочем, это мы успеем, правда? Пойдемте в вашу столовую. У вас, говорят, и во время войны горячие обеды не прекращались?

— Всю войну продержались, — с гордостью ответила Надежда Георгиевна.

В длинной столовой за столами, покрытыми белой клеенкой, уже сидели вплотную друг к другу ребята. Дежурные в халатах из сурового полотна разносили обед.

— А пахнет вкусно! — засмеялся Круглов. — Что у вас сегодня?

— Щи и медвежатина с картошкой. Просим отведать.

Дежурная девочка уже несла гостям тарелки.

— Что вы, что вы! Мы сыты, — запротестовал секретарь.

— Ну нет, вы ребят обидите, да и подкрепиться перед дорогой не мешает.

Ребята потеснились и дали место гостям.

— Это что же, приисковое управление вас мясом снабжает? — спрашивал секретарь, соля щи.

— Нет, оттуда нам овощи и крупу дают, а мясо охотники доставляют. Вот недавно старый медвежатник принес...

— Его дети учатся в школе?

— Учился когда-то племянник. Теперь никого нет.

— Так. А среди ребят есть хорошие охотники?

— Как же! — заговорили мальчики. — Вот Мохов Андрей, Ключарев, Ситников...

— Ну, охотники, поднимитесь на минутку.

Секретарь оглядел поднявшихся ребят. Глаза его смеялись:

- Молодцы! Тоже медвежатину носите в школу?
- Не... мы козлятину больше, — ответил Андрей.
- Приеду к вам осенью, возьмете с собой на охоту?
- Приезжайте! Мировую охоту устроим!

Ребята говорили об охоте деловито и воодушевленно. Секретарь увлекся. Он не замечал, что у методистки вытянулось лицо, что она нетерпеливо поглядывает на часы.

— Пожалуй, мы засветло в Шабраки не успеем...

Круглов встал.

— Ну, спасибо за угощение, — сказал он серьезно, и в степенной повадке гостя каждому почудилось знакомое: кому припомнился отец, кому дядя, а кому и просто знакомый охотник-таежник. — Охоту не бросайте, — продолжал он. — Вы ведь знаете, как наши сибирские части на фронтах отличались? Сердитый край у нас, слабых не любит. Так растите же богатями!

Он прошел за Сабуровой в учительскую. Там за столом сидел парторг Трубников, разглядывая большую минералогическую коллекцию. В углу Тоня и Лиза, по просьбе Федора Семеновича, приводили в порядок шкаф с физическими приборами.

— Ну, как ты? Отвел душу? — спросил Трубникова секретарь, очевидно знавший его пристрастие к животным. — О чем сегодня разговор был? О хищниках или грызунах?

— О парнокопытных, — с внезапной доброй улыбкой ответил Иван Савельевич: — насчет оленей да кабарги.

Секретарь остановился перед Сабуровой и, глядя ей прямо в глаза, спросил:

— Любят литературу ваши ученики?

— Не могу пожаловаться.

— Я не удивляюсь. Слушайте... ведь это чудесный урок! Не подберу другого слова... Серьезно! Это было так проникновенно и поэтично и в то же время так современно, по-нашему!.. Я доволен, я очень доволен!

— Спасибо, — медленно сказала Надежда Георгиевна. — Я, признаться, часто в своих силах сомневаюсь. Боюсь, не повторяю ли сама себя, не стою ли на месте... Ведь я дряхлею, а годы не только тело, но и душу старят...

— Ну нет, не согласен! До дряхлости вам еще очень далеко. И есть души, которые никаким годам не сломить. Таких у нас много. Вы разве не замечали? — Он задумался и снова повторил: — Чудесный урок! Они Лермонтова знать будут. И любить. Да, и любить... Как это важно — с

детства полюбить родных писателей, гордиться ими!.. И вот что: вы почему лермонтовский вечер не устроите у себя в клубе? Пусть весь прииск полюбит замечательного поэта.

— Э, ты, видно, не знаешь, что у нас такие вечера школа часто устраивает, — сказал Трубников. — Был горьковский вечер, вечер памяти Маяковского...

— И лермонтовский организуйте. Непременно.

— А я не сомневаюсь, что у Надежды Георгиевны это уже запланировано.

— Верно! — сказала Сабурова. — Уже готовим чтецов и актеров. Вот наша десятиклассница Кулагина, член комсомольского комитета, мне помогает.

Секретарь поздоровался с Тоней и Лизой. Девушки были немного смущены.

— У нас ребята большую культурную работу ведут, — продолжал Иван Савельевич. — С тех пор как школьники взяли на себя устройство спектаклей и вечеров, клуб преобразился.

— Ну-ну, не хвались... С товарищем Сабуровой дружно живешь?

— Да у нее ведь характер нелегкий, — хитро прищурился парторг. — Это она с виду такая спокойная, а как начнет интересы школы отстаивать — держись!.. Я, признаться, ее боюсь.

- Да ну?

— Ей-же-ей! Одно время тяжело со снабжением было, хотели школу с довольствия снять, горячие обеды прекратить. Куда там! Такую бучу на партсобрании подняла!

— И правильно! Сейчас есть у вас к нему претензии, товарищ Сабурова?

— Кое-что есть! — весело, в тон ему, ответила Надежда Георгиевна. — Еще с осени обещал нам Иван Савельевич семена — мы хотим расширить опытный участок при школе, — а до сих пор их нет.

— Будут семена, будут, — успокоил ее Трубников. — Скоро получим и вам выделим.

— Что же ты, такими вопросами, как семена и снабжение, тоже занимаешься?

— Во все входить приходится, — просто сказал Трубников, и волжский выговор его, казалось, придавал особую выразительность словам.

— Правильно, парторг! — серьезно заметил секретарь. — Ты людям первый помощник, в большом и малом... Да, — спохватился он, — ты говорил, что в шахте должен быть к трем часам. Иди, брат. Я скоро еду.

Иван Савельевич поднялся.

— В живой уголок-то зайди, Василий Никитич, — сказал он, прощаясь с секретарем, — настоятельно советую.

Выждав, пока Трубников попрощается со всеми и уйдет, методистка обратилась к Надежде Георгиевне:

— С планом урока вы позволите познакомиться?

Сабурова порылась в портфеле и протянула гостье небольшой листок бумаги. Та начала читать, все выше поднимая брови.

— Так... Ну хорошо... Только почему у вас не отмечен организационный момент? В порядке ли был класс к вашему приходу, чиста ли доска, приготовлен ли мел?

— Голубчик, право же... — начала Сабурова, и Тоня, взглянув на нее из-за шкафа, поняла, что Надежде Георгиевне невыносимо скучно разговаривать с гостьей. — Право же... я преподаю сорок лет и не знаю случая, чтобы к моему приходу в классе не было чисто или не принесли бы мела.

— Нет, позвольте, об этом можно поговорить...

— А пожалуй, действительно не спеем засветло в Шабраки! — перебил ее секретарь, и глаза его опять засмеялись. — Дальше какие у вас уроки, товарищ Сабурова?

— В старших классах физика, пение и физкультура.

— Интересно, но остаться нельзя. Вот в живой уголок я заглянул бы на минутку. Иван Савельевич говорит, что вы тут целый зоосад развели...

— Так я пока поговорю с директором, а вы посмотрите животных, — снисходительно улыбаясь, проговорила методистка.

Улыбка совсем не шла к ее лицу и означала, что она хоть и удивляется странным интересам областного партийного руководителя, но согласна простить ему это чудачество.

— Разыщите Петра Петровича, друзья, — обратилась Сабурова к Тоне и Лизе.

— Он в уголке, наверно, Надежда Георгиевна.

— Не надо тревожить товарища, — вмешался секретарь, — мне девушки покажут. Верно?

— Ну да, покажем! — бойко ответила Лиза.

А Тоня, перехватив укоризненный взгляд Сабуровой, ответила, как подобает вежливой девушке:

— С большим удовольствием, пожалуйста!

— Так идемте. А вы, товарищ Сабурова, помните мои слова: уроком я доволен.

Он, посмеиваясь, прошел с девушками в раздевалку и, накинув на плечи шубу, зашагал к «живому уголку».

Это был отдельный домик на школьном дворе. Здесь жили орел, белки, крысы, кролики. Были в уголке и бурундуки и несколько ужей. В большом аквариуме среди каменных гротов и водных растений плавали тритоны и пышные вуалехвосты. На заставленных цветами подоконниках стояли клетки с птицами. Уголок был любимым детищем Петра Петровича и школьного сторожа Мухамет-Нура, который проводил здесь все свободные минуты.

Мухамет и сейчас с недовольным видом кормил морских свинок, внушая им:

— Просить надо кушать. Будешь молчать — никто не даст!

Перед Петром Петровичем и юными натуралистами стоял с унылым видом маленький толстый четвероклассник. Ребята дружно бранили его. Дежуря в уголке, толстяк забыл накормить свинок и оставил открытой клетку щегла. Крупный, красивый щегол вылетел и сильно избился о стены и окна.

Узнав, в чем дело, Василий Никитич охладил пыл юннатов, сказав, что виноватый, наверно, уже понял свой проступок и впредь будет внимательней. Мальчишка, которого перестали распекать, благодарно взглянул на гостя, а Степа Моргунов пробормотал:

— Пусть бы попробовал не понять!

Секретарь постоял перед каждой клеткой, расспросил ребят, чем они кормят животных и как ухаживают за ними. Он громко засмеялся, когда Степа крикнул:

— Наш орел всех орлов здоровше! Хоть кого спросите!

— Спрошу, непременно спрошу, — сказал гость. — Вот через горы поеду, там у орлов попрошаю, как они находят. А бурундучки как себя в неволе чувствуют?

— Хорошо! Только толстеют очень, всё больше спят.

— Ну, сейчас зима, так им и положено.

Когда Петр Петрович и юннаты ушли заниматься, Круглов, выйдя из «живого уголка», остановился на снежном дворике:

— Вы, кажется, из десятого класса, девушки? Значит, товарищ Сабурова с вами литературой не занимается?

— Занималась до Нового года, а потом приехала Татьяна Борисовна Новикова, — ответила Лиза.

— Хорош у вас директор... — задумчиво сказал секретарь. — Большая удача школе выпала, что такой человек в ней работает. Я давно про нее

слышу... Вы берегите Надежду Георгиевну.

— Надежда Георгиевна у нас самый дорогой человек, — тихо сказала Тоня и, осмелев, спросила: — А наш преподаватель вам понравился?

— Ваш? Поправился, — твердо сказал секретарь. — Отлично о Шолохове рассказала. А вы почему спрашиваете?

Он хитро прищурился, переводя глаза с Тони на Лизу.

— С Надеждой Георгиевной-то не сравнить! — вздохнула Лиза.

— И трудно сравнивать, — отозвался секретарь: — Надежда Георгиевна сорок лет работает, а товарищ Новикова?

— Первый год...

— Ну, вот видите! А хороший педагог из нее обязательно выйдет. Вы что же, дружно живете с ней?

— Не привыкли еще, — смущенно сказала Тоня.

— Привыкайте. Поласковой с ней будьте. Коли она недавно приехала, скучает еще здесь, наверно. С нашими горами не всякому легко сродниться.

После звонка на новую перемену вся школа вышла провожать гостя.

— До свиданья! Приезжайте к нам! — кричали ребята.

— На выпускные экзамены приезжайте! — крикнула Тоня и покраснела, как маленькая.

— Приеду, коли смогу, — ответил Круглов усаживаясь. — Всего хорошего, товарищ Сабурова! Спасибо вам! Будьте здоровы, ребята!

Маленькая машина легко взяла с места и, ныряя, пошла убегать от догонявшего ее снежного роя.

Глава четырнадцатая

— Ну и ночь сегодня! Черным-черно...

Тоня взглянула на небо и снова подивилась черноте ночи. Еще полчаса назад, когда она выходила из клуба, ей показалось, что шагнуть с освещенного крыльца в эту тьму все равно, что броситься с берега в черную стоячую воду. Что-то тревожное чудилось сегодня Тоне в темноте.

Вместо того чтобы идти домой, она свернула в сторону и остановилась на узком обледенелом мостике через крохотную речку Зиминку — приток Серебрянки. До нее доносились голоса расходящихся из клуба людей. С хохотом перекликались девушки, бубнил неторопливый басок и его прерывали смехом, а совсем недалеко раздавалось еще чье-то бормотанье, то тише, то громче. Верно, стояли вблизи от нее двое и не могли наговориться, перед тем как разойтись...

Тоня прислушалась, но ничего не разобрала, и сейчас же мысли о только что происшедшей встрече так заняли ее, что она перестала замечать звуки.

В клубе только что кончился лермонтовский вечер. Много для него потрудились Надежда Георгиевна и она, Тоня. И все-таки не совсем благополучно прошло! Сева Кротков, восьмиклассник, игравший Гаруна, изображал стыд и раскаяние беглеца так усердно, так драматично закрывал лицо руками, что размазал по щекам жирную черную краску. Слишком уж густые брови навела ему Тоня.

Но публика осталась довольна. Злосчастному Гаруну хлопали особенно усердно. Новый директор прииска, Виктор Степанович Бессонов, долго пожимал руки Надежде Георгиевне и благодарил школу.

На Бессонова посматривали с интересом и ребята и взрослые: свежее, моложавое лицо, блестящие глаза, плотная шапка серебряных волос, твердая, энергичная походка.

— В двадцати местах за день побывает, — говорили в публике. — Не то что прежний, — в управлении сутками не сидит.

Бывший директор все дни проводил в приисковом управлении, засиживался там до поздней ночи, а с ним и все работники. В шахтах, на промывке золота, на стройке новых домов его видели редко.

— Отец хвалит Виктора Степановича, — сообщил Петя Таштыпаев товарищам. — Как приехал, прежде всего старых мастеров созвал, расспрашивал о работе. И всех запомнил: теперь встречается — по имени-

отчеству называет.

— И мой папа им доволен, — заметила Тоня.

— Быстрый такой, аккуратный... Хороший дядя! — одобрила директора Лиза.

В перерыве, когда Тоня вышла из зала, ее кто-то окликнул:

— Антонина Николаевна, мое почтение!

Перед ней стоял стройный, чисто, даже щеголевато одетый паренек. Бледноватое смуглое лицо, яркие зеленые глаза... Кто же это?

Тоне показалось, что имя паренька сорвалось с ее губ прежде, чем она успела назвать его про себя:

— Сань... Маврин, да?

— Он самый... Здравствуйте!

Тоня оторопело смотрела на него. По счастью, началось второе отделение вечера. Она вернулась на свое место, но уже не слышала ничего, что говорилось на сцене.

Так Санька Маврин вернулся!.. Сколько забот он когда-то принес Павлику!..

Это было два года назад. Сабурова только что приехала на прииск из Москвы. Ребята скоро узнали, что она очень любит театр и за время своей многолетней учительской работы поставила множество спектаклей. Ученики таежной школы тоже вскоре стали занятыми театрами. Павлик сначала только играл и выступал с чтением стихов, но потом все больше и больше стал интересоваться режиссерской работой. Помогая Сабуровой, он проявлял столько вкуса и способностей, что она стала поручать ему отдельные постановки. Первая серьезная его работа — инсценировка романа Островского «Как закалялась сталь» — ставилась как платный спектакль в клубе. Это был первый опыт, и предложила его Тоня, когда комсомольцы совещались, где взять денег на устройство елки с подарками для малышей. На большой сбор рассчитывать не приходилось — многие уже видели спектакль в школе, — но все-таки решили попробовать.

Ребята страшно волновались, а Павлик больше всех. Он смущенно поглядывал на пестро расписанную афишу. Там крупными буквами стояло: «Режиссер-постановщик П. Заварухин».

— Э-э! Зачем себе такие заботы придумал? — спросил Ион, забредший в клуб, чтобы позвать Павла на охоту. — На медведя ходил — не так боялся. Разве страшно?

— Страшно, Ион! — отвечал Павел. — Знаешь, ты не ходи сегодня в лес, оставайся спектакль смотреть.

Ион захохотал:

— Однако, зайцы в тайге подумают: старый Ион с ума сошел. Самая охота, а он в клубе сидит... Нет, это дело не мое.

Старик, ухмыляясь, зажег трубку и хотел идти, но, взглянув еще раз на встревоженное лицо Павла, остановился:

— Не серчай, Паулык. Если тебе надо, буду смотреть. Зайцы подождут. На спектакль пришел весь прииск.

— Я говорила! — ликовала Тоня. — А? Я говорила, Павлик, или нет? Вон мои усаживаются! И Кагановы пришли! И доктор! Ура!

— Кулагина, со сцены! — свирепо кричал сияющий режиссер. — Не имей привычки перед выходом актеров нервировать! Даем звонок!

Слава о спектакле перекинулась в соседние селения.

Сбор был такой, что хватило и на елку и на подарки. А на каникулах вся труппа выехала на прииск Добрый для повторения пьесы. С тех пор грузовая машина часто стала увозить комсомольцев на выездные спектакли.

К театральной деятельности школы люди относились с уважением, и, встречая Павла, старые горняки спрашивали:

— Чем новеньким собираешься порадовать, товарищ режиссер?

Все шло хорошо, но однажды спектакль был почти сорван буйной ватагой приисковой молодежи. В фойе клуба стоял такой шум, что как ни надрывались актеры, их почти не было слышно. К веселившимся парням выходили заведующий клубом, Петр Петрович, Сабурова, но толку было мало. Тут Павел первый раз и поскандалил с вожаком и заводилой ребят — Санькой Мавриным, красивым смуглым мальчишкой с яркими кошачьими глазами. Павел разгорячился, был очень возмущен, и Маврину, видимо, понравилось, что он вывел из себя всегда спокойного и всеми уважаемого Заварухина.

Мавринская ватага долго донимала школьников. Обратились за помощью в приисковый комсомольский комитет. Маврину несколько раз делали серьезные внушения. На время он исчезал из клуба, потом появлялся вновь. То его приятели приносили с собой поросенка, который отчаянно визжал, то вооружались трещотками и дудками. Редкий вечер обходился без какой-нибудь неприятной выходки. Комсомольцы решили ставить своих дежурных у входа и не пропускать в клуб озорников. Но Маврин каким-то образом в клуб пробирался, и школьникам немало труда стоило узнать, что его пропускает Андрей Мохов, давно друживший с Санькой. Маврин в раннем детстве остался круглым сиротой, воспитывался в интернате и после окончания семилетки сразу пошел работать. Андрей уважал его за смелость и молодечество. Неглупый и настойчивый, Санька

внутренне был сильнее Мохова. Как ни пытался Андрей урезонить друга, разговоры их всегда кончались ничем.

Маврин высмеивал Мохова, а тот, остро чувствуя свое бессилие и досаду на приятеля, все же порвать дружбу с ним не мог.

Однажды вся компания появилась в клубном зале, когда спектакль уже кончился и молодежь собиралась танцевать. Маврин был сильно навеселе. Зеленые глаза его сухо блестели, он громко ругался и, размахивая руками, пытался пригласить кого-нибудь из девушек на вальс.

— Не хотите? Вот как! Значит, только с актерами водитесь? Мы сейчас вашим актерам покажем!

Казалось, скандала избежать нельзя. Девочки сбились в кучу. Санькина свита пересмеивалась и отпускала шуточки. Появился встревоженный завклубом. Но он не успел вмешаться. Павел, широко расставив руки, подошел к Маврину:

— Ты-то мне и нужен! Хорошо, что пришел! У нас тут игра затевается в кошки-мышки, вернее в обыкновенные жмурки. Слыхал про такую детскую забаву? Вот и кошка! — показал он на Петра Таштыпаева. — Вы, ребята, начинайте играть, а мне с Александром Ивановичем поговорить нужно.

Пете завязали глаза, играющие разбежались, поднялся визг, беготня, и не успели Санькины товарищи оглянуться, как оказались одни в середине зала. «Кошка» подбиралась прямо к ним, и ничего не оставалось, как спасаться. Они тоже кинулись в стороны. Игра началась горячо и шумно.

А Павел, дружелюбно оттесняя Саньку к дверям, вывел его в коридор, потом на лестницу, в раздевалку, а там вышел с ним за дверь — да так в тот вечер больше в клуб и не вернулся.

Потом он рассказал товарищам, что Маврин, очутившись на улице, полез драться. Павел с силой встряхнул его, вывел на дорогу и сказал:

— Ступай домой и больше пьяным в клуб не являйся, пока в приисковое управление не заявили. Понял?

— Что ты сволочь — я понял! — заорал Санька.

Нелепо махая непослушными руками, он наскочил на Павла и наконец сильно ударил его в грудь.

Заварухин сначала оборонялся, а потом, обозлившись, стал давать сдачи. Хотя был он высок и силен, ему нелегко удалось справиться с вертким и ловким парнишкой. Они долго возились и пыхтели в снегу. Наконец Павел вскочил и стал отряхиваться. Поверженный Санька, лежа в сугробе, сначала ругался, потом затих и вдруг всхлипнул. Павел прислушался: да, смельчак и наглец Маврин плакал, как плачут ребята от

стыда и злости.

Тогда Павел сгрел ослабевшего от водки и возни Саньку и понес его в общежитие.

— Пусти! — хрипел Маврин. — Хватит, поиздевался!

— Молчи, дурак! — отвечал Павел. — Пусти тебя — ты назло замерзнешь, а потом за тебя отвечай!

В общежитии он положил Маврина на кровать, снял с него сапоги и сел рядом. Саньку, видимо, мутило. Он притих. Других ребят в комнате не было. Ночная смена работала, а свободные Санькины друзья играли в клубе в кошки-мышки.

— Скверно тебе? Может, воды дать? — спросил Павел.

— Иди ты к чорту! Доктор выискался!.. — сумрачно проворчал Санька и отвел глаза.

В них уже блеснула привычная мавринская усмешка. Санька всеми силами старался сдержать ее, но, снова встретившись глазами с Павлом, не стерпел. Враги дружно захохотали. Потом начался разговор.

На вопросы, о чем он говорил с Мавриным, Павлик отвечал: «Так, вообще... О жизни». Заварухин не упрекал Саньку, а тот не давал никаких обещаний, но отношение его к комсомольскому секретарю изменилось с этой ночи. Охота дразнить школьников и мешать их делам пропала. Санька долго не показывался в клубе, а когда пришел со своей ватагой, то все держались пристойно.

С Павлом у него возникла своеобразная дружба. Раз в два или три месяца Маврин зазывал к себе в общежитие Заварухина. Там происходили большие разговоры, и в них участвовали все Санькины друзья. Павел поговорил о Маврине с Николаем Сергеевичем. Старый мастер стал присматриваться к Саньке и перевел его на более интересную работу. Он оценил живого, смышленного парня, хлопотал о нем в завкоме и добился того, что Саньку откомандировали в город на курсы. На фронт Павел уходил, когда Маврина уже не было на прииске...

Все это живо вспомнилось Тоне сегодня. После концерта Маврин снова подошел к ней в раздевалке.

— Вы что же, вернулись опять сюда работать? — спросила Тоня.

— Вернулся... — рассказывал Санька. — Полтора годика отучился. Кончил курсы с отличием... Только сегодня приехал. Опять думаю к папаше вашему, к Николаю Сергеевичу. Отдельную комнату мне с товарищем в общежитии обещали...

— Это хорошо...

— А вы, значит, нынче на аттестат идете?

Маврин говорил необыкновенно вежливо и тихо. Он заметно важничал и старался не выйти из роли солидного, сознательного парня, лучшего курсанта, присланного на прииск для ударной работы.

— Да, скоро начнутся выпускные экзамены.

— Так... Ну, кое-кого еще повидать надо... Пожелаю всего наилучшего.

Тоня протянула Саньке руку. Понизив голос, он сказал:

— Извиняюсь... А секретарь-то... Паша... Ничего, значит, в точности неизвестно?

— Нет.

— Эх!..

Тоне показалось, что Маврин выругался про себя. Но яркие глаза его были нежны и печальны, когда он спросил:

— Не найти такого другого, а, девушка?

И Тоня ответила ему искренне и просто:

— Нет, не найти, Саня.

— Да. Вот и ребята говорят. Все его уважали, а я-то уж...

Он хотел еще что-то сказать, но махнул рукой и отошел. Тоня стояла опустив глаза. Опять пришло к ней сознание большой потери, точно она только сейчас, сию минуту, узнала, что больше никогда не увидит Павлика. Ей показалось невозможным идти домой с Лизой, слушать оживленную болтовню.

В такие минуты хочется, чтобы возле тебя был какой-то внимательный и не шумный человек. Он может идти рядом и молчать, но молчит он так, что ты знаешь: не о своих делах он думает, а о тебе. Он слушает и понимает тебя, полон интереса и сочувствия. Толя Соколов такой...

«Был такой...» — поправила себя Тоня.

Хотя ее отношения с Анатолием уже давно были далекими, но ей казалось, что стоит ласково поговорить с ним, позвать с собой, и он станет прежним. Однако что — то мешало выполнить это намерение. Тоня сама не сумела бы определить, что именно, — может быть, короткий разговор с Зинаидой Андреевной.

Пожалуй, все-таки нужно заговорить с ним. Сам он не подойдет, чувствует себя виноватым... Надо показать, что она не сердится...

Она невольно начала искать глазами Анатолия и сразу нашла. Соколов смотрел в ее сторону, держа в руках Женину шубку.

Тоня отвернулась, вышла из клуба, нырнула в темень и вот теперь неизвестно зачем стоит здесь на мостике.

Как рад был бы Павлик, увидев вместо прежнего Маврина этого

подтянутого, вежливого парня! Никогда он его не увидит...

А Анатолий? Каким хорошим другом он казался и стал совсем чужим. Один Павлик был верный и сильный. Настоящий! И вот его нет нигде на целом свете!..

Глубоко вздохнув, она выпрямилась, и снова до ее слуха донеслось невнятное бормотанье. Громкие голоса и смех смолкли, и, наверно, уже давно... Добрые люди разошлись по домам. Но кто же эти неугомонные, что не могут расстаться? Чей нескончаемый рассказ тянется так долго? А может быть, это и не людской разговор? Бормотанье то стихает, то усиливается и вдруг прерывается тихим всхлипом. Или это всплеск смеха?

Что это? Кто это?

Тоня прислушивалась недоумевая, в какой-то непонятной тревоге.

И позади, за мостом, послышались голоса, как будто даже знакомые... Переговаривались двое мужчин.

Тоня обернулась, и дерзкий свет маленького фонарика ударил ей в глаза. На мостик ступил ее отец. За ним шел старый рабочий — дядя Егор Конюшков.

— Э! Кто это тут? Дочка? Ты что здесь делаешь?

— Стою... Тебя поджидаю... — улыбнулась Тоня.

— И распрекрасно! В клубе, поди, была? А мы с производственного совещания. Ну, пошли домой.

— Постой, Николай Сергеевич... — Дядя Егор поднял палец и сказал шопотом: — Слышишь? Пошло...

— Ну? — Отец прислушался, склонив голову набок. — Явственно! — сказал он обрадованно и мягко. — Ишь, забирает... То-то дочка моя одна на мосту стоит, слушает.

В тихих голосах, в улыбках отца и дяди Егора была та же настороженность, что в мягком воздухе и густой черноте ночи. До Тони дошло какое-то особое настроение стариков, и она с беспокойством спросила:

— Да что это такое, папа?

— Вот на! Слышишь звон, да не знаешь, где он! Зиминка проснулась, вода подо льдом журчит.

— Весна к нам пробивается, — серьезно сказал дядя Егор.

Весна! Как же Тоня не расслышала в бульканье и воркованье водяных струек ее тихий смешок? Она уже родилась, барахтается в снежных пеленах, шумит и бесчинствует, ищет выхода — и найдет его и завладеет землей, жаркая и жадная сибирская весна!

Тоня шла домой и радовалась, что присутствовала при рождении

весны. Другие люди через несколько недель увидят уже явные признаки ее прихода, заметят весну буйным подростком, а им троим удалось нынче постоять у самой ее колыбели.

От этих мыслей грусть Тони смягчилась, и она стала прислушиваться к негромкому разговору отца с дядей Егором... Несколько раз с раздражением в голосе отец помянул Михаила Максимовича Каганова.

— Верно, я его высоко ставлю, — говорил Николай Сергеевич. — Что говорить, умный человек, и образованием не обижен, и политику нашу всю насквозь постиг, а тут нерешительность проявляет... Не хочет понимать.

— Он привык считать, что выработана Лиственничка. Ведь все так думают.

— Не все. Вот мы с тобой думаем иначе, Егор Иванович. Старикам всегда чудно казалось: на богатом золоте шахта шла, и вдруг хозяин заявляет — жила выклинилась. Да сразу как-то, внезапно... Может, у Петрицкого свои цели были.

— Да ведь так не только Петрицкий решил... Помнишь, году, никак, в тридцать пятом хотели поднимать Лиственничку? Приезжала комиссия и подтвердила, что шахта выработана.

— Та комиссия нам теперь не указ. Из людей, что в нее входили, никого на месте не осталось, все сняты. Да инженер и не говорит, что там нет ничего, а твердит: «Подумать нужно, проверить, такие дела сразу не делаются».

— Руководство ведь тоже боится зря государственные деньги потратить. С них спросят.

— Почему зря? В нашем деле без производственного риска не обойдешься, — настаивал Николай Сергеевич. — Слыхал, поди, что на Шараминском прииске случилось? Там тоже пробойка ложной почвы не была предусмотрена планом. А ведь на глубине двенадцати метров нашли второй пласт с высоким содержанием золота. Вот уж пять лет, как этот пласт разрабатывают: сколько тонн он дал! И еще даст немало. А не рискнули бы тогда — отработанный разрез хоть закрывай.

— Это верно... — в раздумье промолвил дядя Егор.

— То-то. Без риска нельзя.

Николай Сергеевич разгорячился и, говоря, размахивал руками. Свет фонарика плясал по сугробам и по заборам. Тоня взяла фонарь у отца. Она привыкла к тому, что Николай Сергеевич всегда на кого-нибудь нападает, всегда ему кажется, что начальство недостаточно интересуется делом. Однажды, когда ей было семь лет, Тоня очень насмешила мать, ответив на вопрос Павлика: «Что это дядя Николай нынче такой сердитый?» — «А как

же, за производство болеет». Это в семье вошло в поговорку. Но так как отец часто «болел» по пустякам и его затруднения на другой же день разрешались благополучно, Тоня не слишком задумывалась об отцовских тревогах.

Сегодня, вспоминая недавнюю встречу с молодыми горняками, когда они так пылко и дельно говорили о приисковых делах, она внимательно прислушивалась к словам отца.

— Да-а, золотишко... — обронил дядя Егор. — Ведь скажи на милость — много ли лет прошло, а взгляд на золото как есть другой стал!

— Почему другой? — спросила Тоня. — Меньше стали ценить золото?

— Цена ему всегда высокая, — ответил старик, — и прежде ценили и теперь. А только нынче уже, кажется, все понимают, что золото — металл государственный. Прежде ведь считали — оно ничье. Лежит в земле — кто взял, тому и счастье. Золото брать не зазорно. Ведь что делали! Ты помнишь, Николай Сергеевич? В каблуках уносили.

— Как это — в каблуках? — переспросила Тоня.

— Каблуки в сапогах выдолбленные были... Специальный сапожник такие шил. Запрячут туда золото и выносят спокойно. А то фонарики с двойным дном...

— Как же! — оживился отец. — У всякого свой фонарик. Каждый стремился завести. Рудничная-то лампа слаба была...

— Да что! В бородах золото уносили. Закатают кусочек в волосы — его и не видно. Для того и бороды у всех были дремучие... Ну, я дошел. Приятных снов...

Дядя Егор простился со спутниками и сразу пропал во тьме.

Тоня взяла отца под руку:

— Все не ладишь с Михаилом Максимовичем, папа?

— Не стал ладить, дочка... Ведь скажи, какая дружба была! И жалко человека. После несчастья своего никак не оправится... И досада на него берет. Из-за старой шахты, из-за Лиственнички, разлад у нас пошел. Золото там чистое, богатое было. Не может быть, чтобы всё выбрали... Большая охота у меня Лиственничку пощупать.

— А другие рабочие что говорят?

— Из стариков многие со мной согласны. Да и дядя Егор... Хоть из осторожности возражает, но сам о том же задумывается. А я-то уверен, что прав, Тоня. Нынче всюду люди добиваются, чтобы получше работать, чтобы поднять хозяйство... Что же мы-то? Какой подарок государству был бы... Эх!..

Николай Сергеевич говорил с горячностью и болью. Тоня поняла, что

это не его постоянное, подчас излишне суетливое и напрасное беспокойство о деле, а глубокая убежденность в своей правоте.

— Не горюй, папа, — сердечно сказала она. — Надо бы нам, комсомольцам, в этом деле разобраться, да время сейчас у нас трудное. Вот погоди, сдадим экзамены — может, удастся помочь...

— Ну нет, не согласен! — решительно сказал Николай Сергеевич. — И так не в свое удовольствие живете, все для людей стараетесь. Нечего вам из-за наших стариковских дел голову ломать.

— Дела-то эти не стариковские, а государственные, сам говоришь, — суховато отозвалась Тоня.

— Вернее, могут они стать государственными. Только вы еще для государства поработать успеете. У меня и так сердце болит, что ты то в лес, то в колхоз... Когда же для себя пожить, радости набраться?

— Не понимаю я тебя. Неправильно ты меня воспитываешь!

— Вот тебе и раз! Спасибо, доченька!

— Ты не сердись. Я ведь правду говорю... И не хитри. Не про всех ты думаешь, а про меня. Если другие будут работать, ты, по-моему, возражать не станешь, еще похвалишь. А вот я, твоя дочка, должна только учиться, книжки читать, веселиться, как принцесса какая!

— Ну что ж! Плохого в том не вижу. Это у каждого отца законное желание, чтобы дочери хорошо жилось.

— А я не принцесса! Сложив руки сидеть не намерена! — Тоня разгорячилась и говорила жестко, как всегда, когда бывала задета. — И мне обидно, что мой отец... что для моего отца мои удобства важнее всего, а до остального дела нет...

— Как это — дела нет? — возвысил голос Николай Сергеевич, начиная сердиться. — Мало я с ребятами вожусь, с учениками? С тем же Мавриным? На курсы его отправил... Теперь вот он приехал, — мастера из него делать буду... А насчет Лиственнички стал бы я разве тужить, кабы мне дела ни до чего не было?

— Знаю, знаю! Не обижайся, я не то сказала.

— То-то «не то»...

— Папа, а как сильно Маврин изменился! Я ведь его видела.

— Я еще не видел, но слышал, что выровнялся парнишка. Он ведь самолюбивый, Санька. Всегда впереди хочет быть. Раньше головорезами командовал, а теперь подросток, поумнел, мечтает передовым рабочим стать... Дело понятное.

Они помолчали.

— Понимаешь, — снова начала Тоня, — что ты работаешь честно, все

скажут, и я... я ведь тобой горжусь, знаю, какой ты работник. Но почему же себя ты не жалеешь, а меня от всякой тяжести уберечь хочешь? Почему ты стараешься, чтобы мне лучше всех, легче всех было? Я ведь это всегда замечала, с малых лет...

Тоня волновалась и говорила горячо, дергая отца за руку, стараясь втолковать ему то, что ей казалось совершенно ясным и бесспорным.

— Ну вот, помнишь, года три назад на приiske ничего сладкого не было... Помнишь?

— Ну?

— А ты мне плитку шоколада из города привез. Я ее разделила, ребята у нас были — Лиза, Женя, Андрей и Павлик. Всем по кусочку. И тебе с матерью. Помнишь, еще чай у нас пили?

— Помню, как же! По осколочку положила перед каждой чашкой и звала: «Айда чай с шоколадом пить!»

— Ну и что же, что по осколочку, — упрямо сказала Тоня, — зато всем! Мама сказала: «Правильно», а ты расстроился, выговаривал мне потом. Лучше, мол, сама бы съела, чем со всеми делиться.

— Ну, хватит! — оборвал дочку Николай Сергеевич. — Нечего мне наставления читать! Мать известная мировая печальница. Ей дай волю — все бы раздала. И ты в нее... А я сначала о семье думаю, а потом уже о других. И не относится твой шоколад сюда вовсе. Про дело говорили, а ты с ерундой.

— Все к одному, — тихо вымолвила Тоня. — И делом твоим, если надо будет, займемся.

— Ладно, как-нибудь один управлюсь. При матери не заводи этот разговор.

Николай Сергеевич постучал палкой в ставень, сквозь щели которого пробивался спокойный свет.

Глава пятнадцатая

Придирчиво разбираясь в своей работе, Татьяна Борисовна постепенно пришла к выводу, что она очень плохая учительница. Правда, литературный кружок теперь работал и отношения с учениками стали лучше, но своими уроками Новикова была недовольна.

Надежда Георгиевна как-то раз, оставшись с молодой учительницей наедине, спросила:

— Давно ты мне не рассказывала, Таня, как идут дела. Довольна ли ты классом и класс тобою?

— Ребята хорошие, способные... Но что-то у меня не ладится, это ясно. Пока идет беседа или объяснение, все хорошо, а во время опроса всегда какое-то недовольство... В классе перешептываются, и тот, кого спрашиваешь, идет на место с недовольным видом... Что-то делаю не так, а что именно, не знаю.

Сабурова ничего не ответила, но пришла в десятый класс на несколько уроков литературы, а потом сказала Новиковой:

— Ты почему их так дергаешь, Таня? Ведь у тебя отвечающий ни собраться с мыслями не может, ни спокойно ответить. Ты его торопишь, подсказываешь, чуть ли не весь урок сама за него отвечаешь. Ребята этого не любят. Всегда нужно дать ученику высказаться, а потом предложить другим его поправить. Спокойнее надо!

Новикова во все глаза смотрела на директора. Она даже рот приоткрыла:

— Разве я так делаю? Не может быть! Вам показалось.

— Последи за собой — и сама убедишься.

— Что же это такое? — огорчилась Татьяна Борисовна. — Простейшая вещь — спросить ученика урок... И с этим я не могу справиться!..

— Это, кстати, вовсе не так просто, как ты думаешь. Умелый опрос практикой достигается. Ну, а настроение твое? Все попрежнему не нравится у нас? Скучаешь, рвешься отсюда? — пристально глядя на молодую учительницу, спрашивала Сабурова.

Новикова мгновенно вспыхнула и обиделась. Захотелось сказать: «Зачем меня об этом спрашивать? Разве не ясно, что тогда, в новогоднюю ночь после приезда, я вам глупостей наговорила? Сама себе я не нравлюсь, вот в чем дело!»

Но, расстроенная непониманием Надежды Георгиевны, она сухо

ответила:

— Да, настроение у меня неважное.

— Я вот что думаю, — медленно продолжала Сабурова, попрежнему испытующе глядя на молодую учительницу: — пожалуй, после экзаменов можно будет отпустить тебя. Мне пишут, что к нам согласна приехать Тамара Пискунова, тоже моя бывшая ученица. На такую замену я согласна. Она справится.

— Вот как! Очень хорошо! — отозвалась Новикова.

После этого разговора она долго не могла успокоиться. Если уж Надежда Георгиевна сама предлагает отпустить ее — значит, недовольна работой. А покинуть Таежный будет очень жалко.

Татьяна Борисовна и сама не заметила, как привыкла к прииску, к школе, к своей уютной комнате в доме Кулагиных. К урокам она готовилась с увлечением, много читала. А дежурства в школьной библиотеке, куда по воскресеньям сходились молодые горняки, были для нее большим удовольствием.

Днем солнечные лучи бегали по длинным рядам некрашенных полок, взбираясь все выше и играя на позолоте книжных корешков. Вечером мирные лампы освещали столики читателей и конторку библиотекаря. Книги прятались в тени, а около барьера теснились подростки в ватниках и полушубках, переговариваясь вполголоса и разглядывая книжные богатства с откровенной жадностью. Они приносили с собою крепкие запахи овчины, свежего снега, зябкой оттепели. Татьяне Борисовне нравилось подмечать, как блестящие, полные живого, смышленного озорства глаза их наполнялись глубиной раздумья, становились восторженными, грустными или негодующими после беседы с книгой.

Однажды она спросила вихрастого паренька, возвращавшего в библиотеку «Анну Каренину»:

— Что же тебе понравилось в этой книге?

Паренек взглянул недоверчиво, но, увидев внимательное молодое лицо, оживился.

— Да, знаете, все интересно, — сказал он просто. — Видишь, как люди жили... как маялись... каждый по-своему маялся... А больше всего деревня мне понравилась. Вот как Левин косил... Мне самому приходилось... Ну просто словно побыл на покосе, травы понюхал...

Он вспомнил и старика, с которым косил Левин, и заткнутые тряпицей кувшины с квасом, и перепелиное гнездо на лугу...

«Нет, прочел не зря. Выбрал для себя то, что ему дорого и понятно», — решила Новикова.

Ей показалось интересным присмотреться, что вообще читают приисковая молодежь и школьники, что они воспринимают лучше. Она стала разговаривать с читателями, просила обращаться к ней за разъяснением непонятного, и незаметно у нее накопились наблюдения, потом пришла охота систематизировать и обобщить их. Могла получиться интересная статья. Уже и название для нее родилось: «Как читает подросток и какие нужны ему книги».

Об этих планах Новикова пока ничего не говорила Надежде Георгиевне.

Весна, услышанная Тоней в глухую апрельскую ночь, лукавила с людьми. Она пряталась в снегах, и только по тому, как осели и стали рыхлыми прежде плотные сугробы да днем на солнце поплескивала капель, было понятно, что весна уже бродит поблизости.

В один из последних дней апреля Татьяну Борисовну удивил необычайный шум на школьном дворе. Она привыкла разбираться в оттенках гомона, встречавшего ее ежедневно, и поняла, что кричат не от азарта игры и не по поводу драки или ссоры — шумели озабоченно и весело.

Ребята сгрудились около длинной поленницы, протянувшейся вдоль забора. Оттуда слышались выкрики и смех. Среди школьников был и Мухамет-Нур, казавшийся взволнованным не меньше ребят.

Новикова остановилась, не решаясь подойти ближе. Она попрежнему робела и терялась в большом скоплении школьников.

К ней подошел Петр Петрович.

— Вот оказия! — сказал он. — К Мухамету брат приехал... да как вошел во двор, ребята его окружили, задержали, он переконфузился, забрался за поленницу и вылезать не хочет.

— Так пусть Мухамет или кто-нибудь из ребят тоже заберется туда и извлечет его, — посоветовала Новикова.

— Попробуйте заберитесь! Я не знаю, как он ухитрился туда пролезть.

Действительно, дрова были сложены почти вплотную к забору. Казалось, что проникнуть за поленницу невозможно. Однако малыш был там. На мгновение в просвете между поленьями мелькнула красная, нахмуренная рожица.

— Митхат, иди сюда! Самовар кипит. Чай будем пить, — уговаривал Мухамет.

Из-за поленницы донеслось коротко и решительно:

— Иок!

— Вылезай! Ну чего ты! Тебя ведь никто обижать не собирался! —

закричали ребята.

— Иок! — слышалось с другого конца поленицы.

— А, голова дурная! Шайтан какой! — сердился Мухамет. — Мне звонок давать надо, а тут с ним возись!

— Вот упрямец! — сказала Татьяна Борисовна. — Вы давайте звонок, Мухамет. Все разойдутся, во дворе станет тихо — он и вылезет.

Мухамет отправился звонить, и через минуту ребята, толкаясь и шумя, понеслись к дверям школы.

Митхат высунулся из-за белых березовых поленьев. Он любопытно глядел на разбегающихся школьников, но, заметив учительницу, опять спрятался.

Новикова переглянулась с Петром Петровичем:

— Пойдемте, не будем его смущать.

В школе уже заканчивалась годовая программа и шло повторение всего курса литературы. Придя в десятый класс, Новикова вызвала Колю Белова и попросила его рассказать о лицейских годах Пушкина. Отвечал Коля довольно вяло, но Татьяна Борисовна заставила себя не перебивать и не торо — пить его, хоть это ей давалось нелегко. Она не могла не заметить, что Белов мало-помалу приободрился и кончил свой рассказ совсем связно. Отпустив его, Новикова внимательно посмотрела на учеников, точно соображая, кого еще спросить, и неожиданно заговорила.

Она рассказывала о друге юности поэта — румянном, добродушном мальчике, о лицейских келейках с надписями на дверях: «№ 13, Иван Пущин», «№ 14, Александр Пушкин». О «Записках» старого декабриста, в которых скупое и не сентиментальное рассказано о «заревых трепетаниях сердца». О незабвенном для каждого хоть однажды прочитавшего эти записки сельском утре, когда взметающая вихревую снежную пыль тройка «вломилась смаху в притворенные ворота при громе колокольчика», о том, как встретились друзья со смехом и слезами, как обнимали друг друга — опальный поэт и будущий участник восстания. Ни один человек, любящий родную землю и великих сыновей ее, не может вспоминать без волнения об этой встрече, а тому, кто пишет о ней, хочется написать слово «Дружба» с заглавной буквы, потому что дивным пламенем горело в сердцах этих людей высокое и святое чувство.

И других друзей вспоминала учительница. Она заставила своих учеников увидеть розовеющий летний вечер, и темные купы московских садов, и блеск дальних куполов в лучах садящегося солнца. Двое юношей смотрели на эту прекрасную картину с Воробьевых гор и вдруг обнялись и дали клятву друг другу перед лицом Москвы, что пожертвуют жизнью,

борясь за свободу. Дружба Герцена и Огарева была так крепка, что никакие испытания не могли разорвать ее. Под старость они ощущали истинное счастье, вспоминая свою юношескую клятву.

Татьяна Борисовна вглядывалась в лица учеников. Глаза ребят были задумчивы. Ей показалось, что никогда еще в классе не стояла такая тишина.

— Вы знаете более близкие нам примеры дружбы. Кто назовет их? — спросила она.

— У Николая Островского были замечательные друзья!

— Фронтная дружба! Сколько песен про нее поют!

— «Молодая гвардия», — негромко сказал Толя Соколов.

— Я именно думала о «Молодой гвардии», — отозвалась Новикова. — Нелегкой была жизнь Пушкина и Пущина, оба узнали царскую немилость, ссылку... Тяжело приходилось Герцену и Огареву, оторванным от родины. Как мужественно переносил свое несчастье Николай Островский, знает вся молодежь... Но из всех людей, которых мы назвали, самая страшная участь постигла молодых краснодонцев. Они были в руках у врагов, их мучили, пытали... Когда человек так глубоко страдает, кажется — трудно ему думать о других, хотя бы самых близких. Но до последней минуты молодогвардейцы заботились друг о друге, старались облегчить муки товарищей. Вы помните, должны помнить радость, торжество Сережи Тюленина, когда Ковалеву удалось бежать. А ведь Сережа слаб, изнурен и знает, что его везут на смерть.

Татьяна Борисовна помолчала. Молчал и взволнованный класс.

— Такова сила дружбы, — сказала учительница. Она подняла голову, словно прислушиваясь к звучащим со всех сторон голосам друзей. — Дружбы, которая вырастает из общности идей, веры в свой народ, готовности вместе бороться за него.

Раздался звонок, но никто не шевельнулся.

— Эта беседа не входит в нашу программу. Я невольно заговорила об этом. Коля Белов немного поверхностно и равнодушно рассказал о друзьях Пушкина, и мне показалось это обидным. Но вы скоро кончите школу, — улыбнулась Новикова, — и вам не мешает подумать, чем может стать для человека дружба, завязавшаяся на школьной скамье...

Она быстро вышла из класса и в шуме большой перемены не расслышала, как аплодируют ей выпускники.

— Молодец она! Молодец! — повторял Толя Соколов.

— Не хуже Надежды Георгиевны говорила! — удивлялась Женя.

— Сегодня она и мне понравилась, — сказала Тоня.

— Хорошо, что Белов неважно отвечал, — решила Лиза, — а то мы и не услышали бы такой беседы.

Она задумалась на минуту и выбежала из класса, а когда начался следующий урок, положила перед Тоней записку:

«Обещала Марье Заморозовой больше никогда не дразнить ее».

В этот день школа рано опустела. Кружки не работали.

Сабурова и Татьяна Борисовна одни остались в учительской. Обе они молча занимались своими делами, и только когда в дверь просунулась голова Мухамет-Нура, Новикова вспомнила об утреннем происшествии.

— Разрешите обратиться, товарищ директор?

— Пожалуйста, Мухамет!

— Позвольте дрова раскидать.

— Раскидать дрова? Что вам пришло в голову? Зачем?

— Братишка... — начал Мухамет.

Но Сабурова уже встала и, взяв свой большой платок, направилась к двери.

— Как вам не стыдно! Значит, мальчик до сих пор там сидит? Идемте, я сама попытаюсь его уговорить.

Татьяна Борисовна принесла Сабуровой шубу и тоже оделась. Вышли во двор. Он казался особенно просторным, когда не было ребят. Со стороны поленицы доносился тихий плач на одной унылой ноте. Лицо Мухамета сделалось совсем жалким.

— Плачет... Вы сказали «как не стыдно», товарищ директор, а что делать? Упрямый... «Иок» говорит, и всё!

Из флигеля, где помещался «живой уголок», вылетела маленькая фигурка в большой шапке. Бегущий опрометью бросился к поленице. Взрослых он не заметил.

— Кто там? — спросила Сабурова.

— Этот Степа Моргунов, — с неудовольствием ответил Мухамет. — Он всегда так... Кончил урок — иди домой, а он в «живой уголок» бежит. Теперь пугать будет мальчишку, совсем неладно сделает.

Мухамет хотел было устремиться за Степой, но Сабурова удержала его:

— Постойте... Может быть, они вдвоем лучше договорятся.

Она приложила палец к губам и поманила за собой Новикову и Мухамета.

Все трое, неслышно ступая, приблизились к поленице и стали сбоку, так что мальчишки не могли их видеть.

Плач прекратился, ребята разговаривали.

— Слушай, брось дурака валять, — солидно говорил Степа. — Вылезай... Не стоит твоего брата расстраивать. Он хороший парень. Надоедливый немножко, но вполне свой. У меня с ним, конечно, старые счеты...

— Вот шайтан! — прошептал Мухамет.

— Ну, вылезешь?

— Иок!

— Что ты все заладил «иок» да «иок»! По-русски говорить не умеешь?

— Зачем не умею! — рассердился Митхат. — Это ты, наверно, по-татарски не умеешь...

— Я? Нет, брат, я татарских и хакасских слов сколько хочешь знаю. А что я тебе принес! Видал такого зверя?

Степа запустил за пазуху руку и вытащил белую мышку. Она забежала по его руке, смешно пригнувшись и шевеля розовым носом.

— Белый мыш!.. — взвизгнул Митхат. — Дай мне!

— Хитер! Вылезай — дам. И еще покажу сколько хочешь. И белую крыску покажу и орла!

— Где?

— Вон там. — Степа кивнул на флигель. — Там наши звери живут. Пойдешь со мной?

— Иок!

— Боишься? А там сейчас никого и нет! Я один да дежурная нянечка. Я когда хочешь могу приходить. Меня Петр Петрович и Мухамет-Нур хоть ночью пустят. Они даже ключи хотели мне отдать, да я не взял. Еще потеряешь!.. Ну? Пойдем, пока никого нет. Там тепло, а ты вон весь посинел... Не пойдешь — уйду, и сиди тут до утра. Брат твой больше за тобой не придет.

— Зачем не придет? — тревожно спросил Митхат.

— Обиделся. Чертенка, говорит, какого-то мне привезли. Я, говорит, думал, что он приличный парень, вроде Степы Моргунова (это я, значит), а он (ты, значит) просто бешеный тип.

— Ты сам тип, — очень отчетливо, тоненьким голоском сказал Митхат.

— Ну, как хочешь! Значит, не идешь? Тогда спокойной ночи! Клади полешко под голову и спи. Я пошел.

— Постой! Я иду. Если наврал — получишь!

— Ладно, я сам драться умею. Вылазь! Как ты вылезешь-то? А-а! Тут снизу пошире!.. Как же я не заметил?.. — искренне огорчился Степа. — Ну, спасибо, что показал. Пошли! Давай Руку.

Мальчики, взявшись за руки, убежали.

Смотри! — повторял Мухамет. — Родной брат звал — не пошел, а этот Степа не успел рот раскрыть — пожалуйста, айда! Я ключи ему давал! А?

— Ему лет восемь, Митхату? — спросила Сабурова. — Сколько времени он вас не видел?

— Четыре года.

— Ну, неудивительно, что отвык. Да прикрикнули на него сразу, наверно, вот и заупрямился. Идемте теперь к другому крыльцу, подождем, пока они выйдут.

Все трое подошли ко второму выходу из юннатского домика.

Пришлось довольно долго ждать, пока за дверью не послышались возбужденные голоса мальчиков и ворчанье дежурной нянечки:

— Идите, идите уж! Ступай, Степа! Небось дома ждут не дождутся: когда, мол, наш сокол ясный прилетит... И мальчонку к Мухамету отведи, слышишь?

— Слышу, слышу!

Хлопнула дверь, но мальчики задержались в тамбуре.

— Плохой жмия, не страшный, — говорил Митхат.

— Ну и что же! Ему не полагается страшным быть. Ом не змея, а уж.

— Уж... уж... — повторял Митхат незнакомое слово. — Нет, уж, — сказал он с торжеством и засмеялся, — нет, уж, если ты похож на жмия, должен быть страшный.

Ребята вышли на крыльцо и остановились. Митхат быстро повернулся, хотел юркнуть обратно в дверь, но Татьяна Борисовна крепко взяла его за руку.

— Давай знакомиться, — сказала она. — Как тебя зовут, я уже знаю, а мое имя Татьяна Борисовна Новикова. Ты не забудешь?

Митхат глядел на нее исподлобья и слегка пятился, но отрицательно помотал головой.

— Запомнишь, значит? Вот и хорошо. А это Надежда Георгиевна — директор нашей школы.

— Хочешь у нас учиться, Митхат? — спросила Сабурова.

— А зверей кормить можно будет?

— Почему же нельзя? Будешь учиться, будешь и за животными ухаживать в живом уголке.

— И за мышь? — спросил Митхат тоненьким голоском.

— Конечно. А сейчас иди-ка с братом домой. Надо тебе устроиться на новом месте. Я завтра посмотреть приду, все ли у тебя в порядке.

— Иди, ради бога, домой! — взмолился Мухамет. — Кушать надо, отдыхать...

— Айда! — решительно сказал Митхат. — И Степа пойдет.
— Куда Степа? — замахал руками Мухамет. — Степе домой надо.
— Нет, Степа пусть с нами.
— Что я буду с тобой делать, а? — безнадежно спросил Мухамет и, вздохнув, обратился к Степе: — Ну, идем, гость будешь.
Он повел ребят к себе, для верности держа обоих за руки.

Глава шестнадцатая

Весна заупрямилась и даже на праздник к людям не вышла. Первой встречали в снегу. Это не было редкостью. Почти всякий год на Первое мая лежал снег, а иногда завертывал и запоздалый морозец.

Зато с пятого числа началось быстрое, дружное таянье.

Г онимы вешними лучами.

С окрестных гор уже снега Сбежали мутными ручьями На потопленные луга, — читала в классе Сабурова, и все школьники оборачивались к широким окнам. С гор действительно мчались, обходя камни, сталкиваясь и сверкая, сотни ручьев, и шумели они так, что, разговаривая, приходилось повышать голос.

Жители поселка опасливо поглядывали на вздувшуюся Серебрянку. В этом году можно было ожидать большого напора льда.

Однажды вечером у Тони собрались девушки. Экзаменовали друг друга по курсу литературы.

— Иногда кажется, что все знаешь, — сказала Лиза, забирая из каменной чашки горсть кедровых орешков, — а иной раз такая неразбериха в голове, что ничего не можешь сообразить!

— А я, вы знаете, девочки, какая трусиха, — отозвалась Женя, — но чем ближе к экзаменам, тем меньше боюсь. Seriously!

— Смотри-ка, Антонина, наша куропаточка в орлицу обращается!

Подруги засмеялись, но смех тут же смолк. В дом ворвался страшный, воющий звук. Он был тревожен и дик. Он нарастал и становился все более грозным.

— Тосенька, сирена! — крикнула Женя, и Тоня увидела ее искаженное страхом, разом изменившееся лицо. — Наверно, в шахте авария! Беда! Тоня, скорее!

Тоня сорвала с вешалки ватник:

— И мамы, как на грех, дома нет! Надо хоть записку ей оставить...

В окно сильно застучали.

— Кто там? Посмотри, Лиза!

Лиза побежала открывать дверь.

— Андрейка! Мохов пришел!

— Что случилось? Где авария? В какой шахте? — взволнованно спрашивали девушки запыхавшегося Мохова.

Он в первую минуту ничего не мог сказать и только мотал головой.

— Никакой аварии! — насилу выговорил он наконец. — Серебрянка пошла, канава раздулась... Боятся, как бы шахты не затопило. Айда в школу, там сбор всех комсомольцев.

Тоня быстро заперла дом и подсунула ключ под дверь.

Друзья бегом кинулись к школе. Густая грязь, смешанная с еще не сошедшим разбухшим снегом, облепляла ноги, мешала бежать.

На школьном дворе покачивались фонари, слышался тревожный говор.

— Стройся, ребята! — покрывая шум, прозвучал голос Иллариона.

Девушки заняли места в рядах товарищей.

Школьники двинулись. Ночь шумела вокруг них топотом бегущих людей, громкими возгласами, страшным воем сирены, который то падал, то поднимался до предельной пронзительности.

Под ногами хлюпала вода. Широкая каменная дамба, перегораживающая реку, чернела от множества людей. Скоро пришлось идти по щиколотку в воде. Серебрянка бурлила. Большие льдины, напирая друг на друга, со скрежетом лезли на берег, ударялись о дамбу. Река шумно ворочала лед, камни, тащила вырванные с корнем деревья.

— Ух, что делается!

— А ревет как!

— Не зевать, не зевать, ребята! Стойте здесь, я узнаю, куда нас поставят.

Но не успел Илларион отойти, как послышался звонкий голос:

— Сюда, товарищи!

К школьникам бежал Слобожанин, державший в вытянутой руке фонарь. Фонарь вращался, и в меняющемся свете удавалось моментами рассмотреть лицо Кирилла. Он был бледен, но глаза его и сегодня казались озаренными какой-то великолепной догадкой.

— К канаве, ребята! Разбивайтесь по трое! Будете таскать землю в мешках!

Возле дамбы начиналась водоприемная канава, уносящая в сторону часть речной воды. Из канавы вода по деревянным желобам-сплоткам шла на промывательные приборы.

По берегам канавы тоже толпился народ, гудели голоса, метались беспокойные огни фонарей. Тоне вдруг показалось что она уже видела когда-то эти желтые огни, перебегающие с места на место в сырой черной мгле, слышала треск ломающегося льда и встревоженные крики. Наверно, читала о такой ночи в книге...

— Мешки там, в машине! — крикнул Слобожанин.

Он махнул рукой в сторону, где возле трехтонного грузовика

собирались люди, и отбежал.

— Холостой выпуск открыт? — слышался спокойный бас директора.

— Полон, Виктор Степанович! Давно открыли!

— Продолжать наращивать дамбу и нижний борт канавы! Трамбовать землю!

Холостым выпуском назывался отвод от канавы. Он закрывался ставнем. Во время паводков и ледоходов ставень поднимали, выпуск наполнялся и понижал уровень воды.

Тоня оказалась в тройке с Андреем и Петей Таштыпаевым. Они, как и все, получили лопаты и кипу колючих, негнущихся мешков.

Канавы шла по косогору. Нижний борт ее, сложенный из камня, заливала вода. Сверху плавал мелкий, битый лед. Там, где русло канавы преграждала крупная льдина, вода сильно разливалась, и люди, с ломами и кайлами в руках насканивая на льдину, крушили ее на сотни осколков.

Крики людей, тяжелые удары ломов, фыркание машин, слепящих фарами каждого, кто попадал в полосу света, смешивались в нестройный, грозный гул.

Ночь действовала заодно с рекой. Она подваливала сверху глыбы плотной темноты, а река несла все новые глыбы льда. Мрак был весомым, тяжким, и огням, зажженным рукой человека, с трудом удавалось расталкивать его в стороны. На столбах, негусто стоявших вдоль канавы, горели желтые электрические фонари, но их было явно мало для такой ночи.

Лопаты плохо врезались в мокрую сверху, но еще не оттаявшую землю. Иногда железо со скрежетом скользило по камню.

— Держи мешок! — кричал Тоне Андрей. — Да брось ты лопату! Мы с Петькой будем набивать мешки. Все равно от твоей копки толку мало!

Небольшой, коренастый Таштыпаев работал сноровисто и ловко. Широкое, точно вырезанное из темного дерева лицо его было спокойно.

— Камни собирай! — крикнул он Тоне. — Они тоже пригодятся.

Тоня собирала камни, носила их к канаве, держала распыленные мешки, в которые ребята сыпали холодную землю. Мешки сразу тяжелели, и Тоня с трудом встряхивала их. Наполнив и завязав мешок, они, обливаясь потом, тащили его и укладывали на борт канавы.

«Успеем ли? Обуздаем ли эту силу?» — стучала в голове у Тони неотвязная мысль.

Она старалась разглядеть, что делается дальше, вдоль дамбы. Там тоже шевелились огни, но Тоне казалось, что весь народ сгрудился на том

участке, где была она... А вдруг выше или ниже лед выхватит из каменной кладки какой-нибудь торчащий камень, дамба начнет разрушаться, вода разольется и хлынет в шахты? Ведь было так лет сорок назад. Отец рассказывал ей...

— Уровень поднимается! Навались, товарищи! — услышала она глуховатый голос парторга прииска Трубникова.

Иван Савельевич неожиданно вырос перед школьниками, и как ни была Тоня увлечена работой, она заметила, что парторг совершенно преобразился. Худое смуглое лицо его не казалось сегодня суровым и замкнутым. Он стал моложе и, как ни странно, даже веселее.

— Школьники? — спросил Трубников. — А ну, покажитесь, ребята! — Он внимательно оглядел Андрея и Петю. — Ничего, народ крепкий! Идемте-ка со мной. Люди нужны. Девушка пусть останется... А вы куда, товарищи? — крикнул он бежавшим мимо Слобожанину и огромному забойщику Таштыпаеву — отцу Петра.

— Иван Савельевич, говорят, там народ ничего сделать не может! Сильно напирает! — Слобожанин сделал отчаянный жест рукой в сторону дамбы.

— Без паники, друг! Вот я туда здоровых ребят и подбираю. Пошли! — коротко бросил парторг.

Слобожанин, Андрей и оба Таштыпаева последовали за ним. Еще раз уверенный голос парторга долетел до Тони:

— Сильно, говоришь, напирает? Значит, нам еще сильнее нужно навалиться!

Оставшись одна, Тоня попробовала поднять мешок. Не тут-то было! Подтащить его за углы, что ли? Нет, и это ей не под силу...

Чьи-то руки протянулись из темноты и подхватили мешок. Обрадованная Тоня крепче ухватилась за ношу и вместе с невидимым помощником зашагала к канаве.

У берега где было светлее, она разглядела своего помощника. Толя Соколов смотрел на нее и улыбался. Кажется, он тоже только теперь узнал Тоню.

Она не удивилась и спросила озабоченно:

— Еще будем таскать? Ты свободен?

— Лучше включайся в нашу бригаду, — ответил Анатолий, — нам нужен четвертый.

Он захватил мешки и привел Тоню к месту, где работал с Колей Беловым и Стешей Сухих. Это была сильная пара. Высокая, статная Стеша работала легко и, как показалось Тоне, красиво, а богатырь Белов вскидывал полный мешок на плечи словно подушку.

Тоня и Анатолий, работая, изредка перекидывались словами, и оба чувствовали, что им легко и просто говорить друг с другом.

Со стороны дамбы доносился шум, подбадривающие возгласы, громкая команда, но подойти узнать, что там делается, было некогда. Тоня не замечала, как шло время, и только когда громкое «ура» прокатилось вокруг, она на минуту выпрямилась и вопросительно взглянула на Соколова.

— Как там? Что на дамбе? — крикнул Толя Слобожанину, который опять бежал мимо.

— Стоит, как стена крепостная! — ответил Кирилл.

Радость охватила Тоню.

— Справимся! Слышала, что он сказал? — взволнованно спросил Соколов.

— Давай, давай, не разговаривай! — прикрикнула Тоня и, не выдержав, засмеялась: — Конечно, справимся! Разве ты сомневался?

Вокруг сновали люди, таскавшие бревна. В дело пошли штабеля крепежного леса, сложенного возле канавы. Раздутые, словно кабаны, мешки с землей ложились на каменную стенку. Борт канавы вырастал равномерно на всем ее протяжении.

Часам к трем ночи работа была кончена.

Грязные с ног до головы, школьники собрались около дамбы, которая действительно возвышалась над водой, точно крепостная стена.

К Тоне подошел Николай Сергеевич.

— Папа! Ты не в шахте? Тоже работал?

— Работал, дочка... Ну, справились! Пойдем домой.

Тоня, только что чуть не падавшая от усталости, вдруг почувствовала, что ей совсем не хочется отдыхать.

— Я не устала, папа! Хоть танцевать могу!

— Вид у тебя больно не бальный, — засмеялся Николай Сергеевич.

— А если б ты видел, на кого сам похож!

Отец махнул рукой и, достав из кармана мокрого ватника платок, хотел обтереть лицо, но вместо платка в руках его оказалась такая грязная тряпица, что он задумчиво посмотрел на нее и сунул обратно в карман.

Подошли другие ребята. У всех был измученный и счастливый вид.

— Парторг наш, Иван Савельевич, до чего здоровый дядя! — с восхищением говорил Андрей. — Такие мешки поднимал... Я, говорит, бывший грузчик, мне не впервой!..

— А что Маврин разделявал! — сказал Илларион. — Как бес работал! Там у нас мешки сползали с борта, так он навалился на них, руками и ногами вцепился и держал, пока ребята не подоспели.

— Маврин, говоришь? — послышался хриплый голос, и высокая фигура директора прииска неожиданно заслонила свет. — Фу, чорт, голос пропал! — ругнулся он и, вытащив блокнот, записал фамилию. — Вам особая благодарность, ребята! Молодцы! — прохрипел он.

— Что вы, Виктор Степанович!

— Мы так рады, что помогли!

— У нас нынче боевое крещение! — засмеялся кто-то.

— Верно, верно! — вмешался Николай Сергеевич. — Ведь недавно, товарищ директор, мы в завкоме говорили, что пополнение будем принимать из выпускников наших... когда, мол, обучатся специальности. А жизнь-то... она ждать не хочет. Оказывается, сразу они понадобились, без задержки.

Директор чиркнул зажигалкой и, всмотревшись, узнал Кулагина.

— Правильно, мастер, — сказал он. — Не знает человек, когда его сила или ум могут понадобиться. В том и ценность каждого, чтобы он был... ну, как, ребята, вы говорили, когда еще в пионерском отряде числились?

— Всегда готов! — пробасил Андрей.

— Вот так! А неприятностей много нам этот случай наделал...

— Товарищ директор! Виктор Степанович! — послышался зов.

— Иду, иду! Ну, будьте здоровы!

Директор исчез, и уже откуда-то издали донесся его хриплый голос:

— Дежурных расставить нужно! Каждый час сообщать об уровне воды.

— Женечка, иди домой! Переоденься сразу же в сухое, слышишь? — заговорил подошедший Михаил Максимович. — Я еще здесь останусь... Чаю горячего выпей.

Школьники возвращались в поселок. У всех было приподнятое настроение. Перебивая друг друга, рассказывали:

— Ну и лют же народ на работу!

— А Слобожанин как дельно распорядился!

— Вы подумайте! Ведь дамбу строили на двадцать пять сантиметров выше самого большого подъема воды... Нынче Серебрянка все расчеты опрокинула.

— А хорошо жить, ребята! — вдруг услышали школьники тихий голос.

— Ваня!

— Пасынков пришел, товарищи!

— Иван, ты как тут?

— Где же мне быть?

— Смотри: простынешь — опять сляжешь!

— Нет, я здоров уже. Не мог утерпеть, вышел...

Ваня проболел почти два месяца, но товарищи занимались с ним, от класса он не отстал. Надежда Георгиевна разрешила ему сдавать экзамены наравне со всеми десятиклассниками.

Тоня завела песню, ребята подхватили, и ей подумалось, что, пожалуй, нет на свете большей радости, чем петь с друзьями после трудной удачной работы.

Весна испугалась своего промедления и начала действовать не покладая рук. Казалось, что в эти дни ей помогают тысячи маленьких незримых работников земли, воздуха и воды. Трава росла на глазах, выход из лога, в котором стоял поселок, наполнялся голубоватым светом, от растревоженной земли шел сладкий и свежий запах. Пушистые, как цыплята, «пострелы» сибирские анемоны — торопились растолкать прошлогоднюю листву и взглянуть на солнце; фиалки раскрывали удивленные глаза рядом с не успевшими растаять сугробами, а на проталинах под деревьями скоро стало опять белым-бело, точно снова выпал снег. Это закачалась белая ветреница — «кандычья мать». За нею и лиловые поникающие цветы кандыка покрыли непросохшую опушку. А там «марьины коренья» затянули склоны гор атласной краснотой, в

молодой траве загорелись оранжевые огоньки, которые ботаники зовут «троллиусами», а сибиряки — «жарками».

Скала Блин, с которой зимой было так хорошо скатываться на лыжах, совсем оголилась и серой, неуклюжей блямбой торчала среди светлой зелени. Снег остался только на вершине Безымянного гольца.

А десятиклассники усиленно занимались и всякий раз, поднимая глаза от книги, видели какой-нибудь новый подарок тароватой весны.

Младших школьников отпустили по домам, и поселок сразу повеселел. С утра до вечера во дворах слышался ребячий гомон.

Степа Моргунов перешел в третий класс и, освободившись от школьных забот, все дни проводил со своим новым другом. Митхат освоился на приiske, привязался к брату, а без Степы не мог шагу ступить. Мухамет, по совету Надежды Георгиевны, не препятствовал мальчикам дружить, но глядел на Степу с затаенным ужасом, ожидая от него всяческих каверз.

Митхат занимался с Ириной Филипповной, учительницей младших школьников. Она готовила его во второй класс. Степа терпеливо поджидал своего друга на бревнах около школы, выковыривая из-под нагретой коры жуков, или на огороде, где не столько работал, сколько мешал Петру Петровичу бесконечными вопросами.

Наконец появлялся его товарищ, слегка подавленный тяжестью новых познаний, и они убегали в ближний лес, на Серебрянку или в свой любимый уголок — под высокую березу, росшую на пустыре около дома Кулагиных.

Пустырь был покрыт густой щетинкой травы. Одуванчики раскинули по нему свой немудреный узор. Здесь постоянно бродили гуси. Иногда паслись привязанные к колышку телята или коза.

Только одно окно кулагинского дома выходило сюда. За этим окном, в угловой комнате, жила учительница. Ее нечего было опасаться — она редко бывала дома. Это место и облюбовали мальчишки. Степа мечтал даже построить шалашик под березой, но не знал, как посмотрит на это Варвара Степановна: лужок считался кулагинским...

Как-то раз Татьяна Борисовна рано вернулась из школы. Было душно не по — весеннему. И люди и земля ждали дождя. У Новиковой болела голова, она решила отдохнуть немного и, едва коснувшись щекой прохладной наволочки, словно упала в сон.

Проснулась она только под вечер, с ощущением такого радостного, большого покоя, что, не разжимая век, блаженно улыбнулась.

«Чему это я?» — тотчас спросила она себя и открыла глаза.

Бревенчатые стены светились от наклонных лучей солнца, точно облитые прозрачным медом. Белая занавеска шевелилась от слабого ветерка. В воздухе стало прохладнее.

Да, хорошо было кругом, но в ее-то жизни не произошло никакой перемены. Почему же она, просыпаясь, улыбалась, как в детстве? Верно, приснилось что-то хорошее...

Татьяна Борисовна постаралась вспомнить сон. На мгновение мелькнули перед ней какие-то теплые, родные образы и растаяли, прежде чем она сумела задержать их в сознании.

«Нет, не вспомнить...»

Она вздохнула. Глаза, ставшие после сна мягкими и влажными, приняли обычное выражение.

За окном затараторил детский голос. Она прислушалась: как будто Степа Моргунов, этот смешной второклассник который при встречах почему-то так поспешно здоровается и внимательно смотрит на нее.

Мальчик с живостью рассказывал какую-то историю, и слова его в предвечерней тишине были ясно слышны:

— Пулеметы как застрекочут: та-та-та... та-та-та... Куда теперь деваться? Я лег на землю — лежу. Вижу — недалеко от меня конь стоит. Уши наострил, боится... Я и пополз к нему. Вскочил — и в горы. Лечу, аж ветер свистит. Гляжу — навстречу из тайги женщина выезжает. Саблей машет, кричит мне: «Сюда, сюда!»

— Кто это был? — спросил тоненький голосок.

«Митхат!» — узнала Новикова и в ту же МИНУТУ пораженная, услышала свое имя.

— Татьяна Борисовна, вот кто! — важно ответил рассказчик. — Подскакал я к ней. Она говорит: «Здесь в кустах у меня пулемет. Дай им жизни». — «Сейчас, — говорю. — Я сначала из верного своего автомата их угощу». Как начал садить!.. А тут Александр Матвеевич со своим отрядом!

Новикова, давась от смеха, выглянула в окно. Степа Моргунов, стоя под березой, прицеливался в невидимого врага. Митхат сидел на толстой нижней ветке дерева. Увидев ее, он спрыгнул и оправил рубашку.

— Это где же мы с тобой, Степа, так геройствовали? — спросила учительница.

Степа сконфузился.

— Это. просто так. Я придумал... будто со мной было... Вроде как я на войне... — пробормотал он.

— А я? Тоже на войне?

— Ага. Ребята считают, что у вас лицо отважное... — отвечал Степа,

глядя на кустик травы, который он старался выковырять из земли носком сапога.

— Ну, и что же? Спаслись мы или нет, по-твоему?

— Да я не знаю еще. А по-вашему как? — осмелел Степа.

— По-моему? Конечно, спаслись... Ушли в горы к другим партизанам... Ведь мы с тобой партизаны да?

— Ну да.

Степа помолчал и, застенчиво помявшись, попросил:

— Расскажите, Татьяна Борисовна...

— Что рассказать? — не поняла Новикова.

— Как мы с партизанами встретились.

«Ну, полно фантазировать, ребята», — хотела сказать учительница. Но мальчики доверчиво и серьезно смотрели на нее. Широко раскрытые голубые с лукавинкой и темные пугливые глаза требовали рассказа. Как тут было устоять?

— Помчались мы вперед... — начала Новикова.

Степа придвинулся ближе к окну и шепнул Митхату.

— Ну, иди сюда! Не дичай!

С этого началось. Когда мальчики пришли на следующий пенёк, она удивилась, на третий — обрадовалась, а потом каждый вечер, услышав под окном возню и шушуканье, поднимала занавеску и говорила:

— Вы уже здесь, ребята? Ну, как дела?

Если мальчики запаздывали, она бралась за книгу и сидела сдвинув брови, решая про себя: «Вот и хорошо, что не пришли. По крайней мере, поработаю лишний час».

Но малейший шорох за окном заставлял ее настораживаться, а услышав детские голоса, она с облегчением откладывала Степа с его простодушием, смелостью и безудержной фантазией нравился ей, а к Митхату она скоро стала относиться с нежностью, которую боялась проявлять слишком открыто.

Она с тревожным вниманием следила за ним, когда он задумывался и, охватив худыми руками коленки, мурлыкал простенькую, как трава, песенку:

Айда, кызым, урманга-а,
Курай зиялк зиярга-а^[9].

Ее трогало, что голос его становился тонким, если он сердился или

волновался, что его смешили многие незнакомые слова и он тихо радовался, когда постигал их значение.

Много времени он проводил в «живом уголке»: помогал старшим школьникам и Мухамету, кормил зверей, и всегда с приговорами: «Кушай, я тебя прошу. Кушай, не балуйся».

Однажды Митхат пришел разогорченный и, подняв на Новикову печальные узкие глаза, спросил с тоской.

— Кролик, он хичный? Скажи, Татьян Борисовна, кролик разве хичный?

— Кролик? Что ты! Он не хищный. Он же траву ест, капусту.

— Ты меня обманывал, — сказал Митхат тоненьким голоском: — хичный он. Он съел свои дети.

Оказалось, что большая серая крольчиха загрызла детенышей. Для Митхата это было серьезное горе. Маленький, грустный, он сидел под высоким деревом и повторял:

— Я не знал! Я никогда не знал, что кролик хичный!

Дружба Татьяны Борисовны с Митхатом и Степой не осталась незамеченной. Сначала Анна Прохоровна Моргунова постоянно искавшая Степу, несколько раз находила его под окошком Новиковой, потом Мухамет обнаружил вечернее убежище брата и степенно поблагодарил Татьяну Борисовну за то что она привечает мальчишку.

А Лиза сообщила Тоне:

— У Татьяны Борисовны-то каждый вечер под окном молодой человек!

Тоня сделала большие глаза:

— Что ты болтаешь? Какой молодой человек?

— Нипочем не узнаешь! Степка наш и с ним Мухаметов братишка.

Скоро Тоня и сама убедилась в справедливости Лизиних слов и даже слышала, как Новикова рассказывала мальчикам про диплодока, громадного ящера, чей скелет стоит в Московском палеонтологическом музее. Степа восхищался и шагами отмерял на пустыре длину зверя, а Митхат не верил, что диплодок был травоядным. Такой большой!.. Не может быть! Если уж кролик...

Близилось двадцатое мая — первый экзамен, письменная работа по литературе.

Похудевшие, озабоченные десятиклассники занимались дни и ночи. На консультации приходили подтянутые, без обычных шуток и смеха. Серьезность предстоящих испытаний только теперь полностью стала ясна им.

Татьяна Борисовна волновалась гораздо больше, чем ее ученики. То ей казалось, что какой-то раздел пройден плохо, поверхностно, то она решала, что надо было совсем по-другому вести повторение. Если кто-нибудь на консультации обнаруживал неуверенность, она мрачнела так, что ученики это замечали. Толя Соколов несколько раз говорил ей:

— Вы только не волнуйтесь, Татьяна Борисовна: все выдержим. Возьмешь билет — все в голове уляжется и как по маслу пойдет.

— Ах, что вы рассказываете, Соколов! — отмахивалась Новикова. — Так не бывает.

Сейчас же она вспоминала, что именно так бывало с ней самой и в школе и в институте. Она с удивлением взглядывала на Соколова и замолкала.

Сабурова несколько раз приходила на консультации и сказала что совершенно спокойна за десятиклассников.

— А Заморозова? — спрашивала Новикова. — Ведь она больше тройки ни за что не получит...

— Заморозова — человек ленивый и неорганизованный, — отвечала Надежда Георгиевна. — Тройка у нее обычная отметка. Но, по-моему, на государственном экзамене и она может получить четыре.

За три дня до экзаменов произошло событие, всполошившее весь прииск.

Жарким, совсем летним полднем тетка Матрена Филимонова ввалилась в школу и потребовала:

— Надежду Егоровну мне! Ох, мочи нет. Зовите Надежду Егоровну, пока я не померла тут у вас!

Баба-штейгер не могла отдышаться, казалась перепуганной и поминутно вытирала пот с бледного широкого лица.

Сабурова пригласила Филимонику в учительскую, где работала с Новиковой:

— Что с вами, Матрена Назаровна?

Тетка Матрена выждала, пока уйдет гардеробщица Маруся, и зашептала, оглядываясь на дверь:

— Смерть моя, Надежда Егоровна! Видела я его...

— Кого? — спросила встревоженная Сабурова.

— Ох, голубушка вы моя!.. С белым мальчиком я повстречалась...

Лицо Сабуровой прояснилось.

— Вот оно что! — сказала она с улыбкой. — Что вы вспомнили, Матрена Назаровна? Мало разве в свое время объясняли, что никаких белых мальчиков нет!

— Да о чем это вы? — недоумеая, спросила Новикова.

— Это, Таня, старинная местная легенда. Я ее слыхала еще до своего отъезда в Москву, когда совсем молоденькая была и в этих местах работала учительницей. Говорили старики, что перед несчастьем в шахтах появляется белый мальчик.

— Чушь какая! — с возмущением сказала Новикова. — Как вам не стыдно, товарищ Филимонова!

— Вы, барышня, меня сразу в отсталый элемент не производите, — обиделась баба-штейгер. — Я сама думала, что сказки это. Да ведь видела его, видела своими глазами...

— Напекло вам солнце голову, вот и показалось.

— Пошто же вы думаете, что у меня голова такая слабая. Жизнь прожила — никого думать за себя не просила.

— погоди, дружок, — сказала Надежда Георгиевна, пусть Матрена Назаровна расскажет, как это случилось.

— Пошла я за щавелем, — начала Филимониha, — набрала корзинку... А из тайги знаете как сейчас хорошо пахнет Дух теплый, свежий. Дай, думаю, поброжу... Ну, и пошла и пошла... аж до балагана, что возле Блин-горы. Подхожу, вижу — вроде в окошке что-то белеется. Что такое? Не почудилось ли? Подошла ближе, а он и высунулся... Белый весь как есть... да как завоет!..

Баба-штейгер сама сидела белая, с остановившимися круглыми глазами.

— Ну, а вы что же?

— Выронила корзину — да бежать... На дорогу выскочила и сомлела, сил не стало. Пала на землю, встать не могу. Тут Егор Конюшков на меня набрел: «Ты что, Матрена?» А я сказать ничего не умею, зубы стучат. Отошла маленько, говорю: «Сходи посмотри, Егор Иванович, а я в школу побегу — может, товарищ директор там». Сейчас, поди, и он придет, коли беды какой не вышло.

В дверь просунулась голова Маруси:

— Надежда Георгиевна, дяденька Конюшков вас спрашивает.

Из глаз Маруси так и брызгало любопытство, и Сабурова с неудовольствием подумала, что о посещении школы Филимонихой и дядей Егором пойдут толки.

— Спасибо, Маруся. Попроси сюда Егора Ивановича.

Дядя Егор вошел стремительно и сразу заявил:

— Озорует кто-то в лесу, Надежда Егоровна. Матреша разъяснила вам, в чем дело? И я мальчика видел.

— И вы видели, Егор Иванович?

— Точно. Выскочил он из балагана и в лес пустился. Я было за ним, да отстал. Как провалился он. Только захихикал издали.

— И что же, он действительно белый? — не вытерпела Новикова.

— Белый... и голова и лицо... А в руке белый узелок. Неприятно мне как-то стало... Ребят постарше бы в лес послать. А может, заявить в район?

— Погодите, Егор Иванович. Ребят давайте не тревожить, пусть занимаются. У них сейчас ответственные дни. В район заявим пожалуй, только людей насмешим. Вот милиционер Миша с кем-нибудь из приисковых комсомольцев пускай в лес сходит. Вы это организуйте. И очень прошу, друзья, чтоб разговоров не было.

— Понятно. Старухи услышат — начнут небывальщину вспоминать.

— Вот-вот. Вы в балаган-то заходили?

— А как же! Пусто, темно, нет никого.

— Ну, так и решим. Главное, помолчать сейчас. Слышите, Матрена Назаровна?

— Да уж на меня надейтесь, — пропела баба-штейгер. — Я не болтливая. До времени людей смущать не стану.

Тетка Матрена уже оправилась, словно сообщение дяди Егора прибавило ей сил. Она победоносно посматривала на Татьяну Борисовну.

— Вот то-то, — сказала она, собираясь уходить: выходит, я не пьяная, не безумная. Видела то, что и люди видят.

— Полно, Матреша. Я говорю: озорует кто-то. Поймаем мы его, — твердо сказал дядя Егор.

— Дак ведь искать можно. Только он вроде одиночкам показывается. Компании не любит...

— Будет тебе, Матрена Назаровна! — рассердился Конюшков. — Ты что это наше поколение срамишь?

— Ладно, ловите. Когда споймаете, приду посмотреть.

Тетка Матрена поклонилась и выплыла из школы, сохраняя на лице загадочное и торжественное выражение, точно желая сказать: «Погодите, дорогие, то ли еще будет!»

Дядя Егор ушел с ней, укоризненно качая головой и разводя руками.

— Дикая история... — сказала Новикова, когда посетители ушли. — Что это за балаган в лесу?

— Избушка. Таких много в тайге. Бродяги, беглые когда-то ставили, охотники. Кто переночует — спичек оставит, щепок на растопку, припасы, какие есть. Это все старина сибирская. Еще с тех времен, когда хозяйки, спать ложась, за окно ломоть хлеба и кусок сала выставляли на случай,

если беглый пройдет... Сколько их тогда по лесам пробиралось!.. Охотники и теперь такие балаганы ставят.

— А при вас когда-нибудь еще поднимались толки про белого мальчика?

— В колчаковщину, помню... — задумчиво заговорила Сабурова. — У меня дома бывали нелегальные рабочие собрания. И вот однажды жду людей — никто не идет. Вышла на улицу — бегут все к шахте. Оказывается, обвал — тридцать человек засыпало. Это очень страшно, Таня, авария в шахте. Женщины кричат... До сих пор крик этот слышу... Вот тогда какая-то старушка уверяла, что видела белого мальчика.

— Ну, это явная фантазия, если она рассказала об этом только после несчастья. Матрене Назаровне тоже могло померещиться. А дядя Егор? Ведь сознательный, разумный старик!..

— Дядя Егор прекрасно понимает, что видел не привидение. Чьи это проделки, надо выяснить.

Милиционер Миша, человек десять приисковых комсомольцев и сам дядя Егор ходили в лес, но никого не нашли.

А по прииску поползли слухи. Не выдержала ли Филимониха, Маруся ли рассказала о приходе взволнованной бабы-штейгера или проболтался кто-то из молодежи, только к тетке Матрене началось паломничество женщин. Старухи слушали ее, прищелкивая языком и ужасаясь, молодые — посмеиваясь, но разговоров было много.

Дня через два после этого события Татьяна Борисовна поздно пришла домой. Ни сегодня, ни накануне она не видела своих маленьких приятелей и, пожалев об этом, легла спать.

Сквозь сон ей почудилась какая-то возня за окном, потом стукнуло, точно камешек влетел в комнату и подпрыгнул раза два. Она подумала, что это соседский кот, Тонин любимец, забрался к ней и что-то опрокинул, но встать и посмотреть, что именно произошло, не смогла — хотелось спать.

Утром она нашла под столом круглый камешек, завернутый в листок клетчатой тетрадной бумаги. На листке было написано одно слово: «Ёдом».

— Что за ерунда такая? — сердито сказала Новикова, рассматривая бумажку.

Одеваясь и завтракая, она думала о странной записке, а когда увидела шедшего в школу завуча, окликнула его:

— Подойдите сюда, Петр Петрович! Мне надо что-то показать вам.

Петр Петрович, не торопясь подошел к окну.

— Смотрите, какое загадочное послание я получила, — сказала Новикова, протягивая бумажку.

— Позвольте-ка!.. Так... Ничего загадочного нет. Все ясно, — ответил Петр Петрович, посмотрев на листок.

— Но это же бессмыслица какая-то! Что значит «ёдом»?

— Это ошибка. Надо читать: «иодом».

— Ну, предположим. Но от этого дело не становится яснее.

— Как не становится? Вы обмакните кисточку в иод — и того.

Петр Петрович жестом пояснил свою мысль.

— Намазать иодом письмо? И что же будет?

— Выступят буквы, — спокойно ответил он и хотел отойти от окна.

— Почему вы думаете? Да погодите же, Петр Петрович!..

— Потому что вчера один мальчик спрашивал меня, как написать письмо, чтобы букв не было видно, и как потом его проявить.

— Ну?

— Ну, я сказал: «Напиши молоком, а когда высохнет, намажь слабым раствором иода».

— А кто этот мальчик?

— Мальчик-то? А вот вы прочитайте письмо. Он, наверно, подписал свою фамилию.

Петр Петрович, посмеиваясь, ушел, а Новикова торопливо открыла ящичек, где у нее хранились лекарства. Иод как будто был... Да, вот он, полный пузырек...

Бумага стала рыжей, потом серо-желтой, и на ней четко выступили крупные каракули: «Татьяна Борисовна! Это был я. Степа».

«Вот и весь секрет!» — разочарованно подумала Новикова.

Вечером она была в школе, где шли приготовления к завтрашним экзаменам. На стены вешали зеленые гирлянды, портреты, лозунги. Уборщицы тщательно мыли классы. Лиза Моргунова кричала:

— Девочки! А где же ваза и скатерть Надежды Георгиевны? Надо за ними сходить!

Столкнувшись с Петром Петровичем, Новикова вспомнила о письме.

— Знаете, что было в послании? — спросила она. — Степа Моргунов сообщает, что это он бросил в окно камешек с бумажкой. Они часто прибегают ко мне — Степа и Митхат...

— Знаю об этом, — ответил завуч. — Что же он все-таки пишет?

— «Это был я». Говорю вам, сообщает, что это он бросил записку.

— Чорта с два! — неожиданно сказал Петр Петрович и вынул изо рта трубку. — Будет он вам об этом сообщать!.. Вы извините, конечно, — прибавил он, мгновенно насупившись. — Я... это самое... хотел сказать, что не о том он пишет.

— А о чем же?

— Что «белый мальчик» был он. Вот о чем.

— Не может быть! — закричала Татьяна Борисовна.

Вечером под березу пришел один Митхат. Новикова послала его разыскать Степу.

Моргунов приплелся неохотно и был очень сумрачен, но отпираться не стал и, когда Новикова его спросила: «Степа, так это ты был белым мальчиком?» — ответил:

— Ага. Я же вам написал.

Степа рассказал, что утром ушел с Митхатом в лес, захватив с собою без ведома матери немного муки в мешочке. Мальчики хотели развести костер и испечь лепешки. Митхат попросил показать ему балаган, о котором слышал от товарищей. В балагане они начали возиться, и Митхат хлопнул Степу мешком по голове. Старый мешок порвался, и Степа весь вывалился в муке. Тут он услышал, что хрустнула ветка, и высунулся из окна — посмотреть, кто идет.

— Вижу, старая Филимониха смотрит на меня ненормальными глазами. Я взял и завыл тихонечко. Просто так, для интересу... А тетка Матрена корзинку бросила — и бежать! Мы даже удивились, чего это она. Потом вдруг дядя Егор показался... Тут я убежал. А нынче слышу — заговорили, что тетка Матрена рассказывает, будто она какого-то белого мальчика видела... Ну, я решил вам сказать...

— Где же Митхат был, когда ты убежал?

— В балагане сидел, — раздался тонкий голосок. — Спрятался за печкой. Старик не видал...

— Вы понимаете, мальчики, что придется рассказать об этом директору?

— Надежде Георгиевне? Ой, не надо, Татьяна Борисовна!

— Как «не надо», голубчик! Мы с тобой будем молчать, а отсталые люди начнут ерунду рассказывать про привидения на приiske, детей пугать.

— Так ведь их мало... отсталых-то... Никто не верит, — прошептал Степа.

— Мало, это верно... Но ведь мы с тобой хотим, чтобы их совсем не было. Правда?

— Ну да, — уныло согласился Степа.

А Митхат, с беспокойством наблюдавший за товарищем вздохнул и спросил:

— А может, ничего, Татьян Борисовна, что есть немножко отсталый?

Потом умный станет...

— Нет, Митхат, это не все равно. Пойдемте-ка, ребята.

Разговор с директором длился долго. Степа вышел от Сабуровой присмиривший и грустный, но скоро повеселел и даже перекувырнулся через голову. На душе у него впервые за три дня стало спокойно.

Надежда Георгиевна попросила Анну Прохоровну и Мухамет-Нура не бранить больше мальчиков и прибавила, что они молодцы: сами во всем сознались, поступили как честные ребята.

Весь прииск хохотал над бабой-штейгером. А дядя Егор издали завидев Степу, кричал:

— Ну ты, призрак бледный, как дела?

Утром в день первого испытания выпускники сидели на бревнах в школьном дворе и томились: все пришли слишком рано. Экзамен начинался в девять часов. Принаряженные девушки принесли с собой огромные букеты жарок — оранжевых огоньков, белой ветреницы и кандыка.

— Честное слово, ребята, точно спал непробудно и во сне видел одни учебники! — говорил Андрей Мохов. — А сейчас проснулся — и удивляюсь, что это мы все на бревнах сидим.

— Да еще такие нарядные! — рассмеялась Лиза. Да, Андрейка?

— Не говори... Причесались все гладенько. Вот уж правда, как в песне поется: «Волос к волосу лежит...»

Илларион Рогальский, молчаливо шагавший по двору, остановился перед Тоней.

— Дурацкое состояние! — сказал он. — Повторять уже поздно, да и в голову ничего не лезет, болтать не хочется... Брожу, как неприкаянный. Хоть бы началось скорее!

— Илка, честное слово, ты трусишь не меньше нас! воскликнула Лиза, с интересом глядя на Иллариона. Вот не думала!

— А что же я, из другого теста слеплен?

— Правда, скорее бы уж!

— Сейчас, дорогие товарищи, уже девять, — объявил Толя Соколов. — Приготовьтесь. Вот-вот за нами придут.

— Ой! — взвизгнула Лиза и спрятала голову в колени, так что густые курчавые волосы свесились вниз. От искусной прически не осталось и следа. — Так и есть! Петр Петрович!

Завуч вышел веселый, в светлом, хорошо сшитом костюме.

— Ребята, становитесь в шеренгу. Идемте на первый экзамен! — громко сказал он.

— Петр Петрович, не надо! Мы ужасно боимся! — крикнул кто-то из

девушек.

Этот возглас насмешил всех, и выпускники с шутками стали по парам.

— Ну, товарищи, бодрее! Без паники! — напутствовал друзей Илларион.

В дверях школы стояла улыбающаяся учительница второклассников и принимала у девушек цветы. Когда мимо нее прошла последняя пара, Ирина Филипповна вся потонула в огромном пестром букете.

Десятый класс был тоже убран цветами. Со стен свешивались гирлянды сосновых веток с нежными светлыми лапками. На выпускников смотрели улыбающиеся лица любимых вождей и писателей. Взволнованный Горький на портрете приветствовал из окна вагона встречающую его молодежь.

В углу на столике лежали стопки книг. Это были произведения, изучавшиеся десятиклассниками. Большая ветка жимолости наклонялась над ними, и мелкий розовый цвет осыпал переплеты.

Пока экзаменующиеся рассаживались каждый за отдельную парту, Ирина Филипповна внесла большую голубую с драконами вазу, полную цветов.

— Вот и ваза Надежды Георгиевны, — зашептала Лиза Тоне, перегнувшись со своей парты. — Это я вчера Андрея за ней посылала.

Тоня досадливо повела бровью и ничего не ответила. Ей не хотелось нарушать ту большую сосредоточенность, которую она в себе чувствовала.

Ирина Филипповна поставила вазу на широкий подоконник.

— Это вам вместо шпаргалки, — тихо сказала она, проходя мимо первых парт. — Смотрите и вдохновляйтесь.

Ее свежее лицо было так же взволнованно, как лица экзаменующихся. Кивнув им ободрительно, она ушла и плотно притворила дверь.

За покрытым зеленой бархатной скатертью столом сидели Сабурова, Новикова, Петр Петрович, Федор Семенович, методистка из областного центра, преподаватель истории Лидия Ивановна и директор прииска.

— Поздравляю вас, товарищи, с началом выпускных экзаменов!

Эти простые слова Надежды Георгиевны прозвучали для ее учеников сильно и торжественно. Все невольно выпрямились стараясь поймать взгляд директора.

— Сейчас вам будут объявлены темы сочинений, — продолжала Сабурова. — Пишите не торопясь. Времени у нас много — пять часов. — Она значительно взглянула на Татьяну Борисовну: — Товарищ Новикова, познакомьте экзаменующихся с темами.

Татьяна Борисовна подошла к доске, завешенной большой

географической картой. Она задержалась на секунду и отметила про себя одинаковое выражение на лицах выпускников.

Все с напряженным вниманием следили за ее движениями. Сняв карту, молодая учительница громко прочитала вслух темы, которые час назад написала своим крупным почерком:

«Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы».

«Роль комсомола в Великой Отечественной войне».

«Голоса новой жизни в пьесе Чехова «Вишневый сад».

Тут же она увидела, как просветлели глаза ее учеников. Темы явно никого не испугали. Новикова радостно переглянувшись с Сабуровой.

— Начинайте, товарищи, — сказала Надежда Георгиевна. — Наверху прошу написать: «Экзаменационная работа на аттестат зрелости».

Выводя эти слова на листке проштемпелеванной бумаги — стопка таких листков лежала на каждой парте и стараясь писать как можно яснее и красивее, Тоня подумала о множестве работ, написанных ею за школьные годы. Сначала это были палочки и кривые буквы, потом легкие упражнения на пропущенные слова, затем диктанты, изложения, сочинения. Каждая приносила с собой какую-то крупицу знания какой-то нужный навык. Как настойчиво и незаметно эти работы изменяли ее почерк, учили выражать свои мысли! И все они постепенно вели к этой последней — самой ответственной работе. Ее будет писать и та маленькая Тоня, что по косым линейкам выводила расползающиеся каракули, и озорная, смешливая Тоня-подросток, и теперешняя взрослая, кончающая школу девушка.

Думать об этом было чуточку грустно, но вместе с тем приятно, и Тоня не спешила расстаться со своими мыслями, как вдруг заметила недоумевающий взгляд Сабуровой.

«Почти все уже начали, — подумала она, Надежда Георгиевна удивляется, почему я не пишу...»

В выборе темы Тоня не колебалась. Конечно, она будет писать о комсомоле в дни Великой Отечественной войны. Говоря о героях «Молодой гвардии», о Саше Матросове, о Зое, она будет говорить и о Павлике. Ведь неизвестно, как он погиб, и если ему было суждено принять страшную смерть, то в последние минуты он думал и чувствовал то же, что его незнакомые братья и сестры.

Нахмутив брови, сжав губы, Тоня написала первую фразу и почувствовала, как вдоль спины пробежал знакомый холодок, появлявшийся, когда она была захвачена работой и знала, что справится с ней. Начав писать, она уже не отрывалась, удивляясь время от времени, как много написано и как много еще хочется сказать.

Экзамен шел уже около трех часов в полной тишине, педагоги не переговаривались между собой. Легкое движение вызвал только уход директора прииска. Этому высокому седому человеку, привыкшему ежедневно беседовать с сотней людей, спускаться в шахты, бывать в районном центре и, проведя полчаса в своем кабинете, торопиться на стройку новых домов, было тяжело сидеть, ничего не делая, и смотреть, как мальчики и девочки пишут сочинения.

Новикова несколько раз начинала читать, но снова и снова с досадой откладывала книгу и тревожно оглядывала класс. Лицо ее непрерывно то бледнело, то краснело. Вот Женя Каганова морщит лоб, очевидно не может что-то вспомнить. Наверно, забыла нужную цитату. Татьяне Борисовне страстно хочется узнать, что смущает Каганову, и подсказать ей. Вот Андрей Мохов в третий раз зачеркивает написанное и начинает сначала. Новикова со своего места старается разглядеть, что пишет Андрей. Не переменял ли он тему?

С парты Мани Заморозовой донесся тихий возглас. Маня долго сидела с каменным лицом, машинально обмакивая перо в чернильницу. Затем ей для чего-то понадобилось вынуть чернильницу из гнезда. Это не привело ни к чему хорошему. Залита, испорчена работа, и светлое платье закапано чернилами.

Татьяна Борисовна повела Маню мыть руки и, вернувшись, как-то поновому увидела сосредоточенные лица выпускников. Все пишут, все погружены в работу...

Усадив Заморозову на другую парту, она, несколько успокоенная, вернулась на свое место и стала гадать, кто первым подаст работу. Тоня? Нет, она только что попросила еще бумаги, видимо собирается переписывать. Соколов? Он, кажется, только на середине. Может быть, Таштыпаев?

Первой закончила сочинение Нина Дубинская. Внимательно перечитав написанное, она вложила черновик и беловик в обложку и подала Новиковой. При этом Нина шумно вздохнула, и выражение лица у нее было блаженное и растерянное.

Едва Дубинская вышла из класса, Татьяна Борисовна, торопясь, развернула ее сочинение и придвинулась к Сабуровой. Их головы низко склонились над работой, и легкие седые волосы старой учительницы коснулись черных прядей молодой.

Нина писала о пьесе Чехова, писала основательно, безукоризненно грамотно, со множеством цитат.

Обе учительницы обменялись удовлетворенным взглядом, и Надежда

Георгиевна вышла в коридор.

К ней мгновенно кинулась стоявшая у двери Нина:

— Вы прочитали? Скажите, как? Скажите, Надежда Георгиевна!

— Ничего я тебе, дружок, сейчас не скажу, и ты это сама знаешь. Иди-ка домой, отдохни.

Огорченная Нина медленно отошла к окну, явно не собираясь уходить.

К двум часам все сочинения были поданы. Дольше всех задержалась Маня Заморозова, которой пришлось начинать работу сначала. Выйдя из класса, Маня была удивлена и обрадована: никто не ушел, все товарищи ждали ее.

Наконец выпускники разошлись, и педагоги отправились в столовую пить чай. Татьяна Борисовна, роняя ложку, рассыпая сахар, не переставала спрашивать:

— Ну как, в общем? Нет, Надежда Георгиевна, вы серьезно считаете, что они прилично написали?

Глаза у нее блестели, она хмурилась и улыбалась одновременно и завтракала с такой поспешностью, что Александр Матвеевич, заглянувший в столовую, сказал:

— Ого! Оказывается, экзамен — лучшее средство для повышения аппетита.

После короткого отдыха экзаменаторы расположились в учительской. По первому, беглому впечатлению, сочинения у всех были хорошие. Теперь началась тщательная проверка их со стороны стиля, композиции, орфографии и знания материала.

Работы проверялись, как они лежали: по порядку. Новиковой и Сабуровой не терпелось поскорее познакомиться с сочинением Пасынкова, узнать, не повлиял ли длительный пропуск на его занятия.

— Прекрасно написал Ваня, — сказала Надежда Георгиевна, прочитав вслух сочинение. — Как вы находите, товарищи?

— Хорошо, очень хорошо! — с жаром воскликнула Татьяна Борисовна. — И тему выбрал: «Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы»... Мне кажется, это так подходит к Ване! Удивительно он глубокий и светлый какой-то юноша.

— Верно вы его определили, — сказал довольный Петр Петрович.

— Значит, ставим Пасынкову пятерку? — спросила Сабурова. — Возражений нет?

Она внимательно посмотрела на методистку.

Гостья только что оспаривала пятерки, поставленные Кагановой и Дубинской, но к сочинениям обеих девушек нельзя было придраться, и она

уступила, однако сидела недовольная.

— Что касается Пасынкова, я не возражаю, — сухо сказала она, отвечая на взгляд Надежды Георгиевны.

— Вот и прекрасно! Это тем более приятно, что у него был большой пропуск в последней четверти. Он почти два месяца не посещал школу.

— Как! — всколыхнулась методистка. — Ученик столько времени проболел, и вы ставите ему пять за работу на аттестат зрелости?

— Почему же не поставить, если он заслуживает? — улыбнулась Сабурова.

— А если ему и по другим предметам поставят пятерки и он получит медаль?

— Ну и что же? Останется только радоваться за него.

— Что вы! Его пропуск, да и длительная болезнь могут сказаться потом, в вузе... Он начнет отставать, и школу обвинят в легкомысленной раздаче медалей.

— Пасынков не подведет, — спокойно ответила Сабурова. — Он прекрасно учился в нашей школе все десять лет. Ученик основательный, вдумчивый.

— Вы наверное знаете, что он был болен?

— Конечно! — удивленно ответила Надежда Георгиевна. — Это вся школа знает. И педагоги и ребята постоянно бывали у Пасынковых.

Последние слова Сабурова сказала громче обычного, и Татьяна Борисовна поняла, что директор сердится.

— Ну как бы там ни было, а я считаю невозможным ставить пятерку. Удивляюсь, что вы допустили его к экзаменам, не согласовав этот вопрос с областью. Что у него в году?

— По русскому языку и литературе сплошное пять.

— И все-таки больше четверки ему ставить нельзя. То, что вы делаете, — типичный либерализм.

— Если то, что мы входим в положение безупречного ученика — либерализм, то не бюрократизм ли то, что вы говорите? Я ставлю вопрос на голосование. Кто за пятерку Пасынкову?

Все преподаватели подняли руку. Федор Семенович несколько мгновений колебался и уже спрятал было руку под стол, но потом поднял ее и твердо выдержал укоризненный взгляд методистки.

— Дело ваше, но я остаюсь при особом мнении и доведу его до сведения облоно.

— Пожалуйста.

Некоторое время работали в молчании. Но затем неприятное

впечатление от столкновения с методисткой сгладилось, и Сабурова снова начала оживленно переговариваться с Новиковой и Петром Петровичем.

Только в двенадцатом часу Надежда Георгиевна наконец положила перо и сказала:

— Всё, товарищи! Ну, Таня, поздравляю. Как видишь, я была права: две тройки есть, но Заморозова, за которую ты боялась, написала на четверку. Я считаю, что результат очень хороший.

— Вы слышите? — обратилась сияющая Татьяна Борисовна к завучу.

— Слышу, вижу и не удивляюсь. Великолепный класс... Об учительнице я уж и не говорю. Исключительно опытный, выдержанный и спокойный человек, — ответил Петр Петрович.

Все засмеялись его шутке. Новикова, краснея, исподлобья глядела на завуча.

А десятиклассники, разойдясь по домам, не знали, что с собой делать. Трудно было успокоиться. Руки и ноги гудели от неулегшегося возбуждения.

Тоня кое-как дожидая до девяти часов и, чувствуя, что дома усидеть невозможно, вышла на улицу. Не пройдя и нескольких шагов, она встретила Нину Дубинскую.

— Ты куда?

— К тебе. Пройдемся немножко?

— Давай. Только за Женей зайдем.

Женя с отцом сидели на крылечке под черемухой.

— Девочки, как хорошо, что вы пришли! Идите сюда! — обрадовалась она.

Подруги поздоровались с Михаилом Максимовичем и пристроились на ступеньках.

Медленно сходили сумерки. На бледном небе со стороны гор расплывались светломалиновые полосы, точно кто-то наспех, пробуя краску, прошелся там мягкой, широкой кистью. Белые, как рисовые зерна, звездочки черемухи, собранные в тугие гроздья, свешивались над крыльцом.

— Я все сначала рассказываю папе, наверно уже в двадцатый раз, — сказала Женя. — А сама думаю: «Хоть бы пришел кто-нибудь!» Я, девочки, сейчас без вас просто жить не могу. Почему-то так всех залюбила... — Она прижалась щекой к Тониному плечу и ласково глянула на подруг. — Почему это, Тосенька?

— Наверно, перед разлукой, — ответила Тоня. — Я сама удивляюсь, до чего мне все милы и нужны.

— И я так, — отозвалась Нина. — Смотрю на наших мальчиков и думаю: «Какие у нас ребята умные, хорошие, красивые! А девушки просто одна лучше другой...»

Все засмеялись. Только Михаил Максимович печально и внимательно глядел на подруг.

Женя несколько раз провела рукой по лбу отца, словно стирая набежавшие морщины.

— Вы ведь чудесное время переживаете, друзья, — сказал Каганов, ловя на лету руку дочери. — Весна, экзамены, бессонные ночи, дружба... Прекрасно все это и только один раз в жизни дается человеку.

— Почему, папа, один раз? Разве потом друзья станут хуже?

— Сами вы другими станете. Будете, конечно, испытывать подобные чувства в общей работе, в минуты увлечения делом, когда коллектив бывает особенно спаян... Но нынче вы впервые сознаете серьезную ответственность, выходите в жизнь. Потому так и прекрасна для вас эта весна... Кажется, кто-то еще идет к нам, — прервал себя Михаил Максимович всматриваясь.

Подошла целая компания: Рогальский, Мохов, Соколов, Лиза, Маня Заморозова и Петр Таштыпаев.

— Здравствуйте! Давно не видались! — крикнула Лиза. — Я к тебе, Антонина, а тебя нет! Ну где же еще искать, как не у Жени!

— Придет зима и рада будешь Тосю так близко найти да не тут-то было! — вступилась Женя.

— И правда, товарищи, как же это мы все расстанемся? Даже поверить трудно.

— Пойдемте в школу, девушки, — предложил Андрей. — Мы с ребятами туда путь держали... Возле школы нашли Ваню Пасынкова и Стешу Сухих. И мало-помалу собрались все выпускники.

— Ну, десятиклассники в полном составе. Можно открывать митинг, — сказал Мохов.

А Петя Таштыпаев, как всегда, степенно поправил его:

— Десятиклассники! Вот что значит отсталость! Мы теперь называемся «аби-ту-ри-енты».

— Как, как? Повтори! — закричали со всех сторон.

— Абитуриенты. Это значит: кончающие среднюю школу. Так Петр Петрович сказал.

— Важное название! — одобрил Андрей.

— Ребята, если все благополучно сдадим, давайте вместе документы в институты посылать, — предложила Нина.

— Давайте.

— Подожди ты «гоп» говорить, пока не перескочила.

— Перескочим! — уверенно сказал Илларион. — А интересно, как у каждого студенческая жизнь сложится... Ты, Тоня, значит, на исторический решила?

— Да. В Москву.

— Ну, Соколов — в архитектурный, это все знают.

— Непременно. Строить хочу. Я в Ленинград.

— А Женя?

— Тоже в Ленинград. В институт сценического искусства.

— Андрей?.. Погодите, ребята, я по всем правилам начну спрашивать

Илларион встал:

— Абитуриент Мохов, куда вы намерены поступить по сдаче государственных экзаменов и получении аттестата зрелости?

— В Новоградск поеду, в геологический. Наше золото добывать буду.

— И я! И я! — слышались голоса.

— Так... Значит, Соня, Игорь, Вася — тоже геологи. Абитуриент Дубинская?

— На физико-математический.

— Ты, Моргунова?

— Врачом хочу быть. По детским болезням... С Нинкой вместе жить будем в Новоградске.

— Таштыпаев?

— Мы с вами, абитуриент Рогальский, кажется, уговорились на химическое машиностроение...

— О, Илка! Инженером хочешь быть? А рисование.

— Из тебя бы хороший театральный художник получился — тихо сказала Женя.

— Девушки, не растравляйте старую рану! Я уже решил, что лучше быть средним инженером, чем плохим художником.

— Почему плохим? Ты же замечательно рисуешь!..

— Скучные у тебя мечты! — сердито сказала Тоня. — Инженером собираешься быть — средним, художником — плохим. Надо самым лучшим быть!

— Не сбивайте его, — засмеялся Петр. — Я и то боюсь, как бы не сбежал в художественное училище.

— И правильно сделал бы!

— А я ребята, на географический факультет... неожиданно сказал Ваня Пасынков. — Буду по всей стране ездить. Или животный мир изучать.

Зоогеография — интереснейшая наука.

Все с сочувствием обратились к нему.

— Правильно, Иван! — крикнул Андрей. — Какую-нибудь новую зверюгу откроешь! Была же «лошадь Пржевальского», будет «верблюды Пасынкова».

— Или лягушка! — не удержалась Лиза.

— На Кавказ поеду, — говорил Ваня, не слушая шуток. — В Приморье, в Молдавию... Все увижу... — Он посмотрел на товарищей счастливыми глазами и вдруг смешался: — Еще школу кончить надо да в университет поступить...

— Кончишь и поступишь, не теряйся! — сказал Таштыпаев, друживший с Пасынковым.

Только Маня Заморозова еще не знала, куда поступит и будет ли поступать.

— Посмотрю, подумаю... — сказала она. — Может, и дома годочек посижу. Тоже неплохо...

— Ну нет, мы не согласны! Довольно дома пожили! — кричали ей подруги.

Так они долго сидели, спорили, переговаривались, замолкали... И каждому, хотелось сказать товарищам что-то хорошее, ободряющее.

На небе неторопливо выступали звезды, стало прохладнее.

— Спойте, девушки! — попросил Илларион. — Начинай, Тоня.

— Надежда Георгиевна подумает, что волки под окнами завывли.

— Мы тихонько. Давай!..

Тоня вполголоса начала песню. Сдержанные молодые голоса подхватили ее.

Учителя, выходя из школы, услышали свободный и широкий напев, почувствовали на лице свежее дыхание ночи, увидели крупные звезды на высоком небе.

— Кто это поет? спросила Татьяна Борисовна.

— Наши, наверно, — ответила Сабурова.

Они вышли на крыльцо.

На ступеньках и перилах близко друг к другу сидели выпускники, и песня еще плавала в прохладном воздухе.

— Ребята, а свет-то в учительской погашен! Сейчас педагоги выйдут, — объявил Толя.

— Вышли уже! — ответил Петр Петрович. — Нам по обязанности не спать, а вы зачем мучаетесь?

— Мы не мучаемся, мы вас ждали!

- Скажите, Надежда Георгиевна, есть двойки?
- Вы только скажите: да или нет?
- Мы ведь не уснем, если знать не будем!
- Уснете, уснете. Должны уснуть. Завтра рано на консультацию.

У ворот школы учителя распрощались друг с другом. Методистка ушла ночевать к Лидии Ивановне. Сабурова и Новикова с Петром Петровичем двинулись в другую сторону.

Молодежь шла за ними, и время от времени кто-нибудь из девушек жалобно взывал:

- Надежда Георгиевна, скажите!
- Татьяна Борисовна, ну что вам стоит!

Новикова несколько раз уговаривала выпускников идти домой. Они на некоторое время отставали, потом снова оказывались рядом с учителями.

Сабурова шла не спеша и рассказывала Петру Петровичу о Кисловодске, куда хотела поехать летом.

Около дома Надежды Георгиевны, где собиралась ночевать Новикова, все остановились, и Петр Петрович, пожимая руки своим спутницам, сказал очень громко:

- Завтра к вечеру рецензии должны быть готовы, Татьяна Борисовна.
- Не знаю, как успею...
- Должны успеть. Вам приятно будет писать их, поскольку все до одного выдержали.
- Все выдержали! Все! — раздались радостные крики.
- Двоек нет!
- Ребята, ура!
- Спасибо, Петр Петрович, спасибо!

Начался такой шум, что во дворах залаяли собаки, а в соседних домах стали открываться окна.

- Товарищи, вы весь народ перебудите!
- Уходим! Уходим! Спасибо!
- Спокойной ночи!

Через минуту все было тихо. Молодежь рассыпалась по соседним улицам и тупикам.

- Они-то выдержали, а вы? — съязвила Новикова.
- Согласен на переэкзаменовку, — ответил Петр Петрович.

Глава восемнадцатая

Вернувшись домой с последнего экзамена, Тоня долго сидела в кухне у стола. Полчаса назад она ощущала глубокую радость. Надежда Георгиевна объявила, что аттестаты получают все выпускники. Лиза кинулась обнимать Тоню, все закричали «ура»... Тоня и не заметила, как добежала до дому, словно перелетела на крыльях, так не терпелось ей поскорее сказать матери, что все кончилось счастливо. А когда Варвара Степановна, порадовавшись с дочерью, куда-то отлучилась, Тоней вдруг овладели растерянность и слабость. Кончена школа... Что же теперь? Совсем новое, неведомое... Не будет больше шуток над Моховым, пререканий с Илларионом, споров с Лизой и тихих долгих бесед с Женей... Все, все кончилось, уроки, отметки, экзамены, — все, чем она жила десять лет. Теперь не придешь посоветоваться с Надеждой Георгиевной. Петр Петрович не глянет из-под кустистых бровей и не скажет, отводя глаза в сторону: «Вы так полагаете, Кулагина? А ну, подумайте хорошенько».

Впервые Тоня ощутила живое содержание слов «начинается новая жизнь». Сколько раз она их слышала и читала, не раз завидовала книжным героям и хотела, чтобы у нее самой наступила новая жизнь. И вот она начинается...

Тоня оглядела кухню: большую печку с почерневшим устьем, которое мать подбеливала к каждому празднику, чисто вымытый пол, тропки пестрых половиков, голубую клеенку со стертым узором на столе, яркий бумажный абажурчик. Все такое родное, наизусть знакомое. Как же она будет жить без этих стареньких милых вещей, без стен отцовского дома, без родного ветра? Ведь все, все будет другим: город, люди, вещи...

Тоня даже зажмурилась: жутко!

Но эта новая жизнь, наверно, будет замечательной... Конечно будет! Страшно первое время, пока наладится, уляжется... А потом все пойдет размеренно и понятно, как в школе: лекции, комсомольская работа, товарищи... Они будут необыкновенно хороши, эти новые товарищи, — никогда еще невиданные девушки и юноши. Каждый из них в эти дни тоже думает о будущих друзьях, которых скоро пошлет им жизнь. Представляет ли себе кто-нибудь из них девушку, подобную Тоне, чувствует ли, что его ждет встреча с ней?..

Тоня открыла затуманенные глаза.

Да, новые товарищи будут хороши! Но все же не лучше прежних. Нет,

нет! Навсегда останутся самыми дорогими для нее школьные друзья!

Вошла мать с торжественным и озабоченным лицом. Она посторонилась и пропустила в дверь высокую бледную женщину.

— Ну-ка платье примерь, Тоня. Мария Гавриловна уже сметала.

Мария Гавриловна славилась как искусная портниха, и Тоня была изумлена, когда отец несколько дней назад сказал Варваре Степановне:

— С платьем Антонины для вечера не вздумайте самодельничать. Пусть Мария Гавриловна шьет.

А материя на платье была удивительная. Николай Сергеевич купил ее в городе лет двадцать назад. Был он при деньгах и, бродя по рынку, мгновенно пленился тяжелым шелком цвета слоновой кости, с переливающимися золотыми искорками. Он купил шелк у какой — то старухи, не торгуясь, и, только отойдя, сообразил, что заплатил очень дорого и теперь денег не хватит на необходимые покупки.

Такие приступы расточительности порою находили на Николая Сергеевича. Варвара Степановна ужасалась, но с мужем не спорила. Надо же иногда человеку себя потешить!

Мать никак не могла решиться сшить себе платье из чудесного шелка. Все казалось ей, что в нем она будет излишне нарядная. А когда на свет появилась Тоня, шелк был определен ей, хотя Николаи Сергеевич сердился и говорил, что пока дочка вырастет, шелк истлеет. Но прочная материя не истлела, только слежалась на сгибах глубокими складками, и Мария Гавриловна уверяла, что выбилась из сил, разглаживая их.

— Ну и шелк! — говорила она. — Железный!

Мария Гавриловна вертела девушку то в одну, то в другую сторону. Со скрипом втыкались в упругий шелк булавки.

— Какое длинное! — смущенно говорила Тоня.

— Так и полагается. Вечернее платье.

Наконец Мария Гавриловна слегка оттолкнула от себя Тоню, прищурясь оглядела ее и сказала:

— Ну, идите смотрите.

Тоня кинулась к зеркалу. Навстречу ей из глубины стекла стремительно выбежала статная девушка с вопрошающими глазами, в блестящем наряде.

Николай Сергеевич, вернувшись с работы, удивился необычной тишине в доме. Он шагнул к порогу спальни и остановился в изумлении. Перед зеркалом стояла девушка в блестящем переливчатом платье. Жадный и требовательный взгляд ее не отрывался от стекла. Две немолодые женщины смотрели на нее с нежным сочувствием и тайной печалью.

— Вона! — сказал Николай Сергеевич. — Какая жар-птица из нашего гнезда вылетает!

Эти слова были первыми пришедшими ему в голову, но тут же он почувствовал, что именно они точно определили минуту. Вот какая девушка выросла из маленькой Тони! Впервые домашние видят ее в новом облике. А сама она радостно удивлена, и охорашивается, и смотрит на себя, будто не узнает.

Возглас Николая Сергеевича заставил женщин смущенно рассмеяться, а Тоня бросилась к отцу и обняла его:

— Все кончено, папа! Сдала последний экзамен! И... и спасибо тебе за платье. Ты, наверно, знал, когда покупал этот шелк, какое оно будет красивое.

— Ну ясно, знал, — пробормотал Николай Сергеевич.

«Глупенькая!.. — с нежностью подумал он. — Разве в платье дело!»

День, который казался невероятно далеким, чуть заметным огоньком светил издали и, постепенно придвигаясь, заполнил своим сиянием весь горизонт, наконец наступил. Складывался он необыкновенно удачно и счастливо.

Прежде всего, была прекрасная погода, ясная и не слишком жаркая. Утром Тоню разбудила какая-то пичуга. Она села на подоконник и отчетливо прочирикала приветствие. А потом в окно заглянула Женя. Она показалась Тоне очень свежей и красивой.

— Спишь, Тосенька? Как не стыдно! Вставай скорей, с пирогами беда.

— Что? Подгорели? Не подошли?

Тоня мгновенно спустила ноги с кровати.

— Да нет, подошли хорошо и не подгорели. Варвара Степановна сама вынимала. Только носить их в школу некому, все заняты.

— А! Ну, сейчас, сейчас... Какой день-то, Женя! Тебе хорошо?

— Хорошо, Тося, и грустно!

— Понимаю... — тихо сказала Тоня.

Женины глаза медленно наполнились слезами:

— Да... о маме все думается... Я пойду, Тосенька. Ты поторопись.

В доме никого не было. В комнатах стояла та чуточку тревожная, полная легкого воздуха тишина, которая бывает заметна только в большие праздничные дни.

Тоня поплескалась у умывальника, накинула старенькое платье и, залпом выпив кружку холодного молока, побежала к Заморозовым. Там она нашла Варвару Степановну и Мохову. Пироги выстроились на столах и лавках. Какой из них был лучше, Тоне не удалось определить. Все — и

круглые, и продолговатые, и аккуратно зашпиганные маленькие — выглядели красавцами.

С великими предосторожностями, чтобы не повредить их непрочной пышности, пироги понесли в школу. Там в учительской орудовала хозяйственная комиссия. Нина Дубинская вынимала из корзин блестящие, накрахмаленные скатерти. Лиза с повязанной после мытья головой пересчитывала столовые приборы и от радостного нетерпения приплясывала, не забывая, впрочем, покрикивать на мальчиков. В зале украшали сцену цветочными гирляндами, укрепляли портреты и лозунги. Мухамет-Нур расставлял стулья, гардеробщица Маруся чистила дверные ручки, а Митхат со Степой бегали по коридорам с ворохами зеленых веток.

Эта горячая суeta так захватила Тоню, что она опомнилась только в пять часов, когда Лиза истошным голосом закричала:

— Кончайте работу, девочки! Одеваться пора!

Тоня, запыхавшись, прибежала домой, наспех проглотила несколько ложек супа и начала собираться.

Девушки заранее сговорились не открывать тайну своих бальных туалетов, чтобы поразить друг друга на выпускном вечере. В раздевалке стоял гомон, в котором преобладали высокие ноты.

— Лиза-то, Лиза! Зеленая, как молодая трава!

— А у Женечки до чего мягкий шелк! Как ложится красиво!

— И мне нравится, что матовый, без блеска.

— Ну-ка, Тоня, покажись!

— Ой, девочки, как замечательно! Вся золотая!

Тоню поворачивали во все стороны, — расхвалили и материю и цвет, и фасон. Она сама так же деловито осмотрела светлозеленое платье Лизы, молочно-белое Женино, голубой наряд Нины и розовый — Мани. А громоздкая, с рябинками на лице Стеша Сухих пришла в алом, как мак, платье и выглядела в нем совсем хорошенькой.

— Все цвета радуги! Ведь это что! — изумился Мохов, разглядывая подруг. — Ты посмотри, староста, — поймал он за рукав Анатолия Соколова, — с какими девушками мы, оказывается, столько времени учились!

— А ты только сейчас разглядел? — задорно откликнулась Лиза, быстро повернувшись к Мохову, отчего взметнулись ее кудри. — Зря, значит, я старалась столько лет тебе нравиться. Пропали все мои труды!

Мохов, очевидно, принял сказанное всерьез и озадаченно посмотрел на Лизу:

— Как же, старалась ты! Изводить меня старалась...

Сидевшие в зале выпускники и гости начали аплодировать, когда семья Кулагиных появилась в дверях. Смущенная Варвара Степановна кланялась во все стороны знакомым, а Николай Сергеевич, приосанившись, расправлял усы.

С этой минуты время для Тони понеслось со страшной быстротой. Каждое мгновение несло с собой что-то необыкновенно интересное и новое. Хотелось задержать его, чтобы почувствовать все, что творилось в зале, полнее и глубже, но уже наступало иное, столь же волнующее и замечательное.

Тоня вместе с другими хлопала входившим Моргуновым, семье Дубинских, Моховых, Жене с отцом. Потом перед ней появилась какая-то незнакомая нарядная девушка. Она прикоснулась к Тониному плечу и сказала:

— Места для выпускников в середине. Пересядьте, пожалуйста.

Тоня с изумлением узнала в незнакомой девушке Татьяну Борисовну и покорно перешла на указанное место, между Илларионом и Женей. Она снова обернулась к дверям, но они оказались уже закрытыми, а между тем люди продолжали аплодировать, и у всех были взволнованные и добрые лица. Ужаснувшись, что пропустила что-то важное, Тоня обернулась к сцене. Там за длинным столом рассаживались преподаватели и гости. Она едва успела отметить про себя выражение глубокой и гордой радости на лице Сабуровой и улыбку директора прииска, как на сцену вошел Василий Никитич Круглов — секретарь обкома, встреченный шумными приветствиями. Видимо, он только что приехал: лицо его было еще красно от горного ветра. Трудный путь одолела маленькая обкомовская машина, чтобы привезти его на торжество Тони и ее друзей.

Круглов весело поклонился и сел, разглаживая слежавшиеся волосы, под которыми обнаружился широкий, не загоревший лоб. Казалось, гость, так же как выпускники, ждет от вечера много интересного.

Когда приветствия стихли, со своего места поднялась Сабурова. В доброжелательной тишине мягко и внятно прозвучали ее слова:

— Дорогие друзья...

Надежда Георгиевна говорила о страшной военной буре пронесшейся над страной, о том, что врагу не удалось сломить стойкость советских людей, говорила о едином стремлении всего народа поднять свое хозяйство, свою промышленность культуру на новую, небывалую высоту.

Она внимательно всматривалась в лица учеников:

— И вы теперь включаетесь в эту великую борьбу, великую стройку. Я хочу пожелать вам быть в ней такими же деятельными, какими вы были в

школе, всегда ясно видеть перед собой жизненную цель, а цель у всех одна — приносить счастье и славу Родине своей работой.

Сабурову прервали жаркие, как вспыхнувший костер, рукоплескания. Она спокойно переждала их.

— Когда мне хочется помечтать, — продолжала Надежда Георгиевна, — я представляю себе свои будущие встречи с нашими учениками. Вот я вхожу в чудесное здание. Оно трогает и потрясает великолепной пропорциональностью, благородством архитектурных деталей, массой света и воздуха. Это застывшая музыка, как сказала кто-то об архитектуре. И мне говорят, что его построил Толя Соколов. Я встречаю смелого летчика совершившего необычайный по трудности полет, и узнаю в нем Колю Белова. Читаю талантливое исследование о нашем крае написанное Тоней Кулагиной. Наслаждаюсь игрой молодой актрисы Жени Кагановой. Я слышу о важном математическом открытии Нины Дубинской, о великолепной работе геолога Андрея Мохова... И все мои мечты могут сбыться, потому что я знаю своих учеников, знаю, что им будет предоставлено все, что нужно, для развития их способностей.

Гордость и благодарность переполняли Тоню. От волнения она на секунду даже перестала ясно видеть. Какая-то радужная сетка поплыла перед ней. Речи директора и парторга прииска благодаривших выпускников за культурную работу, за хорошее влияние на молодых производителей, она слышала смутно и очнулась, только когда сильный и ясный голос секретаря обкома наполнил весь просторный зал. Наверно, если бы Круглов выступал на большой площади, все равно во всех концах ее люди слышали бы каждое слово. Он говорил о любви советского человека к своей стране, к своему краю.

— Наша область очень велика. Она по территории больше таких государств, как Бельгия, Швейцария или Дания. Населяют ее главным образом хакасы и русские. Вы знаете, что когда-то хакасы считались самым отсталым народом в России. Они и письменности своей не имели. Их причисляли то к татарам то к киргизам. А жили они так примитивно и некультурно что если бы эта жизнь продолжалась еще несколько десятилетий, народ бы вымер. Впрочем, тогда это считалось в порядке вещей. Енисейский губернатор Степанов так и писал в своих донесениях: «Туземцы довольно стремительно вымирают, да это, собственно, процесс вполне естественный и исторически узаконенный».

Теперь из этого когда-то забитого народа выходят великолепные врачи, агрономы, инженеры, учителя. Открыт научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, много учебных заведений, больниц, клиник.

Молодые поколения хакасов растут здоровыми и усердно трудятся, чтобы сделать жизнь своего народа еще лучше.

Область наша очень богата. У нас много земли, великолепные леса, быстрые реки, огромные степи, где пасутся косяки наших славных скакунов и отары овец, высокие горы, в которых лежат медь, золото, железо и другие ценные металлы. Природой дано нам многое, но чтобы использовать все эти богатства, человек должен упорно работать.

Начнем с земли. Она хороша, нет спору! Наша Широкая степь — это тысячи гектаров плодородной почвы. Но у нас мало осадков поля страдают от засухи, ветры выдувают и верхние слои почвы и посевы. От этой же беды страдают наши стада и табуны. В прежние годы сенокосы здесь всегда были плохие.

Что же делают советские люди? — возвысил он голос. — Задерживают снег на полях, используют талую воду сажают в степи лес, чтобы зеленые стены его защищали посевы от ветра. А главное, серьезно взялись за орошение. Каждый ручеек направляют на колхозные поля. Мы решили сеять только на орошаемых площадях. Это не значит, что неорошаемые будут лежать незасеянными. Нет, всю нашу землю нужно сделать орошаемой!

Мы проводим постоянные и временные каналы, нарезаем борозды... Опытные поливальщики следят за тем, чтобы вода равномерно распределялась по пашням, не размывала почву, не застаивалась болотом... В иных местах нашей области поливка повысила урожай пшеницы в пять раз. Но этого нам мало. Нынче мы хотим дать воду всей Широкой степи. Вы знаете, что скоро начнет действовать огромный канал, на трассе которого трудятся колхозники и рабочие всех наших районов...

Некоторые из ребят, окончивших школу, сами работали в прошлом году на канале. Они не удержались и захлопали, к ним присоединились все слушавшие секретаря.

— Теперь животноводство, — продолжал он. — Ну, о сенокосах я уже сказал. Понятно, что чем больше воды, тем лучше травы. Но не только о корме заботятся животноводы. Они улучшают породу, лечат животных, стараются увеличить и сохранить приплод, оберегают табуны и стада от диких зверей, тут им на помощь приходят охотники...

А леса? Великолепны наши кедры, пихты, лиственницы... Много леса требуется заводам, приискам, каналу, электростанциям. Надо вырубать спелые и перестойные участки, подсаживать новые. А передвигаться по лесистым местам у нас нелегко: горные перевалы, реки, порою болота. Однако пробираются через горы и заросли наши объездчики, инспекторы,

техники, инженеры... Одни охраняют леса, другие перерабатывают древесину. У нас ведь делают и пихтовое масло, и смолу, и деготь, и скипидар... Третьи валят лес, четвертые сажают, пятые сплавляют... А для сплава нужно подготовить реки, очистить их русла, убрать залома^[10], отремонтировать плотины. И все должно быть готово вовремя. Весенний паводок держится недолго, потом реки мелеют. Недаром у сплавщиков есть поговорка: «Плавь лес по первой воде — не будешь в беде».

Ископаемые... Ну, вы сами на прииске живете, знаете что не просто золото из земли добыть... А мы добываем и уголь, и железо, и медь. За годы пятилеток выросли в нашей области заводы, копи, рудники. Армия геологов продолжает розыски новых богатств земли. В новой пятилетке мы хотим сильно увеличить добычу, значит в первую очередь усиливаем геологоразведку.

Наши дороги... Старым здешним заводчикам приходилось переправлять отсюда грузы на плотах или гужом. Из-за плохого сообщения закрывались прииски. А мы всю область хотим покрыть сетью дорог. И не только шоссейные будем проводить «железные. Некоторые районы скоро услышат паровозные гудки.

Растет и культура в области. Я вот недавно с одним фронтовиком беседовал. Он говорил: «Такая разрушительная война не только на экономику, но и на культурное состояние народа должна была повлиять». С этими мыслями он домой ехал, в наш областной центр. А приехал — увидел: за годы войны научно-исследовательский институт открылся, педагогический институт, театр, новые клубы, кино... Конечно, правильное заключение фронтовик сделал: ни в какой другой стране это немыслимо. А у нас, товарищи, есть возможность и во время войны создавать научные учреждения. Во время войны,^[10] я сказал. Что же говорить о мирном времени?

— Правильно! — раздался чей-то бас.

— Да, это правильно, товарищи! — спокойно подтвердил секретарь. — Надо только работать. Вы посмотрите на нашу областную доску почета. Там записаны имена чабана Саражакова, у которого великолепная отара овец и ни один новорожденный ягненок не погиб; забойщика Ильина, что выполняет план на триста шестьдесят процентов. Звеньевой Румянцевой — она отличилась на посеве зерновых. Тракториста Абжилаева. Это танкист бывший. Про него у нас говорят: «На тракторе, как на танке, работает». Инженера Кобежикова, который старую поломанную драгу собрал и заставил работать. Молодой актрисы национального театра Аёшиной.

Вашего шофера Трескина, что работает без аварий и простоев. Мастера Кулагина, забойщика Таштыпаева...

Так трудятся наши люди. К чему я вам все это рассказываю? Вы и без меня знаете, наверное. К тому, чтобы вы еще раз подумали, сколько труда должен потратить человек, чтобы земля, вода, лес, горы отдали людям свои богатства. Подумайте и приложите это к себе. Вы из школы богатства вынесли немалые — знания ваши. Но вам нужно, где бы вы ни были, чем бы ни занимались, еще много над собой поработать, чтобы все богатство ваших сил, способностей, ума было отдано Родине.

Вы у нас вроде как победители нынче. Но вы знаете, товарищ Сталин говорит, что хотя и принято считать, будто победителей не судят, не критикуют, но это неверно. Можно и нужно судить, критиковать их, проверять. Товарищ Сталин говорит, что это полезно не только для дела, но и для самих победителей. Так вы об этом не забывайте: чаще критикуйте, проверяйте себя.

В нашей стране сейчас идет всенародное созидание от Курильских островов до Карпатских гор. Великая стройка!..

Он рассказал, какие изменения должны произойти в области в ближайшие годы. Светлые глаза его смотрели куда-то далеко. Может быть, беседуя со вчерашними школьниками, он видел уже, что будет завтра, видел перед собой новые рудники, заводы, города среди таёжных гор...

— Так хочет народ. Так хотим мы, коммунисты. Много должна затратить сил и средств наша Родина, много разных материалов ей потребуется. Потому и спешат наши предприятия дать как можно больше стали, чугуна, угля, химических продуктов, одежды, обуви. Получи мы все эти материалы, товарищи?

— Получим! — уверенно выдохнул зал, точно отвечал один огромный человек.

— И со стройкой справимся?

— Справимся! Непременно!

— Будет так! — твердо сказал секретарь и наклонил голову. Около губ его резко обозначились складки, и лицо стало немолодым, упрямым. — Будет так, как бы ни старались нам помешать!

Он опять взглянул на выпускников, взгляд его прояснился:

— Но чтобы так было, нужен еще один, самый главный, самый драгоценный материал: люди. И вот я уверен, что этот отборный материал поставляют и будут поставлять нам наши школы. Живите, молодые коммунисты, так, чтобы мы гордились вами, чтобы те светлые свойства, которыми наделили вас советская семья и советская школа, крепили и

развивались.

Под яростные рукоплескания вставших слушателей он стал отступать к столу, сам аплодируя залу.

А на сцену неожиданно для Тони вышел ее отец Николай Сергеевич одернул пиджак и оглядел молодежь так придирчиво и неодобрительно, словно хотел сказать: «Ишь, расселись тут!»

Тоне показалось, что сейчас он припомнит все их детские прегрешения и начнет журить за них. И старый мастер действительно кое-что припомнил!

— Я, товарищи, виновников торжества как свои пять пальцев знаю. На глазах росли. Помню, как Ниночка Дубинская учиться ленилась, как Мохов Андрюша взрыв в классе устроил, как Лариоша Рогальский малышней-трехлеток в корзину усадил, да и спустил на веревке вниз с третьего этажа нового дома. Я им много чего припомнить могу. Что говорить: расторопные ребята были!

В зале смеялись.

— Вот какие секреты открываются! Интересно! — заметил Круглов.

Ободренный смехом, Николай Сергеевич сказал, что из бывших озорников вышли культурные, передовые люди, как их здесь называют — «будущие строители», «молодые коммунисты». Со временем они могут и до крупных дел дойти — «во всесоюзном, так сказать, масштабе». Он благодарил от лица всех родителей школу и учителей.

— Вы, дружки, не забывайте, кому обязаны. Позор тому, кто из памяти свою школу выпустит и все, что в ней приобрел. Смотрите у меня! — Эти слова он выговорил грозно и, подняв худую, жилистую руку, погрозил выпускникам. — Ну... желаю вам!.. Пусть все, что замыслите хорошего, исполнится. Не обижайтесь!

Николаю Сергеевичу долго хлопали. Тоня старалась из-за спин соседей увидеть отца, опять усевшегося рядом с Варварой Степановной, но в это время Надежда Георгиевна сказала:

— Сейчас, товарищи, мы начнем вручать аттестаты.

Снова настала тишина. Тоня крепко ухватила за Женину руку.

— В первую очередь будут вызываться окончившие школу с почетной наградой — золотой медалью, — отдельно произнесла Сабурова. — Попросим сюда Нину Дубинскую.

Сабурова пожала руку Дубинской и что-то сказала ей, но слова утонули в гуле приветствий. Держа обеими руками аттестат и коробочку с медалью, Нина спустилась в зал. Навстречу ей метнулись взволнованные родители. Докторша, не стесняясь, всхлипывала и повторяла:

— Ниночка! Голубчик! Медалистка!

— Кулагина Антонина!

Тоне показалось, что она очень долго шла, пока достигла лесенки, ведущей на сцену. Она с таким смятением взглянула на Сабурову, что Надежда Георгиевна улыбнулась. Приветственные слова не дошли до сознания Тони. В мозгу осталось только начало фразы: «С законной гордостью...» Она повторяла ее про себя, возвращаясь и чувствуя в руке, вдруг похолодевшей, теплоту прикосновения мягкой руки Сабуровой. На лестнице Тоня наступила на подол своего длинного платья и чуть не упала, но в ту же минуту ожидавший дочь Николай Сергеевич поддержал ее и бережно свел вниз.

— Ну, спасибо, дочка... Спасибо, Антонина Николаевна! — повторял он растроганно. — Утешила!.. Пойди к матери-то, покажи ей...

Твердые светлые глаза Варвары Степановны были влажны, когда она крепко поцеловала Тоню. Но мать сейчас же справилась с волнением и шепнула:

— Иди, Тоня, на место. А ты не мельтешишь, Николаи Сергеевич, не

мешай людям.

Но успокоить отца было невозможно. Он весь сиял, неудержимая улыбка расплывалась по его лицу. Завладев аттестатом и медалью, Николай Сергеевич то разглядывал их сам, то показывал соседям и все время возбужденно шептал что-то на ухо жене.

Золотые медали, кроме Тони и Нины, получили Илларион Рогальский и Толя Соколов, а серебряные — Лиза, Петя Таштыпаев и Ваня Пасынков.

Надежда Георгиевна стала вручать аттестаты.

Громадный, неуклюжий Николай Белов, выйдя на сцену, переступил с ноги на ногу, широко улыбнулся, ни слова не говоря, сгреб в свои медвежьи объятия Сабурову и расцеловал в обе щеки. Этот поступок Коли был встречен сочувственным смехом зала и президиума, а Надежда Георгиевна стала держаться в некотором отдалении от вызываемых выпускников, опасаясь, чтобы еще кто-нибудь не вдохновился примером Белова.

Передавая аттестат Мохову, она ласково сказала ему:

— Поздравляю, Андрюша! Держи свою путевку в жизнь.

Андрей необыкновенно громко, как он всегда говорил в решительные минуты, пробасил:

— Держу, Надежда Георгиевна, не выпущу!

Товарищи Мохова хохотали, а мачеха его, взволнованная до красных пятен на лице, всплеснула руками:

— И тут начудил, чортушко нескладное!

Ответную речь от выпускников держал Илларион. Он снял очки и вертел их в руках. Разгоревшееся лицо его казалось совсем мальчишеским, а близорукие глаза щурились растерянно и мило.

— Мы знаем, — говорил Ила, — сколько времени и труда отдали нам наши воспитатели, знаем, что ради нас они забывали свою личную жизнь. Всем, всем спасибо, всему коллективу преподавателей. Никогда мы не забудем Надежду Георгиевну. Около нее все становилось лучше, честнее, каждый задумывался над своими поступками, проверял их. Она дала нам огромное богатство: веру в себя, в жизнь, в наше будущее. Такие педагоги, как она, Петр Петрович, Александр Матвеевич — преданные члены партии, люди больших знаний, высоких моральных качеств, — были нашими руководителями не только в учебе, но и во всех вопросах, которые нас волновали.

Ила вспомнил всех преподавателей, помянул добрым словом учителей младших классов, потом близорукие глаза его отыскивали Новикову.

— Вот Татьяна Борисовна занималась с нами только полгода. Не сразу мы к ней привыкли. Были недоразумения. Но новый руководитель нашего

класса работал с душой. Подготовку к экзаменам она вела, словно боевое задание выполняла. — Илларион улыбнулся, а десятиклассники шумно захлопали в ладоши, и он, стараясь перекрыть аплодисменты, громко закончил: — Все мы старания Татьяны Борисовны оценили и приносим ей большую благодарность!

Новикова, медленно краснея и прижав руки к груди, не сводила глаз с Рогальского. Тоня, глядя на нее, тоже захлопала изо всех сил.

Торжественная часть вечера кончилась. Выпускники вскочили с мест, кинулись поздравлять друг друга, подбегали к сцене, кричали приветствия учителям.

А Тоня, пожимая со всех сторон тянувшиеся к ней руки, вдруг вспомнила, что сказала ей Надежда Георгиевна, будто только теперь услышала:

«С законной гордостью ты можешь принять этот аттестат и большую, почетную награду, которой удостоена. В течение десяти лет ты была украшением школы и ни разу не сбилась с пути, которым должен идти советский школьник, пионер и комсомолец. Иди и дальше так же прямо».

Глава девятнадцатая

Начался концерт. Нина Дубинская очень хорошо пела, Мохов читал речь о товариществе из «Тараса Бульбы», Петр Таштыпаев — отрывок из «Молодой гвардии», а Женя и трое мальчиков разыграли одноактную пьеску. Однако, как ни хорошо все это было, выпускники с нетерпением ожидали окончания концерта. Всем хотелось поскорее почувствовать себя свободными, двигаться, говорить, высказать родным, товарищам, учителям все, чем полно сердце.

И эта минута наступила. После концерта перешли в учительскую, где ждали накрытые столы.

— Ну и сервировка! — восторгались родители.

— Спасибо мамашам, их благодарить нужно, — заявила Лиза. — Всю красоту, что была в домах, сюда притащили.

«Красота» — фарфоровые и хрустальные салатницы, бокалы и вазы сияли на столах.

Секретаря обкома и Надежду Георгиевну усадили в почетные, очень неудобные кресла, принесенные из квартиры Дубинских. Сабурова покорно подчинилась, а гость сразу догадался, что сидеть будет неловко. Он мигом перешепнулся с Толей и Андреем, и ребята принесли ему простую белую табуретку-к ужасу докторши.

— Ну что это, молодые люди! — повторяла она трагическим шопотом. — Ведь позор, конфуз! Ах, боже мой! Василий Никитич! Кухонная мебель!

Секретарь успокоил ее, сказав, что во время ужина важно не на чем человек сидит, а чем его собираются кормить.

Зинаида Андреевна Соколова, чьи темные узкие глаза ярко блестели, поздравила Кулагиных.

— Дожили до денька, доктор! — сказал ей Николай Сергеевич.

— Да, да! Они счастливы, а уж мы, старое поколение, — вдвое.

— Протестую, мама! — крикнул Толя. — О каком старом поколении речь? Ты у меня совсем молоденькая!

— Ишь! засмеялась Варвара Степановна. — Приятно малому, что мать пригожая и молодая.

— Что вы, какая молодость!

— Самая настоящая! — серьезно сказал Николай Сергеевич. — Разве вы не чувствуете, сколько лет нам сегодня наши дети сбавили?

— За нашу дорогую школу! — провозгласил Рогальский.

— За школу! За Надежду Георгиевну!

К Сабуровой тянулись бокалы, руки. Далеко сидящие ученики бросали ей цветы. Она улыбалась, кланялась и, когда все выпили, чуть прикоснулась губами к своему бокалу.

— Что же не пьете? — спросил ее секретарь.

— Сердечница я, — тихо ответила Надежда Георгиевна, — никогда вина не пью. Ежегодно на выпусках огорчаются мои ученики.

Чудесный это был ужин! Все кушанья удались так, как могут удалиться самой искусной хозяйке один раз в жизни. Роскошные нельмы и хариусы, высовывая удивленные морды из белых и красных соусов, глазели на веселье и словно предлагали съесть еще кусочек. Пироги блестели и, казалось, все еще наливались смуглым румянцем, хотя давно уже были вынуты из печей. Салаты удивительной остроты и нежности таяли во рту. А вино оказалось необыкновенного разлива. Оно было вином дружбы и радости и заставляло людей находить друг в друге новые, раньше неизвестные прекрасные качества, желать исполнения самых заветных, самых смелых мечтаний.

Тоня оглядывала стол. Все веселы, счастливы и бесконечно нравятся ей. Татьяна Борисовна! Никогда она не была такой... Говорит и двигается свободно, живо, лицо светлое. Как старательно она хозяйничает, всех угощает! Доктор Дубинский заставляет ее сесть, а Петя наливает ей вина... Как хорошо что и она радуется сегодня!

У Жени в глазах словно по свечечке зажжено... Ровное, теплое сияние. Михаил Максимович разговаривает с директором прииска, а рука его лежит на плече у дочери. Видно, каждую минуту ему нужно чувствовать Женю возле себя.

А какой Петр Петрович сегодня ясный! Вот к нему подходит Мохов, они чокаются. Андрей что-то горячо объясняет. Лиза накладывает на тарелку Анны Прохоровны всякой снеди, сама же смотрит на Андрея и не замечает, что на тарелке вырастает целая гора. Анна Прохоровна пугается:

— Побойся бога, безумная! Что я, крокодил или кто?

Мухамет-Нур объясняет ребятам, как он хотел бы, чтоб его братишка Митхат когда-нибудь стал похож на таких юношей, как Ила Рогальский или Толя Соколов.

— Правильно, Мухамет, — говорит Лиза. — И я хочу, чтобы наш Степа был таким, как они.

Она любовно смотрит на товарищей, а Мухамет, покрутив с сомнением головой, вежливо отвечает:

— Было бы хорошо, только... этот Степа, пожалуй, не сможет...

Тоня вдруг засмеялась, закинула назад голову и затрясла ею.

— Ты что? Что? — спросил, перегнувшись к ней через стол, Толя Соколов.

— Рада! — ответила она горячим шопотом. — Рада я, понимаешь?

Глаза Анатолия светились живым пониманием.

Она протянула ему бокал:

— Я тебя еще не поздравила. Ну... Желаю счастья!

— А я тебе... Большого-большого...

Они выпили, глядя в глаза друг другу.

Андрей Мохов пожелал произнести тост. Он долго молча смотрел на свой бокал, потом несколько раз повторил:

— Итак, товарищи...

— Ну, что же ты, Андрейчик? Смелее! — кричали ему.

— Нет, не могу! — решительно заявил Андрей. — Хотел сказать много, а на устах только одно: за Надежду Георгиевну!

Тост имел шумный успех. Торжественное «на устах» всем очень понравилось.

Удивил товарищей Ваня Пасынков. Он прочитал стихи, посвященные Сабуровой и совсем складные. Кончались они перефразированными Некрасовскими словами:

Со всеми братски ты делилась Богатством сердца своего.

С последним тостом Надежды Георгиевны за молодежь все встали из — за стола, и выпускники устремились к Сабуровой. Лиза, повиснув у нее на шее, кричала:

— Мне всю жизнь, с первого класса, хотелось вас поцеловать, Надежда Георгиевна! Теперь я не школьница, я имею право. Почему Кольке Белову можно, а мне нельзя?

— Как с первого класса? — смеясь, возражала Сабурова. — Ты у меня тогда ведь не училась.

— Все равно! Я предчувствовала, что у меня будет такая учительница, как вы, и мечтала ее поцеловать!

Другие девушки с неодобрением поглядывали на Моргунову, но едва она отпустила Сабурову, начали проделывать то же самое, пока Татьяна Борисовна, решительно расставив руки не загородила директора школы:

— Товарищи, довольно! Дайте Надежде Георгиевне покой!

Перешли в зал. Из распахнутых окон тянуло теплой свежестью ночи. Под руками учительницы пения звенело старенькое школьное пианино. Тоне опять, как во время торжественного заседания и ужина, показалось, что наступает самый прекрасный час вечера.

«Павлик... И ты бы радовался сегодня, как я!» — подумалось ей.

Захотелось побыть одной, помечтать о том, что делал бы и говорил сегодня Павлик, но ребята вдруг зашумели, и музыка смолкла. Тоня увидела коренастого человека с глянцевиточерными волосами и множеством орденских ленточек на груди. Окруженный молодежью, он входил в зал.

— Секретарь райкома комсомола! Товарищ Кычаков приехал! — крикнула Тоня так громко, что все обернулись к ней, а Кычаков засмеялся.

Илларион, совсем забыв свою обычную сдержанность бросился к приехавшему:

— Что же так поздно, товарищ Кычаков?

— В Шабраковской школе был. У них тоже нынче выпускной вечер. Ну, ребята, поздравляю вас! Знакомьте с вашими медалистами!

— Кулагина, Дубинская, сюда! А Лиза где? А Соколов?

Кычаков, пожимая медалистам руки, весело, чуть прищурясь, глядел на ребят.

— Золото из рук выпускаем, а? — сказал он словно про себя. — Ну-ну! Летите, товарищи, на большие просторы! А теперь расскажите, какие планы у вас.

Он расспрашивал, кто куда едет учиться, как проходили экзамены.

— Что отец пишет? — обратился Кычаков к Соколову. — Не скоро еще встретитесь? Значит, сына увидит уже студентом! Телеграмму-то отправил ему? Завтра пошлешь? Надо, надо скорее человека порадовать. Нелегко ему вдали от родины, от семьи... А у тебя, Кулагина, как дела с культработой? Сейчас, конечно, затишье?

«Всех помнит, а видел давно», — подумала Тоня и сказала, что с началом подготовки к экзаменам школьники действительно не могли отдавать культработе много времени.

Илларион и Митя Бытотов хлопотали около Кычакова. Им непременно хотелось позвать его в учительскую и угостить ужином. Но он сказал, что ужинал в Шабраках, и попросил, чтобы на него не обращали внимания.

Он с интересом смотрел на танцы и вместе с ребятами смеялся над Лизой, которая резвилась, как пятиклассница. Она уверяла, что заставит Петра Петровича протанцевать с ней.

— Не верите? Вот глядите!

Лиза подбежала к завучу:

— Петр Петрович, вы никогда не танцуете на наших вечерах. Почему? Неужели не умеете?

— Да что же тут уметь? — ответил Петр Петрович, перегнувшись

через окно и выбивая трубку. — Просто как-то оно... несолидно, что ли...

— Сегодня можно! Нам очень хочется, чтобы вы потанцевали!

— Ну, значит, придется доставить вам это удовольствие. Окажите честь, Лизавета Панкратьевна.

— Ой, что это вы, Петр Петрович, так меня величаете? — воскликнула Лиза.

— А сама, поди, рада! Я ведь еще зимой в лесу слышал, как вы мечтали, что вас будут по имени-отчеству называть.

Петр Петрович довольно ловко попал в ритм танца и, сильно притопывая, пошел с Лизой по кругу.

Александр Матвеевич не знал устали, и огненная шевелюра его мелькала во всех концах зала.

Тоня, танцевавшая со всеми, кто ее приглашал, почувствовала, что ей становится душно, и незаметно для друзей выскользнула из школы. Она медленно прошлась по двору, закинув голову и всматриваясь в далекие голубоватые звезды. Потом залюбовалась ярко освещенными окнами школы. Отсюда, из темноты, было очень интересно слушать музыку и смех, ловить взглядом проплывающие по залу пары. Вот Мохов подходит к Лизе, а та смеется и отрицательно качает головой. Какой обескураженный вид у Андрея! Конечно, Лизка отказывается танцевать с ним, говорит, что он и так ей все ноги оттоптал! Надо пойти поплясать с Андрюшей.

Тоня подбежала к крыльцу и с разбегу остановилась. По обе стороны дверей стояли люди и горели красные огоньки папирос.

«Секретарь обкома и Кычаков, — подумала Тоня, — покурить вышли...»

Ей показалось, что будет очень неловко, если она пройдет между ними и нарушит какую-то тихую минуту. Лучше подождать. Сейчас они докурят и войдут в дом.

Тоня отошла подальше и села на бревно. Но звуки разговора ясно долетали до нее.

— Да, золото из рук выпускаем... — задумчиво повторил Кычаков свои давешние слова. — Как бы ребята пригодились...

— Глаза и зубы на выпускников разгораются! — засмеялся Круглов. — Понимаю тебя.

— Да ведь люди во как нужны! — тихо и взволнованно произнес Кычаков. — Планы у нас большие — «громадье», как Маяковский говорил, а народу, сами знаете, маловато. Таких ребят бы сразу в дело! Здоровые на подбор, сил, энергии хоть отбавляй. И способностями не обижены. Учился весь класс прекрасно.

Он помолчал и прибавил мечтательно:

— С такими горы своротить можно... Я вот сейчас часто в школах бываю и повсюду на окончивших с завистью смотрю. Ведь это целая армия!

— А до революции в нашей области тринадцать начальных школ было. И то учились только дети баев, чиновников и духовенства, — мягко вставил Василий Никитич.

— Были бы ребята нашими теперь вот, сейчас, — продолжал Кычаков. — Когда еще выучатся да назад приедут! И приедут-то не все.

— Да, — серьезно ответил Круглов, — с народом туго... Нелегко придется, Кычаков.

Они замолчали. Огоньки папирос разгорелись ярче.

— Ну, что делать! — послышался сильный голос Василия Никитича. — Молодежи нужно учиться, ты и сам хорошо понимаешь. А мы, брат, справимся, как бы трудно подчас ни было. Это тебе тоже понятно. Принимай пополнение из тех, кто останется, да смотри так устрой, чтобы они и здесь, работая, учиться могли. Пойдем-ка, я хочу с директором попрощаться — да домой. Завтра с утра областное совещание животноводов...

Они ушли в школу. Тоня медленно последовала за ними. Щеки ее горели. Она повторяла про себя нечаянно услышанный разговор. Ее товарищи и она сама — это сила, армия. О них говорят такие люди, как секретарь обкома партии и секретарь райкома комсомола. Уже сейчас, едва покинув школьные стены, бывшие десятиклассники могут стать нужными, необходимыми своему краю...

Эта мысль, впервые осознанная так ярко и четко, поразила Тоню. Ей хотелось сейчас же поделиться услышанным с товарищами, но она остановила себя. Разве кто-нибудь обронил ребятам хоть слово об этом? «Молодежь должна учиться», — вот что сказал Василий Никитич. Но они-то... Тоня и ее друзья, как они должны поступить?

«Нет, сейчас я ничего не решу... — думала она, сдвинув брови и глядя на веселье товарищей. — Завтра, потом...»

Она видела, как секретарь обкома искал глазами Сабурову, как весело Кычаков говорил с бывшими десятиклассниками, а в ушах ее все раздавались негромкие голоса и перед глазами горели красные огоньки, словно она все еще была в мягкой темноте двора, под голубоватыми звездами.

Тоню окружили друзья, и она еще раз оглянулась на Круглова, говорившего теперь с Надеждой Георгиевной.

Сабурова сидела возле сцены, где ей поставили кресло. Хотелось, чтобы о ней на время забыли. Так хорошо было смотреть на танцующую молодежь, потихоньку разбираясь в своих впечатлениях, подводя итоги. Но ее ни на минуту не оставляли одну. То и дело подбегали ученики, чтобы шепнуть ласковое и благодарное слово, узнать, не нужно ли ей чего-нибудь.

— Знаю, знаю, что вы меня любите, — повторяла Сабурова. — Идите, друзья, танцуйте, веселитесь.

Когда наконец она осталась одна, к ней подошел секретарь обкома:

— К вам не пробьешься — вы так окружены... Ну, довольны? — Он пристально посмотрел на нее и засмеялся: — Не совсем, правда? Вижу, что не совсем. Угадал? Ах вы, неугомонная душа!

— А ведь вы правы, — медленно заговорила Сабурова. — Как будто все хорошо... Молодежь чудесная, можно быть довольной, а какой-то червячок меня сосет. Кажется, будто отдала им не все, что могла, подчас дела хозяйственные, административные меня чересчур отвлекали... Словом, в чем-то я собою недовольна... Собою, не ими... Понимаете?

— Это хорошее недовольство, — ответил Круглов живо, — оно каждому настоящему работнику присуще. Может быть, в нем залог дальнейших успехов. Меня это ваше настроение радует, как все, что я вижу в школе. — Он поймал внимательный взгляд подошедшей Новиковой и обратился к ней: — Верно, товарищ Новикова? Хорошая школа! Полюбили вы ее?

— Так сильно полюбила, что сама себе удивляюсь, — просто и доверчиво отвечала Татьяна Борисовна.

— Чему же тут удивляться? Разве не естественно свою работу любить?

— Татьяна Борисовна ведь скоро покидает нас... — как бы вскользь заметила Сабурова. — Переводится в Москву.

— Вот как? — поднял брови секретарь. — А как же привязанность к школе?

— Куда я перевожусь? — звонко и совсем невежливо перебила его Новикова. — Как вам не стыдно, Надежда Георгиевна! После того, что я слышала сегодня от учеников? Даже не подумаю!

Глаза ее округлились от возмущения. Секретарь с улыбкой смотрел на нее:

— Но ведь хотели уезжать? Признайтесь.

— Думала иногда, что придется... Мне казалось — я провалилась, не умею преподавать...

— Это только казалось или было на самом деле?

— Казалось, казалось... — ответила Сабурова. — Будет преподавать

хорошо.

Александр Матвеевич пригласил Новикову танцевать, и она ушла.

— Хорошая девушка, — сказал Сабуровой секретарь. — Самолюбива только очень и мнительна... Ничего, это все обомнется. Но вы-то знали, что она не уедет?

Глаза Сабуровой смеялись.

— А вы хитрая... — сказал секретарь. — У-у, политик! Ну, ведите свою линию. Вы молодежь понимаете. И позвольте вас поблагодарить, — продолжал он серьезно, — за прекрасный вечер, за хороших ребят. Мне нужно уезжать, к сожалению. Будьте здоровы, Надежда Георгиевна!

Выпускники не заметили, как уехали их гости.

Часа в три ночи преподаватели и родители разошлись. Уходя, Надежда Георгиевна сказала, что школа в полном распоряжении ребят и они могут веселиться сколько им угодно.

Тоня тихо беседовала с подругами, когда к ней подошел Соколов:

— Будешь танцевать со мной?

— Буду. А ты что так запыхался?

— Маму провожал... Спешил обратно. Боялся, что вы уйдете.

«Что ты уйдешь...» — поняла Тоня и положила руку на его плечо.

Они были под рост друг другу и долго плавно кружились по залу. Глядя на серьезное, даже торжественное, как ей показалось, лицо Анатолия, Тоня тоже примолкла.

Когда она устала, Толя подвел ее к окну. Они стояли, глядя на тающие звезды, пока Тоня не подумала, что молчание длится уж очень долго.

— Ты что-то хочешь сказать? — спросила она.

— Знаешь, — ответил Анатолий, все так же строго глядя на нее, — сейчас, пока мы танцевали, я все тебе сказал... Все, о чем ты не хотела слышать... Ты поняла, да?

— Солнце всходит, ребята! Идемте встречать! — крикнула Лиза.

И Тоня, мигом стряхнув с себя овладевшее было ею мечтательное настроение, быстро подала руку Соколову и подбежала с ним к Жене:

— Идем, Женечка, встречать утро!

Все высыпали на крыльцо. Над тусклой землей теплилось и дышало еще сонное розоватое небо. Во всем была просветленная сосредоточенность утра, когда горы, деревья и вода ждут солнца.

Первый чистый луч пробился из-за гор, упал на поселок, заиграл в траве, покрытой матовым холодком росы, на крышах домов и стволах деревьев.

Он осветил побледневшие лица юношей и девушек, заглянул в их

немного запавшие от бессонной ночи глаза.

— Ребята, милые, хорошие... — в волнении говорила Тоня, умоляюще глядя на друзей, — я вижу, вы все устали. Только погодите еще, успеете отдохнуть. Ведь больше у нас никогда в жизни не будет такого утра! Может быть, никогда я не скажу вам того, что хочу сказать...

— А что ты хочешь сказать, Тосенька? — Глаза Жени обратились к Тоне.

— Говори, Кулагина! — закричали мальчики.

— Вот что. Я хочу спросить: вы чувствуете, какие мы счастливые? Очень счастливые, по-настоящему... Я это всегда, всегда знаю. Помнишь, Анатолий, я тебе еще зимой говорила?

— Помню, Тоня.

Не потому, что у нас чудесные преподаватели, школа, что мы ее кончили... То-есть не только потому... И не только потому, что все мы здоровы, молоды, дружны. Это нам дано в придачу. А вот просто знать, что мы — молодые люди нашей страны, нашего времени... Ведь это большая честь... Знать, что нас ждет работа, не тупая, бессмысленная, как у молодежи в буржуазных странах, а...

— ...живая, творческая работа, — подсказал очень серьезно Илларион.

— Так вот: я хочу, чтобы каждый, каждый из нас, кому потом когда-нибудь будет грустно или трудно, вспоминал эту минуту и знал, что мы все равно счастливые, что бы ни случилось с нами.

— Будем вспоминать и знать, — тихо сказал Соколов. — Ручаюсь за всех, как староста класса.

— Нет, пусть каждый поднимет руку и скажет: «Обещаю».

Они так и сделали.

Петр Петрович, умытый и бодрый, войдя в школьный двор, остановился, увидев взметнувшиеся кверху руки и услышав взволнованное обещание.

— Принимаете пополнение? — громко спросил завуч, зная, что сейчас любому из выпускников трудно будет заговорить о пустяках и непременно затянется неловкое молчание.

Действительно, обрадованные неожиданной выручкой, мальчики встретили его преувеличенно радостно:

— Петр Петрович! Ура!

— Как хорошо, что вы пришли!

— Вы уже отдохнули, Петр Петрович?

— Часочек, — ответил завуч. — Потом зашел ко мне Александр Матвеевич, и мы с ним отправились провести вас. А по дороге нагнали

Татьяну Борисовну. Вот они идут.

Александр Матвеевич, видно, только что выкупался. Он был свеж и весел, выглядел настоящим здоровяком и так понравился мальчикам, что они опять закричали «ура».

Татьяна Борисовна спросила, улыбаясь:

— Товарищи, у вас, наверно, можно напиться чаю? Такая рань... хозяйки спят еще... а пить очень хочется.

Мальчики побежали ставить самовар, и Александр Матвеевич с ними.

— Славный человек, — сказала Новикова, глядя, как физкультурник ловко перепрыгнул через скамейку. — Чем-то он очень привлекателен для молодежи.

— Красивый, веселый... — ответил Петр Петрович, медленно разжигая трубку. — Сила есть, бесстрашие, физическая привлекательность... Это ведь тоже на людей действует, помимо внутренних качеств. А у него и внутренние качества хороши.

Татьяна Борисовна вспомнила озабоченную доброту на лице Александра Матвеевича, когда весной он ожидал у школьных ворот первоклашек, чтобы перенести их через большую лужу. А как он работал зимой в лесу и в ледоход у канавы!.. Все получалось у него ловко и красиво.

Она посмотрела на Петра Петровича. Этот человек неловок и некрасив. Может быть, он немного завидует своему молодому товарищу...

— Пойдемте чай пить, Петр Петрович, — сказала она. — Хорошо с утра напиться чаю не в одиночестве, а в веселой, дружной компании. Весь день будет удачный.

— Хм!.. Вы так полагаете? — спросил Петр Петрович и послушно пошел за Новиковой.

Около шести часов мимо школы прошел голубой автобус из Шуги, уже выгрузивший пассажиров и отправлявшийся в обратный рейс. Милиционер Миша сменился с поста и, уходя спать, крикнул ребятам: «Привет, товарищи!» Закричали гудки, в шахту отправилась дневная смена. Несмотря на ранний час, было жарко, и Петр Петрович уверял, что соберется гроза.

Выпускники, перед тем как разойтись окончательно, играли во дворе в горелки. Горел Андрей Мохов. Подняв голову, он медленно, нарочито растягивая слова, выкрикивал:

Г ори, гори ясно,

Чтобы не погасло!

Г льянь-ка на небо — Птички летят,

Колоколь-чи-ки зве-нят!

Лиза и Илларион пронеслись мимо Мохова и перед самым его носом схватились за руки.

— Зеванул, брат! — заметил Коля Белов.

Следующую пару — Александра Матвеевича и Стешу Сухих — Андрею тоже не удалось разлучить. Стешу он почти настиг. Девушка заметалась около крыльца, не зная, в какую сторону податься, но Александр Матвеевич обежал большой круг и протянул ей руку в тот момент, когда она уже взвизгнула, считая себя пойманной.

Не успел Андрей в третий раз закончить свое заклинание, как Тоня и Петя, быстро поменявшись местами, выбежали далеко вперед. Андрей устремился за Тоней, но она бегала очень быстро. Мохов несколько раз протягивал руку, уверенный, что «запятнает» Тоню, однако девушка увертывалась. Гонясь за ней, Андрей почти наскочил на Петра, пролетел мимо, вернулся и, споткнувшись, растянулся на земле.

Пока он поднимался, хохочущая Тоня взбежала на крыльцо и оттуда протянула руку Пете.

Мохов поднялся с земли и погрозил Таштыпаеву кулаком. Тоня взглянула на него и снова захохотала: кончик носа у Андрея был выпачкан.

— Умру сейчас! — вопила Тоня, повалившись на перила. — Ребята, поглядите на Андрюшку! Чистый клоун!

Товарищи ее тоже смеялись, но вдруг она услышала серьезный и отрывистый голос Петра Петровича. Пять минут назад он говорил совсем иначе.

Тоня сбежала с крыльца. Выпускники окружили двух мальчишек: Степу Моргунова и Митхата.

— Ну, и что же? Что? Говори! — кричала Лиза, тряся Степу за плечи.

— Да пусти ты меня! Думает, если школу кончила, так можно измываться! — сердито сказал Степа, дернув плечом и высвобождаясь. — Ну, и мама сказала, чтобы ты шла домой.

— Вот наказание! Неумный парень! — горячилась Лиза. — Я тебя спрашиваю не что мама сказала, а где он, куда девался?

— А домой поехал. Шофер Андрон Трескин в Шабраки как раз уезжал и взял его в машину.

— Подожди... а ты не ошибся? — тревожно спросил Петр Петрович.

— Ну вот! — обиделся Степа. — Что я его, не помню, что ли? И мама узнала и Трескин.

— Про кого разговор? Кто это приехал? — спросила Тоня.

Лиза дико посмотрела на нее и крикнула:

— Товарищи! Тоня! Павлик Заварухин вернулся!

— Павлик!..

Тоня с силой втянула в себя воздух, подняла руки к голове. Она стояла, ничего не понимая, глаза ее на мгновение закрылись, потом нежная изумленная улыбка озарила ее лицо.

— Разве я не знала? Я всегда знала, что так будет... — сказала она тихо, ни к кому не обращаясь, и, медленно повернувшись, пошла прочь со школьного двора.

— Куда? Куда же ты, Тоня? — кричали ей вслед.

Но она, не оглядываясь, уходила от друзей, и шаги ее все ускорялись.

А выпускников охватило шумное волнение.

— Пашка Заварухин! Вот это да! — кричал Мохов. — Цел, значит! До чего здорово, ребята!

Он крутил головой, щурил глаза, хлопал себя по коленкам и не знал, что делать от внезапно пришедшей радости.

— Эх, что бы ему вчера приехать! — сокрушалась Лиза. — Почему он сразу в школу не пришел?

— А почему он знал, что мы все здесь? — резонно возразил Петя.

— Ну, расскажи толком, как было дело, — попросил Илларион Степа.

Степа объяснил, что собрался с Митхатом на рыбалку и потому встал рано. Мама тоже поднялась и пошла в школу за посудой, так как в доме не осталось ни одной чашки. По дороге они увидели подошедший к станции автобус и выходящих пассажиров. Степа услышал, как мать охнула и тихо спросила: «Никак, Паша?» А он ответил: «Это вы, Анна Прохоровна? Вот домой пробираюсь...» И тут подошел шофер Трескин, он сразу с ним договорился и уехал.

— Ничего не спросил? Про нас, про школу не спрашивал?

— Не... Он...

— Но Тоня-то куда убежала? — негодовала Лиза. — Повернулась и ушла. Что за чудеса!

— Тоня, я думаю, ушла в Белый Лог, — сказал Петр Петрович.

— За четыре километра ушла вот так сразу, слова не сказав?

— Конечно, Тося туда пошла! — воскликнула Женя. — Как я сразу не сообразила. Наверно, ей хотелось, чтобы Павлик ее первую увидел.

— Он видеть не может, — с огорчением сказал Степа. — Я разве не говорил, что он слепой?

— Ох! — вырвалось у Лизы.

Она с размаху села на траву и закрыла лицо руками. Мальчики оторопело молчали.

— Ну да, — повторял Степа. — Мама тоже сказала «ох», как ты... Она там, на углу, с теткой Матреной Филимоновой стоит, а мы сюда побежали.

— Вот что, ребята! — крикнул Мохов. — Идемте сейчас все к Паше, а? Илка, как ты считаешь?

— Не знаю... Может быть, там тяжелая семейная встреча? Мать плачет...

— Вот и надо пойти! — решительно вмешалась Женя. — Мы настроение разрядим. Ты пойдешь? — спросила она Соколова.

Анатолий был очень бледен. Брови его туго сошлись, и губы сжались.

«Павел вернулся! Вернулся именно сегодня, когда Тоня так ласково говорила со мной!.. Когда она... нет, нет, я не ошибаюсь... взволнованно прислушивалась к моим невысказанным словам...»

Но мысль о несчастье товарища сейчас же отрезвила его.

— Да, Женя, мы все пойдем, — сказал он.

— Ступайте, — решил Петр Петрович. — Я сообщу Надежде Георгиевне.

— А как же тут? Убрать все надо, привести в порядок... — разбитым голосом спрашивала Лиза, поднимаясь с земли и вытирая глаза.

— Здесь я за всем присмотрю, — заявила Татьяна Борисовна.

— Н-да! — Петр Петрович зашагал к воротам.

Когда притихшие выпускники вышли из поселка, раздался трескучий раскат грома. Он перешел в долго не смолкающий гул, словно раскололась одна из ближайших гор и камни, тяжело ворочаясь и сшибаясь, покатались в лог. Поднялся ветер.

— Сейчас польет, — сказал Андрей, глянув в небо. — Давайте скорее, ребята.

— Где же Антонина? — беспокоилась Лиза. — Почему ее не видно? Как провалилась!

— Вон она! Вон на гору всходит! — крикнул Толя.

Друзья увидели далеко впереди Тоню. Она только что вынырнула из низины и почти бегом поднималась на холм.

Снова загремело, и теплые крупные капли упали на землю. Туча догоняла выпускников со стороны поселка. Впереди солнце еще боролось с облачной заволокой, и в лучах его ослепительно вспыхивало золотое, раздувавшееся под ветром платье Тони. То оно мелькало среди кустов, то возникало на открытом месте, и в странном желтоватом свете предгрозя одинокая фигура девушки казалась летящей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

Тоня вбежала в дом Заварухиных не постучавшись.

Всю дорогу только одна мысль владела ею: сейчас она увидит Павлика, Павлика, Павлика...

И она увидела его, как только распахнулась дверь. Он сидел за столом, даже не особенно изменившийся. Павлик с упавшей на глаза русой мягкой прядью... Павлик в чистой полинялой гимнастерке... Он обернулся на скрип двери и спросил:

— А это кто пожаловал?

— Павлик, я... Павлик, живой?.. Это я, я... — повторяла Тоня, чуть не падая от сразу охватившей ее слабости.

Едва переводя дыхание, она остановилась на пороге, схватившись за дверные косяки, точно решила не выпускать Павла из дому, если он вдруг вздумает уйти. С мокрых волос ее капала вода.

Павел поднялся.

— Тоня... — сказал он будто про себя. Так люди говорят о беде, которую давно предугадывали: вот оно, началось, пришло. Еще не окончательно поверив, что перед ней действительно Павел, но уже смутно чувствуя во встрече что-то неладное, Тоня попрежнему бормотала:

— Павлик... Живой... Вернулся... А я... А мы...

«Что же он не подходит ко мне?» — с недоумением подумала она.

Павел продолжал стоять навытяжку, а к Тоне подошла тетя Даша, видимо не перестававшая плакать с минуты встречи с сыном.

— Вернулся, Тонюшка!.. Вернулся! Ты подумай... Не опомнюсь, право... В разум не приду... Ты проходи, садись, милая...

В то же время она локтем подталкивала Тоню, показывала на свои глаза и кивала головой. Тоне стало страшно.

— Что? Что с вами, тетя Даша? — громко спросила она.

— Нет, нет, ничего, что ты!.. — испуганно зашептала Дарья Ивановна.

— Предупреждаешь, мама? — сухо рассмеялся Павел. — Да ты не церемонься. Я ведь не вижу, Тоня, — сказал он и сильно покраснел. — А между прочим, здравствуй. Давай руку! — Он крепко стиснул руку девушки. — Садись.

Павел придвинул табурет. Растерянная Тоня села.

— Как ты говоришь? Не видишь? — переспросила она в смятении. — И меня не видишь?

Смысл слов Павла еще не совсем дошел до нее. Она поняла только, что, не успев пережить радость, не привыкнув к ней, надо переключаться на другое, непонятное и пугающее.

— Нет, неужели ты меня не видишь? — повторила Тоня.

— К сожалению, и тебя, — снова усмехнулся Павел, отвечая на первый ее вопрос. — Вижу самую малость. Вот свет из окна, этаким четырехугольником, — он обвел пальцем в воздухе контуры окна, — людские фигуры очень смутно... Только ты за меня не огорчайся. Я уже привык.

То, что Тоня услышала, объясняло и странное поведение Павла и незнакомый смешок его, но точные, быстрые движения юноши не вязались с понятием о слепоте. Тоня напряженно вглядывалась в лицо Павла.

— И ничего нельзя сделать? — спрашивала она. — Ничего? Почему ты... Почему так получилось?

— От контузии, — коротко ответил Павел. — А сделать ничего нельзя. Всё перепробовали.

— Не может быть! — твердо ответила Тоня.

Она уже овладела собой и сидела неестественно выпрямившись, глядя не на Павла, а куда-то в сторону. Алеша подошел к ней и дернул за рукав. Он держал какую-то игрушку, видимо привезенную братом, и хотел похвастаться. Но эта догадка пришла к Тоне лишь после того, как малыш, встретив ее отчужденный взгляд, отошел.

— Батюшки! Дождь поливает, а сюда цельная бригада валит с прииска! — всплеснула руками тетя Даша. — Уж не к нам ли? Так и есть... Андрюха Мохов, Лариоша... Все твои товарищи, Павлушенька. Куда сажать-то их?

Она засуетилась, то придвигая к столу табуретки, то собирая посуду, и внезапно села, сказав:

— Ничего что-то не соображу. Ноги не держат... Ослабла.

— А ты посиди, отдохни, — спокойно ответил Павлик. — Свои люди идут, не стесняйся. Алеша, поди-ка сюда.

Он посадил брата на колени, словно хотел прикрыться им от дружеских объятий и расспросов. Алеша сейчас же вцепился в орден Красной Звезды, горевший на гимнастерке.

— Паша, друг! Где он, разбойник? Пашка, герой, здравствуй!

Ребята ввалились все сразу, мокрые, возбужденные. Лицо Павла дрогнуло, когда он услышал радостный гул добрых слов, девичьих восклицаний. Он быстро спустил Алешу на пол и встал.

Его окружили, обнимали, хлопали по плечам и спине, каждый тянул к

себе, каждый восхищался орденом и тем, что Павел почти не переменился.

Когда наконец все немного успокоились и кое-как расселись на лавках, подоконниках и прямо на полу, Тоня увидела широкую и ясную улыбку Павла.

Тетя Даша попробовала жестами объяснить, что случилось с Павлом, но ребята замахали руками, и Тоня поняла: товарищи всё уже знают.

После первого порыва радости наступила неловкость. Гости старательно рассказывали о всех переменах в школе и на прииске, жалели, что Заварухин не приехал вчера и не был на выпускном вечере. Все пытались говорить беззаботно и весело, и в этом было что-то неестественное. Только Андрей Мохов неуклюже и простосердечно хотел заставить Павла разговориться:

— Ты все-таки объясни про себя... Как воевал...

— Воевал как все, — коротко отвечал Павлик. — Успеет еще, потом...

Он слушал товарищей внимательно, иногда сам задавал вопросы, но все понимали: то, что для них — живая, трепетная жизнь, для Павла — воспоминание.

Узнав об успехах Маврина, Павел оживился:

— А!.. Не подвел, значит, Санька, выровнялся.

Когда ему рассказали о медалистах, он попросил повторить их имена:

— Так кто и кто, говорите? Илларион и Тоня золотую получили? Ух ты!.. Ну, примите поздравления. И Толя Соколов? Он здесь, Анатолий?

— А как же, — отозвался Соколов.

— Ну, поздравляю! Молодец! А Лиза серебряную? Скажите, Лизавета-то! Что же тебя не слышно, Моргунова?

— Всю ночь трещала. Дай немножко и помолчать, — бойко ответила Лиза, а сама, закусив губу, отвернулась.

— Ну, а Женя Каганова где? — спросил Павел.

— Я здесь, Пашенька.

Женя подошла к Павлу, остановилась за его стулом и положила свои легкие руки на плечи другу.

— О! Рука, как была, тоненькая, — засмеялся Павел. — Ты, знать, так и осталась камышинкой?

— Ну, что ты, Паша!.. Я знаешь какая крупная теперь стала...

— Да уж крупна! Что говорить! Богатырь! — подхватили ребята.

Тетя Даша то внимательно слушала, то опускала голову, борясь с подступающими слезами. Андрей часто взглядывал на нее и, не вытерпев, спросил:

— Пашка, а честно говоря, неужели ты раньше сообщить не мог?

Чтобы мать-то успокоить...

Павел потемнел:

— Ошибка вышла, Андрюша. Не хотел, чтобы чужой рукой написанное к ней пришло... Все думал, лучше станет — сам напишу. Да ведь я долго и без языка был после контузии.

— Ивановна! Дарья! — послышался с улицы старческий голос.

— Дедушка Ион! Дед Ион пришел! — закричал Алеша. — Павлик, слышишь? Это Ион! — теребил он брата.

— Слышу, слышу, — с усилием сказал Павел. — Помолчи, Алеша.

Дождь перестал, но на Ионе не было сухой нитки. Оставляя на полу широкие мокрые следы, старик подошел к Павлу, подержал его руки в своих руках, потрогал орден, волосы юноши, ощупал его со всех сторон, точно сам ничего не видел, но все хорошо знали, что маленькие мигающие глаза Иона видят зорко и верно.

— Паулык, а? — сказал Ион, отступая на шаг. — Ты сам, да? Долго, однако, тебя не было, Паулык. Будь здоров!

Он низко поклонился Павлу, затем Дарье Ивановне и ребятам, сел на пол в углу, вынул трубочку. Морщинистые руки его на этот раз очень долго насыпали в трубку табак.

Ребята примолкли, ожидая, что скажет Ион, но старик не начинал разговора. Это было не в его правилах.

— Где был, дедушка Ион? Что так промок? — спросила наконец Тоня.

Ион поднял голову.

— Пришел из лесу, мокрый весь. Хотел одёжу сушить, а старуха говорит: «Паулык приехал»... Все бросил, сюда побежал. Друга встретить — самое большое дело, однако!

— А что в тайге, Ион? — тихо спросил Павел.

— В тайге? — оживился старик. — Вот пойдем с тобой скоро...

Он вспомнил, что Павел ничего не увидит в тайге, и, вероятно, досадуя на себя, сильно затянулся табаком.

Тоня взглянула на Павла и ужаснулась страстной напряженности его лица. Должно быть, в воображении он уже бродил с Ионом по тайге, вдыхал ее запахи. Но Заварухин быстро справился с собой и спросил:

— Охота как?

— Заготовку пушнины я в прошлом году на сто шестьдесят процентов выполнил, — ответил Ион. — Слышь, Паулык? Пятнадцать лисиц и девять волков... А белка, однако, без счету ко мне шла.

— Значит, охотничья артель хорошо работает?

— Работаем ничего, — важно отозвался Ион, — по области третье

место. Я теперь знатный охотник называюсь... А дождик-то сильный прошел... Это радость большая, верно, Дарья?

— Да, дождик в самый раз.

Снова наступило долгое молчание, пока тетя Даша не вскрикнула:

— Директорша школьная идет! Товарищ Сабурова!

...Надежда Георгиевна с нежностью обняла Павла:

— Вернулся, милый! Сколько же горя ты принес матери и друзьям...

Но ты дома — и это самое главное.

Бывшие школьники облегченно вздохнули при появлении Сабуровой. Девушки переглянулись, и в их повеселевших глазах старая учительница прочла:

«Ну, Надежда Георгиевна здесь — теперь все будет хорошо!»

«Молоды, молоды... — подумала Сабурова. — С горем близко не сталкивались. Не знают, как держать себя с товарищем, у которого несчастье».

Ион собрался домой, обещав прийти вечером. После его ухода разговор стал общим.

— Вот словно и не уезжал никуда Паша, — сказал Таштыпаев. — Опять мы все вместе. Кажется, что Надежда Георгиевна сейчас начнет урок.

— Правда, Петя, — улыбнулась Сабурова. — Я так и жду, что ты мне сейчас скажешь, будто Пушкина звали Александр Степанович. Помнишь, был с тобой такой случай в восьмом классе?

— Это я тогда о Попове Александре Степановича под партой книжку читал и про него думал.

Старая учительница говорила весело и спокойно, словно не была взволнована встречей. Ей хотелось узнать, что случилось с ее учеником, открытым, простосердечным юношей. Когда она пришла, он просиял радостью, а теперь выглядит замкнутым и суховатым. Видно, для него, отгороженного от людей неверной, ненужной гордостью, это состояние стало привычным.

Умышленно ни о чем не расспрашивая, вспоминая различные школьные истории и стараясь втянуть в разговор Павла, Сабурова незаметно наблюдала за ним и его друзьями. Несомненно, каждому хочется одного: подойти к Павлу, взять его за руку и сказать: «Не горюй, Павлуша! Тяжело тебе, все понимаем. Но жизнь твоя, друг, не кончена». А он боится таких утешений...

Павел рассеянно слушал все, что говорилось вокруг него, а по временам оборачивался к сидевшей рядом Сабуровой, словно желая и не

решаясь что-то сказать. Наконец он негромко вымолвил:

— Вы не уходите со всеми, Надежда Георгиевна. Когда еще повстречаемся... А я поговорить с вами хочу.

— Хорошо, Павлуша, — ответила старая учительница.

Тоня и Лиза, слышавшие эти слова, посмотрели друг на друга, и Лиза поднялась:

— Товарищи, а не пора ли по домам? Павлику покой дадим...

Ребята начали прощаться.

— Тетя Даша, я вечером опять приду, — сказала Тоня.

— Зачем? — вмешался Павел, не давая матери ответить. — Вы ведь устали... и к празднику готовились, и плясали всю ночь, и сюда бежали... Отдохни как следует.

— Ты что думаешь, я, как сурок, трое суток спать теперь буду? — пошутила Тоня и вышла за дверь с тяжелым сердцем.

На улице она, не глядя на товарищей, сказала, что хочет заглянуть на минутку к старой Ионихе, и быстро вошла в соседний двор.

Выпускники, почти не разговаривая между собой, побрели домой. Каждому казалось, что разобраться во всем случившемся со вчерашнего вечера можно только после хорошего отдыха. И в то же время нужно было немедленно что-то обдумать, понять, решить...

А Тоня, убедившись, что друзья не собираются задерживать ее и звать с собой, прошла через двор Иона и, обойдя деревню по задворкам, зашагала к прииску кружной лесной дорогой. Ей хотелось остаться одной.

Все произошло так внезапно... По-разному окрашенные чувства легли одно на другое, и не понять, какое из них сильнее. Огромная радость, жалость, обида... что от себя самой таиться — жгучая обида! Не так встретил ее друг, как должен был.

— Так ждать! Так... — вслух выговорила Тоня и закончила про себя: «А услышать: «Иди отдохни...»

А может, Павел искренне хотел, чтобы она отдохнула? Он всегда был заботливым и внимательным. Нет, не сейчас, сразу же после такой долгой — как думалось, вечной разлуки, должен был он проявить эту заботливость!

Как обрадовалась бы она, если бы Павел сказал: «Знаю, что ты устала, Тоня, но пожертвуй отдыхом для меня. Приходи. Я хочу побыть с тобою».

«Все это от внезапности, от встречи на людях, — утешала себя Тоня, пробираясь по узкой лесной тропе. Непривычно длинное платье мешало ей идти, и она досадливо подобрала его. — Он столько пережил, испытал... Да и отвык. Наверно, мы кажемся ему детьми, ничего не понимающими в

жизни. Все это может наладиться, измениться... Нет, — решала она через минуту, — забыл он нашу дружбу, не нашел для меня ни одного приветливого слова, обидел...»

Спокойная влажная теплынь леса окутывала Тоню. Она не заметила, как сошла с тропки и ступала по упругим подушкам мхов. Раза два споткнувшись на ровном месте, она поняла, что смертельно устала и бредет через силу. Начал опять накрапывать дождь.

Тоня смутно припомнила, что на опушке, совсем близко от поселка, должен быть шалашик, и заспешила.

Шалаш действительно скоро показался, и она укрылась в нем. Здесь было сухо. Плотный настил еловых ветвей на крыше не дал дождю смочить ворох прошлогоднего сена, принесенного пастухом или игравшими здесь ребятишками.

Тоня с наслаждением растянулась на сене, подложив ладонь под щеку. С минуту она прислушивалась к осторожному шушуканью дождя. Потом перед ней проплыли кудри Лизы, танцующей с Петром Петровичем, тепло прозвучал голос Сабуровой: «Ты всегда была украшением школы», загорелись огни... И вдруг поток звуков оглушил ее, множество лиц замелькало перед закрытыми глазами, а лицо Павла, надменное и чужое придвинулось совсем близко. Тоня уснула.

Сраженная усталостью, она спала, и все ее радости и обиды, только что громко кричавшие о себе, отступили, чтобы она могла набраться сил и решить, на чьей стороне будет перевес, что станет главным.

Наскоро пошептавшись с травой и кустами, дождик стал умолкать. Неуверенная болтовня его становилась все глуше и глуше и наконец оборвалась. Острый солнечный луч скользнул по иглам лиственницы, пробрался ко входу в шалаш и заиграл на краешке золотистого платья. А на лоб Тоне упала большая холодная капля, долго набухавшая над ее головой, и разбудила девушку.

Тоня спала не больше часа. Тело ее еще жалобно просило отдыха. Непонимающими глазами, плохо сознавая, где находится, она глядела в просвет шалаша. Прямо перед ней покачивался на высокой ножке крупный, наполненный чудесным лиловым свечением колокольчик с четко вырезанными лепестками. Дивясь его прелести, она силилась понять, наяву или во сне видит цветок.

Внезапно волна живой радости хлынула к ее сердцу. Тоня вспомнила все. Она заторопилась, пригладила волосы и вышла из шалаша. Великие перемены произошли в лесу, пока она спала. Воздух был прозрачен и пахуч. Желтые сосновые стволы, казалось, дрожали в ясном свете,

замолкшие перед дождем птицы вольно перекликались.

«Ты Федю видел? — озабоченно спрашивала скрытая в кустах птица и отвечала сама себе: — Видел, видел».

Тоня знала, что это посвист чечевичника, или, как его еще зовут, черемушника. Она присмотрелась, не виднеется ли сквозь ветви его темнорозовая грудка. Но черемушник хорошо спрятался.

— Почему Федю? — сказала тихонько Тоня невидимому вопрошателю. — Откуда ребята взяли, что ты спрашиваешь про Федю? Ты ведь о Паше говоришь, правда?

«Видел, видел», — ответил черемушник, и твердая уверенность была в его слабеньком голосе.

— Вот умница, милый!.. Я тоже видела его!

Чистенькие ромашки, собравшиеся табунком возле шалаша, доверчиво и просто смотрели на Тоню. Они поняли всё из разговора с черемушником и ждали, что будет дальше.

Тоня провела рукой по их головкам. Ликованье переполняло ее. Павел не знает, как держать себя с ней и с товарищами. Он уязвлен своим несчастьем. Вот откуда равнодушие тона и кривая усмешка. Глупый!.. Разве его слепота может помешать их дружбе, их давней, идущей из истоков детства привязанности! Просто она слишком долго, со страшным упорством ждала встречи, тысячу раз представляла ее себе... А действительность не совпала с этой придуманной картиной. Нет, все свои обиды надо откинуть, думать только о том, как помочь Павлу. Ведь он жив, он приехал, а это такое счастье!

«Жив! Жив!» — подтвердили птицы.

К Тониным глазам подступали слезы, не пролившиеся ни когда она услышала о приезде Павла, ни при встрече с ним. Они искали выхода, пробивались наружу.

Тоня, почти никогда не плакавшая, теперь с недоумением и испугом огляделась вокруг, точно прося помощи. Но птицы, деревья, ромашки не вмешивались ни во что. Они готовы были разделить с одинаковым радушием и смех и слезы...

— Что же это?.. — слабо прошептала Тоня.

Она прерывисто вздохнула — в последней надежде успокоиться, но слезы уже хлынули, и она уступила им, привалившись к нагретому стволу, на котором плавилась стеклянные капли смолы. Она плакала навзрыд, рыдания разрывали ей грудь; она захлебывалась в их потоке, чувствуя в то же время, что освобождается от непомерной, давящей тяжести.

— Тоня! Тоня Кулагина! Что вы?

Кто-то подошел к ней, чьи-то руки пытались оторвать ее лицо от мокрых ладоней.

Тоня энергично затрясла головой, судорожно всхлипнула и из-под руки покосилась на Татьяну Борисовну, смотревшую на нее встревоженно и строго.

— Тоня, послушайте! Да слушайте же меня! — повторяла Новикова. — Я знаю... Мне говорили про вашу дружбу с этим юношей... Павлом. Слушайте, Тоня... Вам тяжело, я понимаю. Но, честное слово, это ничто перед тем, что он возвратился. Не надо так оплакивать его. Голова у парня целая... руки... он найдет занятие. Школа, все мы придумаем что-нибудь. Зачем вы его заранее хороните? Ведь он мог бы совсем не вернуться, никогда. Не было бы человека, поймите!

Тоня подняла голову, и Новикова увидела измученные, но светящиеся счастьем глаза.

— Вы поняли, да? — смущенно спросила учительница — Вы согласны со мной?

— Да, да... Я только от радости, Татьяна Борисовна, — всхлипнула Тоня. — Не знаю, что со мной стало... Напрасно вы подумали...

— Вот оно что! — с облегчением сказала Новикова. — Как хорошо, Тоня, что я ошиблась! Знаете, у меня самой сегодня день особенный. Спать совсем не могла... Ушла сюда в лесок бродила и вдруг слышу — кто-то плачет. Увидела вас, и так мне грустно за этого парнишку стало!

— Нет-нет, я не считаю, что его жизнь кончена, Татьяна Борисовна!.. И никто из ребят...

— Понимаю. А я уже хотела вас как следует отчитать. Ну что же... пойдете?

— Пойдемте, — ответила Тоня, приглаживая липкую от сосновой смолы прядь волос и еще раз оглядывая приютившую ее полянку, где так полно и сильно раскрылось сердце.

Они направились к поселку.

— А вы не обиделись на меня? — спросила Новикова.

— Нет, что вы! Я вашим словам рада.

— Рады? Почему?

Тоня подумала и решительно сказала:

— Потому что вы говорили как свой человек. А раньше... вы тоже не обижайтесь... чужое в вас было.

Татьяна Борисовна вспыхнула и робко посмотрела на свою недавнюю ученицу.

Они шли молча, как часто ходят сестры, которым все друг в друге

понятно и ясно.

Такими и увидела их Сабурова, возвращавшаяся из Белого Лога. Она удивилась, что Тоня и Новикова идут вместе и, кажется, из лесу, но мысли ее сейчас же вернулись к тяжелому разговору с Заварухиным.

Надежда Георгиевна всегда ходила медленно, а сегодня не близкий путь из Белого Лога до прииска показался ей особенно долгим. Всю дорогу она проверяла, все ли, что нужно, сказала своему ученику.

Когда молодежь ушла из заварухинского дома, Павел спросил Дарью Ивановну:

— Мама, ты что делать будешь? Тебе идти никуда не нужно?

— Ой, надо, Павлушенька!.. Хотя ненадолго, а надо сходить на ферму.

Ну, и иди спокойно. Со мной Надежда Георгиевна посидит. А Алеша?

— Алеше в садик пора. Вместе и пойдем.

Дарья Ивановна увела Алешу, а Павел, нетерпеливо прислушиваясь к их удаляющимся шагам, начал:

— Хотел сказать вам, Надежда Георгиевна... Долго об этом разговоре думал, еще в госпитале... С тех пор как выяснилось, что не буду лучше видеть...

Он долго молчал, потом тряхнул головой, отчего рассыпались тонкие русые волосы.

— Ну, Павлик, я тебя слушаю.

— Надежда Георгиевна, не говорите ничего, что полагается в таких случаях. Скажите одно: хотите мне помочь или нет?

— В этом, я думаю, сомнений у тебя быть не может.

— Так... Разговор наш держать в секрете не прошу: знаю, что никому не скажете.

Павел провел пальцами по волосам, откинул их со лба.

— Помощь мне нужна одна... — выговорил он, хмурясь и бледнея. — Не примите за кривлянье или малодушие... Помогите расстаться...

Конец фразы он произнес так хрипло и невнятно, что Сабурова не расслышала.

— С чем? С чем расстаться?

— С домом, — твердо сказал Павел.

Сабурова неосознанно ждала чего-то подобного и внутренне готовилась к отпору, но, услышав слова Павла, почувствовала, как загорелось ее лицо. Надежда Георгиевна рассердилась.

— Скоро ты соскучился в родном доме, — сдержанно сказала она. — Дня не прожил, а уже уехать хочешь... И куда же тебя тянет?

— В городе хочу устроиться, Надежда Георгиевна. В общежитии для

слепых.

— Вот как? — удивилась старая учительница. — А тебе не кажется, Павлик, что для Дарьи Ивановны это будет очень обидно? И чем вызвано такое желание?

Павел задумался.

— Надежда Георгиевна, вы всегда все понимали, поймите и сейчас... Положение мое не из легких.

— Очень понимаю. Тяжело... Но, зная тебя, я была уверена, что ты эту тяжесть выдержишь...

— И я был уверен. Нечего вам объяснять, как это бывает. Сначала отчаянье, потом оцепенение какое-то... вспоминать не хочется. А затем понемногу разум на выручку начинает приходить. Я ведь долго в госпитале пролежал, — усмехнулся он, — было время подумать.

— И что же надумал? — осторожно спросила Сабурова.

Павел встал и начал ходить по комнате быстрыми легкими шагами. Глядя на него, старая учительница даже усомнилась на минуту, точно ли он слеп.

— Надумал я тогда вот что: до полного уныния дойти самое простое дело, легче легкого. Пожалуй, и руки на себя наложить нетрудно. А я легких дел ведь никогда не любил. Это — он быстро коснулся глаз, — изменить меня не должно.

— Значит?..

— Значит, нужно жить, не киснуть. Оснований для этого много. Детство и юность у меня хорошие, светлые были... Мать ждет меня, братишка, товарищи... А главное — знаю, что воевал недаром. Как-никак, и моя маленькая доля в победе есть. На этом я твердо стоял.

— Стоял? Теперь не стоишь?

— Нет... и сейчас так думаю. Только сидеть и слушать как мухи жужжат, я не могу. В городе, в общежитии специальные инструкторы есть. Подберут мне работу, обучат. Здесь некому со мной возиться. А мне без дела никак невозможно. Характер такой... самостоятельный, что ли...

Павел говорил негромко, даже с некоторой застенчивостью, точно осуждал себя за слишком самостоятельный характер но Сабурова видела, что в правоте своей он непоколебимо уверен.

— Очень похвально, что ты хочешь работать, но не торопись так... Поживи, отдохни, что-нибудь подыщем для тебя. Ведь ты свалился как снег на голову, сразу трудно придумать дело...

— Нет, Надежда Георгиевна, в общежитии мне будет лучше.

— Ты не забывай, что в общежитие помещают одиноких людей, о

которых дома некому позаботиться. Из-за тебя кто-то бессемейный туда попасть не сможет. Не лучше ли остаться здесь, где тебя любят и так тебе рады? Потерпи, найдешь работу.

Павел долго молчал, и когда заговорил, голос его звучал глухо:

— Приходится все карты открывать... Здесь-то, среди своих, где меня прежнего знают, мне и тяжело! С чужими я лучше держался. Я опять человеком быть хочу, над своим несчастьем, подняться, а здесь это не выйдет. Вы не знаете, чего мне сегодняшнее утро стоило! Слушал я мать, ребят, Иона, Тоню.

Голос его оборвался.

— Я... я слишком любил все это, — сказал он едва слышно и отвернулся.

Сабурова хотела возразить, но, взглянув на Павла увидела что он весь дрожит, а лоб его покрыт мелкими капельками пота. Видимо, огромного труда ему стоило сдерживаться, говорить, не повышая голоса. И в этой сдержанности Надежда Георгиевна уловила такую большую и скрытую силу, что вне — запно переменила решение.

Старая учительница провела ладонью по мягким русым волосам юноши.

— Вот что, дружок, — громко сказала она. — Я согласна тебе помочь.

— Надежда Георгиевна! Вот спасибо! — Он порывисто схватил руку старой учительницы, глаза его стали влажными.

— Погоди. Я согласна, но с условием: подождем полгода.

— Вы смеетесь надо мной?

— Я не смеюсь. Если через полгода ты повторишь свое желание уехать из дому, я все, что нужно для этого сделаю. Согласись, что теперь нанести такую обиду матери, после всех ее мучений было бы бесчеловечно. Надо о ней тоже думать, не только о себе. Ты сильный, выдержанный — скрепи себя ради нее, смирись на время. И ждать надо терпеливо, слышишь? Мать и братишку не обижать. Можешь обещать?

— Что вы, Надежда Георгиевна! — оскорбленно возразил Павел — Уж как бы мне трудно ни было, я характер ни на ком срывать не привык. Только ждать-то зачем? Ведь через полгода я то же самое вам скажу.

— Там посмотрим. Я без этого испытательного срока помогать тебе не согласна. А ты ведь, я думаю, ни к кому другому с этой просьбой обращаться не станешь?

— Вы знаете, что нет, — вздохнув, ответил юноша. — Начнутся увещания, длинные разговоры... Это все я только от вас выслушать мог. Да и сам, пожалуй, никому так объяснить не сумею. Выходит, для меня выбора

нет. Надо соглашаться.

— Хорошо. Союз у нас заключен. Теперь я должна идти, а тебе советую лечь отдохнуть. Не нужно, чтобы Дарья Ивановна видела, как ты разволновался.

Павел согласился. Да, он ляжет и, наверно, уснет.

Возбуждение его утихло. Побледневшее, осунувшееся лицо стало спокойнее. Он проводил Сабурову до дверей.

— А ты в доме хорошо, ловко двигаешься, Павлуша.

— Еще бы мне здесь не ловко двигаться! Каждая щелочка знакома. Да у слепых быстро развивается ориентировка эта. Я сам удивлялся.

Он постоял на крыльце, словно глядя вслед Надежде Георгиевне.

«Теперь ему должно стать легче, — думала учительница подходя к поселку. — Он выговорился, выявил свою волю, переложил часть тяжести на меня. Боялся, бедный, свидания с матерью, с товарищами. С дороги еще не отдохнул, а тут эти встречи, разговоры... пришлось держаться... Вот и вылилось все в нервный припадок... Нужно, чтобы он ни минуты не чувствовал себя одиноким, чтобы товарищи деятельно, по-настоящему занялись им... А легко ли это будет сейчас? — задавала она себе вопрос. — Пожалуй, не сразу и соберешь ребят, чтобы потолковать с ними о Павле. Придется с утра послать Мухамета к Иллариону...»

Тоня и Татьяна Борисовна, шедшие впереди Сабуровой, вдруг исчезли. Очевидно, вошли в школу. Может быть, не откладывая, поговорить с ними сразу же?

Надежда Георгиевна тихо прошла в раздевалку, заглянула в учительскую. Всюду было чисто и пустынно.

«Где же Таня?» — недоумевала Сабурова.

Она заглянула в каждый класс и, не найдя никого, поднялась на второй этаж. Тихо двигаясь по недавно вымытому коридору, она вздрогнула от неожиданности, услышав голоса, остановилась у десятого класса и заглянула в неплотно притворенную дверь.

Все ее ученики, уже одетые в обычные платья, сидели на своих местах. Только Тоня еще в золотистом наряде... И Татьяна Борисовна здесь. Тоже сидит на парте, рядом с Анатолием Соколовым...

На кафедре стоял Илларион Рогальский. Он поднял руку и громко сказал:

— Ребята! Комсомольское собрание бывших учеников десятого класса считаю открытым. На повестке дня один вопрос — о помощи нашему товарищу Павлу Заварухину, инвалиду Великой Отечественной войны.

— Дети мои дорогие! — прошептала старая учительница и, распахнув

дверь, вошла в класс.

Глава вторая

Июль начался грозной жарой. Ветер пропал совсем, точно никогда и не летал над землей на своих широких крыльях. А если порою и начинал задувать, то казалось, что сперва он побывал в только что вытопленной печи. Он нес с собою далекий горький дымок. Где-то горела тайга.

На комсомольском собрании было решено, что у Павла ежедневно должен кто-нибудь бывать, читать ему газеты, книги, сопровождать Заварухина на прогулку.

Павел встречал товарищей с чуть преувеличенным оживлением, но его хватало ненадолго. Вскоре он становился сух и молчалив. Ребят это смущало.

— Не знаешь, хочет ли он, чтобы ты еще посидел, или рад, что уходишь, — сказал как-то Таштыпаев.

Молодая, крепкая жизнерадостность товарищей каждый раз по-новому поражала и несколько оскорбляла Павла. Ему казалось, что при нем друзья стараются сдерживать свое оживление, однако оно прорывается. В то же время он с жадностью прислушивался к их смеху,говору и чувствовал горькое раздражение оттого, что не мог смеяться и говорить, как они.

Труднее всего, конечно, было встречаться с Тоней. Что она не отвернется от него, будет стараться проводить с ним как можно больше времени, он знал твердо, но считал, что этого-то и нельзя допускать. Не должна их детская дружба ложиться на Тоню бременем. Если хоть раз она со скукой подумает, что опять нужно идти в Белый Лог, Павел будет непростительно виноват... Такое решение пришло к нему давно. Сказав девушке в день приезда, чтобы она не возвращалась вечером, Павел был доволен собой. Однако, когда вечер наступил, ждал ее с замирающим сердцем. Тоня не пришла. Он сказал себе, что это к лучшему, а сам жестоко обиделся.

После разговора с Сабуровой он решил ждать, стиснув зубы, но сомнения не переставали его мучить. Порою страстно хотелось как можно скорее уехать, а минутами становилось совершенно ясно, что если он с товарищами хорошо продумает все обстоятельства и возможности, то жизнь можно наладить и здесь. Пожалуй, и школу кончить не так уж немыслимо... Но один он ничего не придумает, ребята об этом не заговаривают, а подсказывать им он не может.

Легче, чем с другими, Павел чувствовал себя с простодушным

Моховым. Но Андрей навещал Заварухина редко: на летнее время он поступил работать.

В один из душных вечеров Павел, сидя дома один, так задумался, что не услышал, как в дом кто-то вошел.

— Так и сидишь? Ничего не делаешь? — услышал он голос Иона. — За работу пора браться!

Павел даже вскочил, уязвленный грубостью старого друга. Что Ион, с ума сошел?

— Дружка своего Мирона, я привел, — тем же тоном продолжал старик. — Из Шабраков он. Поживет у вас, научит тебя корзины плести. Орсу много корзин нужно.

Павел радостно вспыхнул. Обида была мгновенно забыта.

— Правда? А успею выучиться? Не отдали бы заказ. Сказать в орсе надо.

— Подожди, паря. Я еще попробую тебя. Может, руки — крюки, — спокойно возразил корзинщик.

Ион успокоил Павла: заказ поручат ему и никому другому. Важно взяться за дело как следует.

— Это ты не беспокойся. Возьмусь!

Взбудораженный Павел упросил Мирона сейчас же начать первый урок и в эту ночь долго не спал, думая о неожиданной удаче.

Тоня присутствовала на одном из уроков. Корзинщик неторопливо наставлял Павла:

— Не затягивай — перекусишь! Тут не сила твоя нужна. Руками трогай. Ровно выходит — дальше валяй.

Павел, сосредоточенный и молчаливый, весь ушел в работу. Казалось, что он прислушивается к какому-то далекому звуку. В настороженном лице его, в крепких руках было страстное терпение.

Надежда Георгиевна тоже видела, как он работает, и говорила:

— Великое счастье Павлика, что каждому делу он целиком отдается.

Запавшие глаза тети Даши посветлели. Как-то, провожая Тоню, она шепнула ей в сенях:

— Может, отойдет парень. Ведь по ночам не спит. ворочается... А мне глядеть на него мочи нет! И подмога нужна, Тоня, ох, нужна!.. Что ни заработает — все легче.

— Будет теперь легче, тетя Даша, — пробормотала Тоня.

— Мама, ты с кем?

Павел приоткрыл дверь избы, услышав, что тетя Даша с кем-то говорит.

— Я, Пашенька, Тоню провожаю.

Павел споткнулся о вязанку лозы, принесенной Степой и Митхатом. Заняться этим делом мальчикам посоветовала Новикова.

— Тальнику здесь, знать, много, — сказал он. — А кто его приносит? Ты мне не скажешь, Тоня?

— Почему не сказать! Ребятишки. Моргунов маленький и товарищи его, — ответила Тоня.

— Они, малыши-то, сейчас пионерам помогают веники для колхоза вязать. Веточный корм козам на зиму, — вмешалась тетя Даша. — Что ребятам стоит тальнику попутно нарезать!

— Все равно. Напрасно ребятишек взбулгачили. Не нравится мне это... — начал Павел.

— Брось, Павлик, — спокойно возразила Тоня. — Им забава одна, а тебе для дела нужно. Ты лучше понюхай, как пахнет.

Павел хотел возразить, но свежий и острый запах вянущего тальника мешал ему быть непримиримо суровым. Внезапно он беспомощно улыбнулся и сказал:

— Пахнет... да... как возле речки вечером.

...Обучение Павла благополучно закончилось, и Мирон отбыл в село. Денег за свою науку он не взял, сказав, что Ион с ним полностью рассчитался, простив старый долг.

Варвара Степановна немного прихворнула — наколола ногу и не обмыла вовремя ранку. Образовался нарыв, и несколько дней ей было трудно работать. Тоня усиленно занималась хозяйством, даже вычистила хлев и переколола все дрова. Николаи Сергеевич как будто был доволен, но частенько Тоня замечала, что он смотрит на нее сторожко и пытливо.

Конечно, он замечал перемену в дочери. В прежнее время Тоня заставляла бы родителей любоваться плодами своего труда, шутливо требовала бы наград в виде пенок с молока или особенно аппетитно растрескавшейся горбушки хлеба. Но теперь все эти хозяйственные достижения мало ее радовали.

Внутренним зрением Тоня беспрестанно вглядывалась в три человеческих лица: немолодой женщины, тихого ребенка и сумрачного юноши.

Мыслями она была не у себя, а в маленьком доме с тремя окнами, заставленными бегониями и геранью. Там шла бедная событиями, но скрыто напряженная и нелегкая жизнь. Там умелые женские руки тоже поддерживали чистоту и порядок. Но даже этот строгий порядок оказывался полным скорбного значения. Все вещи должны были лежать на определенных местах, чтобы незрячий мог легко найти их. Мудрая

заботливость матери передавалась беловолосому мальчику с вопрошающими светлыми глазами. Алеша волновался, если постоянные посетители домика что-нибудь переставляли, и, водворяя на место ножницы или спички, шептал:

— Сюда класть надо, а то Павлик искать будет.

Толя Соколов тоже непрерывно думал о Павле. Близкими друзьями они никогда не были, держался Заварухин независимо и спокойно, но какие-то черты в его лице, оттенки в голосе поразили Соколова. Перед товарищем, бывшим лишь на полтора года старше него, Толя чувствовал себя мальчишкой, который не испытал и десятой доли того, что пережил Павел.

Анатолий вспоминал первую военную зиму в Ленинграде, с гордостью говорил себе, что и он перенес немало тяжелого, но этого его не успокаивало. На несколько дней он как бы стал Павлом; встречаясь с товарищами, говоря с матерью, любясь спелым летним днем, чувствовал в себе томящую скованность, которую угадал в слепом. На Тоню ему было тяжело смотреть. Глаза у нее сделались какими-то удивленными, почти испуганными... Если сам Анатолий так живо чувствует несчастье Заварухина, то что же должна чувствовать она?

«Ведь я недавно сказал маме, что никогда не посмотрю на Тоню чужими глазами... Не будет ли мое молчаливое сочувствие отношением именно чужого, хоть и не враждебного человека?» — задавал он себе вопрос.

Зинаида Андреевна, обычно без слов понимавшая сына, была удивлена, когда раздумье Анатолия сменилось веселой озабоченностью. Он стал целыми днями пропадать у Петра Петровича и в школьной столярке.

Школу ремонтировали. Там стучали топоры и молотки, весело шуршали стружки. К «живому уголку» пристраивали две комнаты, все классы заново белили и красили. Петр Петрович руководил всеми работами. Часто в школе можно было видеть и бывших десятиклассников.

Сабурова, плохо переносившая жару, откладывала все дела на вечер. К вечеру она попросила прийти к себе и Новикову, которая обещала помочь ей закончить годовой отчет.

Молодая учительница пришла вовремя и крикнула с порога:

— Надежда Георгиевна, посмотрите, что я вам принесла!

Татьяна Борисовна приподняла листья, закрывавшие берестяной, покрытый тонким узором туесок. Оттуда глянули крупные — одна к одной — ягоды.

— Вот прекрасно! Спасибо, Таня. Садись, чаю налью. Или с молоком

будем есть?

— Лучше молока, если можно. Жарко!

Новикова сняла с головы белый платочек и села к столу. Две блестящие недлинные косички упали ей на спину. В ситцевом платье, в тапочках на босу ногу она была похожа на любую девушку с прииска. Запотевший от холодного молока стакан казался ослепительно белым в ее загорелых пальцах.

— Твои приятели принесли? — осведомилась Надежда Георгиевна, кивнув на ягоды. — Степа с Митхатом, поди?

— Сама набрала! — возбужденно воскликнула Новикова. — На горы ходила, в тайгу. Ничего подобного в жизни не видела! Какая мощь! Даже страшно немножко... Эти кедровые могучие... точно подпирают небо. Его не всюду-то и увидишь в тайге... А на полянах, еланиях этих, сколько ягод! Красным-красно! Мальчики сказали, что это лесная клубника...

Она допила молоко и, заглянув в крынку, умильно посмотрела на Сабурову.

— Да пей, пей сколько хочешь! — сказала Надежда Георгиевна, с удовольствием глядя на молодую учительницу.

— Я мигом. А потом начнем работать.

Они внимательно прочитали отчет, исправили неудачные выражения, поспорили, надо ли вводить описание всех форм работы с отстающими.

— Не сомневайтесь, Надежда Георгиевна, — говорила Новикова — это будет методическая статья. Она многим пригодится. Ведь ваш прошлогодний отчет, говорят, гулял по всем школам.

Когда работа была окончена, обе учительницы удивились, что уже стемнело и стало прохладней.

— Ну что же, идти домой? — спросила Новикова, всем своим видом показывая, что ей не хочется уходить.

— Посиди. Куда тебе спешить? Скоро ребята придут. Хотели сегодня заглянуть.

Розовато-серый сумрак вошел в комнату, смешал краски и сделал почти черным букет пестрых саранок в глиняном горшке.

— Надежда Георгиевна, можно?

— Ничего, что мы все сразу?

— Входите, входите, друзья! И Петр Петрович с вами? Какие новости?

Сабурова щелкнула выключателем. Комната осветилась, и саранки налились живой оранжевой краской.

— Надежда Георгиевна, мы сегодня документы в институты посылали!

— В добрый час! — серьезно сказала Сабурова. — У Заварухиных кто был?

— Я, — ответил Таштыпаев. — Заказ на первую партию корзин Паша получил. Начал уже.

— Это очень много значит для него, — тихо сказала Тоня, — только еще не все. Есть у меня кое-какие мысли, да не додуманы до конца.

— И ты что-то проектируешь, Тоня? — с интересом спросил Соколов.

— Договаривайте, друзья! — сказала Надежда Георгиевна. — Вам хочется, чтобы Заварухин кончил десятилетку?

— Да, да! — крикнула Лиза. — Только практически придумать не можем, как это сделать. Мы вот говорили между собой: ну, читать вслух учебники можно, чтобы он с голоса запоминал, а вот задачи объяснять как? Это уже труднее. Длинное уравнение в голове не удержишь...

— Но ничего другого, мне кажется, и предложить нельзя, — сказала Татьяна Борисовна.

— Напрасно вам так кажется, — буркнул Петр Петрович.

— Я вот о чем думала... — начала Тоня. — Писать слепым трудно. Я пробовала закрыть глаза и писать — неважно получается. У них буквы одна на другую налезают, и высоту трудно соразмерить. Надо сделать какие-то выпуклые линейки, чтобы карандаш доходил до границы и упирался... Между двумя такими линейками шла бы строчка... Как Николаю Островскому сделали...

— Вот-вот, верно, Кулагина! — сказал Петр Петрович и вынул изо рта трубку. — Ну, показывай, — обратился он к Соколову.

Толя достал из портфеля небольшую деревянную рамку с поперечными проволочными линейками и, торжествуя, показал товарищам:

— Видите? Сюда вкладывается лист бумаги, а проволочки держат строку. Я сначала деревянные рейки сделал, да мама сказала, что лучше из толстых ниток или проволоки. Они чуть отодвинутся, когда нужно написать «б», «д» или другую букву с хвостиком, и дадут хвостику место.

Рамка переходила из рук в руки.

— Как ты сообразил? — спросил Мохов.

— Это ведь не изобретение, — ответил Толя. — Взял «Как закалялась сталь», прочитал про транспарант корчагинский. Начал думать, как улучшить его... Сделал я прибор в столярке, дома вечером зачищал, а самому уже казалось, что это ерунда, ничему не поможет. А тут мама спрашивает: «Над чем мудришь?» Ну, я ей показал, она говорит: «Верно»...

Толя вспомнил, как при вопросе матери первым его движением было спрятать рамку. Эта простая деревянная вещица была результатом трудных

и сложных чувств, о которых не хотелось говорить. И как он был доволен, что Зинаида Андреевна, ни о чем не расспрашивая, подробно обсудила с ним, что можно сделать еще.

— Теперь дальше, — сказал Анатолий. — Что у меня в кармане, вашему?

В кармане у Толи что-то сухонько постучало, и он извлек оттуда вырезанный из дерева маленький квадратный корень.

— Вот вам, товарищи, радикал. А такую фигурку не хотите? А вот такую?

И Соколов пошел выкладывать на стол плюсы, минусы, скобки, тройки, шестерки, нули, буквы. Все это было искусно вырезано, зачищено и отполировано. У ребят замелькало в глазах.

— Вот вам почти вся алгебра. А скоро будет готова и геометрия. Выточим и шары, и конусы, и треугольники. Все, что надо.

— Толька! Молодчинище! — закричал Илларион. — Ребята, вот как нам этот резчик по дереву помог, а?

— Погодите! — волновалась Лиза, оборачиваясь то к Петру Петровичу, то к Толе. — Сколько же их надо сделать? Ведь в задаче может восемь, а то и десять раз один и тот же знак встретиться.

— Делать — так делать не скупясь, — ответил Петр Петрович. — Начало положено. Теперь просим рабочих рук побольше. Что, Надежда Георгиевна? — обратился он к Сабуровой. — Спорили со мною, когда я токарный станочек привез? Говорили: «Не понадобится»!

— Целый мешок наделаем и Павлику притащим. Пусть разбирается, — решил Мохов.

— Э, нет! Мы ему пенальчик сделаем, — заявил Соколов. — Только не маленький, как обыкновенные пеналы, а большой, длинный. Разделим его на отделения и на крышке над каждым отделением вырежем тот знак, который там лежит. Он на ощупь будет узнавать, где что. Понятно?

Сабурова искренне любовалась Соколовым. Мягко блестели его глаза под тяжелыми ресницами, с четких губ не сходила улыбка, тонкое лицо дышало прекрасной молодой добротой и оживлением.

И не одна Надежда Георгиевна так тепло думала о Толе. С лаской и гордостью глядела на него Женя, а Тоня твердила про себя:

«Милый, милый! Как придумал, как все сообразил! Не знает Павлик, какие у него друзья!»

— Ну как, одобряете? — весело спросил Соколов.

Все радостно зашумели, а Тоня, быстро подойдя, крепко обхватила голову Анатолия и поцеловала его. Юноша ахнул и растерянно обернулся к

ней.

Сабурова, выручая смущенную Тоню, сказала:

— Ну, Тоня за всех нас выразила, как мы относимся к твоему изобретению. А теперь Ниночка Дубинская вам кое-что расскажет.

Нина поднялась с места. Всегда старалась она держаться как взрослая, и это ей удавалось. Помогали рассудительность, неторопливость, спокойствие. Но сегодня белокурые волосы Нины не собраны узлом на затылке, а заплетены в косу; воодушевляющее желание помочь товарищу окрасило ее щеки. Она стала проще и живее. Тоне показалось на миг, что перед ней пионерка Дубинская, собирающаяся сделать доклад на отрядном собрании.

— Папа на днях едет в Москву, — начала Нина, — и мы с ним были третьего дня у Надежды Георгиевны. У него свободного времени мало, еле затащила... Поэтому никого из вас звать не пришлось. Мы втроем поговорили и решили, что папа в Москве побывает в институте слепых и привезет Павлуше специальные учебники. Это книги с толстыми листами, и на них буквы наколоты. Читают их кончиками пальцев. Знаете?

— Знаем! Слышали!

— Они ведь очень громоздкие... Как доктор их довезет? — усомнился Андрей.

— В багаж сдаст.

— Чудесно! Чудесно! — ликовала Тоня. — Нинка, умница!

— Да это все Надежда Георгиевна и папа придумали.

— Э, погоди, Анатолий! — закричал вдруг Мохов так громко, словно Толя был на другом конце улицы. — Алгебру из дерева резать — это хорошо. А геометрические фигуры можно из глины лепить. Проще ведь!

— Правильно! — обрадовался Соколов. — Только не из глины, а из пластилина. Его у нас много в школе. Глина растрескается.

Легко дышалось всем, кто был в этот душный вечер в комнате Надежды Георгиевны. И каждый думал про себя, что никакая беда не страшна человеку, если он живет в стране, где горе одного становится заботой всех.

Глава третья

Павел сдал свою первую работу. Директор орс оставлся доволен и немедленно расплатился. Тетя Даша, отнеся корзины и получив деньги, вернулась домой радостная.

— Сказал: отличная работа, — сообщила она сыну. — Прямо, говорит, как это... щегольские корзинки. Велел работать дальше.

Павел промолчал, но немного погодя переспросил:

— Так он говорит — «щегольские»? Скажи пожалуйста!

Дарья Ивановна повозилась у печки, но, видно, ей не сиделось дома, и она несмело сказала:

— Не сходить ли мне нынче в магазин, а, сынок? Что на завтра откладывать? Масла растительного взять... Все до капельки извела.

Алеша, примостившись возле Павла, долго шевелил губами, подняв на брата глаза, как будто ждал, что тот на него взглянет. Наконец он вздохнул и промолвил тихонько:

— Паша, а там пряники в магазине. Сахарные... Во-от какие...

Он хитро прищурился, сложил свои маленькие пальцы перед лицом Павла, показывая размер пряников, но сейчас же быстро отдернул руки и, покраснев, стал упорно разглядывать воображаемый пряник.

— Что же ты мне об этом рассказываешь? — спросил Павел с теплой ноткой в голосе. — Ты матери скажи, чтобы она тебе купила.

— Как же ему старшего брата не спросить? — вмешалась тетя Даша. — Поди, ты у нас набо́льший!.. Баловство одно эти пряники, да коли велишь — куплю...

Тоня присутствовала при этой сцене и видела, как оживилась и захлопотала тетя Даша, сколько надежд принес ей первый скромный заработок сына. И сам Павлик был явно доволен, хотя и не говорил об этом.

— Хорошо ты поработал! — весело сказала Тоня. — Теперь и отдохнуть немножко разрешается. Хочешь, я в воскресенье зайду за тобой и пойдем в лес? Ты ведь не был еще?

— В лес? — переспросил Павел обрадованно, но сейчас же скучным голосом спросил: — Точно у тебя поинтересней дел нет, чем ходить со мною гулять!

«Ох, перестань ломаться, прошу тебя!» — чуть не сказала Тоня, но ответила так же приветливо:

— В воскресенье никаких дел у меня нет, и я с удовольствием пойду.

Уговорились встретиться часов в одиннадцать. Тоня с вечера приготовила старый, с цветочками сарафан, который стал ей узок так, что пришлось вшить в него клинышки, белую косынку и тапочки.

Утром в воскресенье она торопилась позавтракать, но когда встала из-за стола, отец остановил ее:

— Опять, небось, наостришь лыжи? Куда нынче?

— К Заварухиным, — коротко ответила Тоня, зная, что отец прекрасно понимает, куда она идет.

— И что за интерес в душной избе такой день проводить!

— Мы с Павликом как раз хотели пойти в лес, — ответила Тоня, внимательно глядя на отца.

— Ну, это другое дело. И мы с дядей Егором за грибами собирались. Примете в компанию?

— Конечно...

Тоня слегка растерялась, не понимая, шутит Николай Сергеевич или говорит серьезно.

Нет, отец не шутил. Он торопливо натянул пиджачок, взял палку и поторопил дочь:

— Ну, если идти, так идем. Давай времени не терять.

Дядя Егор ждал около своего дома.

Всю дорогу Тоня бранила себя за то, что чувствует неловкость и досаду. Ведь столько раз бывало сама уговаривала отца пойти погулять с ней, огорчалась, когда он отказывался, а теперь недовольна.

«Потому что он не просто гулять с нами собрался, — внутренне оправдывалась она. — Он посмотреть хочет на меня и на Павлика вместе... А что смотреть?»

А Николай Сергеевич, так бесцеремонно нарушив Тонины планы, казалось, не чувствовал никакой неловкости.

У Заварухиных он вежливо поговорил с тетей Дашей, ласково — с Алешей и сочувственно — с Павлом. Осмотрел начатую Павлом корзину и похвалил работу. Ко всему убранству дома, как показалось Тоне, он внимательно приглядывался. Дочке не терпелось увести его, и она обрадовалась, когда наконец двинулись в путь.

Они долго бродили по лесу. Николай Сергеевич и дядя Егор были отчаянные грибники. Осторожно подрезая ножом белый, плотный корешок гриба, Николай Сергеевич приговаривал:

— Экий плут, а? Думал, я не замечу? Нет, брат, шалишь! От меня не спрячешься!

Тоня старалась не отходить от Павла. Один в лесу он был бы

беспомощен. Увидя гриб, она только указывала на него отцу. Николая Сергеевича это сердило:

— Я его давно приметил сам, если хочешь знать!

Исколесив опушку, они вышли на бережок Серебрянки и сели под прямой светлой березой.

Старики закурили и начали перебирать грибы. Дядя Егор, по обыкновению, завел разговор о прошлом:

— Вот кто грибы умел искать — так это заводчика Петрицкого знаменитый звонарь. Ты про него слыхала, голубка?

— Слыхала что-то...

— Уу-у! Зверь был! Зверь сущий! Хозяин на прииск въезжает, а он «барыню» на колоколах разыгрывает. И стрелок был первейший. По праздникам гостей хозяйских забавлял. Сам на балконе находится, а дочка, девочка лет восьми, — внизу. На голову ей рюмку поставят, и он бьет.

— И сбивал?

— Всегда сбивал, трезвый и пьяный. За девчонку никто и не опасался. Да он у прохожего хакаса трубку выбивал изо рта. А уж маралов бил между глаз так метко, что даже Ион не всегда так словчится.

— А чудно, что в том самом доме, где пьянствовали и рюмки с головы у детей сбивали, у нас детский сад...

— Вам-то что! Вы родились — сад уже был. Сами туда ходили. А вот нам, старым жилам, — так дядя Егор произносил слово «старожилы», — действительно. Поначалу просто не верилось: неужели жизнь в справедливую сторону повернулась?

Затягиваясь тоненькой козьей ножкой, он продолжал:

— Этот звонарь вместе с Петрицким в Японию ушел... Еще егерь был, Мурташка, — тот куда-то на Олёкму подался. Помер там, говорили... Ну, Мурташка — дурак безответный. Слух шевелился, что у Петрицкого где-то много золота зарыто. Искали, искали... Нашли кое-что в саду, в жестяных баночках. А под крыльцом клад оружия отыскался. Но все понимали, что это не главный клад. У Мурташки допытывались — не знает ничего. Потом Петрицкий своему егерю письмо из Японии с верным человеком прислал. Так и так, пишет: «Помнишь, мы в последний раз с тобой в лесу были? Я тебе спирту поднес, ты у ручья и заснул, а когда проснулся, воду стал пить. Вот в том месте, где ты пил, оно и закопано. Найди и перешли с посланным». Ну, Мурташка тут на высоте оказался. Вспомнил, где воду пил, и показал, только не Петрицкого посланному, а советской власти. Того человека схватили, а Мурташке награду выдали, да все спустил — пьяница! — Дядя Егор подмигнул Тоне:— Много тогда золота нашли, а старики

думают, что и это не главный клад Петрицкого. Где-нибудь еще есть...

Он посмотрел на Тоню, на затихшего Николая Сергеевича, который, покончив с грибами, лег в траву и прикрыл лицо кепкой.

— Ну, твой старик, видать, спать собрался. А я пойду поброжу еще. Вы меня не ждите.

Тоня долго выкапывала ножичком саранковый корень, пожевала его и легла, положив руку под голову и глядя в густую синеву летнего неба. Порою, переводя глаза в сторону, можно было видеть дрожание раскаленного воздуха, что струится от земли, неподвижные подсвечники иван-чая и подчас захватить врасплох крупную земляничину, неосторожно выглянувшую из травяного прикрытия. Лень протянуть руку и сорвать ее. Переглядываешься, переглядываешься с ягодой — и вдруг потеряешь. Тогда не нужно досадовать и беспокойно осматриваться. Приловчись занять прежнее положение и затихни. Выжидательный взгляд непременно выманит земляничку, и она, румяная, опять усмехнется тебе.

Тишина лесная тихонько прокралась к Тоне, села у ее изголовья и, перебирая волосы, осторожно, как самый пугливый ветерок, старалась навевать сон. Но Тоня не засыпала, думала о своем.

Поговорить с Павлом, как ей хотелось, не удалось и навряд ли удастся. Своим обращением, не дружеским даже, нет — приятельским, он как бы зачеркивал все, что было.

А что было-то? Если рассказать кому или описать в книге, так и выйдет, что ничего — ничегошеньки не было!

Тоня даже приподнялась на локте, но тишина ласково уложила ее опять.

Да нет, было, было! Разве она не знает? Если бы спросили в то время Павла, кто ему дороже всех на свете, конечно, он сказал бы: «Тоня». Это теперь он отвык, решил покончить с детскими глупостями...

А может быть, он встретил какую-то замечательную девушку и думает только о ней? Она очень сердитая и капризная, эта девушка. Имя у нее какое-нибудь суровое, гордое, например Рогнеда, а сокращенно ее зовут Гнедка, как орсовскую конягу.

Тоня фыркнула: придет же такая чушь в голову!

От березы ложилась легкая играющая тень. Внизу увертливая Серебрянка убегала на восток, ловко обходя каменные глыбы у берегов. А вокруг шевелилось разнотравье. Пригорок был еще не кошен.

— Хорошо, Павлик? — спросила Тоня.

— Дядя Николай уснул? — ответил Павел вопросом.

— Спит. Опьянел от воздуха. Ему ведь редко приходится в тайге бывать.

— Я сам как пьяный.

Павел сорвал высокую травинку с пышной метелкой и водил ею по лицу. Лиловая пыльца, осыпаясь, оставляла след на его побледневших щеках.

— Напрасно ты привела меня сюда, — с тоской сказал он.

— Почему напрасно?

— Так... уж больно хорошо. Ветер... чувствую, как солнце играет... трава колыхнется...

Он развел руки в стороны и провел ладонями по волнующимся верхушкам трав. Тоне вспомнилось, как ей захотелось погладить белые ромашки в день приезда Павлика.

— И воздух... воздух свой, — бормотал Павел как во сне. — Нигде такого легкого воздуха нет, как у нас...

Издали донеслись крики и хохот. Толпа ребятишек на противоположном берегу спускалась к реке. Один из мальчиков держал на цепочке странную, мохнатую и неуклюжую собаку. Ребята были далеко, Тоня никак не могла рассмотреть, что там происходит.

Несколько мальчиков бросились в реку. Потревоженная вода заискрилась сильнее. Блещающие брызги полетели вверх. Зверь, которого Тоня приняла за собаку, потоптавшись на берегу, полез в воду. Мальчики хохотали. Тоня тоже засмеялась.

— Что там такое? — спросил Павел.

— Ионова медвежонка купают.

— Вот как! У него медведь есть?

— Да какой забавный! Маленький еще. Ребята рассказывали — он любит сидеть на лавке у окна. Как знакомого мальчишку увидит — лапой в стекло стучит... Купаться ходит. Первый раз испугался — много воды увидел... Убежал со всех ног к Ионихе в избу...

Они долго молчали. Павел как-то странно притих, словно, затаив дыхание, ждал, что скажет Тоня.

— Развеселись, Павлик, — начала она. — Не надо грустить сегодня. Ну, расскажи мне, что тебя заботит?

Как ей хотелось в эту минуту, чтобы Павел ответил: «Эх, Тоня, учиться мне хочется! Кабы ребята помогли!»

Но Павел, стряхнув с себя напряженное ожидание, заговорил совсем о другом:

— Заботит меня то, что много времени вы все на меня тратите. Я не раз говорил об этом, а вы — свое. Ты не сердись, я ваше доброе отношение ценю, а только напрасно...

— Почему напрасно?

— Я ведь вас зна-аю, — протянул Павел. — Наверно, собирались, советовались, как помочь, развлечь... Все мне понятно...

Лицо его стало таким грустным, что Тоня подумала: наверно, представил себе собрание, ребят — взволнованных, оживленных... вспомнил, как сам бывало председательствовал...

— А если и так, Павлик? — сказала она твердо, не давая себе расчувствоваться. — Будем говорить начистоту. Ты бы иначе себя вел, если бы не с тобой, а с Андреем Моховым так случилось?

— Так же, наверно, — тихо согласился Павел.

— В том-то и дело! А держишь себя, словно мы чужие...

— Да не чужие, Тоня! Что ты! Свои! Вот, как эта рука моя, свои!

Он так горячо сказал эти слова, что Тоня обрадовалась.

— Вот и хорошо!

— Свои, да! — перебил он. — Но все-таки разговариваю я с вами, как через реку. Издали. Другие вы люди. Не такие, как я.

— Какие же мы другие? — обиделась Тоня.

— Зрячие! — громким топотом ответил Павел.

Тоне стало страшно, и она, путаясь, заговорила:

— Послушай... Я понимаю, тебя от нас отдаляет это. Но все пройдет, уверяю тебя. Только жизнь наладить надо... Работа теперь есть, учиться нужно. Мы хотим, чтобы ты кончил школу.

— Ребята! — с мольбой заговорил Павел, как будто перед ним была не одна Тоня, а все товарищи. — Я прошу вас, душевно прошу... не надо ничего. Не смогу я. Какой труд надо на себя принять, чтобы каждый день ко мне бегать, читать, заниматься... Я знаю, ты на это способна, да и другие тоже... Только вы ведь потом уедете — и все забудется, а я с чужими людьми вовсе не смогу...

— Чужих здесь нет! — отрезала жестко Тоня. — Где это — чужие? На приiske, в школе, в колхозе? Стыдился бы говорить! Ты сам чужим хочешь стать, это верно. А к тебе все попрежнему относятся, как к своему.

— Да-а? — иронически-ласково протянул Павел. — То-то ты с папашей пришла. Раньше, кажется, мы нередко наедине встречались. А нынче побоялась соскучиться, так отца для компании прихватила... Конечно, со мною веселого мало! — Он с сердцем отбросил прочь травинку. — Или опасалась, что я школьные годы вспомню? Как дружили,

как друг без друга дышать не могли? Не бойся, вспоминать не стану! Знаю, что ни к чему!

— А я и не ждала от тебя никаких воспоминаний, — стараясь говорить спокойно, ответила Тоня. Сердце ее так сильно билось, что она боялась, как бы Павел не услышал. — Оправдываться, объяснять, почему со мной отец, не буду. Это частность, к главному не относится. Главное вот что: товарищ товарищу не только помогать должен, но и принимать помощь просто, без фокусов. Мы все это знаем. И ты знаешь. Так нас учили и воспитывали. И тебя тоже. Учти это.

Закусив губы и склонив пылающее лицо в траву, она совсем по-детски, чуть слышно прошептала слова, которые с младенчества часто слышала от взрослых:

— Не при царском режиме, кажется, живем, а при советской власти.

Сама Тоня не совсем ясно представляла себе, как люди жили при царском режиме. Она изучала этот период русской истории в школе, читала о нем в книгах, но живого ощущения того времени у нее не было. Однако сейчас, с запинкой выговорив эти слова, она почувствовала, что в них заключено все, что ей хотелось сказать Павлу.

А он услышал ее шопот, и лицо его стало растерянным, губы порывисто шевельнулись, но Тоня ничего не заметила, и Павел смолчал.

На противоположном берегу стало тихо. Мальчики, досыта накричавшись и захолодав от студеной воды, уходили. Медвежонок трусил возле своего вожака, любопытно поглядывая по сторонам. Пышная шуба его потемнела после купанья.

Солнце передвинулось. Тень от березы густой сеткой накрывала теперь Павла, а Тоня оказалась вся на свету, золотившем ее волосы. Оба молчали.

Николай Сергеевич был начисто забыт, и когда над травой показалось его помятое красное лицо, Тоня вздрогнула.

— Вот это поспал! А не пора ли по домам, молодые люди? Мать, поди, с обедом ждет.

Нахмутив брови, Тоня взяла Павла под руку, и они молча зашагали к узкому мостику через Серебрянку.

Николай Сергеевич не замечал натянутого молчания дочери и ее друга. Он недовольно проворчал, что колхоз Белый Лог плохо справляется с сенокосом.

— Травостой хороший, а они только верхушки скашивают... Хитрый народ! За числом гектаров гонятся, а не за качеством работы.

— Что ты говоришь! — искренне изумилась Тоня. — Под корень

косят, как надо. Погляди кругом. Одну поляну увидел где-то неладно скошенную, да и расстроился... Всегда ты так!

— Мама тоже говорила, что косят хорошо, — заметил Павел, — и сена много. Вот в прошлом году неважно с кормами было.

Николай Сергеевич помолчал и заговорил о новой драге, что недавно начала работать на прииске Яковлевском.

— До сих пор в области драг было мало. Нынче ожидают, что у нас введут и на Добром... Драга! — мечтательно протянул он. — Ну и махина! Две тысячи тонн весит... Комбайн! Иначе не назовешь. А в чем устройство? Смекаешь?

— Ну как же! Пловучая землечерпалка. Черпаки поднимают со дна реки породу и передают на промывательный аппарат. Правда, что на комбайн похожа: сама добывает, сама промывает, — отвечал Павел как будто с охотой, но голос его показался Тоне усталым.

Около дома Заварухиных простились с Павлом. Тоня — сдержанно, Николай Сергеевич — весело, с широким взмахом руки, с приглашением: «Заходи, коли на Таежном будешь».

А не успели на несколько шагов отойти, как отец заговорил с усмешкой:

— Да-а! Трудный характер у парня! Товарищи о нем душой болеют, а он на дыбы. Гордость, что ли, одолела?.. А чем уж так гордиться? Что воевал честно? Обязан был. Свою землю защищал, не чужую. Что до фронта толковым секретарем был? Иначе ему и не положено — комсомолец.

Тоня в упор глянула на старика:

— А ты, значит, не спал?

— Да, дошло до меня кое-что из вашего разговора, — уклончиво ответил Николай Сергеевич.

— Ты не горячись, папа. Он не гордец. Это не от гордости... Неправильно понимает...

— Что тут понимать, скажи на милость? Нет, это порода заварухинская, крутая. А ты, дочка, выкинь все это из головы! Я понимаю: обидно. Ты всей душой, а он... Что же делать? Все равно скоро уедешь, забудется все это, пойдет новая жизнь. Верно, Антонина Николаевна?

Тоня промолчала, хотя велик был соблазн пожаловаться на черствость друга. А Николай Сергеевич, выждав немного и с удивлением видя, что дочь не поддается ни обиде, ни негодованию, снова начал рассказывать о драге. И чем дольше Тоня слушала, тем явственнее улавливала в его речах довольство.

«Да ведь он рад! — поняла она. — Рад, что у нас нелады. Он уверен, что я больше в Белый Лог не пойду. Нет, папа, на собственный глупый произвол не оставим Павла — ни ребята, ни я!»

Изумился бы Николай Сергеевич, подслушав мысли дочери, но он считал себя человеком проницательным и, утвердившись в каком-нибудь мнении, с трудом допускал, что может существовать другой взгляд на вещи и события.

Варвара Степановна встретила мужа и дочь упреками, что щи перепрели. За обедом она внимательно вглядывалась в сухо блестящие глаза и выставленный вперед подбородок Тони. Николай Сергеевич успокоительно кивнул ей, дескать, все расскажу, дай срок. Ему так не терпелось поговорить с женой, что он не стал ворчать, когда Тоня сказала, что хочет повидаться с подругами и вернется не скоро.

Плотно стягивая на груди материн платок — ее лихорадило, хотя вечер был теплый, — Тоня побрела по улицам поселка. Скрывшись от испытующего взгляда Варвары Степановны и подбадривающих заговорщических глаз отца, она почувствовала себя легче.

Пройдя дом Кагановых, Тоня остановилась на углу, стараясь прийти в равновесие.

«Ну в чем дело, почему я так расстроилась? — сердито спрашивала она себя. — Если бы не Павел, а Андрей сказал, что я пригласила папу, оберегая себя от скуки, я бы, наверно, ответила: «Не говори глупостей!» — и через минуту забыла бы о его словах. Почему же к Павлу я отношусь так не просто? Значит, я по-настоящему люблю его? — растерянно подумала она, и это слово, как неожиданный свет, вспыхнувший в темноте, ослепило ее. — Да, да, да! — со страхом и радостью повторяла Тоня. — Так вот как это бывает!.. Но я ведь всегда знала...»

Тоня вспомнила, как зимой ответила на вопрос Толи Соколова: «Да, я очень любила Павлика». Почему же теперь ей кажется, будто она сама себе открыла какую-то великую тайну?

«Знала, но не понимала, что это значит», — решила она, чувствуя смятение и в то же время непроизвольно улыбаясь.

Ну что же! Теперь будет она жить не одна, а со своей тайной. Нужно только сделать так, чтобы никто-никто, а главное, сам Павел ничего не знал...

Постояв на углу довольно долго в таком странном состоянии, Тоня наконец вздохнула и решительно повернула в улицу, ведущую к рабочим общежитиям. Она миновала барак, в котором вела свои лекции и беседы, и подошла к другому, длинному и низкому строению.

Толкнув дверь, Тоня очутилась в просторном коридоре, где на нее чуть не налетел какой — то парень.

— Не знаешь, Маврин в ночной сегодня? — спросила Тоня.

— Недавно пришел. Третья дверь налево, — ответил парень, откровенно улыбаясь.

Улыбка означала: «Везет Саньке! С какой девушкой подружился!»

В другое время Тоня не преминула бы строго сказать: «Ничего смешного не вижу в том, что я к человеку по делу пришла», но сейчас было не до того.

В чистой комнате с двумя аккуратными постелями сидел Санька, держа в руках гитару. Повидимому, он только что побывал в душевой. Лицо его блестело, волосы были влажны. Обернувшись на стук, он стремительно вскочил и положил гитару на подушку:

— Батюшки! Антонина Николаевна! Какими судьбами? Передать что-либо от Николая Сергеевича?

— Нет, папа мне ничего не поручал.

— А-а! Верно, проверяете чистоту в общежитии? Это ведь вы, говорят, то-есть вашего класса девушки, во всех бараках порядок наводили. Да вы садитесь, пожалуйста! — Санька подал стул. — Можете не беспокоиться: холостая молодежь здесь помещается, а порядок соблюдает. Комендант у нас строгий, следит. Никому неохота в прежних условиях жить. Я как приехал, общежитие не узнал. Живем в полном уюте...

Санька говорил развязно, но был явно огорошен неожиданным посещением.

— На гитаре играете? — неизвестно почему спросила Тоня.

— Да, пятиминутная музыкальная зарядка. В клуб собирался — в шахматы сразиться.

— Слушайте, Саня... Вы у Павла были?

— Был я, был... — присмирив, сказал Маврин. — Печальная картина... — Он помолчал и, не находя другого выражения, повторил:

— Исключительно печальная картина!

— Неудачный разговор у меня сегодня с ним вышел, — продолжала Тоня. — Вы слышали, может быть... мы хотели, чтобы он учился.

— Слышал. Андрюша Мохов рассказывал, какие приспособления придумали.

— Ну вот. А он не хочет.

Тоня рассказала Саньке о споре с Павлом и хоть не обмолвилась о своей собственной обиде и словом, но ей показалось, что Маврин понял, как глубоко она лично задета.

— Да, — сказал он, опустив глаза. — Действительно, неудачно получилось...

И, внезапно прямо взглянув в лицо Тоне, спросил:

— Откровенно выражаясь, Антонина Николаевна, вы почему с этим ко мне пришли?

— Я знаю, вы Павлика любите, — просто ответила Тоня.

— Это точно. Я его уважаю.

— Значит, и помочь не откажетесь.

— Я бы с открытой душой, да чем же я помочь могу? Вы, скажем, не с того боку подошли, а я еще меньше вашего понимаю, как нужно.

— Отец как-то говорил, что вы хотите в нашей школе сдать экзамены за десятилетку. Вот и учебники я у вас тут вижу...

Санька замялся:

— Если без прикрас, Антонина Николаевна, не так я хочу, как начальство мое. А мне, извините, кажется, что пустая это затея. Николаю Сергеевичу, конечно, не передавайте, пусть между нами останется... На курсах вот, по специальности, я с большим интересом занимался, это все в дело пошло. Может, слышали, план я перевыполняю...

— Знаю, знаю. Отец говорил, что большие успехи делаете.

— А это тоже просто не дается. Надо подумать, как работу организовать, поразмыслить, как говорится... Теперь вот большое дело затеваем при поддержке Николая Сергеевича.

— А что такое?

— Хотим, знаете, весь прииск поднять. На выполнение годового плана к Октябрьской годовщине, — торжественно сказал Санька.

— Здорово! — Тоня с уважением поглядела на Маврина. — А выйдет, Саня?

— Должно выйти. Прикидывают так и этак. Парторг считает, что ежели захотим — сможем.

— Ну вот, ну вот, — заволновалась Тоня, — вы зачинщик такого дела, передовой рабочий, а с образованием у вас плохо.

— Из возраста я вышел... — замялся Маврин, — да, по правде сказать, работенка наша нелегкая. Придешь домой — отдохнуть, погулять охота, а тут сиди учись. Вот с будущего года школу рабочей молодежи обещают открыть — может, тогда, с ребятами вместе...

— Саня, — сказала Тоня, придвигаясь к Маврину с таинственным и значительным видом, — а если не в будущем году, а сейчас? С ним, с Павлом?

— Вот вы что задумали! — воскликнул Санька. — Понимаю... На его,

так сказать, ответственность! Помолчите, Антонина Николаевна, не говорите, прошу вас, ни слова!

Он запустил пальцы в мокрые волосы и разрушил тщательно сделанную прическу. Потом вскочил, достал из кармана висевшей на вешалке куртки папиросу и закурил. При этом он хмурился, кусал губы, глядел в упор то на гитару, то на окно, а Тоня не мигая следила за ним.

Наконец Санька тщательно потыкал окурком в пепельницу, стряхнул пепел с новеньких брюк и сказал:

— Учение — нож для меня острый, Антонина Николаевна. Но для друга — постараюсь...

Тоня тепло улыбнулась:

— Только это ведь аккуратно нужно, Саня. Без пропусков, как на работу.

— Не стражайте. Сам понимаю, что тяжело будет.

— Пойдем, — сказала Тоня вставая. — Шахматы отложишь до другого раза.

— Куда?

— К Иллариону Рогальскому сначала, а потом к Бытотову, секретарю школьного комсомола.

На другой день к Заварухину пришел Илларион. Павел был тих и молчалив. «Пожалуй, весь пыл из него во вчерашнем разговоре с Тоней вышел...» — подумал Рогальский.

— На учет мы тебя как комсомольца взяли, — сказал он деловито, — а вот комсомольского поручения до сих пор никакого не дали. Это плохо.

На лице Павла отразилось живое беспокойство:

— Что же я теперь могу, Илларион?

— Комитет тебя обязывает через год сдать экзамен на аттестат зрелости и помочь повторить курс семилетки Александру Маврину — забойщику.

— Учиться не буду, Лариоша, — глухо выговорил Павел. — Я Тоне объяснял уже.

— То, что ты Тоне говорил, твое частное дело. А я тебе решение комсомольского комитета сообщаю. Отказа не приму. Да ты при ребятах его и не повторишь. Они все сегодня будут у тебя.

Они промолчали до прихода товарищей.

Ребята вошли все сразу, в доме стало шумно. Толя Соколов выложил перед Павлом все свои приспособления и заставил его потрогать каждую фигуру.

— Пойдите! Погодите! — говорил растерянный Павел.

Он вскочил с места. Руки его сильно дрожали.

— Годить, Павлуша, — только время терять, — спокойно возразила Нина Дубинская. — Имей в виду, что завтра я даю вам с Саней первый урок математики.

— Да ведь уедете вы... — пытался возражать Павел.

— Мы уедем — другие комсомольцы останутся.

— А доктор специальные учебники тебе привезет из Москвы!

— Как! И учебники заказали?

— Конечно. Это Надежда Георгиевна!

— И Надежда Георгиевна за то, чтобы я учился?

— Ты думал, что она будет против? Да она сама консультации тебе будет давать.

— И Петр Петрович!

— А ездить сюда?.. Ведь зима настанет...

— Договоримся с начальником гаража. Шоферы помогут. Трескин и Малеев по два раза в день мимо ездят.

— Ребята! Ребята! Как же вас... Что же вы делаете со мною?..

Павел тяжело опустился на скамейку и закрыл лицо руками.

— Ты не волнуйся, старик, — с грубоватой лаской сказал Мохов. — И не подкачай уж, пожалуйста. Слышишь? Надеемся на круглые пятерки.

Глава четвертая

— Тоня! Кулагина! Я тебя к бутарке хочу поставить. Не возражаешь?

Андрей Мохов, загоровший до того, что его всегда румяные щеки казались сизыми, озабоченно смотрел на Тоню.

— Куда хочешь, Андрюша.

Они пошли по участку, где должен был начаться воскресник.

Мохов подвел Тоню к длинной бутаре.

— Работа тебе знакомая. Сейчас начнем... По местам! По местам, ребята! — зычно крикнул он.

— Погоди командовать, бригадир, — остановил его Кирилл Слобожанин, подошедший к ним вместе с Митей Бытотовым. — Значит, у тебя по списку вышли все? — спросил он Бытотова.

— Школьники-комсомольцы вышли на работу все, — отчеканил Митя, и Тоня сочувственно посмотрела на него.

Она знала, как волновался Бытотов, все ли придут на воскресник. Особенно беспокоили его окончившие. Митя бегал к каждому в отдельности и всем говорил:

— Это Надежда Георгиевна на партбюро подняла вопрос о воскреснике... Понимаешь, я обещал, что придем в полном составе.

Бывшие десятиклассники не подвели.

— Работать сегодня будет весело, — улыбнулся Тоне Слобожанин: — сейчас к нам духовой оркестр прибудет.

Тоня, щурясь от солнца, огляделась кругом. Далеко по широкому логу разбежались шахты. На ближайшем копре горела чуть заметная днем красная звездочка. Это стахановская шахта, в которой работает отец. Сегодня у Николая Сергеевича выходной день, и он тоже где-то здесь, на воскреснике.

Справа от Тони уходили вдаль ровные холмы отвалов. Одни из них поросли буйными травами и мелкой березкой. Это «торфа», как говорят горняки, то-есть верхние слои почвы, снятые когда-то. Они никогда не содержали в себе золота и закрывали золотоносные пласты. Другие отвалы, из эфелей¹ и гальки, были чуть прикрыты зеленью. Это уже промытая порода, из которой извлечено золото. Назывались они «хвостами». Их сегодня школьники и собирались штурмовать.

Тоня знала, что прииск Таежный из месяца в месяц перевыполняет план добычи песков, промывки, сдачи золота и горноподготовительных

работ. Уже на всех участках прииска было горячо обсуждено и принято предложение Маврина и его товарищей — выполнить годовую программу к Октябрьской годовщине, а к январю закончить программу первого квартала следующего года.

¹ Э ф е л ь — мелкий песок, из которого уже извлечено золото.

Выполнить такое серьезное обязательство было нелегко, тем более что две старые шахты стали давать очень мало золота, а две новые, от которых многого ждали, только еще вступали в строй.

Парторганизация и директор старались найти всевозможные способы помочь плану сейчас, до того как новые шахты дадут настоящие результаты. Все знали, что это будет скоро, но пока нужно было не снижать добычу золота. Парторг Трубников предложил взяться за переработку старых отвалов, а Сабурова посоветовала начать это дело общим воскресником и привлечь к нему школьников.

Старые отвалы давно промытых песков, конечно, не имели крупного промышленного значения, но кое-что добыть из них было можно. При промывке породы, в особенности мясниковатой — вязкой, часть золота непременно сносится водой в хвосты. Дядя Егор Конюшков уверял даже, что с годами отвалы богатеют, в них накапливается золото. Ничего удивительного! Солнце, дожди, ветер добросовестно работают, выветривают, окисляют, разрушают породы старых отвалов... А с золотом они ничего не могут сделать, оно остается на месте. Об этом Петр Петрович рассказывал, когда Тоня училась еще в пятом классе и школьники ходили на экскурсию в разрезы и шахты, а потом сами промывали пески. Но тогда ей не представлялось так ясно, как сегодня, сколько унесенных водой крупинок и чешуек золота годами покоится в отвалах. Она, Тоня, и ее друзья сегодня должны извлечь на свет эти крупинки драгоценного металла.

Вдоль главной линии отвалов были наклонно уложены баксы — длинные железные желоба. Там стояли ребята с кайлами и лопатами в полной боевой готовности. Тоню заметили, и Петя Таштыпаев издали помахал ей рукой.

На высокий деревянный помост стали подниматься музыканты. Ослепительно горели начищенные инструменты. Было похоже, что по лесенке всходит огромная сияющая труба, к которой приставлены человеческие ноги.

Музыка грянула резко и рьяно. Это был сигнал к началу. И тотчас вся обширная площадь работ пришла в движение. По сплоткам, проведенным из водоприемной канавы, побежала вода, и ребята, взмахнув лопатами,

начали обрушивать борта отвалов в баксы.

В одном месте группа школьников разместилась вокруг большого зумпфа — неглубокой, похожей на круглую чашу ямы, наполненной водой. Здесь породу промывали в деревянных лотках. Рядом стайка девушек, пристроив к старому отвалу «проходнушку» — жолоб, устланный ковриками из прутьев и мешковины, — бросала туда лопатами илистые эфеля и гальку, перемешанные с кусками глины — «мясинки». В ковриках должны были оседать золотые чешуйки, в то время как глина и песок смывались водой. В отдалении работали гидравлические установки, или «гидравлики». Там мощные струи воды, идущей по трубам под сильным давлением, с шумом вырывались из мониторов — стальных наконечников труб. Над местом работ стояла радужная водяная пыль. Мониторщики, ловко орудуя «водилом», направляли воду. Тяжелые водяные пики, вонзаясь в породу, отрывали от нее огромные глыбы. Второй монитор гнал пески в золотоулавливающие шлюзы, а третий угонял «хвосты» после промывки.

«Ну, сегодня все в ход пошло, — подумала Тоня, — и новые «гидравлики» и старинные бутары».

Тоня внимательно оглядела свою бутару. Деревянный наклонный жолоб... Наверху — колода с люком. Сюда насыпается порода. Она проходит через крупное сито — грохот, на котором застревает крупная галька, а затем порода, подхваченная струей воды, несется по жолобу вниз. Дно жолоба устлано ворсистыми матами, покрыто плетеными проволочными «трафаретками». В этих сетках должны застревать тяжелые крупинки золота.

Двое парнишек опрокинули в люк Тониной бутары первую тачку породы. Вода лилась прозрачной, играющей на солнце струей, а в жолоб стекала мутная, желтая от размытой глины и песка.

Тоня с силой протирала породу гребком; крупные камешки, застрявшие на грохоте, она отбрасывала в сторону.

— Эй, не дело! Не дело! — закричал за ее спиной Слобожанин. — Почему тебе Мохов напарницу не выделил? Одной несподручно...

Он убежал и через минуту возвратился с Маней Заморозовой:

— Становись вот сюда. Бери гребок.

Маня жалобно взглянув на него, взяла гребок и принялась протирать породу.

Солнце поднималось все выше и палило все сильнее. Спина у Тони скоро взмокла, руки отяжелели, но останавливаться было нельзя: мальчики подвозили тачку за тачкой. С шумом сыпалась в люк порода; сухо постукивала отброшенная галька; вода, журча и завихряясь на порошках,

бежала по жолобу.

Тоня изредка вытирала пот и подбадривала Маню:

— Не зевай, не зевай!

— Сильна ты очень, что ли? — сказала красная, распаренная Заморозова. — Я уж чуть руками шевелю, а ты, видать, и не устала вовсе!

Тоня искоса посмотрела на Маню и засмеялась:

— Я тоже устала. Только у меня средство есть, как об усталости не думать.

— Какое же средство?

— А я думаю о золотинке... Как она глубоко под землей в породе лежала... Могла бы и век там пролежать, да люди пришли, шахту вырыли, подняли золотинку на свет. Она думает: «Как спастись?» Стали породу промывать, удалось золотинке убежать с водой. Опять в отвалах годы лежит, радуется: «Ушла я от людей!» Теперь снова ее потревожили... Она от меня скрыться хочет, а я все равно ее поймаю. Никуда не убежит, застрянет...

Маня, слушавшая с полуоткрытым ртом, недоверчиво улыбнулась:

— Ну и чудачка ты, Тоська! Выдумываешь себе сказки, как маленькая!

Однако работать она стала энергичней и по временам с улыбкой взглядывала на Тоню, словно хотела сказать: «Не бойся, не убегут наши золотинки!»

Когда Слобожанин ударил в висевший на сухом дереве кусок железа, возвещая перерыв, вода перестала поступать на бутару и Тоня начала искать место, где бы присесть, к ней подошел отец:

— Насилу тебя разыскал!

— А я тебя высматривала. Ты где же?

— На баксах. За вашими парнями наблюдаю. Ничего работают! Пойдем-ка в холодок, закусим.

Отец увел Тоню в тень от большого дерева. Тут у него стояла корзинка с завтраком. Николай Сергеевич вынул и хозяйственно разложил на белой тряпке хлеб, огурцы, кусок холодной рыбы и бутылку с молоком:

— Садись, отведай хлеба-соли.

Тоня отошла в сторонку, сполоснула лицо и руки чистой водой, еще струившейся по сплоткам, и принялась за еду.

Она быстро отломила от всех нарезанных отцом ломтей хлеба корочки и, плутовато улыбаясь, подсунула Николаю Сергеевичу мякиш.

— Ну, я вижу, дочка веселая — значит, работка по плечу, — пошутил отец.

— А я всегда после работы веселая. Кажется мне, что я сильнее и

здоровей стала.

Тоня быстро покончила с едой и задумалась. Она видела перед собою чуть нахмуренное лицо Павла. Склонив голову, он внимательно слушал урок. А отвечал, явно волнуясь. Перед тем как начать, откашливался и обдергивал рубашку, словно третьеклассник. Их вожак, сильный и смелый Павлик, превратился в покорного ученика.

Первое время Тоня следила за Павлом с некоторым недоверием. Она опасалась, что вот-вот он отодвинет в сторону карандаш и лист бумаги, на который, несмотря на линейки Соколова, ложились кривые и неуверенные каракули, и скажет: «Довольно, больше не стану заниматься».

Были выработаны специальные правила поведения для учителей Заварухина.

— Главное, товарищи, терпение и спокойствие, — сказала как-то Лиза и вызвала у всех улыбку.

— А ты нам дай примерный урок, Моргунова, — съязвил Андрей.

Удар попал в цель. Ребята захохотали, а Мохов победоносно оглядел товарищей. Обычно приходилось ему терпеть Лизины насмешки.

На этот раз Лиза ограничилась только уничтожающим взглядом в сторону Андрея и кротко ответила:

— Я урока дать не могу. Мне ведь до сих пор только с тобой приходилось заниматься, а с тобой никакое терпение не выдержит. — Не дав Андрею ответить, она продолжала: — Если он будет расстраиваться, что не выходит, не получается, нужно ровно, мягко его направлять. Пусть каждый в это время представляет, как бы Надежда Георгиевна себя вела.

Настроенные таким образом, «педагоги» шли на урок и всегда заставляли Павла готовым, сидящим за столом, где были аккуратно разложены пособия.

— Сто раз все перетрогает, так ли лежит, — сообщала ребятам по секрету тетя Даша. — А уж нервничает перед уроком, не дай бог! Видно, боится, что не придете.

Несмотря на всю бережность, проявляемую друзьями к Павлу, никто из них, и Тоня в том числе, не знал, какой глубокий внутренний переворот совершался в нем.

Главным чувством в душе Заварухина, чувством, покрывающим все остальные, был стыд. Друзья, от которых он так отгораживался, которых сам, не вполне отдавая себе в этом отчет, не считал способными по-настоящему помочь ему, оказывается, не хотели тешить его необдуманными, высказанными сгоряча надеждами, а серьезно и обстоятельно подготовили свою помощь. И Тоня, конечно, хлопотала

немало... (Бессознательно Павел приписывал ей главную роль в этом деле.) А как он говорил с ней тогда в лесу! Какое он имел право возвращать ее своим разговором к тем дням перед его отъездом, когда она обещала ждать?

С Тоней он заставил себя объясниться и сказал ей:

— Ты не сердись за давешнее... в лесу... Я был неправ.

Голос Тони, как ему показалось, прозвучал отчужденно:

— Я не сержусь, Павлик. Только ты теперь-то учись...

«Так и есть... Только об учебе... Она и тогда обиделась за отказ учиться, ни за что больше...» — промелькнуло в мыслях у Павла, но, вздохнув, он сказал с той серьезной искренностью, которая так нравилась в нем людям:

— Об этом не беспокойся. Не пожалеете, что взялись.

Объяснение не удовлетворило ни его, ни Тоню, но она все же уловила виноватую нотку в голосе Павла. Это ее обрадовало и в то же время рассердило. Она чувствовала, что придает значение мелочам, каждому оттенку в его поведении и словах.

«Почему это я всякое лыко начала в строку ставить? — удивлялась Тоня. — Он скажет что-нибудь не подумавши, а я неделю гадаю, к чему он это сказал. Глупо! А может быть, так всегда бывает, если любишь? Да не о себе сейчас нужно... Важно, чтобы Павлик учился. Если все пойдет, как сейчас, конечно он выдержит экзамены и аттестат получит. Только я-то уже уеду, буду далеко отсюда... Неужели не увижу его победы, не смогу участвовать в ней?»

Тут мысли Тони словно спотыкались о какой-то порог. Она заставляла себя порога не переступить. Пусть все решится, когда придет время.

А Павел не переставая думал о Тоне и пришел к выводу, что лучшая награда за ее заботы о нем будет не поминать никогда и ни при каких обстоятельствах о прежнем. Пусть видит в нем товарища, такого же, как Андрей, Петя и другие.

В день воскресника Заварухин, поджидая Маврина, снова перебрал в уме все, что произошло. Те соображения и мысли, которыми он жил последнее время, оказались опрокинутыми. Он вновь путался и терялся, но чувствовал всем существом, что начинается другая жизнь, что вокруг него потеплело.

«Буду учиться!» Эти слова заставляли его непроизвольно улыбаться и снова переживать вину перед товарищами.

Услышав, как переговариваются на улице две женщины, несущие воду, — одна визгливым старушечьим, другая густым певучим голосом, — он вспомнил разговор между солдаткой Петровой и теткой Матреной

Филимоновой. Разговор этот он и Тоня услышали весною, когда кончали восьмой класс.

Был вечер, ребята возвращались с огородов. Они с Тоней присели на лавочку...

«Скажи на милость! — рассуждала Петрова. — Малый-то таштыпаевский бывало норовил в чужом огороде пошарить, а нынче пришел с двумя мальчонками помоложе да все гряды мне и вскопал!»

«Дак ведь, дорогая, — тянула нараспев баба-штейгер, — в комсомольский возраст взошел! И в школе нынче учат людям помогать. Директор Надежда Егоровна крепко на том стоит».

«Разве можно лучше похвалить школу, чем эта старуха? — сказала тогда Тоня. — Слышал: «школа учит людям помогать!»

«Когда я подумаю, что не одна наша школа этому учит, а все, сколько их у нас есть, мне так весело становится, таким гордым я делаюсь, что запеть хочется!» — отозвался Павел.

«Я понимаю... Это как у Маяковского: «Читайте, завидуйте...» Да?»

«Да, да! Вот смотрите: я учусь в лучшей школе мира — в школе, которая учит помогать людям, любить друзей, не щадить врагов и... не знаю, как дальше, я ведь стихов не пишу. Там хорошие должны быть слова. Хоть мы с тобой и не поэты, а сочиним когда-нибудь такую песню».

Песню не сочинили, потому что не умели и двух строчек срифмовать, но она звучала в них, и это было главное. Она усиливала радость, когда что-нибудь удавалось, и утешала, когда бывало трудно.

Вот эту-то песню он, видно, забыл, потерял... А если бы помнил, легче бы переносил свою беду. Разве его родная школа, товарищи изменились? Нет, все осталось прежним. Только раньше он сам помогал людям, теперь ему помогут, и эту помощь принять не стыдно, не зазорно...

Он дружески встретил пришедшего Маврина и спросил, почему тот не на воскреснике.

— А я с ночной смены... Выспался, потом все-таки зашел туда, поработал немного.

— Кто из наших там?

— Все, — отвечал Санька: — Андрюша с товарищами, девчата, Антонина Николаевна тоже.

— Ну садись, читай вслух условие задачи...

А на воскреснике продолжалась работа.

— Разгребайте, девушки, хорошенько, — учил дочь и Маню Николай Сергеевич. — Загрузка у вас неравномерная: то быстро парнишки песок подвезут, то медленней. В головке бутары может затор образоваться. А при

заторе больше золота уйдет в хвост. Оно здесь, в отвалах, мелкое, пловучее.

— А вот вы из забоя породу подаете на промывательный прибор — там тоже заторы бывают? — спросила Маня.

— Там породу транспортер подает, он с одной скоростью двигается, загрузка-то равномерней.

Николай Сергеевич ушел, и девушки, почти не разговаривая, проработали до шести часов.

Вода стала поступать тише, и сердитый мастер Дровянников с дядей Егором пришли снимать металл с промывательного прибора. Для этого были подняты и отмыты уложенные в шлюзе трафаретки. Лежащие под трафаретками ворсистые маты тоже тщательно прополаскивали.

Теперь в шлюзе бутары остался тяжелый осадок — серый шлих. В серовато-черных каменных осколках поблескивали редкие желтоватые крупинки.

— Глянь-ка, и здесь золотишки с кварцем попадают, — сказал дядя Егор Дровянникову.

— Девушкам рассказывай, а я слышал, — угрюмо ответил мастер.

— А нам нечего и рассказывать! Мы знаем, что это такое, — задорно отозвалась Тоня, не любившая мастера за неприветливость и грубость.

— Что же это такое?

— Остатки кварцевой жилы. Когда-то она тут пролежала, потом разрушилась, и россыпь образовалась.

— То-то и оно! — наставительно сказал мастер дяде Егору. — Девчонка несмышленная, и то понимает. Была жила когда-то. Понимаешь? Бы-ла! А вы, старики, все воображаете, что она цела и обнаружится. Эх вы, мечтатели! — прибавил он презрительно.

— Отчего же не помечтать? — не обидевшись, сказал старый Конюшков. — Бывает и так, что не все коренное месторождение разрушается, часть-то остается.

— Тьфу! Толкуй с тобой! — сплюнул мастер. — Давай рукав! — крикнул он мальчишке-подручному.

Сильная струя воды смыла все, что осталось в шлюзе. Дядя Егор лопаточкой собрал шлих в ендовки — открытые железные ящики, похожие на корыта.

— Ну, можете шабашить, девчата, — проворчал Дровянников.

— Ты идешь, Тося? — спросила Заморозова.

— Иди, я дядю Егора к вашгерду провожу.

К доводному вашгерду — короткому широкому шлюзу — со всех сторон подходили съемщики с ендовками. Дядя Егор ласково отстранил

стоявшую у головной части шлюза бледную маленькую девушку:

— Ну-ка, Зина, дай мне стариной тряхнуть, старательство вспомнить.

Тоне хотелось поговорить с Зиной, которую она запомнила после беседы о литературе в молодежном бараке, но, глядя на работу дяди Егора, она забыла о ней. В руках Конюшкова деревянный гребок с короткой ручкой двигался неуловимо быстро. Старик, не допуская шлих к концу шлюза, все время возвращал его к головке вашгерда. Гребок так и плясал в умелых стариковских руках.

Тоня забыла о времени и очнулась, когда отец дотронулся до ее плеча.

— Сейчас, сейчас, папа!

Дядя Егор уже уменьшил поток воды и разравнивал шлих.

Тоня рассказала отцу про воркотню Дровяникова.

— Чего он к дяде Егору вяжется?

— А это все то же, из-за чего я с Михаилом Максимовичем разошелся.

— Я помню, и ты не раз поминал, что попадаются золотники с кварцем.

— То-то, что попадаются. Как будто это показатель, что россыпи идут от кварцевой жилы... Да ведь бывает и так, что обманут эти кварцевые осколки. Инженер на то и напирает. Вот прииск Веселый на Олёкме на эти признаки крепко надеялся. Люди мечтали, что богатую жилу найдут, ан нет! Шестой десяток лет там работают. Россыпь и россыпь, так она и идет, а жилы никакой не объявилось, хоть и искали.

— А у нас тоже ищут?

— Как не искать — ищут! — усмехнулся дядя Егор. — А мы с Николаем Сергеевичем по-стариковски думаем свое. Чем повсюду искать, деньги на разведку тратить — пощупать бы Лиственничку.

— Ну, а с директором об этом ты так и не говорил?

— Не выдержал, сказал как-то в удобную минутку. Был он у нас в шахте...

— Ну, и что же?

— Бодро так ко мне обернулся: «Думаем об этом, товарищ Кулагин, думаем»... Что — то больно долго думают, а дело ни с места.

После доводки на вашгерде шлих превратился из серого в черный. Это были мелкие частицы магнитного железняка, в которых отчетливо выделялись золотишки.

— Добро! — сказал Николай Сергеевич. — Повидалась со своим золотом? А теперь прощайся с ним. Сейчас его просушат, магнитом уберут железняк и понесут сдавать... А в тебе, однако, горняцкая кровь-то заговорила! Работала ты сегодня с огоньком.

— Да, знаешь, слышать разговоры о золоте — совсем не то, что намыть его своими руками. Я, кажется, завтра бы опять работать вышла!

Глава пятая

— А нашего полку убыло, слыхала?

— Да она, наверно, еще ничего не знает!

Этими восклицаниями встретили Тоню друзья, когда она вошла в школьную столярку.

Здесь заканчивался ремонт парт и столов. Новый учебный год школа должна была встретить в полном порядке.

Тут же Толя Соколов доделывал последние пособия, нужные Павлу. Выпускники любили сюда заходить по вечерам. Здесь пахло свежей краской, смолистыми стружками, и в кажущемся хаосе рабочего помещения был свой, особый уют. Столярка даже получила название: «клуб отъезжающих».

Сейчас, увидев ребят, разместившихся на верстаках, досках и просто на стружках, взглянув на взволнованную, покрасневшую Лизу, Тоня поняла, что произошло какое-то важное событие. Петр Петрович заглядывал в окно столярки со двора. Он один казался по-обычному невозмутимо угрюмым.

— Ничего не знаю. Что случилось?

— Андрюха-то никуда не едет! В шахте остается!

— Правда?

Тоня с интересом посмотрела на Андрея. Лицо упрямое и довольное, только на Лизу поглядывает виновато.

— Ну, расскажи, расскажи, Андрейчик!

— Что же тут рассказывать? Остался в шахте, да и все.

— Видели нескладеху? — горячилась Лиза. — «Остался, да и все»! — передразнила она Андрея. Тебе что, шахта высшее образование даст?

— Погоди, Лизаветушка, — мягко останавливала подругу Женя. — Ты его запугала совсем.

— Именно, что запугала, — сказал неожиданно громко Андрей. — Слова сказать не даст! Ох, и тиранка, мироед, честное слово! Вот я вам сейчас расскажу, ребята, почему так получается... — Он помолчал, подбирая слова. — В общем, шахта для нас всех дело родное, правда? А для меня особенно.

И дед был старателем, и отец раньше старался, теперь забойщиком стал... Вы знаете, золото я мыл каждое лето. Только в сорок пятом на тракторе работал, тогда не мыл...

— Мыл, не мыл! — опять взвилась Лиза. — Чистый телок! Мычит, а толку никакого!

— Ладно, пусть я буду телок... Раньше все это по — ребячьи делалось. Главная цель была — намыть побольше, подработать... Ну, а нынче я самым делом увлекся. Такой азарт меня взял... Ребята, ведь по золоту ходим! Сколько возьмешь — все в дело пойдет. В шахтах теперь оборудование новое вводится, механизация... Я машины люблю... Ну, душа горит, охота пришла... Я же за книгами десять лет сидел, меня прииск учил, мне теперь поработать хочется, отплатить за свое ученье.

Андрей умоляюще посмотрел на товарищей, словно прося разрешения поработать.

— Но ведь ты больше пользы принесешь, если образованным станешь, — возразила Нина.

— Я разве против образования? — обиделся Андрей. — Увижу, что мне для дела знаний не хватает, — пойду учиться.

— Ты просто загордился. Вообразил, что без твоей помощи прииск план не выполнит! — фыркнула Лиза.

— Вот правильно! Это ты правильно... — вдруг обрадовался Мохов. — Да, кажется мне, что без меня не выполнит. Пусть смешно, но так я думаю. И почему я против себя должен идти, если хочется здесь остаться? Дружить, я думаю, мы не перестанем оттого, что Илка студент, а я, скажем, крепильщик...

— Нет, это-то чепуха явная, — сказал, хмурясь, Илларион — дружить мы никак не перестанем... И вообще, ребята, я Андрюшку понимаю.

— И я, — тихо сказала Тоня.

— Вы все поймете, если подумаете, — радостно сказал Андрей. — Ванька Пасынков тоже не едет.

— Как! Ваня?

Все обратились к Пасынкову. Ваня, бледное лицо которого за каникулы покрылась чуть заметным загаром, застенчиво улыбался, слушая спор.

— А мечтал-то! — возмутилась Лиза. — «Я географ! Я всю страну обследую!»

— И обязательно обследую. Что сказал — сделаю. Но я хочу всю страну, даже весь свет объездить, а своего края толком не знаю. Просто, мне кажется, неудобно, неловко для будущего географа-путешественника. Решил идти коллектором с геологической партией.

Этим летом в «посетительской», как назывался дом для приезжих, было особенно шумно и тесно. Одни геологи приезжали, другие собирались в горы, третьи возвращались из поездок. Сейчас там жила

большая партия перед отправкой в дальнюю горную экспедицию.

— Нет, хорошо Иван придумал, — заявил Илларион вставая.

Он попробовал было пройти по столарке, но, наткнувшись на чьи-то ноги, остановился.

— Ты сядь, Журавель, здесь все равно не разгуляешься, — ласково сказал Мохов, вспомнив детское прозвище Иллариона.

Рогальский сел.

— Вот почему хорошо, — продолжал он. — Вы помните, сколько знаний давали нам наши школьные походы? А Ваня с настоящей экспедицией пойдет, многому научится. Такому студенту цена будет выше, чем другим, которые прямо со школьной скамьи...

— Петр Петрович, почему вы молчите? Скажите ваше мнение, — взволнованно попросила Тоня.

Петр Петрович не спеша закурил.

— Я приветствую решение Пасынкова, — сказал он. — Ветерком его обдует, сильнее станет... И Мохов прав. Вы поймите это законное нетерпение поскорее для своей страны поработать. Чувство патриотическое.

— Выходит, Андрей и Ваня патриоты, а мы нет? — всплеснула руками Лиза.

— У вас, Лизавета Панкратьевна, как всегда, пересол, — возразил Петр Петрович. — Все мы патриоты, но каждый по-своему решает, где он в данное время будет больше на месте. Вот вы — будущий медик. Пока не выучитесь, лечить не сможете, верно? Соколов дома строить не сумеет без окончания института. Вам с амбулаторной няни начинать или Соколову с десятника — смысла нет. А в горном деле очень полезно азы пройти. Да вот Тонин отец, Николай Сергеевич... Откатчиком начал, а теперь понимает в работе не хуже инженера. Практикой этого добился. Сейчас, когда приisku так нужны люди, каждый человек — большая помощь. Вы и сами это прекрасно понимаете. Вам просто досадно, что Мохова в Новоградске не будет.

Замечание Петра Петровича, видимо, понравилось Мохову. Он просиял.

— Ой, что вы! — воскликнула Лиза в смущении. — Я и тут досыта на него насмотрелась. Сокровище какое! А вы, Петр Петрович, — прибавила она в отместку, — стоите на воле, а дым пускаете в помещение. Вон Женя кашляет.

— Это возможно. Прошу извинить, — согласился Петр Петрович.

А Женя, покраснев и негодуя, взглянув на Лизу, зашептала ей:

— Как ты нетактично!.. У меня просто бронхит.

— Люблю Женю за бойкость! — выпалил Петя.

Женя еще больше покраснела. Ребята захохотали.

— А вы, девушки, как свою судьбу решили? — спросил Петр Петрович Маню Заморозову и Стешу Сухих. Обе они смиренно сидели в углу на куче стружек и не вступали в разговор.

— Мы тоже в Новоградск скоро поедem, — объявила Маня, вставая и отряхивая платье.

— Значит, учиться надумали?

— Да нет... Будем на работу устраиваться.

— На какую?

— Не знаю еще. Там посмотрим...

— Вот этого я не понимаю! — вмешалась Тоня. — Зачем ехать в Новоградск, заново устраиваться, когда работы здесь непочатый край!

— А что здесь хорошего-то? — вызывающе спросила Заморозова. — Кроме клуба, пойти некуда. Там и театры и...

— Позвольте, позвольте, — хмурясь, перебил ее Петр Петрович. — Вы для того разве школу кончали, чтобы по театрам и клубам ходить? Развлечения приятны после работы, а вы даже не знаете, какая работа вас привлекает.

— Что же ты, Степанида? — спросил Рогальский Стешу. — Всегда так любила Таежный...

— Да, я люблю... — смущенно ответила она. — От Мани отставать не хочется. Она говорит: в городе весело заживем.

— Весело везде можно жить, коли на душе хорошо! — сердито сказала Тоня. — Вы знаете, что для прииска сейчас время ответственное, и хотите в такие дни его бросить, веселой жизни искать... Это уж дезертирство какое-то, по-моему!

— Ладно! Хватит нравoучений! — отрезала Заморозова. — Десять лет ты меня критиковала. Плохо урок выучишь — ленивая, оденешься получше — легкомысленная, задание не успеешь выполнить — несознательная... Уж теперь позволь своим умом жить, без чужих советов.

Ребята негодуя зашумели, и даже Стеша укоризненно сказала Мане:

— Что же на Антонину сердишься? Она не со зла говорит.

— Ладно! Других учить нетрудно: оставайся на прииске, работай здесь, людей мало... Что же сама не остаешься, в Москву едешь? — ядовито спросила Заморозова.

— Странное дело: Тоня — медалистка!

— Как ты училась и как она!
— Да если бы ты на учебу ехала, тебе никто слова бы не сказал!
— Ты уверена, что не останусь? — вдруг побледнев, сказала Тоня. — А если останусь и в шахту работать пойду?

— Будет чушь-то городить! — в сердцах бросила Заморозова. — Пошли, Степанида!

Она ушла и увела расстроенную Стешу.

— А ты тоже хороша! Все меня горячкой называешь, а сама какими словами бросаешься! — напустилась на Тоню Лиза.

Тоня промолчала. Она знала, что товарищи ждут объяснения ее внезапных слов, но ничего не могла сказать.

Понемногу разговор перешел на другое. Видимо, все, как Лиза, решили, что Тоня погорячилась и сболтнула лишнее.

Неожиданно в дверях столярки появилась озабоченная Анна Прохоровна.

— Ты что, мама? — встрепелась Лиза.

— Боязно, Лиза, что-то. Степы до сих пор нет, отец на работе...

— Как нет Степы? Да разве он не спит?

— Нету. Время одиннадцать. Всегда уж храпит в это время.

— У Мухамета ты была?

— Была. Да вот он сам тут. Не заходил Степа к ним. И Митхата нет.

— Нет мальчишки, — подтвердил стоявший за Анной Прохоровной Мухамет. — Пришел часов в восемь, рубашка рваная, лицо царапано... Говорит — в лесу был. Я ругал его, велел ужинать и спать ложиться. Он взял кусок хлеба, две таранки. Я думал, он есть будет, — в огород ушел. Прихожу — опять нету, убежал.

— Ну, запоздали сегодня, никак расстаться не могут.

— Ты уж иди домой, Лиза, что-то боязно... — повторила Анна Прохоровна.

— Хорошо, иду, мама.

Лиза сама забеспокоилась. Встревожился и Петр Петрович.

— Давайте, товарищи, проводим Лизавету Панкратьевну.

Пришли к Моргуновым, долго сидели в маленькой Лизиной комнате. Степы не было.

— Помогите, ребята. Надо идти искать непутевого, — чуть не плача, говорила Анна Прохоровна.

— Вы не волнуйтесь, — утешал ее Петр Петрович. — Ребята моментально обойдут все дома, где он может быть.

— Идите, мальчишки, правда, — попросила Лиза.

— Сейчас я сам в одно место схожу. Там они, по всей вероятности, — сказал Петр Петрович.

Завуча и ребят ждали с нетерпением, но все вернулись ни с чем. Никто мальчишек не видел. С Петром Петровичем пришла встревоженная Новикова. Она сказала, что сегодня Степа и Митхат к ней не заходили.

— Они вчера говорили, что в тайгу нынче пойдут. Могли заблудиться... Надо идти, товарищи, надо искать, повторяла Татьяна Борисовна.

— Моя-то здесь? — раздался голос Варвары Степановны.

Она вошла, держа какой-то сверток, и обратилась к плачущей Моргунихе:

— Не вой, Прохоровна, найдут! Не было еще у нас такого случая, чтобы ребенок в лесу пропал! Я не утерпела, пошла вслед за вами, Татьяна Борисовна. Вот фонари, ребятушки. Два у нас, оба и захватила. А тебе, Тоня, лыжные брюки и куртка. Надень — теплее будет и не изорвешь так скоро, как платье.

— Вот это мамаша! — сказал Андрей Мохов. — Тетя Варвара, до чего же приятно смотреть на такую сознательную мать, как вы!

— Будет тебе, Андрюша! Сейчас нам всем самое приятное — на мальчишек посмотреть.

— Наподдать Степке хорошенько, вот что мне будет приятно! — сказала Лиза и заплакала.

— Двинулись, товарищи! — скомандовал Петр Петрович. — Женя и Нина остаются, Татьяна Борисовна тоже. Зайдем за Александром Матвеевичем, поделимся на партии — и в горы.

Было уже около часа ночи, но Александр Матвеевич, в белоснежной рубашке и отглаженных брюках, еще одиноко пил свой вечерний чай, когда ребята постучали в его окошко. Он собрался в две минуты.

Стали разбиваться на партии. Неожиданно снова появилась Новикова с толстой палкой в руках.

— Пришли все-таки? — проворчал Петр Петрович.

— Конечно, пришла. Они ведь меня любят, может быть мой голос узнают.

— Товарищи, а они не в Белый Лог убежали? Там сегодня была кинопередвижка, — предположил кто-то.

— Отменили сеанс, у клуба объявление висело.

— Ну, так кто куда?

Мухамет, Илларион и Пасынков отправились по направлению к Белому Логу; Александр Матвеевич, Лиза и Петя — в сторону

Яковлевского прииска; Соколов и Мохов — к Блин-горе, а Петр Петрович, Новикова и Тоня решили подняться на голец.

— Как пойдем? В обход? — спросила Тоня.

При выходе из поселка начиналась заросшая, когда-то покрытая деревянным настилом дорога на голец. Можно было подняться и по тропе, идущей через Малиновую гору и Мокрый Лог.

— По тропе идем, — решил Петр Петрович. — Потрудней, да ближе. И ребята сюда часто за малиной бегают.

Он шел впереди и время от времени, приложив ко рту ладони, кричал:

— Ого-го! Степа-а! Моргунов! О-го!.. Вы опять в кустах завязли? — спрашивал он Новикову. — За мной следом идите. Не широка тропка, а разобрать можно.

Шли долго. Татьяна Борисовна вскрикнула, услышав унылое уханье филина. Непролазный малинник, протягивая свои плети через тропку, мешал двигаться. Когда на полугорье тропа начала спускаться к логу, облака разошлись и выглянула луна.

Новикова остановилась прислушиваясь; ей почудился ответный крик. Но Петр Петрович сказал, что это Мохов окликает мальчиков у Блин-горы:

— Я знаю его бас...

Горная тишина словно давила на плечи, и Тоне, шагавшей за Татьяной Борисовной, все время хотелось распрямиться.

— Надо, надо... — тихо пробормотала она и с удивлением поняла, что говорит сама с собой.

Да, надо было распрямиться, полным голосом повторить слова, слетевшие сегодня с языка, покончить с тем, что давило и пригибало ее последнее время.

Постоянная забота о Павле, посещения Белого Лога, возобновившиеся после экзаменов занятия с приисковой молодежью, домашние дела совсем не давали Тоне времени пристально подумать о себе. Но за всем этим недосугом она все явственней ощущала сначала смущение, а потом внутренний протест при мысли об отъезде.

Слова, рассердившие сегодня Заморозову, вырвались у Тони не в раздражении. Она была бы рада сказать родителям, друзьям, Павлу, что ей хочется остаться в Таежном.

Еще так недавно она думала об отъезде с волнением и радостью... Но не это смущало Тоню. Пусть ее настроения непоследовательны. Это понятно — за прошедшие недели многое изменилось. Волновало другое: права ли она, не желая уезжать? Из-за чего хочет остаться?

Павел? Да, конечно. Разлучиться сейчас, когда друг так чудесно

нашелся, казалось невозможным. Не то чтобы Тоня беспокоилась, боялась, что без нее плохо пойдут занятия. Нет, она знала, что Павел не будет одинок — Надежда Георгиевна, Петр Петрович, ребята помогут ему. Иначе быть не может. Но сколько бы ни было около Павла друзей, разве кто-нибудь относится к нему так, как она, Тоня? Он еще не привык к своему несчастью, не встал на ноги. С ней ему будет легче. Да и не только в нем дело: она сама не может расстаться с Павлом, не видеть его, не быть рядом.

Все это казалось ясным и убедительным, но было и другое.

Весь год сложился так, что работа прииска стала близко касаться Тониной жизни. Беседа с молодыми горняками, работа на дамбе весной и на воскреснике летом, разговоры отца и дяди Егора, речь секретаря обкома, а главное, его беседа с Кычаковым — все это заставляло Тоню чувствовать свою «горняцкую кровь», как сказал отец.

Она первая осудила бы девушку, которая из-за своих чисто личных чувств не поехала бы учиться. Ведь долг комсомолки и отличницы — продолжать образование. Но разве ее желание остаться принесет прииску вред? Сейчас так нужны люди! Она не отказывается от учения, она только откладывает его. Ее примут и на следующий год: у нее медаль. А нынче она поработает здесь, ей очень хочется, хочется, как Андрею, которому кажется, что без него не выполняют план.

«А если бы Павел не приехал, — думала Тоня, — посмела бы я заявить о своем желании? Нет, наверно побоялась бы огорчить отца... Значит, главное все-таки Павел?»

Может быть, просто кажется, что работа на прииске само по себе так привлекает ее? Может быть, это только самообман, желание оправдаться в собственных глазах?

Нет, нет! Ведь тогда, на выпускном вечере, она уже задумывалась, как нужно поступить. Правда, тогда она решила, что один человек ничем не поможет. А теперь оказалось, что не едет и Андрей. И Ваня, вернувшись из экспедиции, конечно начнет работать на прииске. И Стеша с Маней. Они останутся здесь, она уговорит их. Значит, уже пять человек.

«Да что это я! — спохватилась она. — С ума сошла? Как будто дело уже решено!..»

Тоня не замечала, как далеко они отошли от поселка, не слышала, о чем говорят Петр Петрович и Новикова. Сомнения измучили и запутали ее.

«Не могу уехать от Павлика! Не могу! Не хочу! — твердила она. — А если бы.»

Тоня даже приостановилась на минуту и строго спросила себя:

«Если бы я знала, что мой отъезд нужен, необходим прииску,

комсомолу? Если бы, например, оттого, что я не уехала, работа пошла бы хуже?

Уехала бы. Завтра. Сегодня. Сейчас. Не простилась бы с Павлом, если на то пошло», — ответила она себе.

Категоричность ответа и твердая уверенность, что именно так она бы поступила в этом придуманном фантастическом случае, немного успокоили ее. Она бросилась догонять завуча и Новикова. Ей захотелось услышать их голоса, разорвать неотвязную тишину, не оставаться больше со своими мыслями.

— Вы помните, Петр Петрович, как мы сюда лет пять назад приходили с вами? — сказала она первые пришедшие на ум слова.

— Помню. Еще на клубок змей наткнулись. Они грелись на каменной плите... Ну, давайте спускаться. Татьяна Борисовна, осторожней!

Внизу кипел туманом Мокрый Лог. Страшно было погружаться в этот мутный океан, где цепкие травы, как водоросли, оплетают ноги, где трудно дышать и, как ни напрягай зрение, ничего не увидишь, кроме белой мглы.

Двигались гуськом, держась за палку. Тоня не первый раз бывала в Мокром Логу и шла без страха. А Татьяну Борисовну пугали прикосновения холодных трав, неприятно вспоминались рассказы о змеях.

Из Лога выбрались совсем промокшие. Тоне казалось, что она побывала в огромном котле, наполненном густым, остывшим паром.

Стали подниматься на голец. Дорога шла лесом. Он казался здесь очень мрачным. Когда присели отдохнуть — уже недалеко от вершины, — небо посветлело. Зашевелился ранний летний рассвет.

— Ну, если и у других такие же успехи — плохо дело, — сказал завуч.

Он закурил и попыхивал трубкой с таким зловещим видом, что Тоня и Новикова не решались заговорить. Татьяне Борисовне, когда они только начали подниматься на Малиновую гору, казалось, что сию минуту где-то в кустах им откликнутся детские голоса или они увидят спящих Митхата и Степу. В Мокром Логу эта уверенность начала исчезать. Что, в самом деле, может задержать ребят? Тропку к прииску найти нетрудно, и дети наверняка ее знают. Значит, они затерялись на гольце, в этих зарослях...

«Неужели здесь действительно так легко заблудиться?» — подумала Новикова.

Она стала помаленьку отходить от Петра Петровича и Тони, ежеминутно оборачиваясь и запоминая приметы. Справа от камня, на котором они сидят, четыре молодые пихточки, слева — огромный кедр.

— Митхат! Степа! Мальчики! — звала она, медленно подвигаясь вперед.

— Татьяна Борисовна! Далеко не отходите! — предостерегающе крикнул Петр Петрович.

— Нет, нет! Аукаться будем. Я недалеко.

— Вы посидите, Петр Петрович, — услышала она голос Тони, — а я в другую сторону немного подамся.

Наступающий день усиливал тревогу. Прошла ночь, а ребят не было.

— Мальчики! Отзовитесь! — снова крикнула Новикова и остановилась, ясно услышав слабый крик впереди. — Эй! Ау! — опять подала она голос.

Сзади откликнулся Петр Петрович, а с другой стороны снова прозвенел отклик. Можно было подумать, что кричит птица, но Татьяна Борисовна уже услышала знакомые нотки и побежала на голос, натываясь на деревья и путаясь в траве.

— Митхат! Ты здесь?

— Тута я! Тута! — долетел до нее ответ.

— Сюда! Петр Петрович! Тоня! Здесь они!

Платье Татьяны Борисовны зацепилось за куст шиповника. Она с силой дернула его и, разорвав подол, снова понеслась, не разбирая дороги. Выбежав на голую площадку, над которой тускло поблескивали тросы подвесной дороги, она осмотрелась. Никого не было.

— Митхат! Где ты? Отвечай!

— Татьян Борисовна!

Около большого серого камня что-то задвигалось, и мальчишка помчался к ней навстречу. Он крепко обхватил ее, бормоча:

— Татьян Борисовна! Тута я! Как ты пришел? Это ты кричал? Татьян Борисовна!..

От волнения Митхат стал очень плохо говорить по-русски. Он показался молодой учительнице совсем маленьким и каким-то посеревшим.

— Злодей ты, Митхат! — со слезами сказала Новикова и так прижала к себе мальчика, что он пискнул.

— Зачем «злодей»?

— «Зачем, зачем»!.. Степа где? Говори!

— Там Степа, спит, — указал Митхат куда-то в воздух.

Из чащи выбежали Петр Петрович и Тоня.

— Вот он, Митенька! — кричала Тоня. — Жив, здоров?

— Один есть! — сказал завуч с облегчением и положил свою большую руку на плечо мальчика. — А другой где же?

— Спит Степа, там, — повторил Митхат.

— Да где? Куда ты показываешь? — встревоженно спрашивала Новикова.

А у Петра Петровича на лице появилось выражение ужаса и восторга. Молодая учительница ясно видела этот восторг.

Татьяна Борисовна осмотрелась. Голый, поросший мхом склон, выше по горе — непролазная чаща, над ней — опять голая макушка гольца, внизу — Мокрый Лог... Небо прорезано тросами. Недалеко висит неподвижная бадейка. Здесь когда-то работала шахта, как объясняла полчаса назад Тоня. В те времена в поселке стояла дробилка, и подвесная дорога доставляла вниз руду. Теперь она служила для переправки на прииск леса. Где же Степа?

— Там? — коротко спросил Петр Петрович, показывая на бадейку.

— Ага.

Тоня и Татьяна Борисовна разом вскрикнули, а Петр Петрович сел на землю и долго молчал.

— А ведь Мухамет правду говорит, — сказал он наконец: — это не мальчик, а... уж не знаю что. Ну, рассказывай, как Моргунов туда попал.

Путая русские слова с татарскими, Митхат объяснил, что Степе давно хотелось проехаться с прииска на гонец по подвесной дороге. Вчера вечером ему удалось спрятаться в пустой бадейке, и он медленно поплыл по воздуху.

— Бадейка номер семь... вот эта. — Митхат простодушно указал на борт бадейки, где была выведена белая цифра.

Он рассказал, что долго следил за удалявшейся воздушной люлькой и уже хотел идти домой, чтобы там дожидаться возвращения товарища, как вдруг подвесная дорога остановилась. Рабочий день кончился. Только что весело бежавшие по тросам бадейки повисли неподвижно. Где же Степа? Успел он доехать до гольца или болтается в воздухе где-нибудь над Мокрым Логом?

Сказать старшим, что в одной из бадеек, скорчившись, сидит мальчик, Митхат не посмел и пошел вдоль троса искать бадейку номер семь.

— Нет, вы только послушайте! — воскликнула Татьяна Борисовна. — Ну, и нашел?

— Нашел, вот здесь.

— И что же он?

Митхат замялся и сказал, понизив голос:

— Немножко плакал Степа... Испугался, однако, — прибавил он, оправдывая слабость товарища. Татьяна Борисовна не выдержала и поцеловала его в ямку на затылке, над которой щетинились жесткие черные

волоски. Митхат живо обернулся к ней; застенчивая ласка была в его узких глазах.

— Ну, и все... Я пошел домой, взял хлеба, удочку и пришел обратно.

— До дому-то километров шесть, не меньше! — ужаснулась Тоня. — Пошагал он вчера!

— Зачем сюда вернулся? Почему брату ничего не сказал? — сердито спросил Петр Петрович.

— Мухамет ругаться бы стал... Я пришел, чтобы Степе не страшно было.

— А тебе разве не было страшно?

Митхат засопел и как-то очень убедительно взглянул на Новикова:

— Очень страшно, Татьян Борисовна. Лес, никого нет... Сова кричит, потом вы кричите...

— Так ты слышал? Почему же не отвечал?

— Боялся, наверно... Я когда услышал — Татьян Борисовна кричит, тогда отвечал, — сказал Митхат и вдруг заплакал.

— Ну, тише, успокойся. Ведь все уже прошло! — утешали его Новикова и Тоня.

А Петр Петрович сказал:

— Будет, будет тебе! Такой храбрец — и вдруг плачет. Ты скажи, зачем удочку сюда приволок? Воды ведь здесь нет.

— Степу кормить, — всхлипывая, отвечал Митхат. — На крючок хлеба сажал — бросал... Он ловил...

Тоня, не сдержавшись, захохотала, за ней Новикова и Петр Петрович. Митхат отнял ладони от лица и всхлипнул последний раз. В повеселевших глазах его еще стояли слезы, но тоненький добрый смех уже одолевал их.

Это веселье разбудило Моргунова. Бадейка закачалась, и Степа, грязный до неузнаваемости, высунулся из нее. Белые вихры его торчали во все стороны.

— Ой! Здравствуйте, Петр Петрович! Татьяна Борисовна, и вы здесь? — сказал он хрипло и вежливо. — А я слышу разговор и думаю, с кем тут Митхат?.. — Он помигал, окончательно просыпаясь, и встревожился: — Неужели вы нас искали? Тоня, а что дома? Беспокоятся мама и Лиза?

— А как ты думаешь? — сурово ответила Тоня. — Бессовестный! Попадет тебе и от мамы и от Лизы!

Степа огорчился.

— Я же не знал, что так получится, — пробормотал он. — Если бы тут спрыгнуть можно было... а то высоко!..

Неожиданно он взмахнул руками и скрылся. Дорога пришла в

движение. Все быстрее и быстрее бадейка двигалась к вершине гольца.

— Поехал! — с облегчением сказал Митхат.

— Как он спал там, на холодной железине? — с тревогой молвила Тоня.

— А я пальтушку принес, на удочке ему закинул, — серьезно ответил Митхат.

«Какой ужас — дети! — с отчаянием думала Татьяна Борисовна. — Он, такой маленький, сумел заставить себя в темноте вернуться в глухое место, чтобы принести товарищу хлеба и эту их «пальтушку»... Он просидел всю ночь, борясь со своими страхами, проявил и храбрость и изобретательность, а отговорить Степу от дурацкой шалости не сумел, да и не счел, вероятно, нужным».

— Пойдемте навстречу Степе, — предложила Тоня. — Заодно старую шахту посмотрим. Она здесь недалеко, Лиственничка...

— Идите вы с Петром Петровичем, — сказала Новикова. — Мы с Митхатом вас здесь подождем.

Петр Петрович встал и зашагал в гору.

Они поднимались по неровной, заросшей блеклой травой дороге. Снова начался мрачный, неприветливый лес.

— Не так близко эта шахта, как вам показалось, — проворчал Петр Петрович.

Стали попадаться вырубленные участки, штабеля бревен и распиленных чурбаков. Впереди послышался громкий хохот. Тоня тоже засмеялась:

— Лесорубы Степу обнаружили. Идемте скорее!

Лес кончился, и они опять вышли на открытое место. Упругое крыло ветра мягко, но сильно обняло их.

На утопанной площадке, несколько ниже вершины гольца, столпились парни и девушки. Они со смехом глядели на Степу.

— Ваш, что ли? — крикнула одна из девушек, увидев Тоню и Петра Петровича. — Хорош! Ничего не скажешь!

— Хоть вместо чучела на огород ставь! — подхватил рослый парень.

От людей, долго работавших в лесу, от свежих чурбаков и щепы, плотно устилавшей площадку, шел острый смолистый запах. Загорелые смеющиеся лица лесорубов, легкий утренний воздух — все показалось Тоне прекрасным.

Степа, видимо радуясь, что стоит наконец на твердой земле, не обнаруживал особенного смущения и сам смеялся. Однако, поймав строгий взгляд Петра Петровича, он заморгал и опустил голову.

— Иди-ка, брат, на расправу, — сочувственно сказал ему кряжистый чернобородый лесоруб. — Шутки это, однако, плохие... — добавил он серьезно. — Хорошо, что летом ты в такую переделку попал. А лет десять назад один умник зимой задумал прокатиться с гольца на прииск...

— Ну, и что? — со страхом спросил Степа.

— Что? Стала дорога — он и замерз. Утром ледышку с бадейки сняли... Ну, пошли, ребята!

Он ушел с товарищами в лес. На площадке осталось несколько парней, грузивших бадейки.

— Куда же ты, Тоня? — закричал Степа, видя, что девушка поднимается в гору.

— Выше нам надо подняться, — сказал Петр Петрович. — А ты, голубчик, помалкивай, тебе подумать есть над чем... Ну, Тоня, вот и Лиственничка!

Тоня жадно осматривалась кругом. У нее даже забилося сердце — так поразила ее пустынность, заброшенность места. Правда, невдалеке работают люди, но тут этого не чувствуешь. Голо и глухо. Повалился набок полусгнивший копер, ниже стоит угрюмая стена леса, склон гольца изрыт старыми шурфами. Ровной грядой сбегает вниз заросшие отвалы. А ведь когда-то здесь шла горячая работа! Спускались под землю горняки, скрипел ворот, поднимая добычу, богатая золотом руда уходила по подвесной дороге на прииск в дробилку... Какими счастливыми должны себя чувствовать те, кому удастся доказать, что в старой шахте есть золото!.. Что же, рано или поздно до Лиственнички доберутся. Может быть, Андрюша Мохов будет работать именно здесь.

— Знаете, как выяснить давность работ? — спросил Петр Петрович и указал на осину, выросшую на отвале: — Спилите дерево, определите его возраст по кольцам и прибавьте пять лет. После возникновения отвала деревья на нем прививаются не раньше чем через пять лет.

Тоня подошла к самой шахте. Колодец был завален землей, остался только узкий ход вроде лисьей норы, полузакрытый кривой березкой.

— Как грустно... Я никогда не думала, что это так грустно выглядит! — сказала Тоня.

— Да, брошенное производство, пожалуй, кажется еще печальнее, чем покинутое жилье, — согласился Петр Петрович.

Тоне вдруг почудилось, что за поваленным копром что — то шевельнулось, а Степа умоляюще сказал:

— Пойдемте отсюда! Невесело здесь как-то!

Где-то близко чокнула белка. Распустив свой пушистый парус, зверек

перемахнул с вершины на вершину.

Начали спускаться. Татьяна Борисовна вела Митхата, Степа плелся сзади. Мальчики присмирели, а когда спустились в Мокрый Лог, уже освободившийся от тумана, Митхат сказал, глядя снизу вверх:

— Татьян Борисовна, а если Мухамет меня ругать будет, мы со Степой опять сюда уйдем. Тут и жить будем.

— Что ты еще выдумашь! — со страхом сказала Новикова. — Пойдем скорее, милый, тебе спать нужно.

Но у Митхата ноги заплетались, и Петр Петрович взял его на руки. Усталые, они совещались, не обойти ли кругом Малиновую гору, когда вдалеке увидели Александра Матвеевича. Он всматривался, кто идет, приложив руку к глазам. Узнав товарищей, молодой учитель побежал навстречу и принял из рук Петра Петровича спящего мальчика.

От соседства с белой рубашкой Александра Матвеевича волосы и кротко смеженные ресницы Митхата казались еще черней.

— Спит, как будто сроду не озорничал, — сказала, очнувшись от раздумья, Тоня.

Глава шестая

— Кулагиным письмо заказное! Распишитесь.

Письмоносец Дуся подала Варваре Степановне сквозь открытое окно толстую разносную книгу и огрызок карандаша.

— Иди-ка, Тоня, распишись, — позвала мать.

Тоня готовила корм для утят. Отставив чугунок с кашей, она вытерла руки и подошла к окну.

— Должно быть, важное вам извещение, Тонечка, — сказала Дуся, пряча в сумку свою книгу. — Конверт серьезный...

Тоня растерянно глянула на пакет: Кулагиной Антонине Николаевне... И печатная крупная надпись «Московский институт истории».

— От кого? Что же не откроешь? — спросила мать.

— Из института, — сквозь зубы ответила Тоня.

— Ну, читай, читай скорее! Чего стоишь, как неживая?..

Институт извещал, что Антонина Кулагина, окончившая с золотой медалью школу прииска Таежный, принята на первый курс и будет обеспечена общежитием.

Коротенький текст был давно прочитан, а Тоня все еще держала письмо в руках, словно не могла постичь его смысл. Принята! Она студентка! Вероятно, ее друзья не сегодня-завтра тоже получат извещения...

— Ну вот, дожили! — сказала Варвара Степановна. — Рада небось?

— Мама, я снесу корм утятам? — неожиданно спросила Тоня.

Не дожидаясь ответа, она взяла чугунок с кашей и вышла во двор.

Денек был серый, и солнце только изредка прорывало плотные, низкие облака. На яркозеленом коврикe травы посреди двора нежно желтели пушистые спинки утят.

Тоня высыпала корм в корытце и, присев на круглое полено, пристально смотрела, как жадные маленькие создания, суется и толкаясь, набивали зобы. Опростав корытце, утята зашлепали к луже, что осталась после недавнего дождя, и, азартно попискивая, стали рыться носами в грязи. Выводившая их наседка, волнуясь, топталась возле лужи и тщетно старалась выманить детей за загородку, на пустырь, где колыхались белые зонтичные цветы, словно там разостлали для просушки сквозное покрывало из русского кружева.

А Тоня была далека от этой мирной картины. «Что же делать? — в

тысячный раз задавала она себе вопрос. — Надо решать сейчас, сию минуту». Вот он, тот порог, через который она боялась переступить.

Подняв голову, она заметила озабоченный взгляд Варвары Степановны, стоявшей у окна. Мать сейчас же отвела глаза в сторону и сказала:

— Утята-то, как челноки, снуют. Совсем пеструшку замучили... Боюсь, не вырастут к зиме. Поздно я нынче насадку посадила... А ты ведь, кажется, стирать собиралась? Иди, а то вода простынет.

Тоня кивнула, но не тронулась с места. Так и сидела, оцепенев, пока у калитки не раздался голос отца:

— Антонина Николаевна, что же не встречаешь?

Николай Сергеевич прошел в дом. Тоня слышала, как он умывался, сел к столу, как радостно крикнул, увидев письмо.

— А! Никак из института извещение? Принята, конечно? Так! Что же вы мне ничего не говорите?

Тоня медленно встала и пошла к дому.

— Нынче только успевай поздравлять дочку, — весело говорил Николай Сергеевич. — То с окончанием экзаменов, то с медалью, теперь с принятием в институт... А ты, мать, я вижу, уже пригорюнилась? Да и Тоня вроде нос повесила... К разлуке готовитесь? Ничего, ничего... Годок пролетит — и не заметим.

Николай Сергеевич молодецки подмигнул Тоне, но, взглядевшись в ее расстроенное лицо, встревожился:

— Ты здорова ли?

— Здорова... Я... папа... я поговорить с тобой хочу... — чуть слышно вымолвила Тоня.

— А хорошо обдумала, об чем с отцом говорить будешь? — сурово спросила Варвара Степановна, пристально глядя на дочь.

— Обдумала? Да, я хорошо обдумала... Я нынче не поеду в Москву, папа.

Выговорив эти слова, Тоня почувствовала, как щеки ее загорелись. На минуту стало легче. Самое страшное сказано.

Но Николай Сергеевич не понял.

— Ну ясно, еще не нынче, — успокоительно сказал он. — Вместе со всеми поедешь. Числа десятого экзамены начинаются у ребят... Еще недельку погуляешь.

— Нет, нет, папа, не то! Я совсем в этом году не поеду в Москву.

— Вот тебе раз! А куда же? Теперь менять уже поздно.

— Вообще не поеду. Здесь останусь. Я в этом году никуда ехать не

могу... — твердила Тоня.

Голос ее звучал умоляюще. Она предчувствовала, что последует после того, как до отца дойдет смысл ее слов, и желала одного: пусть это совершится скорее.

И Николай Сергеевич наконец понял.

— Ты что же это, шутки шутить вздумала? — загремел он. — В чем дело, я хочу знать! Я десять лет работал, чтобы тебе образование дать... — Он задохнулся, закашлялся и продолжал сквозь кашель: — Имею я право спросить, как ты решила своей судьбой распорядиться?

— Николай Сергеевич, не расходишь, — сказала побледневшая Варвара Степановна. — Спокойно об этих делах надо поговорить, обсудить все...

— Спокойно? — взвился Николай Сергеевич. — Это ты спокойно можешь говорить во всех случаях жизни. Ты ничего к сердцу близко не принимаешь... Первая потатчица! Была бы мать у нее разумная, не дожили бы до таких фокусов!

— Маму не трогай, пожалуйста, она здесь ни при чем, — нахмурилась, сказала Тоня.

— Вот как! Значит, ей от меня, злодея, защита требуется? Ты, чем мать выгораживать, изволь отвечать, что задумала! Слышишь?

— Слышу... Сейчас отвечу...

Тоня посмотрела на красное, взволнованное лицо отца, и ей стало так жаль его, что она вся подалась вперед, и голос ее стал глубоким и тихим, но прямо сказать, что не может расстаться с другом, она не посмела.

— Папа, ты выслушай только и пойми. Не могу я уехать... Я на шахту решила идти работать. Люди сейчас прииску нужны...

Она хотела рассказать отцу, как запомнились ей слова Кычакова, как увлекла ее работа на дамбе весной и недавно на воскреснике, как глубоко, всем сердцем поняла она Мохова и задумалась над судьбою Лиственнички. Но Николай Сергеевич ничего не хотел слушать.

— Чушь все это! — крикнул он. — Ты что вообразила? Без тебя здесь с работой не справятся?

— Не только в этом дело, папа. Я... я прямо тебе скажу: не хочу уезжать, пока Павел экзамены не сдаст... Я слово даю, что на будущий год поеду в институт. Мне, как медалистке, не страшно год пропустить...

— А, так это Пашка Заварухин тебя уговорил?

— Да он и не знает ничего!.. — пыталась объяснить Тоня.

— Не знает! Так я и поверил! И не говори мне, что ты на будущий год поедешь... Известно, что бывает, когда человек вовремя не сделает дела. Потом жизнь засосет, и прости-прощай все благие намерения! Да что же это такое? — недоумевающим шопотом выговорил Николай Сергеевич. — Нож отцу в спину, вот как это называется!.. Не подходи ко мне! — яростно крикнул он, заметив движение Тони. — Я годами мечтал, что дочь моя высшее образование получит, во сне тебя студенткой видел, а Пашка Заварухин все это одним словом своим разрушил!.. Не оставлю я этого так! Я в комсомольскую организацию пойду. Пусть ему мозги-то вправят! Я ему в лицо скажу!..

— Опомнись, отец! — вмешалась Варвара Степановна. — Ты что, Антонину не знаешь? По ней не видишь, что парень и впрямь не знает ничего? Ты не ему грози, а ее уговаривай.

— Что с ней говорить! С бессовестным человеком говорить разве можно?

Николай Сергеевич поднялся из-за стола. Он был бледен, руки его дрожали.

— Я думал, ученье в пользу ей пойдет, а у нее от книг только дурь в голову бросилась! Чем родителей утешить, помочь им, она на отцовских хлебах сидеть хочет да своего дружка грамоте учить!

— Папа! стыдно! стыдно тебе так говорить! — крикнула Тоня со слезами. — Я с тобой посоветоваться хотела, куда мне работать идти, а ты...

— Работай! Баклуши бей! Мне теперь все равно. Знать я тебя не знаю! Живи как хочешь!

Николай Сергеевич скомкал извещение из института и с силой швырнул его в открытую печь.

— Пожалей себя, отец, ради бога! Ведь заболеешь! — подбежала к нему Варвара Степановна.

— К чорту! — оглушительно крикнул он и выбежал из кухни.

В наступившей тишине хлопнула дверь его комнаты.

— Мама! Мама! Что же это?

Губы Тони тряслись, горло сжималось, она с трудом произносила слова.

Но мать взглянула на дочку отчужденно и сурово:

— Ты бы ушла сейчас. Надо отца успокоить. Боюсь я за него. С тобой после поговорим.

Тоня отчаянно вскинула глаза на Варвару Степановну и выбежала на крыльцо.

Утята с писком бросились к ней. Они, как по команде, склонили набок свои змеиные головки. Каждый уставил на нее круглый темносиний глазок.

Чуть не раздавив самого шустрого утенка, Тоня выбежала за ворота, обогнула дом и, смяв нежное кружевное покрывало белых цветов, бросилась в траву. Она лежала ничком, закрыв глаза, и твердила про себя:

«Что же это? Что это? И мама... Ой, и мама!..»

Она лежала долго, пока не почувствовала, что ей холодно от сырой травы, и, поднявшись, никак не могла решить, куда же идти. Была бы здесь Надежда Георгиевна... Но она еще не вернулась из Кисловодска. А Петр Петрович, Новикова и другие преподаватели ушли в далекую горную экскурсию. Надо повидаться с ребятами...

Тоня сделала несколько шагов по улице и столкнулась со Степой Моргуновым. Мальчишка чуть не налетел на нее.

— Ой, Тоня! — удивленно сказал он.

«Хорош, должно быть, у меня вид!» — подумала Тоня и, стараясь говорить как обычно, попросила:

— Степа, ты не можешь вызвать Лизу сюда, на улицу?

— А Лизы нету. Она со всеми вашими ушла Пасынкова провожать.

Тоня медленно, как во сне, вспомнила, что сегодня все собирались идти провожать Ваню, который уходил с геологической партией. Сбор был

назначен на мостике через Зиминку.

«Куда же я такая? — подумалось ей. — А, все равно!»

Она медленно пошла по широкой пустой улице мимо клуба.

Вот и мостик виден, и друзья еще здесь. Они тесным кольцом окружают Ваню. У Пасынкова туго набитый рюкзак за плечами, одет он походному и выглядит настоящим путешественником.

— Пришла, Кулагина? Я думал — забыла! — крикнул он.

— Не идем провожать, Тоня! На машине они поедут, — сообщили Тоне товарищи.

— Вот и машина... — заволновалась Лиза. — Ну, Ваня, счастливо! Вернешься — многих здесь не застанешь. Не поминай лихом!

— Ты правда не отрывайся, — сказал Таштыпаев. — Приедешь обратно, адрес мой у отца возьми. Может, напишешь?

— Конечно, напишу, — ответил Ваня, ясно глядя на товарищey. — Сколько лет вместе прожили, ничего плохого от вас не видел и вдруг оторвусь! Разве я где-нибудь таких, как вы, найду?

Он застенчиво улыбнулся и начал торопливо пожимать руки друзьям. Машина уже подъехала. Трое геологов и отец Пасынкова, провожавший сына, молча смотрели на прощанье.

— Во всем удачи! Будь здоров! Золото найти! — кричали ребята.

Ваня вскочил в грузовик, и машина тронулась.

— Уехал Ванька... — сказала Лиза. — До чего незлобный парень! Говорит, что никогда от нас плохого не видал... Да я первая сколько бывало дразнила его за робость... Помнишь, Тоня? А ты что такая? — живо спросила она.

— Что-то случилось? Да, Тосенька? Скажи нам! — Женя взяла Тоню за плечи и повернула к себе.

Присев на перила шаткого мостика и глядя на быстро перебирающуюся по камням воду, Тоня рассказала обо всем, что произошло. Она несколько смягчила выражения Николая Сергеевича, но не скрыла, что отец сильно рассердился и она не знает, как показаться ему на глаза.

Друзья встретили новость по-разному. Лиза расстроилась чуть не до слез.

— Да что же это? — причитала она. — Разве по-другому нельзя было? Это тебя Андрюшка сбил!

Тоня молчала.

А Нина Дубинская не на шутку рассердилась:

— Извини, но, по-моему, поступаешь глупо. Тебе всегда больше всех

нужно. Помогать товарищу так уж до бесчувствия, работать — до потери сил... Имей в виду, что в жизни таким дотошным не сладко приходится. Их не очень любят. Всегда кажется, что такой человек выставляется... Конечно, я знаю, это от сердца идет... Только не много ли сердца ты вкладываешь во все? Спокойней жить надо.

— Перестань, Нина, — с досадой сказал Анатолий. — Разве в этом дело? Если Тоня решила остаться значит, ей самой это нужно. Верно ведь?

Тоня кивнула головой.

— Все это очень грустно, — тихо молвила Женя. — Ты так мечтала об институте.

Тоня только сейчас ясно представила себе, чего она лишается. Ведь через несколько дней могла наступить та новая жизнь, о которой столько думалось. Какой заманчивой и прекрасной она должна была стать! И вот сама Тоня отказывается от нее...

Но тут же она почувствовала, что не сможет переменить решение.

Мальчики приняли новость спокойнее.

— Ну и что тут страшного? — спросил Андрей. — Уж за Кулагину-то я спокоен. Не поехала нынче поедет позднее. Это я могу присохнуть тут, а Тоня учиться будет.

Толя Соколов сочувственно и серьезно смотрел на Тоню. Илларион ерошил волосы.

— Понимаешь, как это все хорошо и гладко было, когда мы еще к выпускному вечеру готовились... — начал он. — Все едут, и ничто нам не может помешать. А теперь совсем иначе получается...

— Ты, значит, окончательно решила, Тося? — спросила Женя.

— Да, окончательно. Хочу работать.

— Пойдем к нам, с папой поговорим.

Тоня согласилась. Сердце ее так болело и ныло, так тяжело стало сейчас отказаться от института... Друзья не облегчили ее тоски. Ребята удивленно помалкивают. Андрею все кажется пустяками. Лиза причитает, Нина сердится... Вот Женя, наверно, не будет ни бранить, ни расспрашивать.

Действительно, Женя сказала только:

— Тосенька, дорогая ты моя!

Но зато до Тони долетели слова Петра Таштыпаева:

— Вот не думал никогда, что у Тони личное может взять верх над общественным!

Мохов заспорил с Петром, а Тоня молча взяла Женину руку и не отпустила ее до самого дома.

Она давно не была у Кагановых и, войдя в переднюю, почувствовала, что на нее наплывают какие-то неясные воспоминания. На секунду она стала беззаботной школьницей прежних лет, у которой и в помине нет сегодняшних забот и тревог. Удивившись этому мгновенно улетучившемуся настроению, Тоня поняла, что оно было вызвано запахом кагановской квартиры. Он был таким же, как и раньше, при Евгении Аркадьевне. Здесь всегда пахло каким-то душистым холодком.

Тоня вздохнула. Хорошо было, когда она прибегала сюда учить уроки по общему с Женей учебнику... Как все трудно и непонятно теперь!

— Ну, что же стоишь, Тося? Пойдем!

— Запах у вас тут прежний, — тихо пробормотала Тоня.

— Запах? — удивилась Женя. — Ах да, мы как-то говорили с тобой, что в каждой квартире свой запах. У Соколовых пахнет лекарствами, у Лизы — хлебом свежим, у Рогальских — чернилами, — перечисляла она.

— А у нас? — грустно спросила Тоня, и ей страстно захотелось быть сейчас дома, сидеть за столом с отцом и матерью, открыто глядеть им в глаза, смеяться...

— У вас теплом каким-то, уютом... Варварой Степановной.

И во всех мелочах убранства квартира была прежней. Вещи стояли на тех же местах, что и раньше. Всюду порядок свежие цветы.

«Умница! — подумала Тоня. — Такой слабенькой, беспомощной казалась, а сумела же и школу хорошо закончить и дом для отца сохранить приятным».

Михаил Максимович сидел над работой и обрадовался, увидев дочь.

— Уже пришла, Женюрка? И с Тонечкой? Как хорошо!

— Папа, — сказала Женя, — Тоне надо помочь. Она не поедет в этом году в институт. Ей нужна работа.

Михаил Максимович удивленно поглядел на Тоню:

— А Николай Сергеевич как к этому относится?

— Очень плохо относится, — потупившись, ответила Тоня. — Сильно сердится на меня.

— И вы все-таки...

— Я все-таки решила остаться.

— Ну, Тоня!.. Я понимаю вашего отца. Подумайте хорошенько.

— Я подумала, Михаил Максимович...

— Не хотелось бы мне быть на его месте... И помогать вам в этом деле, откровенно сказать, не хочется.

— Папа, ведь Тоня прямо в отдел кадров может пойти. Ее возьмут. Мы только хотели посоветоваться с тобой...

— Да... — задумчиво сказал Каганов. — Ты дай чайку нам, Женя... Вы что ж, хотите в контору идти, в управление?

— В управление? Зачем? Нет, я в шахту.

— В шахту? — удивился Михаил Максимович. — Грязная, тяжелая работа, Тоня. Не боитесь?

— Конечно, не боюсь.

— Вот как? Хотите, значит, перед вузом опыта понабраться? Ну, дело ваше. Только придется ведь с азов начинать. Квалификации у вас нет.

— Это ничего.

— Так зайдите ко мне первого сентября. К этому времени мы получим утверждение новых штатов, и я для вас что-нибудь присмотрю.

Тоня напилась у Кагановых чаю. Женя предложила ей остаться ночевать, и Тоне подумалось, что, может быть, отец и мать будут рады, если она не вернется. Но тут же она представила себе бледное лицо Варвары Степановны и ответила:

— Нет, я домой пойду, Женечка, спасибо тебе.

У своего дома Тоня долго стояла, пока решилась постучать в окно.

— Слава богу, явилась! — сказала Варвара Степановна, открывая дверь.

— Что отец? — сухо спросила Тоня, но сердце ее наполнилось живой благодарностью.

Конечно, мать беспокоилась о ней, а отослала из дому просто потому, что хотела с глаза на глаз поговорить с отцом.

— Спит отец. Слышать он об тебе не хочет. Вот как ты его проняла! Я на своем веку раза три видала, чтобы он так рассердился.

Тоня молча прошла к столу и села.

— На меня однажды обиделся, — раздумчиво говорила Варвара Степановна. — Давно это было... Мы об женитьбе тогда только мечтали... Полгода со мной не встречался. Второй раз — с товарищем поссорился. Так и разошлись. Да еще начальнику как-то наговорил всего, всеми словами назвал... Уволили его тогда. И вот сегодня я таким его увидала. Сказал: «Не хочешь врагом мне стать — имени ее не поминай».

У Тони опять перехватило горло.

— Я, мама, сама не смогу сейчас к нему подойти. Обидел он меня.

— Ты свой норов оставь! — сердито сказала мать. — От отца и обиду можно стерпеть, да еще от такого отца... Мало что в сердцах человек скажет... Дело не в тебе, а в нем. Он — то говорить с тобой не станет. Знаю его... Пока особо не заслужишь, и не подходи. Хуже будет.

— А ты, мама? Ты тоже сердисься на меня?

Тоня робко взглянула на мать. Тяжело было Варваре Степановне видеть приниженными всегда смелые дочерины глаза.

— Да, не обрадовала ты и меня, — ответила она сдержанно. — По правде сказать, не ожидала я от тебя такого...

Неожиданно для Тони Варвара Степановна подошла к ней и, подняв за подбородок лицо дочери, зорко глянула на нее.

— Иль уж иначе никак не можешь? — строго спросила мать.

— Не могу, мама, — ответила Тоня, прижимаясь к плечу Варвары Степановны.

Глава седьмая

В доме Кулагиных, где всегда дышалось легко, словно сгустился туман. Тоня старалась не попадаться отцу на глаза. Николай Сергеевич тоже избегал встреч с дочерью. Переносил ссору он, видимо, тяжело; заметно осунулся и пожелтел, но глядел на Тоню с нескрываемой неприязнью. Встречаясь с ним взглядом, она каждый раз внутренне вздрагивала.

«Ненавидит, просто ненавидит! — думала Тоня. — Куда же вся любовь девалась? Как не было!»

Порою приходили к ней горячие, несправедливые мысли:

«Может быть, любовь в том и состояла, чтобы самолюбие свое тешить? Это ему всего нужнее... А обманулось самолюбие — и чувство пропало... Ведь не спросил толком ни о чем, не разобрался... Разве так поступает любящий отец?»

И Варвару Степановну придавило несогласие в доме. Как всегда, неторопливо и спокойно, выполняла она обычные дела, но величавое лицо стало строже, а между густыми бровями залегла бороздка.

Весть о том, что Тоня остается, быстро облетела прииск, и Кирилл Слобожанин, встретив ее, оживленно заговорил:

— Слушай, ты, говорят, здесь осталась и в шахту идешь? Это ведь замечательно! — Он улыбался и не скрывал своего удовольствия. — Нет, право, это очень хорошо, я рад...

— Тебе-то легко радоваться, — задиристо сказала Тоня, — а мне это знаешь как достается...

— Что, старик сердится? — участливо спросил Слобожанин. — Ну-ну, не хмурься, все уладится. Старик...

Он задумался. Странное выражение его глаз, к которому Тоня уже привыкла, опять поразило ее.

— Слушай, старику нужно отдохнуть. Он переутомился, верно? — Не дав Тоне ответить, он продолжал: — Ты, значит, решила, что Слобожанин легко живет... Хорошая девушка на приiske осталась, он и рад. Ошибаешься... Легко тот живет, кто не делает ничего.

Кирилл подошел ближе к Тоне и сказал, почему-то понизив голос, строго глядя ей в глаза:

— Работу мы развертываем, ты об этом знаешь, а людьми не богаты. Я тебе говорил. Вот почему дорого, если культурная молодежь к нам идет. Ни

по какой другой причине. Понятно?

— Что же я-то? Рядовым работником буду... — тихо, уже без задора сказала Тоня.

— Ты? Ты десятилетку закончила, комсомольский стаж у тебя. Мы на таких ведь опираться можем.

У Тони посветлело на душе.

— Меня упрекнул один товарищ, — вспомнила она уколотившие ее слова Петра. — Учиться не поехала — значит, общественный долг свой забыла.

— А тут что? Не общественный долг? — горячо заговорил Кирилл. — Ты не знаешь, какая это подмога! Я каждому, кто школу окончил и здесь работать собирается, всей душой благодарен. Таких дел наделаешь!.. Было бы желание.

— Желание есть, Кирюша. Мне после воскресника работа показалась такой интересной!

— Ну, и все!

Он крепко потряс ее руку и, уже отойдя, крикнул:

— Замечательно! Очень рад! А старику — отдыхать. Обязательно!

«Дельный парень, а с чудинкой», — пришли Тоне на ум слова бабштейгера о Кирилле.

Но после разговора с ним ей стало немножко легче.

У Павла она не была несколько дней, а когда пришла, сразу увидела, что он в особенном настроении. Какой-то мягкий боязливый свет озарил его лицо, когда он слышал Тонин голос.

— Ты! — порывисто сказал он. — Я жду тебя не дождусь. Расскажи, сделай милость, что там у вас стряслось?

— погоди, не налетай с вопросами... Дай отдышаться... Быстро шла... — проговорила она.

Тети Даши не было. Алеша уже пришел из детского сада и играл в уголке.

— Внимание, внимание! Говорит Москва! — объявлял он своим игрушкам, расставленным вдоль стены, и важно грозил пальцем одноухому зайцу, который из-за увечности, очевидно, не мог быть достаточно внимательным. — Московское время двадцать четыре часа. Пи-и, пи-и, пи!

— Вон как? У тебя уже двадцать четыре? — сказала Тоня.

— Ну что же? Рассказывай! — настойчиво повторил Павел.

— Да тебе уж, поди, всё рассказали?

— Говорили ребята, будто ты нынче не едешь...

— Не еду. Хочу эту зиму здесь пожить, поработать.

— Да нет, тут что-то не так... Скажи, денег, может быть, нет? Или Варвара Степановна не так здорова? — тревожно допрашивал Павел.

— Нет, мама ничего... и деньги нашлись бы. Просто решила так.

— Ты, видно, совсем доверие ко мне потеряла, не хочешь сказать правду!

Он произнес эти слова с огорчением.

— Что ты, Павлик! — сказала Тоня как можно естественнее. — Я просто считаю, что перед вузом нужно немного поработать, узнать жизнь... Почему это тебя так удивляет?

— А правильно ли ты решила, Тоня? Подумай хорошенько. Разве не лучше поскорей институт окончить, стать самостоятельным человеком? Кажется мне, что ты недостаточно в этом разобралась... А может, и скрываешь все-таки причину? Скажи мне, Тоня. Ну скажи, прошу тебя!

Ни сухости, ни замкнутости не было сейчас в нем. Перед Тоней сидел ее прежний участливый, добрый друг, но она в смятении молчала, а Павел ждал.

— Честное слово, Павлик... — начала Тоня.

— Я представляю, что дядя Николай таким решением не мог быть доволен, — перебил он ее. — Да и подруги твои не все одобряют... Вот Нинуша...

— Нина не одобряет, а Кирилл Слобожанин чуть не прыгает от радости. Он думает, что я ему опорой в работе буду, и...

— А-а-а! — протянул Павел, и свет, игравший на его лице, сразу потух. — Рассказывали мне о Слобожанине. С головой, кажется, парень, — сказал он скучным голосом. — Ну что ж, тебе видней... Давай заниматься.

— Ну, давай, — заторопилась Тоня. — Я «На дне» принесла. Будем читать.

Тоня начала чтение. Павел слушал опустив голову.

Узнав, что она остается на прииске, Заварухин в первую минуту не знал, как скрыть огромную радость, прихлынувшую к сердцу. Потом пришло раздумье. Хорошо ли это для Тони? Зачем она это делает? Неужели из-за него? Нет, нет, быть не может!

Он целый день нервничал и без конца мерил шагами комнату. Это хождение наконец начало раздражать его, но он не мог остановиться.

И вот она пришла... и ничего... Да что он, в самом деле, вообразил! Все это не для него!

«А о Слобожанине как радостно заговорила! — думал Павел. — Неужели он причина? Эх, на полминуты бы увидеть Тонино лицо — все было бы ясно...»

Тут же он обрывал себя:

«Слобожанин или что-нибудь другое — не мое дело...»

Алеша иногда повторял прочитанные Тоней слова, обращаясь к зайцу. Детский голос вывел Павла из тяжелого раздумья. Он с усилием взял себя в руки. Полно гадать! Не имеет он на это права.

«А все-таки она будет здесь!» — шевельнулась у него отрадная мысль.

Когда они прочитали два акта и побеседовали о пьесе, причем говорила преимущественно Тоня, неожиданно пришел Ион. Старик был немного навеселе.

— Из Тургошлака приехал, — объяснил он. — Друг мой, Игнашка, внука женил. Богатая была свадьба. Три дня гуляли. Тебе гостинцев привез.

Он выложил на стол баночку меда, сдобные лепешки, сырчаки [\[11\]](#).

— У-у! Дед Ион сколько много принес! — обрадовался Алеша.

— Балуеть ты нас, Ион, — тихо сказал Павел.

— Кушай, Паулык, на здоровье. Алеша пусть кушает. Тоня, а ты что сидишь?

Тоня занялась хозяйством, поставила самовар. Павел сидел молча. Ион возился с мальчиком. Когда все сели за стол, Павел осторожно спросил:

— Значит, работать пойдешь, Тоня? Может быть, в школу?

— Нет, у меня, кажется, талантов учительницы нет. На производство тянет. Пойду в шахту.

— Э-э, Тоня, плохо! — с неудовольствием сказал Ион. — Зачем тебе в шахту? Плохо. Нехорошо!

— Почему? — удивилась Тоня.

— Нехорошо! — упрямо твердил старик, дую на блюдце с горячим чаем. — Мне не нравится.

— Ион вообще нашего производства не любит, — заметил Павел, встряхивая головой, как всегда делал, если мысли его были далеки от предмета разговора. — Помню, одно лето я золото мыл — он здорово на меня сердился.

— Сердился я, — важно подтвердил Ион. — И на Тоню теперь сердиться буду: зачем на грязное дело идет...

— Тебе не нравится, что в шахте грязно? — улыбнулась Тоня. — Но не всякая же работа в чистоте делается. Нужно кому-то и грязной заниматься.

— Не понимаешь, однако. Я работу всякую уважаю. Грязь отмыть можно, а от этой работы не отмоешься.

— Постой, ты считаешь, что само золото грязное — так, что ли? — спросил Павел.

— Так считаю, — ответил Ион, довольный, что его поняли. — Грязное

золото, плохое... Самая нехорошая вещь. Верно говорю?

— Нет, Ион, неверно. Ты к нашему золоту не лепи ту грязь, что на прежнем была.

Но старик не слушал.

— Ты, Паулык, не знаешь, молодой еще... И она, — он кивнул на Тоню, — не знает ничего... Слушай меня. Я, однако, это дело понимаю. Много, много народу к нам в Сибирь за золотом ехало. По трактам кругом — могилы. Дети умирали, старики, мужики здоровые... Мерзли люди, пропадали. Еще никто лопаты в руки не брал, лоток не держал, а уж сколько покойников...

— Это все давно было, Ион.

— Ты слушай меня. Вот остался человек живой, приехал на место, старается в тайге. Намыл золота — идет на прииск, а там вино ему дают, угощают: пьяный будет — глупый станет, скажет, где нашел. Он после вина глаза протирает, а на его участке уже другие люди работают. А то и вынести из тайги золото ему не дадут — скупщики ждут на тропках, обманут человека, голову задурят. Ему хлеб надо, одежду надо... Не отдаст золота — ничего продавать не будут... Что делать? Отдаст...

А у хозяина на прииске лучше было? Рабочие в казармах живут вместе — женатый, холостой... Ребятишки тут... Грязь у них, пахнет худо... Товар у хозяина в лавке дорогой, гнилой, а брать приходится. Обсчитает хозяин бедного человека, обманет и рад...

Теперь считай: одному повезло — нашел богатое золото, никто не отобрал у него. Что он делает? Однако, дюжину шелковых рубашек покупает и дюжину часов золотых. Три раза в день меняет рубашки, весь часами обвешан, как дурак. А везде кабаки... Где у избы на крыше елочка торчит, значит тут выпить можно. Он и ходит из кабака в кабак. Товарищи, конечно... Пьет, куражится, потом продает рубашки, часы... Опять нет ничего.

Бродяг сколько от золота пошло, воров... Сколько убивали!.. Самая плохая вещь... Ты молодая девочка, честная, — сказал он Тоне с глубоким волнением, — а на такое дело идешь. Шибко плохо!

— Ион, голубчик, ты моего отца знаешь, и Павлика отец твой знакомый был, и дядя Егор Конюшков... Да мало ли еще хороших людей! Что же, они хуже стали оттого, что золото добывают?

— Они? Люди хорошие, а на другой работе еще лучше были бы. Да потом, — он задумался, — это все народ крепкий... А чуть послабее человек — закружится у него голова от золота. А зачем оно нужно? Дрова — для тепла, хлеб — для сытости, одежда, посуда, табуретка, стол, ружье —

сразу понимаешь зачем. А золото? Нет, только горе от него.

— Разве сейчас есть все, про что ты рассказал: хозяева, кабаки с елками, грязные бараки? Мало ли что прежде бывало. Теперь золото на пользу людям идет! — горячо сказал Павел.

— Теперь не то, — согласился Ион: — в бараках чисто, хозяина нет, не обманывают народ, сколько заработал — столько дают... А раньше-то!..

— Так «раньше-то» прошло!

— Э! — поднял палец Ион. — Думаешь, все плохое забыть можно? Не-ет! От золота какое зло было — все на нем осталось. Его трогать не надо, пусть в земле лежит. Советская власть правильная, а это дело не понимает. Не надо золото трогать. Пусть лежит. Не для людей оно.

— Так! Значит, советская власть должна запретить золото добывать? — засмеялась опять Тоня.

— Вот-вот! — торжественно ответил старик. — Надо запретить. Стараются хорошую жизнь сделать, а золото берут... Не надо. Это вещь плохая. Кто в руки взял — пропал.

— И я, по-твоему, пропаду?

— Может, не совсем пропадешь, а хуже, однако, станешь.

«Что ты говоришь, Ион! Не ожидала от тебя такой глупости, право!» — хотела ответить Тоня, но смолчала. Голос старика, его обветренное морщинистое лицо, даже руки, которыми он не спеша набивал трубку, показались ей вдруг очень печальными. Он искренне верил в то, что говорил, и огорчался, что его не понимают.

— Павлик, — сказала она, — поговори с Ионом. Объясни, что все это совсем не так... Нельзя, чтобы хороший человек неправильно думал. Ты сумеешь сказать, он тебе поверит.

— Конечно, конечно. Я этого так не оставлю, — оживился Павел. — И ведь хитрец какой! Всегда не любил золота, а почему — не говорил... Оказывается, у него целая философия. Ну, погоди, старик, я ее разобью!

— Не знаю ничего про твою фило... про то слово, что ты сказал, а разбить правду трудно тебе будет, однако, — усмехнулся Ион.

Тоня собралась уходить. Павел проводил ее до сеней.

— Я со стариком поговорю, — обещал он. — А ты... Ну, желаю удачи!

Вечер, проведенный с Павлом, и огорчил и обрадовал Тоню. Грустно было, что друг не расспросил ее толком, не пришлось рассказать о ссоре с отцом. А в то же время было в нем заметно какое-то живое волнение. Конечно, он рад, что Тоня осталась... И как решительно взялся перевоспитывать Иона!.. «Бедный! — подумала Тоня. — Раньше ни одно дело не обходилось без него, а сейчас он в стороне. Надо, чтобы и теперь к

нему обращались за советом, за поддержкой... Ведь самое важное в жизни — знать, что ты нужен людям».

Окрыленная этой мыслью, Тоня вспомнила, что сейчас придет домой и опять наступит это тягостное состояние, когда она старается незаметно поесть, незаметно пройти в свою комнату... Давно уже она не сидела за столом вместе с родителями. Сколько времени ни проводи у подруг, как редко ни бывай дома, а тяжелые минуты есть в каждом дне. И мать не очень-то вдается в настроения Тони, не стремится примирить ее с отцом. Видно, она лучше знает его и считает, что пока ничего сделать нельзя. Пока! А долго ли протянется это «пока»? Недели? Месяцы?

Около своего дома Тоня вздрогнула, услышав смех и возню. Ребятишки? К кому же они пришли? Э, да в комнате у Татьяны Борисовны свет!

Тоня неслышно подошла, стараясь держаться в тени. До черноты загорелая, веселая Татьяна Борисовна глядела в окно, а на завалинке пристроились мальчики. Митхат торопился рассказать какую-то сказку, а Новикова все время мешала ему, спрашивая:

— Нет, в самом деле всю прочитал сам? От начала до конца?

— Честное слово, Татьян Борисовна. Вот Степа скажет.

— Читал, читал он, — солидно подтверждал Степа. — Ты дальше валяй, Митхат.

— Видит — на базаре чужой человек, — чуть нараспев и неверно произнося слова, продолжал Митхат. — И он спрашивает: «Как тебя зовут и чей ты сын?» — «Отец мой портной Мустафа, а меня зовут Аладдин». — «Пойдем ко мне, милый племянник, ты мой сын брат!»

— Сын моего брата, — серьезно поправила Новикова.

В глазах ее сияла такая чистая радость, такая гордость за мальчика, что Тоне показалось, будто она подглядела что-то сокровенное, обычно скрываемое человеком. Она хотела отойти, но Татьяна Борисовна заметила ее:

— Тоня, вы? Здравствуйте! Идите сюда.

Тоня подошла к окну.

— Мы сегодня в обед только вернулись, — оживленно говорила Новикова. — Не все еще приехали. Петр Петрович остался на ботанической станции. Какое чудесное путешествие было! Сколько красоты видели! В бурю попали на Золотом озере. Оно страшное, вы знаете... Да что же это я! Забыла совсем...

Она скрылась на мгновение в комнате и поставила на подоконник корзину, полную яблок.

— Вот какая прелесть! Они там выращивают на станции. И нам дали... Ешьте, Тоня. Ребята, а вы? Берите, берите!

Тоня взяла тяжелое розовое яблоко:

— Спасибо. Там для вас письма были и телеграмма...

— Знаю. Мне Варвара Степановна отдала. Телеграмма от Надежды Георгиевны. Задержали ее в санатории, приедет только тридцатого.

— Не застанет уже наших.

— Да, вас не застанет.

Желтый свет лампы падал на смуглые руки Новиковой, на корзину, наполненную гладкими, с ровным румянцем плодами. В полосе света появлялись то черные блестящие глаза Митхата, то вздернутый нос и круглые щеки Степы. Мальчишечьи крепкие зубы с хрустом надкусывали яблоки. Женщина в окне улыбалась и казалась спокойной, почти счастливой...

Тоня подумала, что невозможно нарушить эту мир рассказом о своих бедах. Она не ответила Татьяне Борисовне и вскоре, пожелав ей и ребятам спокойной ночи, ушла.

А на другой день Новикова, узнав обо всем от Варвары Степановны, приступила к Тоне:

— Но ведь это ужасно, что Николай Сергеевич так на вас сердится! Хотите, я поговорю с ним, попытаюсь помирить?

— Нет, Татьяна Борисовна, — ответила, сдвинув брови, Тоня, — я прощенья у него просить не могу. Я не из-за каприза осталась. Не говорите ему ничего.

Тоне не хотелось, чтобы кто-нибудь вмешивался в ее ссору с отцом. Об этом даже говорить было трудно, и когда люди спрашивали, как обстоят дела дома, она отвечала уклончиво и неохотно.

Товарищи ее готовились к отъезду. Ходили прощаться с тайгой, с речкой; девушкам шили платья; те, кто должен был держать вступительные экзамены, усиленно повторяли школьный курс.

Накануне отъезда все собрались у Павла. Товарищи торжественно поручали его Тоне.

— Смотри, Павлуша, Тоню слушайся, — говорила Женя. — Она за всех нас остается...

— Имей в виду: с нее спросим, если ты не выдержишь, — заявил Илларион.

Павел казался взволнованным, пожимал всем руки, желал счастливого пути и успехов, а на прощанье сказал:

— Ребята, мне говорить не нужно, вы и так понимаете... И даю вам

слово, что не подведу. Верите мне?

— Верим, Паша!

— Мы на твое слово привыкли надеяться.

Павел стоял в кругу товарищей, и они видели по напряженному лицу его, что много еще он хотел бы сказать друзьям, но слов не находит.

— Как бы трудно ни было, все одолею, — сказал он наконец. — А вы не сердитесь, что сначала я так... упорствовал.

Тоня видела, что Павлу было нелегко расставаться с товарищами, но он бодрился. О том, что будет чувствовать себя более одиноким без них, не обмолвился.

— Не забывай, Лариоша, — сказал он Рогальскому. — Недолго мы вместе пробыли, а я в тебе прежнего товарища чувствовал. Это мне дорого.

— Павлик, а я? Мне что скажешь? — кричала Лиза.

— Ты хоть первое время на новом месте будь потише, не пугай людей!.. — попробовал пошутить Павел. — А камышинка наша как там будет звенеть, в большом городе? — ласково коснулся он Жениной руки.

— Она на всю страну прозвенит когда-нибудь, — заметил Толя Соколов.

Ему Павел крепко стиснул руку:

— Прощай, брат.

Отъезжающим надо было спешить — дома каждого ждали незавершенные дела. Но, уходя, все чувствовали, что это прощанье приблизило Павла к ним больше, чем недавняя встреча после долгой разлуки, когда он всем показался чужим и холодным.

В день отъезда товарищей Тоня встала рано и побежала к автобусной станции. Накануне было решено, что она поедет со всеми до станции Шуга.

Друзья уже собрались. Докторша Дубинская громко давала последние наставления Нине, огорченной тем, что отец не успел вернуться из Москвы и приходится уезжать, не попрощавшись с ним. Зинаида Андреевна Соколова улыбалась сыну, когда он взглядывал на нее, а когда отворачивался, смотрела тревожно и грустно. Держался молодцом и Михаил Максимович, ни на минуту не отпуская от себя Женю. Зато Анна Прохоровна Моргунова не раз начинала плакать, и все переглянулись, когда она сказала, вздыхая:

— Вот Тоня-то поумней тебя: осталась со стариками. А тебе, непоседе, все дома плохо!

Рогальских не было. Отец Илы уважал пословицу: «Дальние проводы — лишние слезы», и уговорил жену проститься с сыном дома. Илларион

сказал товарищам, что совершенно согласен с отцом, но сам все медленно прохаживался перед станцией, поглядывая в переулок, откуда могли появиться родители. Андрейка Мохов, свободный сегодня от работы, вертелся тут же и на вопрос, поедет ли он в Шугу, ответил:

— А как же! Я должен доставить домой Тоню Кулагину: она ведь будет обливаться слезами и забредет еще куда-нибудь...

— Не балагань в последние минуты! — кричала Лиза.

Автобус запоздал, и все забеспокоились, хотя обычно он приходил в Шугу за час до поезда и времени оставалось с избытком.

Наконец показалась новенькая яркоголубая машина. Начали усаживаться.

Илларион уже поставил ногу на ступеньку, как вдруг быстро швырнул свой чемодан в автобус, причем ушиб Петра, и соскочил на землю.

Все переполошились, но тут же успокоились. С криком «Мама!» Ила кинулся обнимать высокую, со строгим лицом женщину. За женой стоял старик Рогальский.

— Не стерпели, значит? — ехидно спросил отец Пети, огромный рыжеусый забойщик. — А то Лариоша тут толковал насчет дальних проводов...

Старый Рогальский указал на жену, как бы прося снисхождения к ее материнской слабости, сам же в нетерпении протягивал руки к сыну, а потом долго обнимал его и хлопал по спине.

В Шугу Рогальские не поехали, но их приход подбодрил и обрадовал Иллариона. Когда он, широко улыбаясь, сел наконец в автобус, все сочувственно посмотрели на него.

В последнюю минуту пришли Татьяна Борисовна и Александр Матвеевич. Снова начался переполох. Отъезжающие высовывались в окна, кричали:

— Спасибо! До свидания! Счастливо оставаться!

— Петра Петровича приветствуйте!

— Мы напишем!

— Надежду Георгиевну расцелуйте за нас!

Машина тронулась, но, подъехав к школе, шофер затормозил.

— Ждут, видно, вас, — сказал он. — Целая делегация.

У школьных ворот стояли ребята-десятиклассники и Мухамет-Нур.

— Вы посмотрите, товарищи, что делается! — восклицала Лиза.

Мухамет желал всем счастья, провожающие ребята совали в окна цветы, толпились около машины.

— Учитесь хорошо!

— Не забывайте Таежный!

— И вы не подкачайте! Чтоб весной все получили аттестаты!

— Лиза Моргунова! Веселая будь, здоровая, как дома была! За этого Степу не бойся. Теперь в третий класс перешел — может, поумнеет, — напутствовал Мухамет Лизу.

— Проводил свою любимицу! — сказал Таштыпаев, когда автобус отъехал от школы. — Ты сознайся, Лиза, что Мухамет всегда был к тебе неравнодушен.

— Да ну тебя! — сердилась Лиза. — Зачем тень на человека наводить? Он ко всем одинаково относился.

У клуба, где висел плакат: «Счастливым путем, друзья!», ждали Кирилл Слобожанин и приисковые комсомольцы. Снова начались рукопожатия, пожелания, напутствия, и когда машина в конце концов выехала из поселка, Лиза расплакалась.

— Как я в другом месте буду жить? — повторяла она. — Нигде таких людей нет, как у нас!

— Не плачь... — растерянно шептал ей Андрей. — Ну что это, честное слово... Неудобно...

Все жадно смотрели на поселок, медленно исчезающий за поворотом дороги, на копры шахт, горы. В их густой, темной зелени уже пробивалось бледное золото.

Тоня сидела между Женей и Толей. Все трое молчали и лишь поглядывали друг на друга. Михаил Максимович изредка наклонялся к дочери и спрашивал, взяла ли Женя мамину теплую кофточку, уложила ли калоши.

Глядя на убегающие вдаль знакомые места, Тоня живо представила себе, что и она уезжает. Воображение уводило ее все дальше от родного уголка; несмело замирало сердце, точно предчувствуя впереди большие, значительные события, неудержимо надвигающуюся новизну.

«Разве я жалею, что не еду? — спросила она себя. — Нет, не уйдет это от меня».

А горы всё разворачивали перед уезжающими свою многообразную и дикую красу. Белое стадо овец на склоне казалось облаком, запутавшимся в кустах. Иногда в высоте пролетали орлы, распластав сильные крылья. И все ниже и ниже спускалась дорога, чаще стали встречаться деревни, поля с желтеющим жнивьем, люди, машины. Шла выборочная уборка. Хлеб снимали с участков, на которых колосья достигли восковой спелости. На полях мелькали красные галстуки пионеров, собиравших колоски.

Внизу воздух показался другим: он стал проще, скучнее, без крепких

запахов трав и хвои, без той особенной свежей остроты, которая присуща горному воздуху, а в долинах бывает только после сильной грозы.

На станции все рассыпались по платформе.

— Если будет трудно, Тоня, — говорил Илларион, — иди к Слобожанину — он всегда поможет.

— Знаю.

— Я на тебя надеюсь. Ты здесь поддержишь честь класса... Словом, где бы ни работала, покажешь себя.

— Не знала, что ты обо мне такого хорошего мнения, — засмеялась Тоня.

— А как же! Конечно, хорошего, — серьезно подтвердил Илларион.

— Мне казалось, что мы с тобой очень разные. У тебя характер чем — то на Нинин похож, а Нина всегда говорила, что мне больше всех надо.

— Видишь ли, — сказал Ила несколько смущенно и поправил очки, — семья у меня такая... Отец и мать очень хорошие люди, но... как бы это сказать... суховаты, что ли. У нас в доме неприличным считалось слишком резко выражать свои мнения, проявлять чувства. Может быть, какой-то отпечаток это и на меня наложило. Но если внешне я такой... чересчур спокойный, то понимать я способен. Мне твоя последовательность и прямота всегда нравились.

— Ну, я рада! — Тоня протянула ему руку и хотела отойти к подругам. Но ее остановил Толя Соколов:

— Тоня, на минутку! Еще один прощальный разговор...

Они дошли до края платформы. Соколов молчал.

— Ну, что же ты? Говори, сейчас поезд придет.

— Я, Тоня, хотел попрощаться с тобой отдельно и поблагодарить тебя.

— За что, Анатолий?

— Ты знаешь, — тихо сказал Соколов и поднял на нее глаза. В них был такой благодарный и теплый свет, что и Тонин взгляд просиял навстречу юноше. — Я тебя долго любил, Тоня, — уже смело и просто сказал Анатолий. — И никогда мне не приходилось думать о тебе плохо. Это ведь, наверно, не часто бывает. Вот за что спасибо. Любовь у меня была несчастливая, — улыбнулся он, — а вспоминать ее буду с благодарностью. Потому что ты настоящая девушка, которую стоит любить.

Тоня смутилась:

— Ну, Толя, что ты, право...

И еще... Наверно, нелегко тебе в жизни придется. Но я как-то за тебя спокоен. Уверен, что все выдержишь. Вот что я хотел сказать.

Они снова поглядели друг на друга и внезапно поцеловались.

Где-то близко загудел паровоз.

— Поезд идет! Скорее! — крикнула Тоня.

Поезд с шумом прогрохотал мимо, и они бросились к передним вагонам.

— Ну, мама... — Анатолий подошел к матери.

Зинаида Андреевна обняла сына и долго, не отрываясь смотрела на него.

— Прощай, фантазерка! — сказала Тоне Нина. — Желаю тебе... желаю, чтобы ты не менялась.

Она ласково засмеялась и вошла в вагон, куда за ней протиснулась взволнованная докторша.

— А со мной, со мной, Антонина!.. — говорила заплаканная Лиза.

Теплое мокрое лицо ее прижалось к Тониной щеке.

— Тонька моя золотая, моя дорогая подружка! — горячо шептала Лиза прямо в ухо Тоне. — Пиши, слышишь? С Андрюшкой дружи, слышишь?

— Все слышу, милая. Ты с ним-то простись, он ждет не дождется, — сказала Тоня, глядя спутанные кудри.

Лиза повернулась к Андрею, а Тоня, взяв Женин багаж, подала его уже стоявшему на площадке Соколову.

Михаил Максимович никак не мог расстаться с дочерью. Он целовал ее волосы, руки, глаза, а Женя, плача и улыбаясь, повторяла:

— Папа, не скучай! Не тоскуй без меня, папа!

Обняв Тоню, она шепнула ей:

— Пусть все будет у тебя хорошо, Тосенька.

— Садитесь скорее! Садись, Женя! — закричали кругом.

Женя прыгнула в вагон и с площадки показала Тоне глазами на отца.

— Да, да, Женя, да! — громко сказала Тоня.

Лиза вскочила в поезд уже на ходу. Затем на площадке началось какое-то смятение, и со ступенек скатилась докторша. Отъезжающие со страхом следили за ней.

Мелькнули еще раз темные волосы Жени, очки Иллариона, махнула белым платочком Нина, и поезд, загудев, понесся вперед. Он на мгновение показал открытую площадку последнего вагона и скрылся за горой.

Так же шумно и нетерпеливо он ворвется в жизнь людей в других городах и поселках, унесет их с собой вместе с надеждами, мечтами, заботами. Сколько народу ждет его сегодня — кто с радостью, кто с печалью...

— Полно задумываться! — сказал, подходя, Андрей.

Он растерянно мигнул и улыбнулся. От улыбки его лицо, к которому

так не шла печаль, стало по-обычному задорно-простодушным.
— Дела не ждут, Тонечка. Едем по домам.

Глава восьмая

Тоня проснулась рано.

В вырезное сердечко на ставне заглядывало утро. Мать в кухне чуть слышно возилась. Сейчас начнет вставать отец... Не хочется спать, но лучше не выходить из комнаты, пока он дома.

А что же это приятное должно произойти? Почему ей кажется, что сегодня праздник? Да, нынче первое сентября! Сколько лет подряд этот день был для нее праздником, открывавшим длинную вереницу милых школьных недель, которые рисовались в воображении в виде открытого дневника. Слева — понедельник, вторник, среда; справа — четверг, пятница, суббота. Воскресенье помещалось где-то в воздухе. Зато все остальные дни имели свой постоянный квадратик, и когда Тоня говорила: «Это было во вторник», она видела перед собой место вторника в дневнике.

Вчера приехала Надежда Георгиевна. Новикова ходила к ней вечером, звала с собой Тоню, но нужно было идти в молодежное общежитие. Беседа о задачах новой пятилетки прошла очень живо. Довольная, Тоня, выйдя из барака, отправилась к Стеше Сухих. На суровый вопрос, можно ли с ней поговорить, Стеша добродушно спросила:

— А о чем?

— Об отъезде вашем.

— Да я не еду, — улыбнулась Стеша. — Правильно ты тогда сказала — нехорошо сейчас прииск бросать. Я первого сентября за назначением иду.

— Молодец! — с облегчением сказала Тоня. — А Марья как? На своем стоит?

— Нет, и Маню уговорили. Я да мама ее. Поворчала, а потом смирилась. Говорит: «Пусть Антонина не думает, что она одна за прииск душой болеет».

«Нет, Степанида славная, — подумала Тоня, вспомнив этот разговор. — Да и Марья, в конце концов. Но что же отец не встает? Ведь уже пробило семь».

Тоня тихонько оделась и вышла в кухню:

— Мама, отец не проспит?

— А где он, отец-то? — ответила Варвара Степановна, вытирая запачканные углем руки (она ставила самовар). — Уехал отец.

— Как! Куда уехал? — Тоня села на лавку, растерянно глядя на мать.

— На курорт! — Варвара Степановна в сердцах нахлобучила на самовар трубу. — Путевку полуторамесячную получил в Курагаш.

Отец уехал и не простился с ней! Тоне стало нестерпимо обидно.

— А... а что же мне не сказала? — спросила она и тут же вспомнила, что вчера вернулась поздно, когда мать уже спала; дверь открыла Новикова в наспех накинутом халате и сейчас же ушла к себе.

— Не сказала? — недовольно переспросила мать. — А ты спроси, сама я знала что-нибудь?.. То и досадно, что ни собрать его путем, ни подорожников напечь не пришлось. Втихую и комиссию врачебную прошел и путевку взял. Говорил, что неожиданно как-то решили. Сейчас, мол, самое удобное время: к концу года работы будет побольше — не уедешь...

«Слобожанин, что ли, постарался?» — подумала Тоня.

Ей сразу показалось, что дома стало пусто без отца.

После завтрака она вышла на улицу. Неторопливая осень торжественно справляла свой приход. Сдержанное, но ясное тепло одевало землю. Вершины гольцов еще не успели освободиться от тумана, а небо, налитое густой, ровной синевой, было ясно. В палисадниках тяжелые ржавые кисти рябин свешивались над оградой, а в горах мягко желтели лиственницы. Хорошо там сейчас! Под ногами скользко от осыпавшейся хвои, с тощих кустов бересклета свисают яркие серьги, похожие на полузакрытые птичьи глазки. Там сильнее чувствуется тонкий осенний холодок, от которого на губах остается горчинка, отчетливо видны уходящие вдаль цепи гор и глубокие затененные лога.

Тоня одиноко брела по поселку и у школы остановилась. Над воротами висели хвойные гирлянды, образующие надпись: «Добро пожаловать!», а во дворе было пестро от красных галстуков, белых блузок и цветных, еще не обмявшихся рубашек.

Зрелище это глубоко взволновало Тоню. Первый раз она видела школьный сбор со стороны, стоя за оградой, не участвуя в нем сама. Сколько ребят, и какие они после летнего отдыха здоровые и крепкие! Все переговариваются, бегают, смеются. Торжественность встречи с новым учебным годом чувствуется и в радостных, преувеличенно шумных приветствиях и в серьезности старшеклассников. Многие из них только вчера вернулись из колхозов, где работали летом. Во дворе и родители. Они пришли с детьми, впервые вступившими на этот широкий двор.

«И сам новый учебный год, конечно, где-то здесь, — решила Тоня. — Он потихоньку знакомится с ребятами и думает: «Этот будет хорошо учиться. У него такие быстрые, любопытные глаза... А этот — озорной,

непоседа. Пожалуй, станет мешать товарищам на уроках... А вот совсем маленькая девочка, задумчивая, светлоголовая... Кто знает, может быть она станет великим ученым...»

Тоня вздрогнула, услышав пронзительный голос Степы Моргунова:

— Тоня! Тебя Надежда Георгиевна в окно видит и велит подойти!

Тоня подбежала к окну.

Сабурова в отлично разглаженной белой блузке, заколотой у ворота брошкой из зеленоватой яшмы, казалась помолодевшей и бодрой. Теплый загар покрыл ее спокойное лицо; пушистые волосы серебрились на солнце. В раме окна, окруженная растениями, что украшали все подоконники школы, она была, как подумалось Тоне, удивительно под стать и ясному утру и осторожному осеннему теплу.

Поймав беспокойный взгляд своей ученицы, Надежда Георгиевна улыбнулась:

— Все уже знаю, Тоня. Знаю и понимаю. Поговорим об этом позднее, а сейчас хочу попросить тебя пойти в сад — там Петр Петрович с юннатами яблони подвязывает, поторопи их. И вместе с ними приходи сюда.

Тоня побежала в сад. Юннаты заканчивали работу.

Завуч встретил Тоню без удивления — видимо, тоже знал, что она не уехала. Он крепко пожал ей руку и сказал:

— Как считаете, Тоня, перезимует наш фруктовый сад?

Тоня оглядела крохотные яблоньки. Нашла свою, посаженную весной, и порадовалась, что в школьном саду вырастает дерево, посаженное ее руками.

«Да, не так-то просто их от наших морозов уберечь! — подумала она, но, взглянув на меднокрасное лицо Петра Петровича, на суетившихся ребят, решила: — Уберегут! Ни одному деревцу не дадут пропасть!».

— Еще крепче за зиму станут! — сказала она уверенно. — Идемте, Петр Петрович, вас ждут.

На школьном дворе классы уже стояли парами. Около крыльца поместились самые маленькие.

Девочка-хакаска с туго заплетенными косичками держала флажок с надписью: «Первый класс». В следующей колонне выделялось серьезное, чисто вымытое лицо Митхата. Среди третьеклассников стоял Степа, в глазах которого отражалось веселое изумление перед всем, что он видит сейчас и увидит в будущем. Дальше шли подтянутые ряды пионеров. В колонне семиклассников возвышалась голова Васи Белова, почти такого же огромного, как брат его Коля, кончивший школу вместе с Тоней.

А вот и нынешний десятый класс... Ничего! Неплохие ребята.

Сабурова поздравила школьников с началом нового учебного года, сказала им несколько ободряющих слов и улыбнулась первоклашкам, которые глядели на нее, подняв кверху головы.

— Ну, ребята, некоторым из вас, наверно, страшно начинать ученье?

— Нет! Нет! — запротестовали малыши, а один большеголовый парнишка задорно крикнул:

— И нисколько!

— Не верю я вам! Признайтесь, что чуточку трусите.

Ребята, посмеиваясь, переглядывались.

— Бояться не надо. До сих пор знали вы только свой дом, свой поселок, папу, маму и соседей... А в школе каждый день что-нибудь интересное будете узнавать. Как в нашей стране и во всем мире люди живут, что делают, что было прежде и что станет потом, какие на земле растут цветы, деревья, какие звери водятся...

— И про барсука? — неожиданно спросила девочка, державшая флажок. Ее тоненькие брови поднялись в ожидании ответа.

— Конечно. А ты почему про него спрашиваешь?

Девочка вдруг сконфузилась, переложила флажок из правой руки в левую, а правой закрыла лицо.

— Барсука мы с ней в тайге видели. Он на спинку перевернулся, а потом убежал! — весело выкрикнула ее соседка, чей маленькое круглое лицо было усыпано задорными веснушками.

Девочка с косичками отняла руку от лица и кивнула, подтверждая слова подруги.

«Какой дичок хороший!» — подумала Тоня.

Сабурова поздравила ребят с началом занятий, сказала им, что сегодня во всех городах и селах страны миллионы школьников начинают учиться.

— Желаю вам, чтобы на дороге, ведущей вас к знанию, не было ухабов. Смело в путь, ребята!

Школьники двинулись в классы. Просторный двор опустел, а весь большой дом наполнился беспокойным гулом и шарканьем ног. Потом прозвенел звонок, новый учебный год тихо вошел в школу и плотно закрыл за собой двери. Он присутствовал в этот день на уроках во всех классах и остался доволен. Спокойные голоса учителей, кажущаяся суровость классных досок, яркие краски картин и плакатов, чистота и порядок — словом, все до последнего коряво очиненного карандашика внушало сегодня детям, что новый учебный год нужно начать хорошо и закончить с честью.

Тоня прошла в учительскую и скромно села в уголке дивана. В комнате стало тихо. Учителя разошлись по классам. Рослая, веселая Ирина Филипповна, собираясь во второй класс, сказала Новиковой:

— Ну, посмотрим, как ваш Митхат будет заниматься. На вступительном экзамене читал хорошо, а уж письмо! Умудрился такую фразу состряпать: «Ласточка делает гнездо из блин»!

— Да что вы! — огорчилась Татьяна Борисовна. — Он просто не понял слова «глина».

— Ну, рассказывай, Тоня, — сказала Сабурова, когда в учительской никого не осталось, кроме них.

Выслушав девушку, она задумалась.

— Дело сделано. Я, сказать по правде, ничего плохого не вижу в том, что ты еще год поживешь на приiske, поработаешь. Но отца ты, конечно, серьезно огорчила. Помиришься с ним непременно, слышишь?

— Я сама бы хотела, Надежда Георгиевна... До сих пор мне трудно было к нему подойти, а теперь эта ссора так меня измучила, что я больше не могу... Как только приедет, попробую с ним помириться.

— Непременно, — повторила Сабурова. — А о Павле что скажешь?

Тоня с гордостью рассказала Сабуровой, что Павел взялся за работу серьезно. То, что ему рассказывают, легко удерживает в памяти, а что не запоминает, просит повторить. Целыми вечерами решает задачи и уже научился очень ловко обращаться с Толиными пособиями.

Она задумалась, стараясь определить перемену в Павле, и добавила, что он очень сердечно прощался с товарищами, стал как будто больше интересоваться людьми.

— Ничего, Тоня, он постепенно преодолевает эгоизм горя.

— Надежда Георгиевна, ведь комитет комсомола решил, что я должна побеседовать с десятиклассниками насчет занятий Павлика...

— Прекрасно! Ты сейчас и пойдешь вместе с Татьяной Борисовной в десятый класс.

После перемены Тоня последовала за Новиковой и со странным чувством оглядела знакомые стены своего класса. Как-то обидно показалось, что на ее месте теперь сидит Лена Баранова, которая так хорошо играла Простакову на школьном спектакле зимой, а на месте Жени — Даша Ульчугашева.

Высокий, серьезный, напоминающий Иллариона Митя Бытотов кивнул Тоне, давая понять, что уже подготовил ребят. А класс смотрел на Тоню с любопытством. Недавно она сама и ее друзья так же глядели на Новикову... Какая Татьяна Борисовна была тогда робкая, связанная, как

сердито и настороженно глядела на учеников!..

Новикова что-то сказала Бытотову. Митя встал. Он напомнил ребятам о решении комсомольского комитета относительно Павла и сказал, что Тоня Кулагина расскажет им подробнее о занятиях Заварухина.

Тоня заговорила о том, как хорошо учился Павел, как любил школу, руководил комсомольской организацией.

— Вам ведь понятно, что ему тяжело оторваться от учебы, он хочет кончить школу... Вот тут вы и можете помочь. Наши преподаватели навещают его, рассказывают то, что ему неясно, проверяют... Я занимаюсь с Павликом по литературе. Но для повседневного прохождения курса ему нужны еще помощники.

Лена Баранова подняла руку:

— Я могу заниматься с Заварухиным немецким.

— Не выскакивай! — сердито крикнула высокая темноглазая Оля Китаева. — Мы сами выберем учителей.

— Нет, — остановила ребят Новикова. — Мне кажется, что это неверно. Здесь очень важно добровольное согласие. По-моему, предложение Лены надо принять.

Бытотов вызвался помогать Заварухину по физике, Володя Арыштаев — по истории, Оля Китаева — по химии.

— У вас будет немного работы, — сказала ей Новикова: — Петр Петрович обещает сам часто бывать у Заварухиных. Теперь остается решить дело с математикой. Здесь большую помощь может оказать Слава Черных.

Но Слава, знаменитый математик, молчал.

— Как вы считаете, Черных? — спросила Татьяна Борисовна.

— Времени это много будет отнимать, — недовольно ответил Слава. — Ведь я учусь кругом на «отлично», Татьяна Борисовна. Это нелегко. Заниматься приходится всерьез. А туда ходьба одна...

— Почти не придется ходить, — успокоила его Тоня: — уж в один-то конец всегда можно проехать на машине.

— И по комсомольской линии у меня большие нагрузки, — продолжал Черных. — Первым делом, я думаю, нужно свою комсомольскую работу выполнять...

— А это, по-твоему, не комсомольская работа? — крикнул Бытотов.

— В нашем классе так отличники не рассуждали, — не удержалась Тоня.

— Ну-у... — протянул Слава. — Тебе, например, конечно, не страшно было время терять. Ты ведь никуда не едешь, здесь осталась. А я дальше

учиться хочу, мне снижать отметки не годится.

Тоня вся вспыхнула, но, взглянув на Татьяну Борисовну, сдержалась. Новикова пристально смотрела на Черных.

— Хорошо, — громко сказала она. — Я думаю, что мы не станем уговаривать Славу, если он занят больше всех. Кто же из вас, ребят, согласен помочь Павлу по математике?

Вызвались Саша Плотников и Макар Доможаков. После некоторых споров решили поручить дело Макару.

— Без тебя обойдемся, — сказал Славе Быотов. — Сиди, копи пятерки! А на комсомольском собрании разговор будет.

— Это, ребята, не значит, что остальным можно о хороших отметках забыть, — строго сказала Новикова. — Все дело в том, чтобы, помогая товарищу, собственных оценок не снижать. А теперь начнем наш урок. Расписание занятий с Заварухиным выработаем вечером.

Тоня простилась с ребятами и ушла довольная, только досада на Черных не утихала.

Взглянув на часы в раздевалке, она заторопилась: в двенадцать нужно быть у Каганова.

— Ты что, опять учиться к нам поступила? — улыбнулась ей гардеробщица Маруся.

— Кое-чему научилась сегодня, — ответила Тоня.

Входя в управление, она столкнулась со Стешей Сухих.

— В проектной буду работать! — весело крикнула Стеша.

Тоня вспомнила, что у Сухих всегда была пятерка по черчению.

— Ну, желаю удачи!

Михаил Максимович ожидал Тоню.

— Не раздумали, значит? — спросил он. — Не знаю только, устроит ли вас работа... Пробщицей пойдете?

— А справлюсь, Михаил Максимович?

— Справитесь, дело не хитрое.

— Я пойду, — ответила Тоня. — Я, Михаил Максимович, последние дни, как сонная муха, брожу. Очень плохо без дела.

— Ну, так я сейчас напишу вам записку.

Каганов принялся писать, говоря в то же время:

— Еще писем не получали? У меня от Жени уже три открытки есть. С дороги еще... Ехали хорошо, весело. В Новоградске сошли Лиза, Нина, еще кто — то...

— Петя, Ила Рогальский...

— Да, да. Нину там отец встретил. Он на пути из Москвы в

Новоградске задержался...

Михаил Максимович пробежал глазами записку и подал Тоне:

— Ну, идите в отдел кадров. Оформляйтесь.

Тоню назначили в третью шахту, что шла под самый голец. Ходить нужно было далеко, но она обрадовалась, что попала не туда, где работал Николай Сергеевич.

Вечером Тоня опять побывала в школе. Десятиклассники составили расписание занятий с Заварухиным. Условились, что о затруднениях будут сообщать Тоне. Раз в неделю она решила проверять работу. Ей казалось, что ребятам нетрудно будет повторять Павлу то, что они сами проходят в классе. Но у «преподавателей» сразу же возникло множество вопросов, а некоторые уже начали сомневаться, справятся ли. С помощью Татьяны Борисовны Тоня успокоила и подбодрила ребят.

Ночью она почти не спала и вскочила задолго до гудка. Уходить первый раз на работу без отцовского напутствия было грустно. Зато мать заботливо снарядила Тоню: с вечера приготовила для нее резиновые сапоги и теплую отцовскую куртку, утром накормила и с собой дала аккуратно уложенный в холщовую сумку обед. Дорога материнская забота, но и отцовское мудрое слово нужно человеку, когда он начинает новое, непривычное дело.

Тоня думала об этом, шагая по тихим утренним улицам поселка и входя в клеть, чтобы спуститься в шахту. Когда клеть резко качнулась и пошла вниз, у Тони перехватило дыхание. Спуск показался очень долгим, и она обрадовалась словам пожилого рабочего:

— Приехали! Выходи!

Тоня вышла из клетки. Прямо перед ней далеко тянулся ряд лампочек, освещаая длинный коридор, по которому шла широкая, сейчас неподвижная дорожка транспортера.

С непривычки у Тони после спуска немного кружилась голова, казалось, что все кругом продолжает двигаться. Преодолев неприятное ощущение, она спросила у женщины, стоявшей возле клетки:

— Участкового геолога где искать?

— Сейчас только прошел, — откликнулась женщина. — Эй, Савельев! — крикнула она. — Скажи геологу, что его ждут!

Савельев, уже знакомый Тоне складный белокурый парень, внимательно посмотрел на нее и зашагал по коридору.

Поглядывая на толщи породы, нависавшие над рудничным двором, Тоня невольно втягивала голову в плечи. Так и казалось, что сейчас на нее обрушится огромная глыба. Сердясь на себя за трусость, она не заметила,

как начался рабочий день, и поняла это, только услышав рокочущий шум. Лента транспортера ожила и поползла вперед. Непрерывно спускавшиеся в шахту люди разошлись по своим местам.

«Включили моторы, — подумала Тоня. — Что же геолог не идет?»

Она бывала в шахте раза два с экскурсией, да и по рассказам отца хорошо представляла себе все, с чем ей придется здесь встретиться.

Шум моторов не заглушал мерных глухих ударов, доносившихся со всех сторон. Через несколько минут из забоев стали появляться откатчики с тачками. Они ссыпали породу на транспортер. Резиновая лента транспортера двигалась с тихим шуршаньем и несла на себе песок и гальку к бункерам^[12].

К зумпфу — яме с водой — сверху спустилась деревянная, окованная железом бадья. Женщина открыла люк бункера, и порода начала сыпаться в бадью. Раздался звонок. Наполненная бадья ушла наверх и снова спустилась в шахту, груженная крепежным лесом. Его сейчас же начали растаскивать по выработкам, требующим крепления.

— Вы ко мне?

Тоня обернулась и увидела худощавого, с небольшой бородкой человека.

— К вам, товарищ...

— Панкратов моя фамилия. Новая пробщица?

— Да.

— Мастера Кулагина дочь?

— Да, — снова коротко ответила Тоня.

— Работа у вас будет нехитрая. Получите снаряжение: костюм брезентовый, резиновые сапоги, ковш азиатский, лоток, ендовку, кайлу с лопатой, совочек для подсушки золота и журнал для записи результатов опробования... Кажется, все перечислил... Обязанность ваша — ходить по шахте и брать пробы. Брать их будете бороздой через каждые пять метров. Делается это для того, чтобы в забое выбирать рентабельные золотоносные пески, не работать в пустой породе. Пробы промываются в лотке тут же, у зумпфа, потом сушатся и в бумажном пакетике с надписью сдаются мне.

Тоня напряженно слушала.

— Здесь где-то наша пробщица Блохина. Сегодня-завтра поработайте с ней, она вас поучит, а потом уйдет в другие забои.

Они быстро нашли Блохину. Тоня обрадовалась, узнав в ней маленькую бледную Зину, с которой встречалась в молодежном общежитии.

Зина, подняв на геолога немигающие светлоголубые глаза, выслушала

его и обернулась к Тоне. Глаза ее не изменили выражения.

— Ну что же, пошли! — деловито сказала она.

Девушки вместе отправились в подземную инструментальную камеру, где Тоня получила оборудование. Затем Зина повела свою новую ученицу по выработкам. Тоня внимательно смотрела, как Зина набирала в подставленный лоток породу с бокового борта.

— Ты приглядывайся, — говорила она. — Кроме бортовых и забойных проб, надо опробовать кровлю и почву выработки. Будешь брать пробу с полотна — с пола значит; потом низа, середина, верха... Понятно? Снизу пойдешь... А выше огнив будет последняя проба. Все эти лесины наверху, поперечные, огнива называются.

— Знаю.

— Знаешь порядок крепления? Ну, это что? — Зина коснулась лесины, на которой лежала верхняя перекладина — огниво.

— Это стойка.

— А это?

— Подхват. Когда забой отойдет от главного штрека метров на пять, ставят подхватное крепление.

— Ну, не всегда. Это там нужно, где давление породы сильное. Иногда ставят крепление с тройными подхватами, если порода сама по себе слабая, не связанная и давит сильно.

Зина надолго замолчала и, только когда они подошли к зумпфу, спросила:

— А лежак можешь объяснить?

Что такое лежак, Тоня не знала, и ее маленькая наставница, глядя все так же серьезно и прямо, рассказала, что если почва выработки мягкая и стойки в нее вдавливаются, то под них подкладывают обрубки бревен — лежаки.

Тоня напряженно смотрела, как ее учительница быстро крутила лоток, и старалась повторять все ее движения. Зина взмучивала в лотке воду с породой железным гребком. Центробежная сила воды быстро смывала и уносила верхний пустой песок.

— Сильно перегревать надо, — говорила маленькая девушка. — Мясниковатая порода — тяжелая. Пловучее золото легко смывается.

Когда песок ушел и на дне лотка остались серо-черные осколки, Зина зачерпнула в лоток немного воды:

— Видишь, порода доведена до серых шлихов.

Она начала встряхивать лоток кругообразными движениями.

— Что-то у меня так не получается, — пожаловалась Тоня.

— А ты от себя, от себя... Не так! Ну, муку когда-нибудь сеяла? Вот в этом роде надо, как бабы сито встряхивают.

Шлиха становилось все меньше и меньше. Вот заблестели первые золотишки. Тоня молча посмотрела на Зину.

— Ты что? Думаешь, всё? Нет еще. Тряси да тряси

Наконец тончайшие частицы черного магнитного железняка с золотыми блесками осели на кромке лотка.

— Как оно все у тебя к бортику прибилося...

— Так и должно быть у хорошего доводчика. Ну, смывай его теперь в совок и суши здесь. Углярку-то разжечь сначала надо... — Зина указала на небольшую жаровню.

Ссыпав высушенный шлих в бумажный пакетик, на котором стояла заранее сделанная надпись, из какого забоя и с какой глубины взята проба, девушки снова пошли в свой обход.

Работая и усердно приглядываясь ко всему, что ее окружало, Тоня не заметила, как прошло время до перерыва, и они с Зиной уселись обедать на крепежных бревнах. Лес для крепления подавался сверху в перерывы между подачами наверх породы. Круглые лиственничные стволы приносили с собой под землю запах тайги, и Тоня, с удовольствием вдыхая его, украдкой погладила ровную лесину.

— Домой в перерыв ходить не будешь? — спросила Зина.

— Нет, далеко... У нас и отец никогда не ходит.

Тоня быстро покончила с едой и стала приглядываться к соседям. Люди вокруг, казалось, и не помышляли о многометровой толще породы, нависающей над ними. Они ели, разговаривали, курили, а ей, как только перестали работать, снова стало жутко и хотелось съежиться, чтобы занимать как можно меньше места.

Неожиданно Тоня поймала насмешливый взгляд белокурого Савельева. Он, улыбаясь, глядел на нее и что-то тихо говорил своему соседу. Тоня моментально выпрямилась и, в свою очередь, сердито поглядела на ребят, но сейчас же обрадовалась. С пареньком разговаривал Мохов.

— Андрюша, ты? Поди-ка сюда!

Андрей подошел и присел рядом с Тоней.

— Ты разве здесь? Я и не знала.

— Здесь. Откатчиком пока работаю. А ты как? Боязно под землей?

— Сначала как-то неприятно было, а теперь ничего, — храбро сказала Тоня и быстро перевела разговор: — Гляди, Петра нашего отец.

— Он самый. Забойщик-стахановец Таштыпаев. Могучий мужик! —

Андрей засмеялся. — Не говорил я ребятам... Ну, да ты теперь свой брат, можно сказать. И запаривал же он меня первое время!

— Ты с ним работаешь, что ли?

— Ну да. Теперь мы двое с Кенкой, — Андрей показал на своего товарища, — а сначала я один был. Старик породу швыряет на полки, а я — с полки на тачку. А тачки к транспортеру возил еще один мальчишка... Таштыпаев породу бросает, как машина, а я из кожи лезу, аж голова кружится. Пыхтел, пыхтел... Время, когда устанешь, медленно идет. Думал, уже смена кончилась, а оказывается, только перерыв. Пока отдыхал, замерз, спать захотел... Нелегко эта первая ночка далась, — я в ночную вышел... К рассвету вылез, шел домой и шатался. Весь день спал, а к вечеру опять пошел. Говорит он мало, Таштыпаев-то, и даже не похоже, что быстро работает. Вроде как и не торопится, а породу вынутая все растет и растет горой...

— А он видел, как ты уставал?

— Он хитрый. Видел и молчал. Только к концу недели сказал: «Сходи сегодня в баню, в воскресенье погуляй хорошенько и выпишись. Больше так изнуряться не будешь».

— И что же, правда?

— Правда. Привык за неделю, наверно. Гораздо легче стало.

— А ты погулял, как он велел?

— Я в Шабраки уехал с вечера. В машине трясет, подкидывает, а я сплю. Приехал к сестре, в баню ходил и опять лег. А утром встал: трава зеленая, небо синее, цветы кругом, речка блестит. Словно все заново покрасили... Так красиво мне показалось, будто сроду не видал!..

И Тоне после первого дня работы в шахте, когда она поднялась на поверхность, все показалось необыкновенно ярким, звонким и красивым. Однако прелесть наземного мира не уменьшила интереса к миру подземному. Все в шахте было для нее значительным и интересным.

Глава девятая

Учиться Павел Заварухин начал ошупью, так же, как всё, за что теперь принимался. Он беспрестанно проверял себя. Его мучили опасения, что в нем заглохли и способность к восприятию нового, и память, и сообразительность. На ум приходило сравнение с давно не паханной землей, заросшей бурьяном.

Но первые же уроки успокоили его. Память, точно отдохнув за время долгого бездействия, цепко схватывала все, что ей предлагали. Он заметил, что разбирается в содержании каждого урока полнее и глубже, чем раньше, убедился, что долгое — как ему казалось, пропавшее — время болезни не

прошло даром: внутренне он жил, пожалуй, содержательнее прежнего. Особенно радовала его собственная жадность к занятиям. Чем больше он работал, тем увереннее текли мысли, чаще приходили счастливые догадки.

Уже появились в его голосе спокойные покровительственные нотки, когда Маврин, неверно произнеся слово, удивлялся, как Павел, не видя текста, поправляет его, или когда Санька, про — мучившись над задачей, с сердцем говорил:

— Шут ее возьми, какая головоломная... Не осилил!

— Давай ее сюда! Сейчас осилим! — отвечал Павел.

Огромное удовольствие доставляло ему разложить перед собой деревянные знаки, ощупывая их, находить правильное решение и толковать его Саньке, который восклицал:

— Вот оно что! Ну-ну! Куда же теперь повернешь?

Проходя с Мавриным курс семилетки, Павел легко вспоминал все прочно усвоенное в школе. А когда приходили его собственные преподаватели, снова превращался из учителя в ученика.

Тетя Даша с подлинным благоговением относилась к занятиям сына, боясь лишний раз звякнуть ложкой или пройти мимо. Алеша теперь проводил в детском саду всю неделю, и она стала по вечерам дежурить на колхозном скотном дворе. Павел много времени бывал один, но это его не тяготило. И для рук и для головы была работа.

С Тоней он держался ровно и приветливо. Правда, часто разговор их прерывался долгим нескладным молчанием, но какой-то внешне спокойный, не задевавший ни его, ни Тоню характер отношений был найден. Павла и это радовало. Он часто говорил себе, что если бы не начал учиться и пребывал в прежнем состоянии, то, вероятно, поссорился бы с Тоней и совсем потерял бы ее. Нетерпеливо ожидая девушку в положенные дни, он представлял себе, как она входит в дом, покрасневшая, озабоченная, как начинает рассказывать о шахте, сначала скупое, а потом все более увлекаясь. В Белый Лог она приходила прямо с работы, и ему было приятно накормить ее, причем Тоня сначала всегда отказывалась, а потом ела с охотой.

Как-то вечером он ждал Тоню и был удивлен, услышав, что к дому подъехала машина, а вслед за этим в сенях протопали тяжелые мужские шаги, и несколько человек, как ему показалось, вошли в избу с какой-то поклажей.

— Кто да кто? — настороженно спросил Павел, вставая, и услышал голос Петра Петровича:

— Учитель Горюнов, а с ним доктор Дубинский и ученик третьего

класса Моргунов Степан.

Павел обрадовался Петру Петровичу, которого всегда любил, и смутился, услышав о докторе.

— Проходите. Садитесь, пожалуйста...

— Рассиживаться, брат, некогда, — ответил Петр Петрович. — Доктор сюда к больному приехал, а мы со Степой — в детский сад. Малыши тут у вас «живой уголок» налаживают, ну вот и везем им кое-какую живность. А к тебе тоже не с пустыми руками. Принимай московские подарки!

Павел понял, о чем идет речь, и лицо его покрылось краской.

— Книги? — взволнованно спросил он.

— Точно так, — ответил доктор и скомандовал Степе: — Ну, живо, молодой человек! Развязывай багаж.

Весь стол завалили книгами.

— Эвона, какие большие! — хвастливо говорил Степа. — Куда наши учебники против них! Небось прочитаешь все, Паша, — самым ученым на приiske станешь.

Доктор коротко объяснил Павлу, как надо приступать к занятиям по системе Брайля, спросил о здоровье. Петр Петрович обещал на днях навестить, и гости распрощались. А Заварухин никак не мог отойти от стола. Он перебирал и ощупывал книги, и лицо его горело радостным нетерпением. Таким и застала его Тоня, прихода которой он не заметил. Она долго с порога смотрела, как Павел то улыбался, то хмурился, то задумывался.

— Это что у тебя, Павлик? — спросила она наконец.

Павел вздрогнул и шагнул ей навстречу.

— Тоня, ты посмотри только! — сказал он с восхищением. — Это все доктор Дубинский привез... Сам был у меня!

Он любовно погладил раскрытую перед ним страницу.

«Изголодался по чтению», — подумала Тоня.

— Почитай мне, — попросила она. — До сих пор я тебе читала, теперь тебя послушаю.

Павел засмеялся:

— Что ты! Мне надо еще азбуку выучить.

— Как — азбуку? Разве здесь не наши буквы?

— Нет, нет, это значки особые. Каждая буква изображается точками в разных комбинациях. Всего шестьдесят три знака. Буквы, цифры, точки, запятые, даже ноты есть.

— Так тебе еще учиться читать надо? — Тоня почувствовала некоторое разочарование. — А я думала, там такие же буквы, как в

алфавите, только нанесены на бумагу точками, чтобы можно было нащупать...

Но Павла, видимо, не пугала необходимость изучать азбуку.

— Условные знаки легче, — сказал он. — Ведь у наших букв очертания довольно сложные. Ты найди букварь он где-то здесь.

Тоня отыскала книгу и прочла заглавие на титульном листе: «Как учиться и работать без зрения». Автор. Коваленко Б. И.

— Интересный у тебя букварь, Павлик! Да, здесь алфавит и обыкновенный и выпуклый... Правда, он совсем другой... Сколько же времени нужно, чтобы выучиться?

— Доктор сказал, что если хорошо работать, то можно через два месяца читать. Мы сегодня и начнем, Тоня, правда? Ты мне будешь буквы называть, а я запоминать их по выпуклому шрифту... — Он был радостно озабочен, говорил оживленно и громко. — А для письма прибор видела?

— Вот эта дощечка? Как она разграфлена мелко.

— Для каждой буквы свое гнездышко. А это грифель.

Грифель оказался обыкновенным заточенным гвоздиком и был укреплен на красивой пластмассовой ручке.

— Понятно. Ты, значит, будешь накалывать... А я совсем иначе это себе представляла.

— Замечательно придумано! — воскликнул он. — Такое облегчение...

— У тебя хорошее настроение, Павлик — улыбнулась Тоня. — Скажи, а как теперь будет с работой. Я слыхала, что орс заготовки кончил.

— Зато колхозу нужны корзины для овощей. Пока заказы не переводятся. — Он сел к столу и снова положил руки на книгу. — Ну, Тоня? Да... может, ты есть хочешь? В печке каша.

— Ладно, я буду есть и заниматься.

— Вот, вот. Давай.

Поначалу оба путались, и Тоне казалось, что запомнить эти похожие один на другой значки невозможно но она старалась не показывать своих сомнениях Павлу. Они работали до тех пор, пока у Тони все не перемешалось в глазах, а Павлик не сказал, что у него ум за разум зашел.

Кончив урок, Тоня спросила у Павла, как идут занятия с другими ребятами, не опаздывают ли они, все ли ему понятно, и условившись о следующей встрече, побежала домой, не думая уже ни о чем, кроме постели. Жизнь ее стала такой хлопотливой и наполненной, что она с удивлением вспоминала прошлые годы, когда у нее оставалось много свободного времени.

Она уже привыкла вскакивать с постели по первому утреннему гудку.

Часто и прежде этот гудок будил ее, и она в полусне с сожалением думала, что отец должен вставать, а она еще долго может спать. Теперь резкий голос гудка заставлял ее торопливо одеваться, приносил мысли о том, что нужно делать сегодня в шахте. Она привыкла к нависающим над головой сводам и уже не боялась их, привыкла к делу, оказавшемуся действительно нехитрым, к новым товарищам.

Первое время, еще не приглядевшись, она помалкивала дома о своей работе и на вопросы матери сдержанно отвечала:

— Ничего, идет помаленьку.

Но, познакомившись с шахтой ближе, стала рассказывать матери и Новиковой столько новостей, что те просили пощады и гнали ее спать.

— Сейчас, мама! — отмахивалась Тоня. — Я еще вот что хотела сказать: Андрей откатчиком не останется. Он крепильщиком хочет стать, а потом забойщиком, чтобы весь цикл работ пройти. Откатчиков теперь нам меньше понадобится: новые скреперы ставят. Ты знаешь примерно, как они устроены?

— Ну, знаю...

— Нет, ты плохо знаешь, наверно. А Татьяна Борисовна совсем не представляет себе, что это такое. Вот я вам сейчас нарисую...

Тоня с увлечением описывала устройство скреперной установки.

— Понимаешь, это такой ящик без дна, задняя стенка у него скошена. Двигается на канате, открытой стороной книзу. Ползет по почве выработки, захватывает породу и волочит ее к транспортеру.

Тоня умалчивала, что только вчера Мохов подробно объяснил ей, как работает скрепер.

Она ближе познакомилась с людьми. К ней благоволил и молчаливый забойщик Таштыпаев и молодой откатчик Иннокентий Савельев, приятель Мохова.

— В первый день, знать, здорово ты боялась, что шахта тебя задавит? — говорил он усмехаясь. — Ну, да с таким наставником, как наша Зина, всякий страх быстро проходит.

«Наставник» при этом молча, деловито глядел на Савельева и тихо вздыхал. Веселый, озорноватый Кенка, по наблюдениям Тони, нравился Зине. Однажды она сама заговорила об этом.

— У тебя есть кто-нибудь... ну, чтобы привлекал? — спросила Зина серьезно.

Тоня, не представлявшая себе, чтобы о таких глубоко личных чувствах можно было говорить на ходу, без особой дружбы, с мало знакомой девушкой, удивленно взглянула на Зину. Но та смотрела так озабоченно и

просто, что пришлось ответить:

— Ну, есть.

— А он к тебе как относится?

— Никак особенно не относится... по-товарищески.

— Полюбит, — уверенно сказала Зина: — ты красивая, энергичная такая... Вот меня Кеша никогда не полюбит... — Она всегда называла Савельева Кешей, а не Кенкой. — Я ведь не умею, как другие девушки, посмотреть повеселей, посмеяться, разговор завести...

— Ну, зачем ты так... Почему ты думаешь, что не умеешь?

— Такая уродилась, — просто ответила Зина. — Потом... ругаю я его часто.

— А зачем ругаешь?

— Как зачем? Мне ведь хочется, чтобы он лучше был.

Эта умелая маленькая девушка заинтересовала Тоню. Зина редко говорила о себе, но скрытной не была и как-то рассказала, что у нее есть родители и куча маленьких братишек и сестренки. Все они живут в Шабраках. Отец и мать — в колхозе, а Зина, кончив шабраковскую семилетку, поселилась на прииске Таежном в общежитии.

Казалось, кроме шахты, ее ничто не интересовало. Она и не в рабочее время говорила только о пробах, промывках, количестве золота в породе.

От ее зоркого глаза не укрывалась ни одна мелочь в работе. Часто, оставив на минуту свои пробы, она подходила к парню, вздумавшему покурить не вовремя, и, внимательно глядя на него, говорила негромко:

— Ты что сел? Давай подкладные листы-то. Завалите выката!

И обычно рабочий, не огрызаясь и не досадуя на нее, начинал настилать железные листы. По таким листам лучше катились тачки, увозившие породу. Обрушенные пески надо было убирать быстро — они мешали проходчику в забое.

Однажды на Зину прикрикнул коренастый крепильщик:

— Ну что ты над душой у меня стоишь!

— Место это ненадежное: передавленная порода — мягкая, сырая.

Прочно крепить надо, — ответила задумчиво Зина.

— Вот как! Что же прикажешь делать? — насмешливо спросил крепильщик.

— Здесь забивная крепь нужна.

— Умница какая! Ты знай свои ендовки и лотки, а в чужое дело не суйся!

— погоди, мастер придет — то же скажет.

И мастер действительно подтвердил слова Зины.

— Откуда ты все знаешь? — спрашивала ее Тоня.

— Привыкла: три года работаю.

Мало-помалу все связанное с золотом стало занимать много места в мыслях Тони. Она перечитала книги о золоте, какие нашлись в библиотеке. Исполняя обещание, данное Жене, Тоня навещала Михаила Максимовича, и теперь встречи с ним стали для нее особенно интересными. Каганов с удовольствием отвечал на все Тонины вопросы.

Сначала они всегда пили чай с вареньем, сваренным Женей, и говорили о ней. Женя писала, что конкурсные экзамены сдала хорошо, а чтение ее понравилось комиссии, состоявшей сплошь из заслуженных и народных артистов. Теперь она учится «с восторгом», по воскресеньям бывает в театре или в семье старого моряка, брата Зинаиды Андреевны, где живет Толя Соколов. Иногда они вместе ходят на большие прогулки по городу, и Анатолий рассказывает Жене, что решетки Летнего сада создал Егор Матвеевич Фельтен, Казанский собор и Горный институт — Андрей Воронихин, а Таврический дворец — Старов.

Обсудив со всех сторон последнее письмо Жени, собеседники замолкали, а затем Михаил Максимович с улыбкой спрашивал:

— Ну, что вам сегодня хочется узнать, Тоня?

Тоня с ее любовью к истории интересовалась прошлым золотой промышленности, и Михаил Максимович рассказывал, что в древней Армении, в Таджикистане и на Кавказе люди с незапамятных времен добывали золото. Они расстилали бараньи шкуры на дне высохших рек и отводили воду в эти старые русла. Вода несла песок, и золото оседало в густой шерсти. Отсюда и пошли легенды о золотом руне. И в Казахстане геологи находили отвалы переработанных руд, старинные инструменты, кайлы, лопаты. Их можно видеть в музеях. Там тоже издавна добывалось золото.

Михаил Максимович оживлялся. Он вставал из-за стола, начинал расхаживать по комнате, пощипывая недавно отпущенную бородку. Иногда он останавливался и прихлебывал остывший крепкий чай.

Тоня слушала рассказы об Урале, Лене и золотой енисейской тайге, о тяжком труде рабочих и бессовестном отношении к ним хозяев.

На большинстве приисков не хватало жилья. Рабочие сами строили себе землянки, балагашки, хибарки, жили там скученно, зимой — в дыму и в холоде, летом — задыхаясь от духоты и грязи. Многие болели, а болеть было нельзя: пропущенные дни хозяин не оплачивал.

Продукты и товары в приисковых лавках, или, как тогда говорили, амбарах, отпускались дорогие. Рабочий, забиравший товар в долг, попадал

в безвыходную кабалу.

Редко где на приисках были школы. Молодое поколение росло неграмотным.

Единственным развлечением рабочих в дни праздников была бесшабашная пьянка, поножовщина, драки. Все это происходило на глазах у ребятишек...

— Бывало измученные нуждой, обнищавшие люди спивались, шли на преступления. Но посмотрите, с каким барским пренебрежением, с каким непониманием говорит о них старый бытописатель.

Каганов снимал с полки потрепанную книжку и находил нужное место.

— Вот: «Таким образом, легко добывая себе не только насущный хлеб, но и предметы роскоши, рабочие с каждым годом все более и более отвыкали от трудов, приучались к беспечности и лени, а с ними являлись и все пороки». Понимаете, какая низость — говорить о роскоши, когда люди убивали себя на этой каторжной работе, мерзли, голодали! Недаром сложилась тогда пословица: «В тайгу попал — навек пропал».

Рассказывал Михаил Максимович и о месторождениях драгоценного металла:

— Золото встречается в жилах кварца, иногда в смеси кварца с кальцитом, шеелитом. Гранит, порфир, диорит тоже могут содержать золото. Все это коренные или первичные месторождения. В них золото редко можно увидеть. Его сначала надо освободить из плена твердой породы, в которую оно вкраплено. Добыча золота из рудного месторождения не так-то проста. Твердую породу взрывают, чтобы обрушить ее, затем мельчат и часто очень сложными способами извлекают из рудного порошка золото. В руде оно встречается в виде жилок, блесков, зерен, порою и кристаллов. Рассыпные месторождения — это результат разрушения коренных. В россыпи обломочные рыхлые породы часто бывают сцементированы глиной, совсем мелким песком, илом. Здесь золото встречается в форме листочков, чешуек, иногда зерен. Порою попадаются крупные зерна; мы называем их самородками. Обычно их находят в россыпях и очень редко — в коренных месторождениях. Из рыхлых пород золото извлекается с помощью воды. Мощный агрегат — драга — черпает породу со дна реки и промывает ее. Струя, бьющая из гидромонитора, размельчает породу и гонит в промывательные аппараты. Баксы, вашгерды, кулибины, бутары — все это приборы, через которые проходит вода. Она уносит легкую породу, а тяжелое золото осаживается на дно, откуда его нетрудно взять.

Михаил Максимович мог говорить о золоте часами.

— Г осударственная необходимость золота вам, конечно, ясна. Это не только оборотный фонд в международной торговле, но и обеспечение внутренней валюты и необходимейший материал в промышленности.

— Михаил Максимович, — спрашивала Тоня, — правда, что золото есть в морской воде?

— Правда. Пять миллиграммов на тонну воды.

— А вот я прочитала, что растворить золото можно только в смеси азотной и соляной кислоты. А больше ни в чем?

— Бром, фтор и хлор тоже растворяют. Хлорное золото — это желтая жидкость. Ее можно сильно нагреть, тогда хлор улетучится и опять останется чистое золото. Если бросить в такой раствор насекомое или цветок, они пропитаются золотом. Сожгите пропитанную золотом пчелку, и получится вот что.

Михаил Максимович показывал золотую копию пчелы, хранившуюся у него в маленькой коробочке, и спохватывался, когда часы били двенадцать:

— Я безобразно заговорился, Тоня! Бегите, бегите. Вам завтра рано вставать.

— И вам, Михаил Максимович!

— Я привык, голубчик, привык. Это молодым тяжело. Женечку всегда трудно было будить...

Изо дня в день через Тонины руки проходили пробы различных забоев. Она научилась распознавать горные породы, золотоносные пески, привыкла к обстановке шахты. А приемы отборки и промывки проб усвоила так хорошо, точно с детства их знала.

Пробы из самого дальнего и длинного забоя показывали отличающиеся от обычных золотишки. Они были шероховаты, необкатанны, отдельные зернышки походили на крючки. Тоня обратила на это внимание и однажды показала совок с таким золотом старому Таштыпаеву.

— Что вы об этом думаете, дядя Вася?

— Ага! В парткоме уже говорили... — невразумительно ответил он.

— В парткоме? Что же говорили?

— Под голец забой идет, — ответил он и тяжело зашагал прочь.

Тоня с недоумением посмотрела ему вслед.

А через несколько дней в шахту спустились директор Виктор Степанович, парторг прииска Трубников и Слобожанин. С ними был Каганов.

— Ну, как ты тут? — весело обратился Кирилл к Тоне и тут же попросил: — Слушай, сделай при нас пробу из последнего забоя, а?

Тоня исполнила просьбу. Они терпеливо ждали и, когда все было готово, наклонились над совком, рассматривая шлих.

— Так, так... — сказал парторг задумчиво.

Он повернулся и пошел с директором в забои, а Тоня, осененная внезапной догадкой, догнала отставшего от других Слобожанина.

— Я ошибаюсь или нет, Кирилл? — сказала она. — Такое золото... может быть, оно показывает, что забой приближается к коренным горным породам?

— Все возможно, — живо согласился Слобожанин.

Судя по выражению его глаз, он сегодня был ближе чем когда-нибудь, к решению какой-то великолепной задачи, и Тоня заметила это.

— Видишь ли, старики — мой отец, дядя Егор и другие — часто говорят про Лиственничку, старую шахту. Они думают, что там наверняка есть золото.

— А ты сама как думаешь? — так же весело спросил Кирилл.

— Я ведь человек малоопытный... Но золотишки эти такое мнение подтверждают.

— Что же ты хочешь предложить?

Тоня не могла понять, шутит он или говорит серьезно.

— Что можно предложить? Обследовать Лиственничку.

— Вот скоро общее собрание будет, ты и выступи.

— И выступлю! — упрямо ответила Тоня.

— Очень хорошо.

Он вытащил из кармана черную книжечку и что — то быстро записал.

— Продумай выступление, не растеряйся. Зайди поговорить, если надо. Есть?

— Есть — ответила Тоня.

Но как только Слобожанин отошел, испугалась. Что она будет говорить? «Мой папа так считает...» Ее засмеют... Ведь она недавно спрашивала Михаила Максимовича о Лиственничке, а он сказал: «Такие вопросы сразу, Тонечка, не решаются. Все это нужно проверить, обдумать...» А может быть, теперь-то она сможет наконец помочь отцу, как давно ему обещала?

Она вспомнила заброшенную шахту, которую видела недавно, когда искали Степу и Митхата.

«Надо посоветоваться с Павликом», — решила Тоня.

Попрежнему замкнутый, когда разговор касался его самого, Павел

относился с интересом и сочувствием к Тониной работе. Правда, Тоня часто уверяла себя, что он это делает просто из вежливости. «Видит, что я о его учебе хлопочу, ну и старается чем может отплатить, а на самом деле ему вовсе и неинтересно. Не буду ничего рассказывать». Но обычно она не выдерживала и на вопрос Павла: «Как твои дела?» — отвечала подробным рассказом обо всех новостях шахты.

На этот раз увидавшись с ним, она сразу выпалила:

— Разговор у меня очень интересный со Слобожаниным был.

— Да? — равнодушным тоном спросил Павел.

Тоня обиделась:

— Вижу, тебе неохота слушать, а я все-таки скажу. Мне совет нужен.

— Вот что! — оживился Павел, узнав, в чем дело. — Ты непременно выступи.

— А может быть, эти стариковские разговоры всем надоели и Слобожанин просит меня выступить, чтобы раз навсегда покончить с ними? После моих слов сделают разъяснение, что никаких работ в Лиственничке предпринимать не стоит, вот и все.

Павел с сомнением покрутил головой:

— Не думаю... Впрочем, если польза дела именно этого требует, все равно нужно выступить.

Они взялись за уроки, а когда кончили занятия, наступило молчание, как бывало нередко.

Беседа не вязалась, лицо у Павла было бледное, усталое.

«Ему не о чем говорить со мною», — думала в такие минуты Тоня и чувствовала облегчение, если приходила тетя Даша или кто-нибудь из ребят.

И сегодня она обрадовалась появлению десятиклассника Макара и Саньки Маврина.

— Александром Ивановичем ты доволен, преподаватель? — спросила Тоня Макара.

— Особого усердия не видно.

— Что говорить! — поддержал Павел. — Соображение богатое, на лету все хватает, только закрепить надо, а почитать ленится. Через день-два спросишь — все забыл.

— Что ж так, Саня? — Тоня улыбнулась с невольным сочувствием — уж очень обескураженную гримасу делал при подобных разговорах Санька. — Зато производственные дела у него лихо идут, — заступилась она за Маврина.

— Это я знаю. С красной доски не сходит.

— Теперь иначе работать нельзя, — серьезно сказал Санька. — Знаете, какие дела у нас завариваются?

— Да-да! Как же! — заговорили все.

Подразумевалось огромное расширение работ, ожидавшееся на Таежном. Директор Виктор Степанович действовал как будто исподволь, но не терял времени. В малоизученных до сих пор горных районах работала разведка, шел тщательный опрос старожилов. Официально еще ничего не было известно, но из управления просачивались слухи, и люди уже с уверенностью говорили, что, по решению треста, создаются новые прииски, которые войдут в состав Таежного приискового управления.

— Сказывают, с Нового года еще пять шахт будут бить, — задумчиво говорил Маврин. — А уж механизация полным ходом пойдет. По рекам драги пустят, передвижные золотомойки будут работать... На Утесном новое месторождение нашли. Там россыпи крепкие — перфораторное бурение^[13] введут. Я хочу туда податься — с перфоратором охота поработать...

— А пока еще не ушел на Утесный, временно в третью шахту переводисься, будешь тамошних забойщиков учить? — весело спросил Павел.

— Ой, правда? — заинтересовалась Тоня.

— Да, придется показать им классную работку, — небрежно ответил Маврин.

Ребята взялись за математику, а Тоня ушла, раздумывая по дороге обо всем, что услышала, и, по обыкновению, ругая себя. Почему она не уходит сразу, как только между нею и Павлом устанавливается это нелепое молчание? Чего ждет? Вот ведь пришли ребята — он сразу повеселел...

Рабочие третьей шахты с нетерпением ждали прихода Маврина. Для него были заранее приготовлены два забоя и инструменты.

Санька спустился в шахту за полчаса до смены, внимательно осмотрел забои, расспросил уходящих, как им работалось. Откатчиков и крепильщиков он сразу же отправил за крепежным лесом, а сам начал кайлить. Его подручные, вернувшись, взялись за откатку.

Вначале Маврин вел глубокую подкалку породы по почве забоя. Верхние слои песка легко обрушивались под давлением собственного веса.

— Великое дело! — приговаривал он. — По методу алданского забойщика Симона Васильева. Три золотых правила: подкалка, работа снизу вверх, непрерывная уборка породы. Инструмент тоже надо понимать. Легкая кайла хороша для отбойки верхов, тяжелая — для середины забоя.

Кайла двигалась в Санькиных руках так красиво и ритмично, что

видевшие его работу были заворожены ловкими, уверенными движениями молодого забойщика.

— А что тут нового, позволь узнать? — внезапно прозвучал сиплый бас Таштыпаева. — И мы так-то умеем...

Старый забойщик явно любовался Мавриным и задал вопрос, чтобы стряхнуть с себя это настроение. Не к лицу ему, опытному ударнику, было присматриваться к работе мальчишки.

— У нас того результата нет! — послышались молодые голоса.

— Того нет, а все-таки показатели хорошие!

— Вы всё на силушку свою надеетесь, — отвечал Маврин, не переставая работать, — а тут главное — техника.

— Техника!

— Техника у нас проста: кайла да лопата! Чай, с песком дело имеем.

— Это тебе не рудник с пневматикой! Не твердая порода!

— Техника, приятели, — это не один инструмент, — горячо сказал Санька. — Ты умей заставить инструмент работать на полную мощность, все приемы обдумай, организуй процесс — это тоже техника.

«Прав он, прав! — с волнением думала Тоня. — Он именно каждое движение продумал и рассчитал. Это не просто уметь работать — это мастерство».

К обеду Санька обычно почти заканчивал дневную норму. Брал он действительно не силой. В шахте были забойщики физически крепче и сильнее его. У Маврина решающим были сметка, сноровка, точный расчет.

Он кайлил породу не сверху, а снизу. Этот способ особенно оправдывал себя в третьей шахте, где грунт был валунистый. Лишенные опоры, тяжелые камни с шумом обрушивались, увлекая за собой груды песка. Валуны извлекались из откайленной уже породы совсем легко. Чтобы не терять времени и труда на подъем камней из шахты, ими закладывались ненужные выработки.

Дойдя до верха забоя, Маврин тщательно подбирал кайлой кровлю расщелин и переходил в соседний забой, предоставляя откатчикам убирать породу. Учетчица подняла брови, когда записала, что дневная норма выполнена Санькой втрое.

По примеру Маврина начали работать и другие забойщики. Дольше всех упорствовал Таштыпаев.

— Ничего мудреного в этих приемах нет, — говорил он, — скоро выдохнется.

Но успехи Саньки так растревожили молодежь, что старику не стало покоя. Особенно волновался Андрей, в котором вспыхнула прежняя

симпатия к Маврину.

— Что же это, дядя Вася? — спрашивал он. — Неужели ты со своей силой хуже Саньки? Ведь он котенок перед тобой!..

Котенок этот, однако, по десятку огнив навешивает, а наш кот Вася больше семи никак, — тихо, но так, чтобы старик слышал, говорил Кенка Савельев.

Таштыпаев помалкивал, ворчал в усы, но наконец не выдержал и сказал мастеру:

— Готовьте забой. Встану на вахту.

Болельщиков у Таштыпаева было куда больше, чем у Маврина. К молчанию и воркотне старика привыкли, он был свой. К тому же всех покоряла его необыкновенная сила. А Санька держался задиристо, пришел из другой шахты и на вид был жидковат.

Однако, хоть старик работал сжав зубы и казалось, что все было у него проверено и продумано не хуже, чем у Маврина, Санька играючи уходил далеко вперед. Таштыпаев темнел в лице и становился еще молчаливее.

Как-то после обеда Маврин навалил такую гору породы, что откатчики совсем выдохлись. Им никак не удавалось ни вовремя подчистить забой, ни подвинуть полки, на которые Санька бросал породу. Запасного рабочего в этот день не было.

— Запарились? — усмехнулся Маврин. — Я пошел в другой забой на подкалку, а вы управляйтесь тут скорее.

Прошло не меньше часа, пока откатчики убрали забой. И только собрались идти к Саньке, как глухой шум наполнил шахту.

— Обвал! — закричала Зина, сушившая вместе с Тоней золото от промытых проб. — Кеша-то где?

Откаточный штрек мгновенно наполнился людьми. Со всех сторон рабочие бежали к дальнему забою.

— Маврина завалило!

— Засыпался Санька!

— Эй, лопаты! — кричал на бегу Таштыпаев.

Участковый геолог первым был на месте аварии.

— Товарищи, не подходите близко! Всем ждать!

Он шагнул в забой. Забой был широкий и длинный. Порода завалила самый конец его.

— Здесь огнива целы. Можно начинать, ребята!

Схватив лопату, Тоня не помнила больше ничего. Она наклонялась и выпрямлялась, не замечая, не чувствуя своих движений.

«Скорее, скорее, скорее!» — кричала в ней каждая жилка.

Люди тяжело дышали, работали молча. Только геолог бормотал:

— Нарушил постановление, ясно! Не разрешается от крепи отходить больше чем на полметра. Сколько раз об этом говорили!

Таштыпаев работал яростно, молниеносно откидывая тяжелые комья породы.

— Пусть другие убирают! — бросил он Андрею, наполнявшему тачку.
— Вы с Иннокентием сюда становитесь.

Андрей, бледный до того, что все его веснушки стали темно-коричневыми, схватил лопату.

Тоня внезапно почувствовала, что лопата валится у нее из рук. Разогнуться было невозможно.

— Возьми эту — она полегче, — услышала она голос Зины, неизвестно как почувывшей ее усталость.

Тоня, не глядя, схватила другую лопату и опять начала равномерно бросать породу.

Работали в напряженной тишине, и вдруг та же Зина крикнула:

— Нога! Вот он!

Из-под темной влажной породы торчала нога в тяжелом сапоге.

— Стой, стой, ребята!

— Помалу! Бери! Да легче, чорт!

— Жив, товарищи! Сердце бьется! — объявила прибежавшая из медицинского пункта фельдшерица.

Маврина отнесли на пункт, уложили. Фельдшерица, торопясь, роняя вату, сделала ему укол. Он широко открыл мутные глаза и снова опустил веки.

— Ну, ну, приободришься, Александр Иванович! Оглянись кругом! — кричали ему.

Фельдшерица почему-то шопотом уговаривала людей выйти из камеры, но ее никто не слушал.

Густые Санькины ресницы снова шевельнулись. На этот раз в глазах его было удивление.

— Что, — спросил он чуть слышно, — захворал я?

— Завалило тебя, дурья башка! — проворчал Таштыпаев.

— Санька! Оживел, брат! — сунулся к товарищу Андрей.

Но тут молоденькая фельдшерица вдруг обрела голос и без церемонии вытолкала всех из камеры. Через несколько минут Саньку, которого поддерживали двое рабочих, подняли наверх.

Маврина удачно загородили три упавших наискось огнива. Он был сильно помят и оглушен да при падении ушиб ногу.

Несколько дней ему пришлось пролежать в больнице, где доктор Дубинский непрерывно журил его за неосторожность.

А между тем Санька не был виноват. Геолог выяснил, что в породе забоя, показывавшей достаточный класс крепости, неожиданно оказался пропласток слабого грунта. Такую случайность геологоразведка не могла предусмотреть. Из-за этого и произошел обвал.

Когда Маврин вернулся в шахту, старый Таштыпаев, усвоивший понемногу все Санькины методы, обогнал его, дав за смену триста двадцать процентов нормы. Старик взял на себя три забоя. Уборка и крепление не задерживали его ни на минуту. Когда он возвращался из третьего забоя в первый, там была уже убрана вся порода и установлено крепление. Таштыпаев только кайлил.

— Видал? — спрашивали Маврина таштыпаевские сторонники.

— Что ж, дядя Вася неплохо перенимает опыт! — дерзко, но без досады отвечал Санька и, щурясь, добавлял: — Так откатчики, говорите, не подводят? То-то! А скоро и совсем от них зависеть не будем. Пора, ребята, от тачки отказываться.

Слова Маврина ни для кого не были загадкой: все ждали установки новых механизмов.

Спустившись однажды утром в шахту, Тоня была поражена необычным шумом и оживлением. В забоях устанавливали какие-то невиданные машины, похожие на диковинных насекомых.

— Передвижные транспортеры ставят! — сообщила Тоне, почему-то понизив голос, Зина.

— Ты гляди, из всех боковых рассечек порода будет подаваться на главный транспортер. Правду Санька сказал: прощай тачка! — крикнул Андрей.

Новые машины с двумя большими колесами и бесконечной стальной лентой на роликах ставились почти во всех шахтах.

Освободившихся откатчиков переводили на другие работы. Андрею, как бывшему трактористу, удалось устроиться при передвижном транспортере, который он с любовью называл «моя стрекоза».

В забоях появились и механические погрузчики. Они забирали обрушенную породу металлическими скребками и подавали ее на забойный транспортер. Тот нес пески к широкой ленте главного транспортера, ползущей по откаточному штреку.

— Полностью механизирована шахта! — с гордостью говорил Маврин. — Вот теперь интересно показать работку!

Он быстро приспособился к новым условиям и вскоре начал

заваливать породой транспортер и весь забой.

— Что же это такое? — спрашивала Михаила Максимовича Тоня. — Он такую машину обгоняет?

Михаил Максимович задумчиво улыбался:

— А это ведь прекрасно, Тоня! Механизм работает как механизм, а человек — со всей страстью, на какую он способен. У нас не машина ведет за собою людей, а люди диктуют машине. Наши инженеры уже думают, как увеличить скорость автопогрузчика.

Маврин вскоре ушел из третьей шахты в свою, где работал под началом Николая Сергеевича, а его место занял скромный паренек из таштыпаевских учеников, который недавно стал перегонять Саньку.

Соревнование продолжалось.

Глава десятая

Учительница истории Лидия Ивановна заболела, и математику Федору Семеновичу пришлось заниматься одновременно с двумя классами. Ученикам десятого он дал письменную работу и, пообещав скоро заглянуть к ним, ушел в восьмой.

Татьяна Борисовна с утра захлопоталась. Она дежурила в школе, а был один из тех дней, когда все плохо ладится и множество больших и малых затруднений возникает на каждом шагу.

Надежда Георгиевна, как общественный инспектор, объезжала школы района, Петр Петрович с шестым классом ушел в тайгу наблюдать, как природа приготовилась к зиме. А в школе то и дело происходили какие-нибудь неприятности. Сначала подрались двое второклассников. Новикова с замиранием сердца спешила к месту происшествия, ожидая увидеть Митхата или зачинщиком драки, или побежденным. Но он был ни при чем, скромно стоял в стороне и только смотрел, как его товарищи — ши тузят друг друга. Не успела Татьяна Борисовна, водворив порядок, вернуться в учительскую, как произошел скандал у первоклашек. Маленькая девочка с веселыми веснушками неизвестно зачем принесла в школу ножницы. Открывая и закрывая их, она внезапно вдохновилась и отрезала косичку у своей соседки. Сама испугавшись того, что сделала, преступница подняла рев, к которому немедленно присоединилась и пострадавшая. Затем в школьный огород пробралась чья-то свинья и объела еще не снятую капусту. Седьмой класс выбежал прогонять ее и так увлекся, что в полном составе опоздал на урок.

Расстроенная всеми этими происшествиями, Новикова схватилась за голову, когда ей сказали, что Лидия Ивановна не придет. Уговорив Федора Семеновича заниматься с двумя классами, она вздохнула свободнее и села

дочитывать статью, нужную ей для занятий с литературным кружком.

Но, к великой ее досаде, через несколько минут в учительскую снова вошел Федор Семенович и остановился перед ней с видом оскорбленным и негодующим.

— Весьма неприятное событие, — сказал он: — я вынужден был уйти из десятого класса и не пойду туда, пока передо мною не извинятся.

— Что же они сделали?

— В мое отсутствие, пока я диктовал задание восьмому классу, они не работали, шумели, как маленькие, и писали на доске совершенно неприличные стихи, — пояснил Федор Семенович.

Новикова пошла в десятый класс.

Ребята действительно шумели, большинство толпилось посередине класса, а у доски стояла Лена Баранова. Увидев Татьяну Борисовну, она схватила тряпку, чтобы стереть написанное.

— Баранова, положите тряпку, — строго сказала Новикова. — Сядьте на места, товарищи.

Лена продолжала неподвижно стоять с тряпкой в руках. Ребята шумно рассаживались по местам.

Татьяна Борисовна прочла стихи:

Звонок звенит, и Федя мчится Прямо к нам, в десятый класс,

Там на кафедру садится,

Двойки ставит целый час.

«Дурацкие стишки! — подумала она сердито. — И допотопные какие-то. Взрослые парни и девушки, а какими глупостями занимаются!»

— Очень хорошо, Лена! — горячо заговорила Новикова. — Неужели вы не нашли другого применения своим способностям, как писать такие стихи? И вы считаете их остроумными? Это просто пошло, если хотите знать. Всеми уважаемого человека, талантливого преподавателя вы высмеиваете за то, что он требователен и строг?

— Татьяна Борисовна, я не... — начала Лена.

— Полно оправдываться! Садитесь на место.

Лена села с недоумевающим видом. Она все время пыталась заговорить, но учительница не хотела слушать.

— Вы сейчас же извинитесь перед Федором Семеновичем, а о поведении вашем мы поговорим особо. Это шалость, непростительная даже ученикам младших классов...

Она остановилась. Класс шумел, и шум этот что-то напомнил ей. Ну конечно, когда произошла история с Моховым, ребята шумели так же негромко, но возмущенно.

— Славка! — раздался угрожающий шопот с последней парты.

— Славка! — крикнули хором девочки.

— Славка-а! — протянул Митя Бытотов.

— В чем дело, Слава? Это к вам относится?

Слава Черных угрюмо поднялся со своего места.

— Ну, что вы хотите сказать?

Слава молчал.

— Он-то сказать не хочет, да мы его заставим! — задорно крикнул Володя Арыштаев. — Говори, Славка!

Встревоженная Татьяна Борисовна подошла к Черных:

— Чего товарищи хотят от вас?

Черных оглянулся. Весь класс с недобрый ожиданием смотрел на него.

— Что я... Чтобы я сказал... Это я написал.

Ребята облегченно вздохнули.

— Вот как? — изумилась Новикова. — Что же вы слушаете, как я пробираю Баранову, и молчите? А если бы из-за вас пострадал невинный?

— Мы бы не допустили, Татьяна Борисовна! — успокоительно заметил Бытотов.

— Хорошо, что это произошло при всех в классе. Могло быть и не так. Лене зря попало.

— Это ничего, Татьяна Борисовна, — ответила Лена, и ее простенькое круглое лицо приняло всегдашнее довольное выражение. — Я ведь знала, что Славке придется сказать.

«Совершенно бесхитростная и очень скромная девушка, — подумала Новикова. — Конечно, она не могла позволить себе эту нелепую выходку».

Оказалось, что Слава услышал стишки от своего дяди, который на днях рассказывал ему о нравах старой гимназии. Почему-то стихи вспомнились ему сегодня, и он написал их на доске. Ребята кричали: «Сотри! Перестань ерундить! Сейчас Федор Семенович придет!», но Черных уселся за парту, вытянув ноги и улыбаясь, словно волнение товарищей очень его забавляло. Конечно, он хотел уничтожить стихи при первом же намеке на опасность и не успел: пришел Федор Семенович.

Новикова велела стереть с доски написанное и послала Черных извиниться перед математиком. Остальные ребята взялись за решение задачи.

Этот случай очень смутил молодую учительницу. Хорошо, что никто из ребят не пытался выгородить Славу, хотя он пользовался в классе большим авторитетом, как развитой парень и лучший математик. И сегодня

все заступились за скромную Лену. В них есть чувство справедливости, это очень хорошо...

Но классная руководительница была явно не на высоте, вот что плохо.

Она с нетерпением ждала приезда Сабуровой и, как только Надежда Георгиевна вернулась, отправилась к ней.

Тусклый осенний вечер с мелким дождем прохватил ее холодом, пока она дошла до квартиры директора школы. Зато у Надежды Георгиевны было тепло. Печка уже догорала, и Новикова, подтащив к ней коврик, уселась на пол у открытой дверцы. Дышащие золотым жаром угли тускнули, но под ними еще пошевеливались синие огоньки.

Сабурова, неслышно двигаясь по комнате, разбирала свой чемоданчик и рассказывала о школах. Петр Петрович, ездивший ее встречать, сидел в темном углу и, казалось, дремал.

— Довольны вы поездкой, Надежда Георгиевна? — спросила Новикова.

— В общем довольна, — ответила Сабурова, начиная говорить медленно. Эта особенность появлялась в ее речи, когда разговор шел о чем-то волнующем старую учительницу. — Много опытных, умелых педагогов, есть очень хорошая молодежь... Но кое-что меня и огорчило. Боюсь, что для некоторых преподавателей ученики порою являются только объектом для отметок, а не людьми с присущими им чертами характера, образом жизни... Случается, что хороший ученик начинает отставать, и педагог отзывается на это лишь снижением отметки. Не знает — двойка! А чем двойка вызвана, неизвестно. Я стою за то, чтобы учитель разбирался в каждом отдельном случае. Тут и на дом к школьнику надо сходить и с родителями побеседовать, добиться истинной причины отставания.

— Вы сами уроков не давали?

— Нет. — Сабурова задумалась. — Однажды, несколько лет назад совершила я ошибку. Дала урок в школе, которую обследовала... Хотела показать молоденькой учительнице, как надо преподавать, и испортила ей все дело. Ребята стали сравнивать, и сравнение получилось не в ее пользу. Я тогда горько каялась. Заслуги никакой не было в том, что я, работающая всю жизнь, провела урок лучше начинающей, а доверие к ней подорвала и, может быть, дальнейший рост надолго затормозила.

Надежда Георгиевна села и, внимательно взглянув на Новикову, спросила:

— Ну, а у тебя тут как? Все благополучно?

— Да не совсем...

Оглядываясь на Петра Петровича и стараясь говорить тише, Татьяна

Борисовна рассказала историю с Черных.

— Что Славу заставили признаться товарищи, а не ты, по-моему неплохо, — сказала спокойно Сабурова. — Пусть знает, что живет в таком коллективе, который ему нечестных поступков не простит. Лена девочка добродушная, веселая, никакого горького осадка у нее не останется, тем более что дело было тут же исправлено. А вот ты-то почему спешишь в подобных случаях?

— Не знаю... Я, как говорят, «запарилась» в этот день. Раздражена была.

— Настроение? — делая упор на этом слове, сказала Сабурова. — Пора нам договориться, Таня, что настроения твои к работе никакого отношения иметь не должны.

— Но как же быть, Надежда Георгиевна? Я ведь стараюсь. Но разве учитель — не человек? Не может ему быть грустно или весело?

— Может, безусловно. Но и в грусти и в веселье он должен оставаться учителем.

— Что же он, актер, что ли?

— Нет, конечно, но как актер не смеет вносить свои личные настроения в исполняемую роль, так и учитель не должен примешивать их к делу. Имей в виду, что если учитель всегда ровен и спокоен, это создает спокойную обстановку в классе, под влиянием примера и ученики подтягиваются. Мне вот в первые годы революции пришлось работать с беспризорниками. Отчаянный был народ. И знаешь, чем я их победила? Только спокойствием. Они вели себя так, что ты, наверно, стала бы плакать, бросать в них тяжелыми предметами, вообще потеряла бы контроль над собой. Я помню, какой похвалой прозвучали для меня слова одного парнишки: «А вы, видать, не нервная!»

— Татьяна Борисовна сама все это прекрасно понимает, — неожиданно подал голос Петр Петрович. — Ведь не маленькая!

— А что еще нужно, чтобы стать хорошим учителем? — спросила Новикова, делая вид, что не слышит замечания.

— Знания, конечно, нужны, любовь к делу и отсутствие каши в голове, — улыбаясь, ответила Сабурова.

— Как это — каши?

— Целеустремленность нужна. Если учитель твердо знает, к чему готовит ребят и как их должен готовить, он иначе ведет работу, чем тот, для которого это только слова.

— Значит, думать, учиться самой надо, — полушутя, полусерьезно сказал Петр Петрович, — а вы вот к докладу по методике второй месяц

не можете подготовиться... Занятия политкружка прошлый раз пропустили...

— Да что это, право! — рассердилась Новикова. — Вы всё назло мне говорите, Петр Петрович! Доклад завтра будет готов, а кружок я пропустила потому, что классное собрание было на этот день назначено. Не примеряла же я в это время новое платье перед зеркалом!

— А вдруг бы «настроение» припало именно этим заняться? — подчеркнуто, как Сабурова, спросил завуч.

— Ну нет! это слишком! Если вы обо мне такого мнения, я не понимаю, как вы терпите меня в коллективе! Не хочу я больше слушать вашу воркотню и ухожу домой!

— Полно, не сердись, Таня. Разве не видишь, что Петр Петрович шутит?

— Знаю, что шутит, но эти шутки мне не нравятся, — уже мягче ответила Новикова. — И потом, я на самом деле спешу: обещала Тоне проверить последние работы Заварухина.

Простившись с Сабуровой и надменно кивнув Петру Петровичу, она ушла.

Завуч поднялся с кресла:

— Вот не думал, что она действительно уйдет! Пойти, может, за ней, пусть не сердится?

— Не ходите, Петр Петрович. Она долго сердиться не будет: понимает ведь, что вы относитесь к ней хорошо. А над тем, что ей сказали, непременно наедине с собой подумает. Эго хорошее свойство у нее есть.

— Пожалуй, — ответил завуч, снова усаживаясь. — Невыдержанная все-таки девушка.

— Будут, будут у нее еще и ошибки и срывы, а все-таки она на верном пути, к работе относится серьезно.

— Хорошо, коли так. Она того... человек неплохой... А вы что-то неважно выглядите. Устали, что ли?

— Плохо себя чувствую, — почему-то шопотом сказала Сабурова. Она привыкла стесняться своих недомоганий и, заболев, всегда чувствовала себя виноватой. — Надо будет Дубинскому показаться.

Петр Петрович помолчал, пожевал губами.

— У меня ведь новость неприятная есть. Сижу и не знаю, как начать.

— Что такое?

— Да видите ли, та методистка, что к нам приезжала, докладную записку подала по вопросу об оценках в нашей школе. Помните на экзамене случай с сочинением Пасынкова?

— Знаю я об этом, — устало ответила Надежда Георгиевна. — Пустяки! Правильность своего метода я всегда сумею доказать. А вы что, придаете этому большое значение?

— Придаю, — сердито ответил Петр Петрович, выбивая пепел из трубки прямо на ковер. — Мне, знаете, не раз в жизни приходилось видеть, как легко глупцам разрушить хорошо налаженное дело.

— Глупцы, как вы говорите, а вернее — те, что умеют ко всему подходить только формально и трусят всякой самостоятельной мысли, живут среди настоящих советских людей, которые не дадут им взять верх. Мы не беззащитны.

— Ну, будем надеяться, — пробормотал Петр Петрович.

Глава одиннадцатая

Общее собрание было назначено на шесть часов вечера в воскресенье.

И потому, что разговоры о собрании велись давно, а оно все откладывалось, и потому, что собирались не в урочное время, все понимали, что разговор будет серьезный.

— Новые обязательства люди хотят взять, а прииск золотом беднеет, — сказал старый Таштыпаев, читая объявление оносительно собрания, — об этом речь и будет.

— Надо думать, дядя Вася, ты с готовым предложением придешь? Расскажешь руководству, за что браться? — невинно спросил Кенка Савельев.

Таштыпаев чуть скосил глаза на парня:

— Ладно, ты! Сами бы маленько мозгами раскинули!

...В день собрания Тоня была у Павла. Она вернула ему работы, проверенные Новиковой. Хотя Заварухин не был школьником и ему не полагалось ставить отметок, Татьяна Борисовна не удержалась и вывела в конце каждого сочинения по жирной пятерке.

Павел задумчиво расхаживал по комнате. Сегодня он был особенно молчалив.

— Ты чем-то озабочен, Паша? — спросила Тоня.

— Как тебе сказать... — начал он и вдруг круто остановился перед Тоней. — Ты ничего не знаешь, а я ведь давно уже большую работу веду...

— Работу? Какую же?

— Не скажу. — Он подзадоривающе улыбнулся: — Охота сказать, да боюсь. Вдруг не выйдет ничего! Ну, да сегодня все узнаешь.

— Сегодня? Но я ведь скоро на собрание уйду.

— Узнаешь, — повторил Павел. — Я тебе говорю — узнаешь. А пока не спрашивай.

И Тоня не стала спрашивать, хотя была сильно заинтересована. Она слушала, как Павел рассказывал о публицистике Горького, и потом, простившись с ним, ушла. А у него при прощанье было лукавое и взволнованное лицо.

«Что бы это значило?» — раздумывала дорогой Тоня.

Времени до начала собрания оставалось много, и она пошла к поселку через горы. День был чистый и теплый. Природа, уже готовая уснуть, еще ясно улыбалась людям.

Крупно шагая по сухим комкам травы, Тоня поднялась довольно высоко и глянула вниз. Прямо перед ней лежал вспаханный участок правильной овальной формы. Отсюда, сверху, он казался озером, полным мрачной воды, похожей на кусок гладкого темного стекла. Участок окружали тонкие деревца с тянущимися прямо вверх голыми ветвями, и было странно, что они не отражаются в пашне.

Скупые, благородные краски осенней земли! Такой же вспаханный участок рядом был покрыт редкой зеленцой, дальше рыжие склоны обрывая уходили в темнокоричневую впадину, а с другой стороны низвергались почти лиловые тяжелые складки горы, подернутые сединою мхов. Низко у горизонта висело большое облако, точно грузная розовая рыба в серебряном море.

В светлом пылании заката грубее и выпуклее обозначился неуклюжий могильный камень. Тоня знала, что здесь погребен вождь племени, жившего в крае много веков назад. Археологи долго бились над расшифровкой надписи, полустертой временем. Знаменитый исследователь Сибири Николай Михайлович Ядринцев первым нашел ключ к разгадке. Надпись гласила:

«Я разлучен с родом орла, живущим на земле. С храбрым народом моим и десятью тысячами моих коней пребывать не могу. Имя мое...»

Тоня забыла имя погребенного героя. В следующих строках он приказывал своему народу хранить память о нем.

Нет, память не сохранилась. Зачем людям, не мечом, а трудом завоевавшим эти горы, помнить древнего правителя? Конечно, он владел огромными стадами, косяками легконогих коней, оружие его было украшено рубинами и пил он из золотой чаши. Толпы голодных рабов днем и ночью умножали его богатство. О чем же помнить? Кому он сделал добро? Пусть ученые не забывают это имя, для них оно звучит, как дальний ветер прошедшего, а люди, что живут и трудятся здесь, иные имена завещают своим внукам.

Стоя у старого камня, Тоня попробовала представить себе, как будет

говорить на собрании. Она откашлялась и сказала: «Товарищи, я хочу напомнить...» — и тут же засмеялась. Неудачная репетиция! Здесь, в горах, голос ее кажется слабым, и засыпающая природа не внимлет ему.

Взглянув еще раз на быстро тускнеющее небо, Тоня заторопилась. Она прошла рощицу сизо — голубых сосенок, полюбовалась их кротким видом и подвернутыми под ветви тесно сомкнутыми шишечками.

— Зимы ждете? — сказал она сосенкам. — Ну, спокойных вам снов. Весной увидимся.

Чувствуя, что исполнила какой-то долг, попрощавшись с тайгой и горами, она заспешила вниз.

Весь просторный клуб был полон народа. Многие еще курили и разговаривали перед входом в здание и в коридорах, но, войдя в зал, Тоня с трудом отыскала себе место.

Усевшись наконец, она увидела рядом с собой улыбающуюся Стешу Сухих.

— Ой, Степанида! Как работа идет?..

— Ничего, все в порядке. Тебе-то в шахте не трудно?

В зал начали вносить длинные скамейки и расставлять их вдоль стен. Люди, переговариваясь, рассаживались.

Вдруг Тоня изумленно откинулась назад. Ей показалось, что в дверях стоит Павел. Но удостовериться, так ли это, она не могла — люди все время заслоняли его.

— Слушай, — дернула она за рукав Стешу, — посмотри хорошенько, кто это там?.. Вон, вон под портретом стоит... теперь садится на скамейку.

— Заварухин Пашка, — ответила Стеша. — С ним старик этот... как его... охотник.

Тоня уже сама ясно увидела Павла и старого Иона. Оба — принаряженные: Павел в белой вышитой рубашке, Ион чисто выбрит, и вместо всегдашней куртки неопределенного цвета на нем новый, порядком помятый костюм. Вытащил, наверно, из сундука для такого случая.

«Зачем они пришли? — недоумевала Тоня. — Просто послушать? Нет, тут что-то не то. Может быть, секрет, о котором Павел не хотел говорить?»

Она стала рассеянно отвечать Стеше и забыла о секрете Павла только когда президиум занял места и парторг Трубников, выбранный председателем, позвонил в колокольчик, призывая к тишине.

Первым взял слово директор Виктор Степанович.

Он начал с того, что похвалил людей. Работали хорошо. Годовой план почти закончен и к седьмому ноября, которое уже близко, конечно, будет полностью выполнен. К новогоднему празднику дадут продукцию за

первый квартал следующего года.

— Как будто бы можно радоваться? Неплохо дело идет сейчас, неплохо пойдет и дальше. Так ведь? А я вот боюсь, что дальше оно может пойти совсем плохо, если мы не примем нужных мер.

Вот что очень тревожит: мало людей, а у людей мало знаний. Во время войны прииск недостаточно заботился о кадрах. Тогда в шахтах было много женщин и подростков. Теперь большинство мы освободили. Нам нужно срочно готовить забойщиков, крепильщиков, откатчиков. На прииске организованы кратковременные курсы. Но это не все. Нужно, чтобы и старые горняки учились новым методам, повышали свою квалификацию. Нужно готовить командиров производства: бригадиров, мастеров, техников. Здесь кратковременными курсами не обойдешься — надо наладить серьезную техническую учебу.

Дальше: во время войны вы дело вели хорошо, но в будущее почти не заглядывали. Разведочные и горноподготовительные работы шли слабо. За последние полтора года были подготовлены к пуску, и то очень приблизительно, только две шахты, которые теперь входят в строй. А вот вторая и четвертая стали давать совсем мало металла. От таких случаев прииск и в дальнейшем не застрахован. Мы должны смелее действовать, искать новые месторождения, готовить новые объекты, иначе легко может создаться угрожающее положение, как для всякого предприятия, которое живет сегодняшним днем и не смотрит вперед.

По залу прошел легкий шопот. Все знали, что директор приехал на Таежный только в марте и за это время им сделано немало. Однако в словах Виктора Степановича слышалось осуждение прежнему руководству. Конечно, много было неполадок на прииске, но считалось, что в военное время не до них. Главное — при всех трудностях прииск не снижал, а повышал добычу металла. За это-то не раз и награждали прежнего директора. Правда, потом он был снят со строгим выговором: не смог в послевоенное время перестроиться. Но успехи его еще у всех в памяти, а вот Виктор Степанович, хоть и горячо взялся за дело, уже заговорил об угрожающем положении.

Так думали многие, и в своей речи директор это учел. Он поднял руку и сказал весело:

— Вас, наверно, интересует, почему так получилось? Именно потому, товарищи, что не заглядывали вперед, не обеспечивали себе будущее. Сейчас приходится усиленно наверстывать упущенное.

Он рассказал, что поисково-разведочные работы идут во всем районе. Обследованы с тщательным предварительным опробованием русла всех

ближайших рек и ключей. Разведка шла с плотом, канавами, шурфами и бурением. Заложены три новые шахты. Одна из них пойдет на сбойку^[14] с первой. С января начнется проходка еще трех новых шахт. Третья, четвертая, шестая и девятая шахты полностью механизированы. Срочно заканчивается постройка жилых домов для людей, которые понадобятся в будущем...

— Это все так! — раздались голоса.

— Что говорить, сделано много!

— За столовую тоже спасибо!

О столовой директор позаботился сразу же после приезда. Он сменил заведующего и кладовщика, сделал строжайшее внушение шеф-повару, и теперь в столовой стало чисто, а холостые рабочие, выходя оттуда, уже не говорили, как прежде: «Хорошо бы обратно пообедать!»

— Кое-чего, значит, добились, — продолжал директор. — Но это еще очень немного. Снизить выполнение плана мы права не имеем, все понимают. А нам ведь нужно провести полную перестройку работ. Мы не только разворачиваем производство — мы хотим, чтобы каждый участок был механизирован, чтобы производительность все время повышалась, продукция дешевле стала. Наш прииск должен быть передовым предприятием в полном смысле слова. Вот почему нужна ваша помощь, товарищи, ваша инициатива. Пусть каждый, у кого есть предложение, могущее улучшить работу или осветить новые перспективы, скажет об этом.

Один за другим выступали разведчики, забойщики, крепильщики, мастера, бригадиры. Говорили о недостаточном количестве спаренных и строенных забоев, о новых машинах и оборудовании, о транспортерах, о вскрыше торфов гидравлическим способом^[15], о техминимуме и снова о многозабойном методе, о подкалке.

— В нашей шахте мы простились с лопатой. Теперь у нас работают передвижные транспортеры и автопогрузчики, — говорил молодой забойщик, которого когда-то товарищи укоряли за одновременное пристрастие к стихам и к крепким словам. — А теперь и с кайлой прощаемся. Основные добычные забои уже обрабатываем пневматикой... пневматическим молотком, — поправился он. — Оказалось, что порода в шахте достаточно крепкая. У нас в горном деле общая мечта: с кайлой покончить.

Но, как известно, для россыпей пневматический молоток не годится: слишком рыхлая порода. Так все считают... А мы думаем, что нужно

пробовать, рисковать иногда. Ведь и в нашей шахте порода считалась не слишком твердой, ан Виктор Степанович, когда у нас первый раз побывал, задумался над этим... Начали проверять, сопоставлять и решили, что можно перевести шахту на пневматическую обработку. И что же? Пока не каемся. Спасибо директору и инженеру Каганову — куда легче стало работать. И производительность сильно повысилась. Смелее надо действовать, вот что я хочу сказать. В других шахтах еще и еще раз проверять крепость породы. Если хоть треть людей перейдет с кайлы на пневматический молоток, плану огромная будет подмога...

Тоня внимательно выслушала и Савельева, который сбивчиво, но вдохновенно рассказал о лавном способе добычи, и вдруг услышала свою фамилию и пояснение председателя: «Пробщица третьей шахты». Ей показалось, что вызывают не ее. Сейчас на сцену поднимется какая-то незнакомая девушка и заговорит уверенно и плавно.

С таким ощущением она нерешительно поднялась и, только когда Стеша толкнула ее в бок, заторопилась.

Большой зал со сцены показался ей темным, и она почувствовала себя маленькой, ничего не знающей, слабой. Она видела ряды голов, множество смотрящих на нее глаз, множество ртов, готовых засмеяться, если она будет молчать еще хоть секунду. И Тоня заговорила:

— Товарищи, я хотела сказать относительно старой шахты, что на гольце, насчет Лиственнички. Шахта давно заброшена, а между тем...

Она подумала, что в зале вовсе не так темно, как ей показалось сначала, что никто не смеется, и внезапно увидела своего отца.

Когда же он приехал? Ведь срок путевки еще не кончился! Не дотянул, значит, последние дни. Приехал, когда она была у Павла, и, узнав про собрание, пришел в клуб...

Николай Сергеевич сидел в первом ряду, возле дяди Егора. Глаза его были опущены, лицо сурово. Он не хотел глядеть на дочь. Наверно, если бы это было удобно, он заткнул бы уши, чтобы не слышать ее.

Тоня в смятении оторвала взгляд от отца и умоляюще посмотрела на Кирилла, сидевшего в президиуме. Слобожанин ничего не понял и подбадривающе кивнул ей.

Потеряв конец начатой фразы, она продолжала:

— Ее давно кинули, Лиственничку, а многие старые рабочие считают, что золото там должно быть. Конечно, времени прошло немало с тех пор, как шахту завалили... Можно подумать, что люди говорят по старой памяти, но мне кажется, что к ним нужно прислушаться. Риск и затраты небольшие, если послать на гонец несколько человек, так чтобы не

нарушать работу в бригадах, а выиграть сможем многое...

Она помолчала и неожиданно для себя прибавила:

— Я предлагаю создать добровольную комсомольско-молодежную бригаду. Подумайте, ребята, какая радость будет оживить шахту, опять в строй вернуть!.. Если не зря поработаем...

Сознавая, что последние слова прозвучали, как на беседе в молодежном бараке, Тоня сделала несколько шагов, потом остановилась и прибавила:

— У нас в третьей шахте из нового забоя очень необкатанное золото пошло. А забой идет под голец. Это тоже указывает, что Лиственничку нужно проверить...

Ей казалось, что все смотрели на нее с насмешкой и жалостью, пока она проходила по залу и садилась на место. Но когда, осмелев, Тоня подняла голову, то оказалось, что никто не интересуется ею.

Председатель назвал фамилию Таганашева, и Тоня даже рот приоткрыла от удивления. На сцене появился Ион.

Старик совсем не казался испуганным или взволнованным. Он положил на край столика свою трубку. В зале нельзя было курить; Ион, повидимому, все время держал трубку в руках. Негромкий голос его звучал очень внятно.

— Я старый, очень старый человек, — сказал он как бы в раздумье, и в зале сочувственно засмеялись. — Люди думают, что старый человек всегда умный. Это не так, однако. Я кое-чего неправильно понимал, ошибался...

Слушатели, явно заинтересованные, ждали. Тоня забыла о своем неудачном выступлении, о неприязненном лице отца. Она с тревогой смотрела на Иона. Что он тут исповедуется? В чем кается?

— Я считал: золото — зло, — неторопливо продолжал охотник. — От прииска подальше надо быть, я считал. Золото — это горе, это кровь... Мое дело чистое, я думал: тайга, ружье, зверь. Я что знал про золото, не хотел людям говорить. Зачем больше зла на свете делать? Я счастливый был: три раза золото находил. Только закопал его, никому не рассказывал. Я в руки брать его боялся.

По залу пошел шум:

— Вот так старик! Видали таких чудаков?

— Дак ты дальше валяй! К чему ведешь-то? — подбадривали Иона.

А старик, помолчав, как опытный актер, невозмутимо продолжал:

— Хороший человек, молодой товарищ учил меня. Много говорил про золото. Я слушать не хотел, я домой хотел уходить. Он сказал: «Ион, уважаешь меня — слушай». Я его уважал, думал: пусть скажет, слушать

буду, а в голову его слова не пущу. Не день, не два он мне свое толковал, да... Те слова в мою голову стучали, зашли туда. Он сказал, что золото не для одного человека, а для всех, теперь от него не беда людям, а радость. «Разве ты не понимаешь, — он сказал, — что новый клуб, и школа, и больница — все построено на наше золото? Мы добывали золото — помогали фашистов прогнать», — он сказал. Голова моя распухла, однако. Ночь я не спал, пришел к нему, спрашиваю: что делать теперь?

Ион драматически развел руками. Зал напряженно молчал.

— Он говорит: «Сказать надо все, что тебе известно». Кому скажу? Директору, главному инженеру? Не знаю их... Может, хорошие люди, может, плохие... Разве могу угадать, что с золотом сделают?

Слушатели смеялись.

— Он говорит: «Иди на общее собрание, скажи всем». Я пришел. Слушайте. — В полной тишине Ион заканчивал свою речь. — В старой шахте, что на гольце, золото есть. Пусть меня медведь задерет — есть золото. Зять мой Илья у Петрицкого, бывшего хозяина, работал, он все знал. Умер Илья давно и перед смертью сказал мне: хозяин неправильную бумагу писал, деньги платил инженерам. Они подписали, что нет в Лиственничке золота. Все обман был, однако. Потом хозяин обвал устроил, затопил шахту — больно она богатая была. Он думал: вернется из Японии — опять свое золото найдет... Тоня правильно сказала, только кто молодую девочку слушать будет? Может, во сне то золото старики видели... А меня можно слушать. Я знаю.

Иону горячо аплодировали. Слышались возгласы:

— Вот что открывается!

— Ай да старик!

— Уразумел, значит!

— Кто ж это его разагитировал?

— Так шуметь не надо, — спокойно сказал Ион. — Зачем руками хлопать? Это не представление. Работу нужно начинать на Лиственничке. Теперь... — Он замялся. — Пошел я то золото искать, что зарыл, хотел отдать государству... Давно это было... два места не нашел. Еще искать буду — найду, однако. А третье место нашел. Вот принес вам. Смотрите.

Ион вынул из-за пазухи тряпку и, развернув ее, показал собранию крупный самородок, похожий на лепешку.

— Все видали? — спросил он. — Отдаю начальнику.

Он с поклоном положил самородок на стол.

Директор встал и крепко пожал руку старику. Потом он усадил Иона рядом с собой. Ион, выглядевший усталым после долгой речи, сказал:

— Однако, я лучше выйду на волю. Курить у вас нельзя, а я, старый человек, привык.

— Курите, пожалуйста, товарищ Таганашев, — поспешно сказал директор.

И весь зал закричал:

— Кури! Кури!

— Пусть покурит!

Кирилл Слобожанин принес трубку, забытую Ионом на столике для выступающих, и чиркнув спичкой, дал Иону закурить.

Тоня посмотрела на Павла и увидела, что лицо его радостно и по-детски ясно. Он внимательно слушал соседа — пожилого рабочего, который, видимо, рассказывал ему, что происходит в президиуме.

У Тони внезапно сильно забилося сердце, точно она узнала давно потерянного друга.

«Он тот же! Он все тот же, Павлик! — твердила она себе. — И раньше бывало так сиял, когда удавалось нужное дело... А отец не выступает...» — перебивала эти радостные мысли тревожная мысль.

Слово опять взял директор прииска.

— Выступление товарища Таганашева было совершенно неожиданным для нас, — сказал он, — но это очень удачное выступление. Кроме того, что Ион Иванович принес нам богатый подарок и сообщил интересные сведения, его радостно было слушать, потому что мы еще раз увидели, как правда советского строя побеждает самые закоренелые предрассудки и ошибки. — Он внимательно оглядел собрание. — Товарищ Таганашев говорил очень искренне и подтвердил мнение, которое давно создалось у руководства прииском относительно шахты Лиственничка.

И тут Тоня услышала голос отца.

— Разве руководство этим вопросом занималось? — крикнул с места Николай Сергеевич.

Он никогда не позволял себе прерывать выступающих, тем более директора. На этот раз, видно, не мог удержаться.

— Занималось, товарищ Кулагин, — торжественно ответил директор. — Знаю все ваши тревоги по этому поводу. Знаю и то, что вы сердитесь на инженера Каганова. Михаил Максимович — человек осторожный, он не хотел вас раньше времени обнадеживать. Ведь чтобы начать работы, нужно было убедиться в рентабельности Лиственнички. И мы предприняли тщательную проверку. Вы знаете, что самые опытные горные разведчики всегда стараются найти знающих людей, старожилы. Нити протянулись к бывшему маркшейдеру Петрицкого. Он только вчера приехал по нашему

вызову. Товарищ Червинский, прошу вас...

Директор отошел, и его место занял никому не знакомый человек. Он был очень стар, тщедушен и одет в какой-то длинный, узкий пиджак. Быстрые маленькие глаза его боязливо мигали.

— Мне действительно пришлось несколько лет работать у Петрицкого, — раздался в наступившей тишине его слабый, дребезжащий голос. — Шахта Лиственничка считалась очень богатой. Перед своим отъездом на Украину я видел последние пробы. Они были... гм... вполне удовлетворительны по содержанию золота в шлихе. Уже много лет спустя я узнал, что шахта признана нерентабельной и затоплена. Помню, я был весьма удивлен...

— Подумайте, люди! — прозвучал вдруг бас тетки Матрены Филимоновой, аккуратно ходившей на все собрания. — Сколь долго шахта завалена стоит, а там, может, голимо золото!^[16]

— А что же вы, гражданин, столько времени об этом молчали? — возмущенно крикнул Николай Сергеевич.

— Я? — замигал глазами бывший маркшейдер. — Я живу на Украине, товарищ, отстал от этих мест... понятия не имел, что тут делается. Вот случайно в Новоградск приехал, узнал, что меня разыскивают, а то бы...

Он не договорил и стал спускаться со сцены.

— «Понятия не имел»! — проворчала Филимониha. — А кабы имел понятие, дак что ему! Голова о нашем золоте не болит!

Маркшейдер съехал на стуле около сцены, но о нем сейчас же забыли. Люди начали выступать с предложениями по всем затронутым вопросам, и наконец взял слово парторг.

Когда его высокая фигура двинулась к рампе, люди притихли. Глубоко запавшие глаза парторга оглядели зал, и неожиданно этот молчаливый человек улыбнулся чуть лукаво и дружественно.

— Ну, Виктор Степанович говорил о том, что мы предполагаем делать на Таежном, а я скажу, какие перемены произойдут во всем нашем районе.

Он рассказал, что с будущего года в строй должны вступить новые прииски: Ближний, Отвесный, Золотой Бугорок, Комсомолец. Приисквое управление Таежного будет руководить огромными работами и планировать большую программу золотодобычи. Трест выделяет для новых участков много механизмов, технических материалов и специалистов. Намечено строительство больших электрических драг, установка передвижных золотомоек и драглайнов. Вскрыша торфов будет производиться при помощи гидравлических установок, экскаваторов и тракторных скреперов. Вскрышные работы будут вестись круглый год, в

зимнее время применяют взрывы.

— Вот каковы наши перспективы, товарищи. Скажу вам больше. Геологоразведочные работы, которые мы широко развернули, и вновь открытые прииски отстоят от управления, как в старину говорили — от резиденции, на пятьсот-шестьсот километров. Все эти участки получают радиосвязь с приисковым управлением, телефон, и, кроме того... — парторг прищурился, ожидая впечатления от своих слов, — трест решил выделить управлению для связи с новыми предприятиями два небольших самолета.

Вспыхнули аплодисменты. Люди в зале зашумели, радостно и возбужденно переговариваясь.

— Отсюда следует, — продолжал парторг, — что большие суммы будут отпущены нам на строительство приисковых клубов, библиотек, красных уголков, всевозможных курсов для горняцкой молодежи, стадионов...

Когда стихли новые рукоплескания, он закончил:

— Таково наше будущее. И будущее очень близкое. А сейчас вернемся к сегодняшнему дню.

Предложения обсуждались и принимались одно за другим.

Решили закончить механизацию пятой и седьмой шахт еще в этом году, непрерывно вести во всех шахтах проверку породы на твердость и смелее заменять кайлу отбойным молотком. Для изучения работы лавным способом постановили командировать на прииск Тенистый двух человек, а всю не прошедшую техминимума молодежь обязать учиться.

Тоня ждала, что решат относительно Лиственнички, и сердце у нее совсем упало, когда директор сказал, что он всегда стоял и стоит за смелые начинания, но затевать работу в этом году считает нецелесообразным.

— Вы поймите, — говорил он, нахмутив брови и делая энергичные жесты: — обязательства, взятые на себя, мы выполнить должны. Все знают, что это вовсе не просто. Дать сейчас на голец машины нет никакой возможности. Абсолютно. Не дам ничего! — сердито сказал он. — Не имею права! И люди на счету. Если создавать бригаду, ей очень тяжело придется. Зачем же мучиться? Считаю так: теперь все силы — на выполнение плана, а с будущего года займемся Лиственничной.

— Мы лопатами согласны, без всяких машин! — крикнула Тоня.

— Сверх плана! Как подарок государству к Новому году! — поддержал ее кто-то, но в волнении она не узнала голоса.

Парторг стремительно поднялся с места:

— Я считаю, что Виктор Степанович неправ. Страна наша всегда

поддерживает молодежь. Это почин хороший. Пусть и нелегко ребятам придется, зато покажут, на что способны. Как думаете, товарищи?

В зале одобрительно зашумели, и директор неожиданно подобрел, засмеялся и сказал, что не хочет мешать молодежи:

— Коли не боятся, пусть начинают. Пусть и запись сейчас произведут. Над списком я потом подумаю — кого можно послать на голец, а кого нельзя.

— Перспективы наши огромны, — снова возвысил голос Трубников, — но надо учесть, что мы работаем первый послевоенный год. Сейчас конец года, время трудное, и люди у нас пока самый дефицитный материал. Много народу мы на эту работу выделить не можем, не можем дать и техники. Работа па гольце планом не предусмотрена. Значит, бригада должна взять на себя очень тяжелый труд, чтобы добиться восстановления старой шахты и произвести в ней первые пробы. Выступления товарищей Таганашева и Червинского очень убедительны, но полной уверенности все же не дают. В случае удачи мы будем добиваться немедленной механизации Лиственнички. А сейчас наша надежда — на молодежь, на ее упорство, смелость и выносливость.

Слобожанин начал запись в бригаду.

— Меня! Меня запиши! — громко крикнула Тоня, боясь, что Кирилл не услышит.

Но он быстро записал ее фамилию и сказал:

— Есть, Кулагина.

— Мохова запишите!

— И Савельева! Савельев Иннокентий!

— Блохину Зинаиду! — пронзительно крикнула Зина из середины зала.

— Эх, мне, что ли, к вам податься? В бюро — то скучно сидеть... — прошептала Тоне Стеша и, поднявшись, приставила ко рту ладони: — Кирюша, меня! Сухих моя фамилия!

— Маврина, прошу вас, — солидно сказал Санька.

Николай Сергеевич вскочил, как ужаленный осой, грозно посмотрел на Саньку и снова сел:

— Ты что, очумел? На пневматику тебя хотели поставить! Мечтал ведь об этом!

— Знатный забойщик! — слышалось отовсюду.

— А я и там знатным буду! — нахально отозвался Маврин. — Чем скорее шахту пустим, тем скорее план на перевыполнение пойдет. А перфоратор?.. Да я на Лиственничке многоперфораторное бурение вводить

буду. Нужны, выходит, и там крепкие работнички.

В бригаду записались еще два брата Сухановы, Костя и Димка, худощавые, аккуратно одетые пареньки. Они запомнились Тоне еще после первого знакомства в молодежном бараке. Ребята показали себя как добросовестные крепыльщики.

— Пожалуй, пока достаточно? — спросил директор.

И все закричали:

— Довольно! Пусть поработают! Потом прибавить людей можно.

— Бригадиром предлагаю выбрать Кулагину. Девушка организованная и имеет опыт комсомольской работы, — сказал Слобожанин.

— Куда? Меня? Что ты! — громко запротестовала Тоня.

Но множество рук уже поднялось в воздух, и ей шумно захлопали. Не помня себя Тоня стала писать записку Кириллу. Руководить она не сможет, у нее нет опыта, она нипочем не справится.

— Отказ Кулагиной принимать, товарищи? — улыбаясь, спросил парторг. — Ссылается на недостаток опыта.

— Нет! Нет! — кричали с мест. — Должна справиться! Такого отца дочь!

— Я хочу отметить высокую сознательность нашей молодежи, — сказал Слобожанин. — Вы все знаете, что Александр Маврин ежемесячно дает высокие показатели, заработок его все время увеличивается. Савельев давно мечтает о лавном способе проходки шахт, и мы хотели послать его на прииск Тенистый овладевать этим методом. В связи с механизацией третьей шахты он должен был вскоре стать забойщиком. Андрей Мохов увлекается механизмами, и интересы его теперь вполне удовлетворены: он работает на автопогрузчиках и передвижных транспортерах. Блохина — квалифицированный пробщик. Сухановы — хорошие крепыльщики. Однако вся эта молодежь не задумываясь оставляет свое налаженное дело и идет на голец, потому что хочет помочь прииску теперь, не дожидаясь, пока опробование Лиственнички войдет в план, будет обеспечено механизмами и большим количеством людей. — Он отыскал глазами Тоню: — Что касается пробщицы Кулагиной, то она в шахте недавно. Выбирая ее бригадиром, мы оказываем Кулагиной большое доверие. Но она — зачинатель этого дела. Пожелаем бригаде успеха!

Собрание кончилось, и народ хлынул к дверям. Тоня протискалась к Заварухину:

— Павлик! Павлик! Как у тебя замечательно со стариком получилось!.. А я-то что буду делать! Как страшно!

— Тоня, я так рад! Справишься, не сомневайся, — взволнованно

ответил Павел.

И Тоня, несмотря на свое смятение, вдруг почувствовала себя с ним совершенно просто и легко. Постоянное чувство напряженности и неловкости куда-то ушло.

— Ты думаешь? А Санька? Отца он слушается, а меня не будет...

— Санька меня слушается, здесь я помогу, — так же радостно отвечал Павел.

— Почему он вызвался? Как ты думаешь?

— Он любит быть на виду, но если начнет — будет работать.

— Ты не бойся, Кулагина. Во всякое время приходи советоваться, — сказал, подойдя к ним, Слобожанин. — Вам нужно будет обязательство взять. Зайдите завтра в комитет после работы, поговорим. — Он с интересом взглянул на Павла: — Слушай, я слышал о тебе. Слобожанин Кирилл меня зовут. Старик говорит, что это ты его распропагандировал. Давай руку, будем знакомы.

По лицу Павла прошла тень. Он выпрямился и перестал улыбаться, но протянул руку Кириллу.

— Ты у меня работку не хочешь получить? — спрашивал Слобожанин, глядя на Павла так, словно только что сам его выдумал. — Вот курсы начнутся... Можешь побеседовать с ребятами о международной политике, о нашей Конституции, а?

Щеки Заварухина медленно заливал румянец.

— Своим долгом сочту, если доверишь, — тихо сказал он.

— Ясно, доверю. Ты человек здесь известный. Я приду к тебе на днях, ладно?

— Приходи, — так же тихо отозвался Павел и, достав платок, вытер лоб.

Тоня, радуясь, слушала их разговор. «Как много сегодня хорошего случилось!» — думала она.

Мимо них торопливо, не глядя на дочь, прошел Николай Сергеевич. Тоня выбежала за ним в коридор:

— Папа!

Отец замедлил шаги, но не остановился.

— Папа! Ты все слышал? Я бригадир теперь, — говорила Тоня, умоляюще глядя на отца. — В Лиственничке буду работать... Ты ведь из-за нее столько тревожился!.. Не сердись на меня больше, я тебя прошу!

— Оставь меня в покое! — жестко ответил Николай Сергеевич. — Нашла чем удивить — бригадир! Я тебя не бригадиром хотел видеть, а студенткой! А насчет того, что ты у меня работников сманиваешь, я еще с

дирекцией поговорю.

Глава двенадцатая

Бригада в первый раз поднялась на голец серым, холодным утром. Порывами налетал резкий ветер. Дождя не было, но клочковатые тучи стремительно бежали по низкому небу. День вставал тусклый, словно невыспавшийся.

Накануне Тоня побывала здесь с Михаилом Максимовичем, который взял на себя общее руководство работами. Каганов внимательно осмотрел шахту, растолковал Тоне, с чего надо начинать и как работать. В тот же день вечером бригада получила инструмент, ватные брюки, куртки. Ребята выслушали множество наставлений Каганова и Слобожанина. По предложению Андрея Мохова, подписали обязательство дать к Новому году первую пробу из Лиственнички.

Сейчас, поднимаясь наверх, Тоня внимательно приглядывалась к своим товарищам. Сознают ли они, какой тяжелый труд взяли на себя? Не испугают ли их безлюдье, дальняя дорога к шахте, холод? Ей казалось, что сегодня, когда начинается работа, члены бригады должны выглядеть торжественно и сосредоточенно, как люди, решившиеся на трудный подвиг. Но никакой особенной решимости или воодушевления она в своих спутниках не видела. Не было ни плотно сжатых губ, ни горевших жаждой деятельности глаз, ни энергичной, молодецкой осанки. Как всегда, приветлива и деловита Зина, простодушно-весела Стеша. Санька посвистывал и играл лопатой. Кенка и Андрей спорили о последней шахматной партии. А братья Сухановы были даже не в меру резвы. Они гонялись друг за другом. Костя, забежав вперед, спрятался за голым кустом, неожиданно выскочил оттуда и набросил свою куртку на голову Димки. Тоня огорчалась несолидностью их поведения, но решила пока молчать. Нужно посмотреть, каковы они будут в работе.

Дойдя до шахты, ребята присмирели.

— Невеселое местечко, — сказал Маврин. — А легище кругом — дай боже!

Снизу донесся гудок.

— Восемь часов. Ребята, начинать!

— Сковырнем сначала эту чахлаю растительность, — предложил Андрей и занес лопату, чтобы подрезать корни кривой березки, выросшей на заваленной шахте.

Но Тоня его остановила:

— Подожди, Андрюша, она, наверно, неглубоко вросла. Выкопай ее с корнями. Мы сюда, в сторонку, пересадим.

— Это зачем же? Лесу тебе мало? — удивился Маврин.

Но Тоня уже рыла ямку в стороне от шахты, на кромке леса.

Березку водрузили на новое место. Беспокойная птица кедровка громко заверещала, предупреждая лесных жителей, что пришли люди.

— Заложили, значит, питомник кривых берез? — усмехнулся Костя Суханов.

А Зина шепнула Тоне:

— Бригадир, а такими глупостями занимаешься! Посолидней надо быть.

Принялись за работу. Прежде всего надо было разобрать старый копер.

Ребята стучали топорами, ссаживая доски с ржавых гвоздей. Трухлявая обшивка легко уступала, но основа оказалась крепкой, сделанной из толстых бревен. С ними приходилось долго возиться. Девушки оттаскивали свободный лес в сторону.

— Дальше носите! — командовала Тоня. — Не загромождать площадку, чтобы лишней работы потом не было.

Идя сюда, она представляла себе, как живо они разберут копер и начнут откапывать шахту, но скоро поняла, что в один день и с копром не кончат. Это несколько омрачило ее настроение.

Андрей и Кенка работали ловко и быстро. Парни Сухановы забыли про озорство, как только взялись за дело. Старший, Костя, по временам серьезно взглядывал на Димку, как бы проверяя его. Зина спокойно и доброжелательно замечала все, что делается кругом. То и дело слышалось:

— Андрюша, у тебя топор плохо насажен.

— Стеша, аккуратней! Ватник разорвешь.

Большая, широкая в кости Стеша с такой легкостью таскала тяжелые доски, словно это были щепки. Видно, эту здоровую девушку радовало, что она дорвалась до физической работы. Рябоватые щеки ее покраснелись, глаза заблестели.

Только Санька беспокоил Тоню. Работал он с лихостью, яростно замахивался топором и покрикивал:

— А так не хочешь? А так? Эх, раззудись плечо, размахнись рука!

Стоило Тоне взглянуть на него, как он делал испуганное лицо и начинал так нарочито стараться, что ей все время хотелось сказать: «Не дури, Маврин, будет балаганить!»

Она сдерживалась, думая, что Саньке, опытному работнику, несколько обидно стать под начало девчонки, потому он и паясничает. Привыкнет со временем — лучше не раздражать его.

Обедали все вместе. Андрей предложил соединить принесенные продукты.

— Правильно! А завхозом выберем Зину, — поддержала Тоня.

Никто не протестовал. Зина молча отобрала у ребят их запасы и принялась за дележку.

— А ведь не миновать ставить тут раскомандировку^[17], — сказал Санька, закуривая после еды.

— Зачем?

— Шутишь — скоро снег пойдет! Целый день на холоду работать трудно. Поставим тепляк, железную печку. Дров здесь сколько хочешь... Обедать будем в тепле, чайник большой притащим. — Яркие зеленые глаза Саньки оглядывали площадку: — Вот там, пониже, под кедром, поставим.

— Мы права не имеем на это время тратить. Обязательство взяли? Взяли. Собственными удобствами некогда заниматься.

— Да ну? — прищурился Маврин. — А ежели, Антонина Николаевна, и обязательство выполним и домик поставим, тогда что?

— Ясное дело! — вмешался Андрей. — Можно иной раз и остаться подольше и в воскресенье прийти...

— Теперь поспать часочек хорошо! — неожиданно заявил Маврин. — А, ребята»? Пойдем в лес подальше, сухих листьев сгребем... Знатно всхрапнуть можно!

— Ты что, с ума сошел? — всполошилась Тоня.

— А что? Нельзя разве? — с преувеличенным испугом спросил Санька. — И верно, я и забыл, что начальство строгое. Ну, нельзя так нельзя.

Все эти шутки были довольно невинны, но злили Тоню. Андрей, понимая, что его приятель пересаливает, с опаской поглядывал то на Маврина, то на бригадира.

Груды досок и бревен по сторонам площадки росли, и копер постепенно таял. Но таскать становилось все тяжелее. Тоня мысленно ругала себя неженкой, но терпеливая Зина вдруг сказала:

— А потяжелее здесь, чем в шахте, хоть и на воздухе.

— Ну, у нас с тобой в шахте работа была вовсе пустяковая.

— Не скажи! Тоже натопчешься... Хронометражистка как-то намерила, что я не меньше пятнадцати километров за день прошагаю.

К вечеру Маврин заскучал, объявил, что он устал и что для первого дня можно кончить, не дожидаясь гудка. Тоня опять заволновалась:

— Саня, не занимайся дезорганизацией бригады!

— Это я-то занимаюсь дезорганизацией? Эх, Антонина Николаевна! Любишь ты страшные слова.

Домой возвращались в сумерках. Несмотря на показное отлынивание Маврина от работы, Тоня чувствовала, что сразу был взят настоящий темп, без проволочек.

— Ты, бригадир, пилы не забудь выписать, — серьезно сказал Санька.
— Лес для тепляка надо готовить помаленьку. Пойдет в дело и разобранный копер.

— Зайду как-нибудь в инструментальный склад, — отозвалась Тоня. — Плохо, что на себе весь инструмент приходится таскать.

— Да, подвесная дорожка стоит. Строительство впрок лесу себе наготовило... Ну, это пустяки, дотащим все что нужно!

«Вот бы он был всегда такой!» — подумала Тоня.

На обратном пути их прохватило дождем, и Тоня, неблагоразумно надевшая башмаки, а не сапоги, промочила ноги. Тяжело шагая в мокрой обуви и отсыревшем ватнике, она радовалась, что скоро будет дома. А Маврин, веселый, как птица, и такой бодрый, словно не махал целый день топором, отправился в Белый Лог заниматься, причем сказал, покосившись на Тоню:

— После работы в таких невыносимых условиях мне алгебра как теплый душ покажется.

А у Тони уже не было сил ни обидеться, ни улыбнуться. Придя домой, она с наслаждением напилась чаю и легла. Отец сидел в своей комнате. Тоня слышала, как он шелестел газетой и покашливал. Обида снова завладела ею. Вместо того чтобы ободрить дочь, помочь советом, он опять оттолкнул ее, не хочет ни говорить, ни смотреть.

Может быть, когда бригада спустится в старую шахту и найдет там золото, он смягчится? Да нет, он был бы рад, если бы это сделали другие, а не она. Ну что же, больше Тоня не будет искать случая помириться. Как он может подозревать ее в каких-то низостях, будто она сманила Маврина уйти из шестой шахты!

Тоня вздохнула по-ребячьи, прерывисто. Мысли ее начали путаться.

«А Лиственничку мы все-таки поднимем!» — сказала она себе засыпая.

Николай Сергеевич тоже прислушивался к шороху в комнате дочери и вышел пить чай, когда Тоня затихла.

Досада, горечь, любовь и злоба душили его, раздирали на части. Уезжая, он думал отдохнуть, пережить обиду в санаторной тишине. Начал как будто успокаиваться, и на тебе: вернулся — и сразу попал на собрание, где дочка ораторствовала, «выступала с предложением»! И предложение-то не свое, у отца взято! Пока он соображал да размышлял, как лучше и умнее поднять разговор о Лиственничке, Тоня уже спроворила. И руководство, оказывается, не за что винить. Может быть, не горячись он, не говори так резко с Кагановым, Михаил Максимович давно бы рассказал ему, что директор и парторганизация сами задумываются над восстановлением старой шахты. Выходит, не на кого обижаться!

Именно это сознание сейчас и сердило Николая Сергеевича. Пока он чувствовал себя правым, мог обвинять руководство в косности и неповоротливости, ему, кажется, было легче.

А теперь это важное дело поручено Тоне. Что она там натворит? Ни опыта нет, ни соображения! Непосильное бремя на себя взвалила. Одно упрямство, конечно... На самую грязную работу лезет, ходит в ватнике и сапогах, а он всегда представлял ее окруженной книгами, красиво одетой, в светлых, просторных залах института... Никто понять не может, каково отцовскому сердцу! Каганов вчера подходит так вежливо: «Ну, Николай Сергеевич, не сердитесь больше на меня? И на Тоню перестаньте сердиться. Отличная девушка!»

Ему хорошо рассуждать! Собственная дочь, небось, в шахту не пошла! Учится в Ленинграде, образованным человеком будет...

И все Пашка, смутьян! Он во всем виноват! Еще бы — краснобай, говорить умеет. Старого Иона и то обработал...

Николай Сергеевич знал, что победить стариковское упрямство Иона было делом нелегким, и чувствовал враждебное уважение к Павлу. Парень понял, что в речах охотника о грязном золоте может скрываться нечто важное. Самому Кулагину в голову не пришло порасспросить старика о Лиственничке, а ему ведь было известно, что Ионов зять когда-то там работал. Да разве упрямец этот сказал бы кому-нибудь, кроме своего любимца!

А с Тоней все точно с ума сошли. Татьяна Борисовна совалась разговаривать, Надежда Георгиевна начинала... Что они знают? Им кажется — обидел девочку крутой отец. А как эта самая девочка отца обидела! Теперь еще Маврина отняла!

Николай Сергеевич припомнил недавний разговор в парткоме, куда он

ворвался, возмущаясь уходом Маврина и требуя, чтобы Саньку вернули в забой.

— И что ты кипятишься, Кулагин? — сказали ему. — Маврин сильный работник, такие на Лиственничке нужны. Побудет парень в молодежной бригаде, ближе к комсомолу станет, глядишь — и сам вступит. Мы понимаем, что там пока что дела не по его квалификации, да ведь и о воспитании человека надо думать. Он важничать здорово последнее время стал, там спесь-то сойдет. А у тебя в шахте забойщиков-стахановцев немало. На мавринское место Кустоедов станет. Чем плох?

Возразить было нечего. Кустоедов действительно немногим разве слабее Маврина. Но Санька-то как смел уйти? Еще сказал с нахальной улыбочкой: «Вы, товарищ мастер, надеюсь, не против того, что я в молодежную бригаду записался?»

Выходит, что сам Николай Сергеевич ничего не понимает. Пока он злился и обижался, люди кругом такого наделали! Пашка Заварухин учиться начал, Иона вразумил; руководство искало, как к Лиственничке подступиться, дочка старую шахту поднимает; Маврин воспитывается в молодежной бригаде... А он от всего этого в стороне. Неужели же никто из них не понимает, как мастеру Кулагину дороги и Тоня, и Лиственничка, и Маврин?.. Что он, обо всем этом не болел сердцем, не заботился? Ладно, пускай думают что хотят!

Не проходила досада на Павла, Саньку, дочь, Каганова и учительниц... И на жену тоже. Ходит, как статуя!

Николай Сергеевич так досадливо прикрутил капающий кран самовара, что Варвара Степановна невольно спросила:

— Долго ты, старик, сычом будешь ходить? Не хватит ли девку терзать?

— Вы меня все истерзали! Дочка неучем остается — тебе горя мало!

— Зачем неучем? Десятилетку кончила, и не как-нибудь... А на будущий год...

— Ты в этот «будущий год» веришь? Проста же ты!

— Антонина что сказала — сделает.

— Вот она уже сделала родителям на радость! Да что ты от меня хочешь? Я вам жить не мешаю, и вы меня не трогайте.

Такой разговор поднимался не в первый раз, и Варвара Степановна всегда молча отступалась. Значит, не перекипел еще старик! И всегда-то она затаенно ждала, что «ненормальная» любовь Николая Сергеевича к дочке может обернуться такой стороной. Чем крепче человек любит, тем сильнее чувствует обиду...

Утром она особенно заботливо вычистила просохшую одежду Тони, приказала ей надеть сапоги и выпить горячего молока. Вчерашняя усталость дочери напугала ее, но в следующие дни Тоня стала возвращаться более бодрой.

Покончив с разборкой копра, бригада взялась за лопаты.

— Крепи-то не видать, — сказал Мохов, когда вынуты были первые кубометры породы. — Снята, что ли?

— Михаил Максимович говорил, что снята. Там вот, под сосной, какие-то бревна валяются — похоже, что от крепления.

— Мало ли что там валяться может!

Но оказалось, что сруба действительно нет. Для крепления колодца шахты нужен был лес, и бригада разделилась: братья Сухановы, Андрей и Стеша валили и пилили деревья, а Маврин, Савельев, Тоня и Зина углубляли шахту. Землю из ствола сначала выбрасывали наверх лопатами, потом стали подавать бадейками. Несколько дней то Маврин, то Тоня попеременно говорили: «Полок надо ставить», но по утрам, придя на работу, увлекались и, стараясь, чтобы сегодня было подано наверх больше бадеек с породой, чем вчера, забывали об устройстве полка.

Бадьи считала Зина. Приняв бадью, она откладывала в сторону щепочку-бирку.

— Зина, сколько сегодня до обеда? — спрашивал Маврин во время перерыва.

— К концу смены узнаешь, — спокойно отвечала Зина.

Санька толкал в бок Кенку (особое отношение Зины к парню от него не укрылось), а ничего не подозревавший Савельев тоже начинал просить:

— Зинуша, скажи, сколько бадеек? Узнать охота.

Зина вздыхала и шла считать бирки.

Костя и Димка готовили раму сруба.

На Саньку Тоня поглядывала с опаской. Причудливый нрав его не мирился со спокойной работой. Внизу, в своей шахте, он мог покрикивать на подручных, да там при Николае Сергеевиче и других старших не очень можно было разгуляться. А здесь, зная, что Тоню сердят его шуточки, он давал себе волю. Постоянно делал вид, что ему не хочется работать, уверял, что вдалеке от глаз начальства можно не усердствовать чересчур. Ребята встречали его выходки смехом, потому что Санька умел быть забавным и изобретательным. Тоня огорчалась. Ей казалось, что Маврин постоянно подчеркивает ее неопытность и неумелость. Когда она что-нибудь предлагала, Санька чесал в затылке и говорил тоном глубочайшего уважения:

— Вот что значит образованность! Как ты додумалась, Антонина Николаевна? Разве мы без тебя сообразили бы? Никогда! Верно, ребята?

— Надень куртку, — убеждала она, если Санька, разогревшись, сбрасывал ватник. — Холодно, простудишься.

— Эх, бригадир! — восклицал он. — Для производства жизни жалеть не надо, а ты простуды боишься!

Все эти мелочи очень досаждали Тоне, но жаловаться на Саньку Павлу ей не хотелось. Когда Заварухин спрашивал, как они ладят, Тоня говорила:

— Ничего, хорошо работает.

Санька в самом деле работал хорошо, но сердить бригадира ему доставляло удовольствие. Если Тоня обиженно замолкала, он недобро щурился и расходился так, что Андрей начинал его останавливать.

Однажды после обеда пошел сильный дождь, и бригада укрылась под ветвями густой ели. Тоня молчала, пока не кончился перерыв, а услышав гудок, поднялась:

— Не такой уж дождь страшный! Пошли, ребята.

— Скучная картина получается! — сказал Санька, небрежно сплевывая. — То ли дело было в шахте! Сверху не мочит, не дует... Пожалуй, придется обратно попроситься.

— Завтра можешь проситься, а сегодня выходи и работай, — сказала Тоня.

— Да не пори горячку! Кончится дождь — и выйдем.

— А если он до вечера не кончится? Кругом обложило... Сейчас осень, дождя каждый день жди.

— Желających работать никто не задерживает! Вольному воля, — с холодной насмешкой сказал Маврин.

Тоня в упор посмотрела на парня и вышла из-под навеса. Она спрыгнула в неглубокий еще ствол шахты и начала копать, стараясь успокоиться, но злость на Саньку все разгоралась. Если каждый дождь, каждый снег пережидать, не много они наработают. Осрамится бригада! Вот уже действует Санькино поведение на ребят: никто не вышел вслед за ней.

Наполнив бадейку, она приподнялась, чтобы сообразить, как подать породу на поверхность, но бадья вдруг легко пошла вверх, подхваченная руками Зины. Тонины глаза встретили спокойный взгляд девушки. Сейчас же послышался стук топора.

— Кто работает?

— Андрей и Стеша.

— Ага! Господа, значит, еще отдыхают.

— Нет, и Кеша идет. Пристыдила я его.

— Ребя, выходи! — крикнул Савельев. — Девчата будут работать, а мы под елью жаться? Я не согласен!

Тоня, успокоившись, крикнула:

— Все, все по местам, нечего нежничать!

До конца дня она не разговаривала с Санькой, и он, бросив обычные шуточки, помалкивал.

Следующее утро тоже началось в молчании, но когда они остались вдвоем в стволе шахты, Санька нерешительно сказал:

— Ты не обижайся, Антонина Николаевна... Я ведь так только, подразнить тебя малость. Уж очень ты трепыхаешься.

— Ладно, — сурово ответила Тоня. — Ты у меня тоже скоро затрепыхаешься. С прохладцей работать не будешь.

— А когда я работал с прохладцей? — возмутился Маврин.

Тоня почувствовала, что победа за ней.

С устройством полка запоздали. Подавать наверх породу стало трудно, и работа замедлилась. Как-то вечером подсчитали бирки, огорчились, и на другой день Костя и Димка стали укладывать настил.

Дело пошло быстро. Снизу швыряли породу на полку, а оттуда Савельев перекидывал ее наверх. Впрочем, скоро полку пришлось убрать, чтобы спустить в шахту первые венцы сруба. Этот день стал праздником для бригады.

В бортах шахты проделали гнезда и завели в них концы длинных крепей — пальцы. На них установили основной бревенчатый венец. Его прочно закрепили и много раз мерили с угла на угол. Костя боялся перекоса. Но длина диагоналей была совершенно одинакова, и он повеселел:

— Как в аптеке! Ну, ребята, становись!

Михаил Максимович в этот день был на гольце, тоже прыгал в колодец, измерял и волновался, как ребята.

— Не войдет! Велик сделали! — с отчаянием говорила Тоня.

— Войдет, — уверенно сказал Костя. — Ты только не расстраивайся, бригадир.

Звенья сруба уложили на основной венец. Тоня опустила отвес с верхней рамы и закричала:

— Правильно! Поздравьте нас, Михаил Максимович! Шахта уже с креплением — значит, настоящая!

Санька глядел, как Тоня радуется, и смеялся. Сегодня глаза его щурились добродушно.

Пространство между крепью и стенками шахты забросали щепками, чурками и плотно утрамбовали землей. Гудок внизу, на прииске, давно предупредил, что пора кончать работу, но никому не хотелось уходить.

— Идемте, товарищи, — наконец сказал Каганов, — совсем темно. Кстати, фонари-то у вас есть?

— Два только. Тоня принесла, — ответила Зина.

— Что же вы молчите? Зайдите завтра на склад, Тоня, я прикажу выдать. И с раскомандировкой нужно кончать. Медленно это дело у вас движается.

— Леску-то мы порядочно наготовили, — заявил Санька, — только бригадир кисло смотрит на это дело — все боится, что с работой в срок не справимся.

— Вот как? — Михаил Максимович ласково посмотрел на Тоню. Придется помочь вам. Скоро снег пойдет, без теплого помещения будет плохо. И так нынче зима запаздывает.

— Ага! — крикнул Маврин. — Наша берет!

С горы спускались в этот день с песнями. У всех появилось отрадное чувство уверенности. Работа заметно продвинулась вперед.

Тоня оглядывалась назад, на мрачно чернеющий лес и голую вершину. Ей уже чудилось, что по склону проложена новая широкая дорога, на столбах светятся электрические фонари... Гора живет. Вокруг шахты строятся дома, люди переселяются в новые жилища, Лиственничка работает день и ночь... И все это сделала бригада, ее бригада!

Она поймала себя на том, что с нежностью думает о товарищах. Они стали близкими, нужными ей людьми. Ее беспокоит всегдашняя бледность Зины, беспечность Савельева, который то плохо обуется, то оденется слишком легко. А Димке ей всегда хочется подсунуть лишний кусок. Он ест очень много и редко бывает сыт.

Отдавая силы и помыслы работе, Тоня не переставала внимательно следить за учением Павла. Оказалось, что это не такое простое дело, как она думала первого сентября, когда договаривалась, с десятым классом. То Лена Баранова заболела — и у Павла прорыв по немецкому языку, то Володя Арыштаев занят школьной газетой и не может идти на урок, то Заварухину необходимо посетить физический кабинет и прослушать консультацию Федора Семеновича. Тоня старалась выкроить время, чтобы заняться с Павлом немецким, уговаривала Володю дать лишний урок истории и бежала вечером к Федору Семеновичу.

Однажды Митя Бытотов пришел к ней возмущенный:

— Тебе известно, что Китаева уже четыре урока пропустила?

— Как! — удивилась Тоня. — Значит, Павел две недели химией не занимался? Да что это с Олей? Больна?

— Здорова! Просто фокусничает. Я случайно узнал, что она на уроки опаздывает, сделал замечание, она и разобиделась. Я снимаю ее с преподавания, так и знай.

Тоня посмотрела на Бытотова и почему-то решила: нет, здесь что-то не так.

— Ладно, Митя, я сама у нее побываю.

В тот же вечер она отправилась к Оле. Та встретила ее приветливо, но после первых же слов об уроках разволновалась. Лицо ее покраснело, она косила на Тоню сердитыми черными глазами и говорила раздраженно:

— Митьке командовать нравится! Конечно, после того, что он мне наговорил, я заниматься не буду. Подумаешь, опоздала несколько раз! Павел не обижался, говорил, что ему со мной легко учиться. А если Бытотов, как с девчонкой, обращается, не стану больше в Белый Лог ходить. Назло Митьке не стану!

Она заплакала злыми слезами.

На следующий день Тоня напустилась на Заварухина:

— Что же ты мне ничего не говорил? Зачем Китаеву покрываешь? Мы снимаем ее с преподавания.

— И очень плохо сделаете! — Павел нахмурился. — Ольга девочка толковая. Правда, не очень аккуратно приходит, зато потом увлечется, сидит, времени не замечает. Митя, видно, через край хватил.

Он нашел кусок бумаги, свою рамку для письма и, старательно вывел:

«Оля, обиды по боку! Приходи, пожалуйста. Без тебя химия не пойдет. Павел».

— Разборчиво? Вот, передай ей. Не может быть, чтобы не пришла.

Получив записку, Китаева действительно в тот же день отправилась в Белый Лог, и не одна, а с Петром Петровичем, который проверил знания Заварухина и похвалил Олю.

Павел был доволен. Он знал, что Петр Петрович считает девушку своей лучшей ученицей и часто говорит: «Китаева — прирожденный химик».

После общего собрания Заварухин находился в особенном, приподнятом настроении. Он искренне гордился тем, что удалось переломить упрямство Иона. Кроме того, собрание снова повернуло жизнь Павла, и у него появились новые интересные дела.

Кирилл Слобожанин свое обещание сдержал, пришел и, несмотря на все предубеждение Заварухина против него, понравился Павлу. Они

говорили о фронте, и Слобожанину, который сам три года воевал, Павел незаметно для себя рассказал и кое-какие эпизоды боевой жизни и как был контужен во время разведки и найден товарищами через два дня посиневшим, со слабым дыханием.

Слобожанин говорил с Павлом уважительно, кое о чем посоветовался. Быстрая речь его с бесконечными «слушай» и «верно?» была проста и убедительна. Несколько раз он сказал: «Я с тобой как с бывшим комсоргом говорю», «У тебя опыт работы с молодежью немалый». Все это Павлу льстило, а за предложение Слобожанина прочитать молодым рабочим несколько лекций он ухватился крепко. Кирилл обещал прислать ему литературу и опять не подвел. Бытотов принес нужные книги и понемногу начал читать их Павлу. Огорчало Заварухина только то, что бегло писать выпуклым шрифтом он еще не мог и составление конспекта приходилось откладывать.

Овладеть шрифтом оказалось нелегко. Павел уверял, что у него «неспособные пальцы», в них медленно развивается тонкость осязания. Но постепенно она развивалась, и Заварухин знал, что своего добьется. Чтобы скорее выучиться читать и писать, он не жалел времени и без стеснения обращался за помощью не только к Тоне, но и ко всем, кто его навещал.

А Тоню медленность обучения приводила в отчаяние. После дня, полного живой, нетерпеливой работы на гольце, после урока, во время которого Павел радовал ее интересными соображениями, ей тягостно было следить за тем, как он медленно читает букварь, и методично поправлять его: «Опять ошибся, Паша: это не пэ, а эм».

— Мучаю я тебя, Тоня, — сказал Павел однажды. — Стыдно лишний час тебя задерживать, да так хочется быстрее одолеть эту премудрость!

Он улыбнулся:

— Санька говорит, что пока я учу, он сам весь шрифт запомнил.

— Санька тебе наговорит! — отозвалась Тоня, у которой брайлевские значки никак не укладывались в голове.

— Не всегда он зря-то говорит, — лукаво ответил Павел.

Тоня продолжала часто препираться с Мавриным, и вообще он меньше считался с бригадиром, чем ей бы хотелось. Но работа двигалась вперед, и Маврин становился серьезнее. Зато мнения свои отстаивал попрежнему и, если Тоня не соглашалась, действовал через Заварухина. Тоня с удивлением слушала, как Павел убеждает ее в том, в чем накануне убеждал Маврин.

— Ты всегда его сторону держишь! — обиженно сказала она. — Хотел меня от Саньки защищать, а сам...

А я решил, что защищать не надо, — упрямо ответил Павел, — что это

тебе обидным может показаться. Мне ведь Андрей рассказывал, как Санька тебя дразнит. Я и подумал: Тоня не жалуется — значит, хочет самостоятельно справиться с ним.

— Ты прав, пожалуй... Кажется, с тех пор как я под дождь работать вышла, он стал мне больше доверять. Ты про этот случай знаешь?

— Все, все знаю, Тоня. Все, что тебя касается, — мягко сказал Павел.

Тоня смутилась и поспешно отвела глаза от его лица, будто Павел мог прочитать в них, как она обрадовалась его словам.

Глава тринадцатая

Михаил Максимович послал на голец трех плотников. С их помощью ребята быстро закончили постройку тепляка.

Андрей и Кенка установили железную печку. Когда в ней впервые загудело пламя и темное железо стало наливаться малиновым жаром, Зина поставила на печь большой чайник и спросила:

— Ну, чем не дом?

— Табуретки и нары надо сколотить, — сказала Тоня.

— Ага! Вошла во вкус! — захохотали ребята. — Небось радешенька, что есть где погреться.

Работать становилось холодно. Запоздавший в этом году мелкий, сухой снежок несколько раз реял над землей, но только припорошивал ее. Не укрытые мягкой зимней одеждой деревья беспомощно стыли.

Шахта постепенно углублялась. Тоне казалось, что это происходит страшно медленно. Но венцы крепления наращивались один за другим, в шахту уже не прыгали, а спускались по лесенке, которую Костя Суханов все время надставлял.

Для подачи наверх выбранной породы начали ставить ручной вороток. Рама воротка должна была стоять на длинных бревнах — лежнях. Они получились короткими, и Тоня не приняла работы.

— Что в инструкции сказано? — повторяла она. — Лежни должны выходить за пределы колодца шахты на метр с каждой стороны, чтобы в случае обвала стенок ворот остался на месте.

— Какой может быть обвал! — обиженно бубнил Костя. — Закреплено что надо!

— Правда, Тоня, ну чего уж тут... — поддерживал брата Димка.

Он был подголоском Кости. С выговорами и требованиями всегда обращались к старшему Суханову.

— Ребята, не будем спорить. Надо переделать лежни, вот и все. Вам подходящие брусья попались, вы и решили их приспособить? Не выйдет!

Лежни переделали, но Костя обиделся на Тоню. В обеденный перерыв

он молча поел и завалился в угол тепляка. Когда бригада пошла на работу, Андрей сказал, подражая Тониному голосу:

— Вставай, лежень, а то я тебя живо переделаю!

Ребята хохотали, и как Костя ни старался сохранить обиженный вид, у него ничего не вышло.

На раме установили прочные стойки, а на них лег толстый листовенный вал. Он вращался на железной оси, загнутые концы которой служили ручками.

Работали на воротке по очереди. Это было легкое дело и считалось отдыхом.

Бадейки с породой медленно всплывали наверх, а пустые стремительно летели в шахту.

Вороток очень облегчал работу, но обслуживать его должны были двое. Один вертел рукоятку, другой отвозил породу в тачке по выкатам — доскам, положенным на мостки.

— Надоело копать! Конца не видно, — часто жаловались девушки.

— Работай, работай! — покрикивал Маврин. — Экскаватор для тебя на голец не потащат.

Зима приближалась нехотя, надолго задерживаясь по дороге. Обычно Октябрьский праздник заставлял в поселке высокие сугробы, окутанные снегом дома. В этом году его встретила голая, смерзшаяся земля, чуть припорошенная белой крупой. А ветры были уже злы по-зимнему.

Чем холоднее становилось, тем милее казалась ребятам раскомандировка. Каждый старался украсить ее чем мог. Тоня принесла и прибила на стенку два левитановских пейзажа из «Огонька» и застелила нары выпрошенной у Варвары Степановны старой медвежьей шкурой. Стеша не поленилась притащить две подушки и половик. Андрей хотел принести посуду, но девушки попросили его сделать посудную полку.

— А чашки и блюда мы сами купим, как получим жалованье.

Купили цветастые широкие чашки с особым рисунком для каждого.

Зине, Сухановым и Маврину, жившим в общежитии и не имевшим своего хозяйства, нечего было принести, но Костя, Димка и Санька немало потрудились, навешивая дверь в раскомандировке и вставляя стекла, а Зина пожертвовала ситцем, приготовленным на платье, и сшила для окон и полки пестрые занавески.

— Хорошо, ребята! — сказал Маврин, блаженствуя в тепле после обеда. — Нужно под этого зверя, — он похлопал по шкуре, — еловых веток подложить. Пошли, Андрей?

Они сбегали в лес и старательно устлали нары плоскими широкими

ветвями.

— Теперь мамку надо выбирать, — решил Костя.

— Какую мамку? — не поняла Зина.

— А как же! — объяснила Стеша. — Прежде, когда рабочие в бараках жили, у каждой артели была своя мамка, специальная женщина-хозяйка. Она всем белье стирала, хлебы пекла, обед стряпала.

— Ну, нам стирать и хлебы печь не надо!

— А обед и чай?

— Нечего выбирать, — сказал Санька: — у нас Зина есть!

— Может, выбрали бы?.. — тихо попросила Зина. — Я все о других забочусь, а мне охота, чтобы про меня кто-нибудь подумал...

— Конечно, давайте тянуть жребий! — поддержала Тоня.

Андрей свернул три бумажки и бросил в шапку. Девушки взяли по билету.

— Ну, кто же?

— Обратно я! — грустно ответила Зина и тут же сделала замечание входившему Димке: — Дмитрий, ноги изволь вытирать! Не видишь — пол чистый!

Все решили, что лучшей хозяйки все равно не найти.

Сидеть и разговаривать в раскомандировке было очень приятно, но Тоня не позволяла товарищам задерживаться лишнюю минуту после гудка. В этом отношении и к себе и к другим она была безжалостна.

Она сильно похудела, лицо обветрилось, руки стали красными, потрескались.

— Ой, до чего же нехороша стала! — удивлялась Варвара Степановна. — Хоть бы воскресенье скорей, повидать тебя в настоящем виде.

По субботам Тоня ходила в баню, потом долго пила чай — «чисто отец».

А отец, всегда любивший субботние вечера дома, теперь проводил их в клубе.

Больше, чем ежедневный долгий путь к шахте, больше, чем тяжелая работа, Тоню мучило постоянное высчитывание дней и опасение: «Ну как не успеем!»

Даже Михаил Максимович, оказавшийся очень строгим начальником, успокаивал ее:

— Темпы у бригады превосходные, успеете к сроку, Тоня.

Однажды в конце ноября выдался ясный денек с небольшим морозцем. Сухановы и Стеша готовили лес для новой части сруба. С минуты на минуту должен был прогудеть гудок, и Зина крикнула Стеше:

— Пойди в тепляк посмотри, каша не горит ли. Сейчас обедать!

В это время из шахты донесся тревожный крик Маврина:

— Эй, топор спускайте!

Санька и Тоня, работавшие на углубке, одновременно почувствовали, как их лопаты уперлись во что-то твердое.

Они молча переглянулись.

— Настил, что ли? — сказал Санька. — Ну-ка, наддай!

Породу живо догребли в бадейки. С каждым взмахом лопаты при свете неяркого фонаря яснее обозначался потемневший деревянный настил из мокрых, но крепких досок.

— Надо прекращать работу, — сказала Тоня. — После обеда обещал прийти Михаил Максимович, он скажет, что делать.

— Чего ждать? — возразил Маврин. — Попробуем сейчас топориком...

Это было соблазнительно, и Тоня смолчала. Сверху спустили топор.

— Осторожно, Саня... Боюсь я что-то...

— Ничего не будет. Поберегись!

Но разрушить настил было не так-то просто.

— Как же он держал такую толщу породы и нас в придачу? — удивлялся Санька. — Знаешь что? Он на старом срубе лежит... Отсырел, видно, и заклинился.

Маврин долго безрезультатно ударял топором. Прозвучал гудок и сверху позвали обедать, но Санька продолжал работать.

Наконец доски стали подаваться. Раздался треск. Санька ударил еще несколько раз, и вдруг часть настила оторвалась и ухнула вниз. Туда же, не удержавшись, соскользнул и Маврин.

— А-а-а!.. — дико закричала Тоня.

Стоя на уцелевшей части настила, она протягивала руки к Саньке, который, уцепившись за сырые доски, старался подтянуться наверх.

— На лесенку поднимись! — скомандовал он Тоне и, сморщившись от напряжения, выбрался из черной дыры.

— Милая моя, там вода! — сказал он, лязгая зубами. — Здорово искупался!

— Сейчас же наверх! В тепляк!

Тоня заставила Саньку выйти из шахты первым — ей все казалось, что он опять сорвется.

Напуганные криком Тони товарищи повели Маврина сушиться.

Когда пришел Каганов и Тоня с Санькой стали рассказывать ему о случившемся, он не удивился.

— Я потому и просил немедленно остановить работу, если что-нибудь помешает копать. Могло ваше непослушание печально кончиться, — строго сказал он. — Что же, товарищи, нужно ставить насос. Идемте-ка посмотрим.

В пролом осторожно опустили фонарь на веревке. Под настилом, половина которого продолжала держаться, действительно оказался старый сруб из здоровенных лиственничных бревен. Он был мокрый, обомшелый, но крепкий.

— Еще простоит! — сказал Михаил Максимович. — А верх не затоплен, значит вода не прибывает.

Вода, не доходя до верхних бревен сруба, стояла черная, неподвижная. Пахло плесенью.

К веревке привязали камень и бросили вниз. Вода тихо плеснула.

— Метров двадцать глубины, — определил Каганов, измерив вытащенную мокрую веревку.

— Когда же мы это откачаем?

— Подберем насос получше — скоро откачаете. А сейчас идите вниз. Сегодня вам здесь делать нечего.

Вернувшись в поселок, бригада в полном составе отправилась на склад с запиской Каганова. Там их встретила молодая кладовщица — Маня Заморозова.

— О! Привет высокогорникам! — сказала она. — Что-то вы веселые? Дела, знать, у вас хорошо идут?

— Не жалуемся, — ответил за всех Андрей. — А у тебя?

— Да тоже ничего. Вам насос? Есть тут небольшой, центробежный. Сейчас покажу.

— Порядок у тебя! — не утерпев, удивленно сказала Тоня.

Заморозова чуточку смутилась.

— Здесь порядок не будешь соблюдать — запутаешься, — сказала она. — И начальник у нас строгий.

— Небось, школит тебя посильнее, чем Надежда Георгиевна?

— Бывает...

На другой день насос вместе с движком привезли к Лиственничке.

Грузовая машина с трудом взобралась па гонец. Шофер, молодой парень, первый год работавший на прииске, сначала ругал дорогу, а потом начал хвалить тепляк и работу на гольце.

— Чисто заимка, — сказал он. — Сюда и я бы согласился за милую душу.

Началась откачка воды.

Старый движок не подводил. Днем и ночью он равномерно пыхтел, только успевай подбрасывать топливо.

Кочегарили посменно, а Санька с Андреем совсем не уходили с гольца, живя в тепляке и ночами по очереди следя за движком.

Остальные члены бригады готовили топливо и лес для будущего крепления.

Тоню радовало, что уровень воды в шахте заметно понижался. По словам Михаила Максимовича, приток был невелик.

Производя замеры, Тоня представляла себе, как конец трубопровода, оканчивающийся чугунным колпаком — всасом, — беспрерывно сосет воду там, глубоко внизу. Мелкие отверстия на колпаке не позволяют трубопроводу засоряться, и вокруг всаса крутятся в черной воде щепки и сор, не попадая внутрь.

Насос выбрасывал воду, и она стремительно неслась вниз по склону гольца. На пути ее перехватывал мороз и превращал в играющую на солнце ледяную дорогу.

Движок действовал бесперебойно, замеры показывали все понижающийся уровень воды, а Тоне и всей бригаде казалось, что дело движется удивительно медленно. Ребята не знали, как дожить до спуска в шахту. Когда же они своими глазами увидят ее темные недра, потревожат, поворошат их, получают ответ, таится ли в их недоброй глубине желанное золото?

Наконец пришел день, когда вода стала сочиться из насоса тонкой струйкой. Веревка, спущенная в шахту, показала, что по дну можно ходить.

— Ребята, — волновалась Тоня, — ведь мы ее откачали! Вы понимаете, что это значит? Самое трудное сделали. Мне даже не верится!

— Погоди, неизвестно ведь, что там внизу...

— Может, такой завал, что еще копать — не перекопать.

— Не может быть! Вот знаю, чувствую, что внизу будет совсем легко.

Михаил Максимович назначил спуск в шахту на другой день. Он должен был с утра прийти вместе с геологом.

Но у бригады не хватило терпения ждать до завтра. В шахту спустили ведро с зажженной свечой, чтобы узнать, нет ли в старых выработках вредных газов. Свеча не потухла, и когда кончился рабочий день, все сошлись у колодца, вопросительно поглядывая друг на друга.

— Как, товарищи? — тихо спросила Тоня, и все поняли, что она хотела сказать.

— Только не нужно безрассудного лихачества, — торжественно заявил Андрей. — Мы с Мавриным можем спуститься, посмотрим, какая там

обстановка, и все вам расскажем.

— Ты что, Мохов! А я?

— Ты, как командир, будешь наверху ждать донесения разведчиков.

— Выдумал тоже! Я с вами спущусь. И первая притом!

— Начинаются девичьи фантазии! — ехидно заметил Санька.

Но, к удивлению Тони, Савельев и Костя с Димкой поддержали ее. О девушках нечего и говорить.

— А вы как думаете, бригадир она или нет? Вы бы разве отказались?

— Подчинимся, Андрюша, — вздыхая, сказал Санька. — Командир-то, оказывается, опирается на сочувствие трудящихся.

— Ты смотри, ей-богу... А если сорвешься? — озабоченно говорил Андрей Тоне. Коричневые глаза его были тревожны.

— Ничего не случится. Давайте, ребята!

Обвязали Тоню тросом и начали ее спускать. Когда она скользнула в темный ствол шахты, ей на минуту стало жутко и захотелось крикнуть, что она передумала. Но трос опускался все ниже, ребята сверху кричали напутствия, и Тоня совладала со страхом. Ее фонарик слабо освещал белесые от плесени венцы старого сруба, а снизу тускло мерцал огонек другого, предварительно опущенного фонаря. Слегка захватывало дыхание. Трос больно резал руки, и Тоня обрадовалась, коснувшись ногами мягкой мокрой почвы.

Освободившись от лямок, она три раза дернула трос и, когда он уполз вверх, почувствовала, что теперь уже ничто не соединяет ее с солнцем, с людьми... Невольно пригибаясь и втягивая голову в плечи, она огляделась кругом.

Непроницаемый мрак окружал ее. Казалось, что она стоит в крохотном свободном пространстве, а со всех сторон нависли тяжелые глыбы породы. Стоит протянуть руку, и она наткнется на мокрый, холодный камень. Он вздрогнет от ее движения и с тяжелым шумом упадет.

Тоня приподняла фонарь. Свободное пространство было гораздо шире, чем ей казалось. Она стояла возле зумпфа, наполненного водой. Вода хлюпала под ногами, сочилась по стенам, но ходить было можно.

— Принимай гостя, золотой горы хозяйка! — весело крикнул Санька.

Она поспешно отодвинулась, давая ему место.

Человеческий голос так отрадно прозвучал в этой гнетущей тишине, что Тоня быстро заговорила, лишь бы услышать ответ:

— Сейчас Андрюшу подождем и всё по порядку посмотрим. Как будто не так плохо, а?

— Еще ничего сказать нельзя... А жутковато, не находишь? — Маврин

поежился.

Когда спустился Андрей, все трое медленно двинулись по главному откаточному штреку. В спертom, тяжелом воздухе трудно дышалось. Сырые крепи были покрыты осадком ила, белые нитки плесени, усаженные бисерными капельками воды, свисали с кровли. Расщепленные огнива выгнулись над штреком, торчали поломанные стойки.

— Всю крепь менять надо, — пробормотал Мохов.

— Да, перекрепка полная!

Штрек был сильно завален. Пробираться приходилось только по стенке с одной стороны. Где — то равномерно всплескивали падающие капли воды. Тень Маврина, идущего впереди, расплывалась на потолке, неожиданно переходила на стену и снова взбиралась на потолок.

Дальний конец штрека был совсем засыпан. Решили вернуться.

— Работы много, конечно, — рассудительно сказал Санька. — Очистка большая, крепежка... Однако, если поднажмем, пробу к Новому году можем выдать.

Тоню подняли первой. И подниматься было почему-то неприятнее, чем спускаться. Замирало сердце, и руки судорожно сжимали трос.

Поднявшись, Тоня в первую минуту ничего не могла разглядеть. Из глубокой черноты, в которой светились только желтые глаза фонарей, не распуская мрак, а словно сгущая его, она попала в какой-то мутно-белый, странно колеблющийся мир.

Падал снег. Нельзя было сказать, что снег шел. Он именно падал безмолвно и стремительно. Не чувствовалось ни малейшего ветра. И снег одевал землю мягкой тишиной, вызывая у людей головокружение.

— Точно перины наверху трясут... Как в сказке, — сказала удивленная Тоня.

— Ну что? Что в шахте?

Товарищи ее, до того залепленные снегом, что их трудно было узнать, помогли Тоне освободиться от троса.

— Сейчас... — повторяла она, с трудом приходя в себя от подъема и непонятного ощущения, вызванного молчаливым лётom снега. — Сейчас все расскажем... Вот ребята поднимутся.

Появились Санька и Андрей. Все кинулись в тепляк.

Когда разведчики рассказали, что видели в шахте, стали решать, идти ли домой на ночевку.

— И думать нечего! — сказал Маврин. — В такой снег не дойти. Надо здесь оставаться.

— Беспокоиться дома будут... — Тоня представила себе

встревоженное лицо матери. — Нет, я пойду.

— На сей раз ничто не поможет — не пущу! — быстро ответил Андрей. — Куда ты пойдешь? Что увидишь?

Он распахнул дверь. Живой колеблющийся занавес висел за порогом. Не только увидеть что-нибудь, но и проникнуть сквозь него казалось невозможным.

— Да, боязно, — сказала Тоня, отходя от двери. — Идти-то уж очень далеко... Обидно! Завтра воскресенье...

— Ну и что ж? Встанем пораньше и быстро дойдем.

— А если снег не перестанет?

— Перестанет! — уверенно сказал Санька.

Они расположились у печки. От внезапности этой ночевки в горах, от тепла и сознания безопасности всем стало весело.

— Чаю хотите? — спросила Зина. — Могу лепешек испечь, немножко муки есть.

— Сделай, Зинаида, лепешечек! — жалобно протянул Димка. — Давеча так плохо пообедали! Кишка кишке кукиш кажется...

— Что врешь-то — плохо пообедали! — закричали девушки. — Каши сколько съел!

— Ну не наелся я! — твердил Димка. — Каша давно была. А с тех пор работали сколько, да вы лазили, да снег пошел...

Зина занялась лепешками. Она пекла их прямо на печке, и ребята, принимая горячие, с подгоревшей коркой кружочки теста, перебрасывали их с руки на руку, чтобы не обжечься.

— А вдруг в шахте бы пришлось заночевать? — неожиданно спросил Кенка.

— Если в нижней, где электричество и всю ночь люди работают, — ничего.

— Нет, я про нашу говорю.

— Ну, в нашей страсть! — сказал Маврин. — Все мокрое, лечь некуда. И тьма... Я как опустился, аж свистнул.

— Свисти вот в шахте! — с нарочитой важностью укорила его Стеша. — Мой дедушка сейчас же сказал бы, что горный этого не любит.

— Кто? Кто? Горный надзор, что ли?

— Не надзор!.. Это старики рассказывают...

Стеша, дочь и внучка старателей, знала все прошлое прииска, все поверья и легенды тайги лучше, чем многие из старых рабочих. Видно, запомнились ей эти рассказы еще в детстве, когда все услышанное становится живым и ярким.

— Вы ничего этого не знаете, — пояснила она, — а люди раньше верили, что есть такой — горный.

— А кто же он? Стражник, что ли? — простодушно спрашивала Зина.

— Он не стражник, а чорт, — ответил Андрей, тоже что-то слыхавший про горного.

— Тьфу, чушь какая! Я думала, и взаправду.

— Хотя и не взаправду, а его боялись. Он будто не любил, когда в шахтах поют, свистят. Женщин тоже чтобы не было...

— Вот как вас горный понимал, — сказал Кенка и взял из рук Зины чашку с чаем. — Что вы, что свист — одна несерьезность.

— Ладно, помолчи!

— Говорили, что он рабочих не обижает, — рассказывала Стеша. — Перед несчастьем обернется мастером или там старшим, приходит в шахту и говорит: «Ребята, сегодня раньше можно пошабашить. Ступайте домой». Они удивятся и пойдут. Только поднимутся — в шахте обвал. Так он спасал их.

— А кто свистел, значит того заваливал?

— Ну да. Золото он некоторым подкидывал. Кого полюбит... Его уважали.

— Вот Сибирь наша... — задумчиво проговорил Мохов. — В других местах бога уважали, святых разных, а наши прадеды — горного.

— А эти места сроду безбожные! Священники в Сибирь ехать не хотели, церковей было мало, люди и не привыкли. Детей часто не крестили, покойников не отпевали...

— Верно! У меня мама некрещеная, — вспомнила Тоня.

— Я всегда говорил, что тетя Варвара передовая женщина! — заявил Мохов.

— Иной раз прииск откроется, — продолжала Стеша, — а попа нет, чтобы молебен отслужить. Работают так. Потом отыщет хозяин какого-нибудь попа, призовет его. А горняки говорят: как молебен отслужили, горный рассердился — и золото пропало. С попами-то меньше считались, чем с горным. Его уважительно даже называли «горный батюшка».

— А после девятьсот пятого года, — сказал Андрей, — эти сказки пропадать стали. Народ добился кое-чего забастовками, увидел, что на себя надеяться может, а не на горных...

— У нас вроде еще какой-то герой был, — сказал покончивший с лепешками Димка. — Забыл, как по фамилии. Еще будто бы в крепостное время... Убежал с рудника и разбойничал. У богатых деньги отнимал, бедным давал. Его поймают — он обратится в птицу или в зверя и уйдет.

— Я про него тоже от деда слышала, — подтвердила Стеша. — Посадят его в тюрьму, он пить попросит, нырнет в ковшик и пропадет. А еще в гвоздь ржавый обращался...

— Кто же это был? Не Ланцов? — спросил Санька.

— Не-ет! Ланцов позднее был. Он с каторги бежал. Про него песня есть. И сейчас иногда поют.

— Песню я знаю.

Санька затянул приятным тенорком:

Звонил звонок насчет поверки,

Ланцов задумал убежать...

— Эх, гитары нет! — пожалел он.

— Пой, пой! Мы подтянем.

Спели все песни, какие знали. После старых, грустных особенно приятно было петь советские, новые песни, которые все знали и любили.

Свет от печки прыгал по полу и стенам, красноватым живым отблеском освещал лица. Перед ним казались скучными огни фонарей, стоящих на столе.

— Спать, ребята! — поднялась наконец Тоня. — Десять часов.

— Ну, еще ночь долгая!

— Нет, давайте, правда, на боковую. Наломались ведь за день. Только по очереди надо дежурить, огонь не упускать.

— Я первый останусь, — сказал Савельев. — Еще спать не хочется.

Тоня легла на нары и укрылась курткой. Еловые ветки не кололи тело через толстую медвежью шкуру и слегка пружинили. Товарищи ее скоро затихли, а она все лежала с открытыми глазами и вдруг оцепенела от страха: за окном над занавеской ясно вырисовывалась чья-то борода. Тоня приподнялась с бьющимся сердцем. Кенка тоже поднял голову:

— Ты что?

— Кенка! Кто там, за окном?

— Где-е? — Савельев подошел к окну. — Это ветка кедровая, вся в снегу. Спи.

Тоне показалось, что она спала совсем недолго, когда громкие голоса разбудили ее. В комнате было темно, тускло горел один фонарь.

— Сколько времени, ребята? Я думала, утро.

— По часам — утро, а здесь тьма... Засыпало нас! — с раздражением ответил Санька.

Оба окна доверху были завалены снегом, только краешки стекол чуть светились.

Тоня ахнула:

— Значит, снег всю ночь шел!.. Я говорила, что нужно домой идти!

— Ты говорила! Что теперь толковать!

— И дверь, значит, завалена? Нам, ребята, отсюда не выйти, — спокойно сказала Зина.

— Ну, не выйти! Откапываться надо. Хорошо, что лопаты здесь.

Дверь, как это принято в Сибири, открывалась внутрь помещения. Когда ее распахнули, увидели ровную снежную стену, поднимавшуюся чуть не до притолоки.

Стена слегка осыпалась и комья снега валились на пол.

— Ну как же откапываться будем? — спросила Тоня. — Снег-то куда бросать? В тепляк, что ли?

— И не думай, не позволю! — заявила Зина.

Хоть положение было невеселое, все засмеялись.

— Кто-то должен пробиться вперед, — решил Маврин. — Если тропку какую-нибудь утоптать, и остальным можно будет выйти.

На вылазку пожелал отправиться Костя. Он натянул куртку, спустил наушники шапки и, плотно обмотавшись шарфом, вдавился в снежную стену.

— Так, так! Вали вперед! — кричали ребята.

Костя мгновенно исчез. Сырые снежные комья падали в тепляк, затем белая фигура снова вынырнула из сугроба.

— Чорт его утопчет! — ворчал Костя отряхиваясь.

Андрей не утерпел и кинулся на помощь, за ним другие. Мало-помалу образовалась небольшая площадка, с которой стало возможно начать работу.

Решили провести от раскомандировки хотя бы узкую тропинку к шахте, но и это оказалось очень трудным. Ребята взмокли и от пота и от снега, который сыпался за воротник, противно холодил шею и растекался струйками по спине. Руки терлись о мокрые обшлага курток и начинали болеть. Особенно тяжело приходилось ведущему: его засыпало снегом.

Работали молча, только иногда дружно кричали ведущему, чтобы он шел греться. На его место становился другой, а счастливцев бежал на несколько минут в теплую раскомандировку, где Зина, по общему согласию освобожденная от работы, все время подтапливала печь.

Каждый думал, что до поселка все равно не добраться. Сколько времени нужно копать, чтобы пройти пять километров!.. Продуктов уже нет. Скоро кончится топливо, а как его набрать в таких сугробах! Вероятно, люди на прииске думают сейчас о бригаде, но им тоже предстоит большая работа — расчистка дорог. Когда еще доберутся до Лиственнички... Эти

мысли тревожили всех, но о них не говорили.

Часам к десяти пробились к шахте и стали возле ствола, не зная, что делать дальше. Вдруг Андрей поднял голову.

— Подвесную дорогу пустили, — сказал он.

И все услышали лязганье движущихся по тросам бадеек.

— Это нам! Для нас! — закричала Тоня. — Ребята, пробивайтесь к дороге!

— Почему для нас? Что ты!

— А зачем люди будут пускать дорогу? Ведь порубки здесь давно кончились. За лопаты, товарищи!

Тоня воодушевилась и передала всем свое настроение. Ребята с яростью начали работать. Из раскомандировки выбежала Зина и тоже схватила лопату. Сушиться уже никто не ходил — все равно промокли насквозь.

Но когда пробились к дороге, всех охватило разочарование: по тросу с унылым звяканьем шли пустые бадейки.

— Упарились, как загнанные кони, а к чему? — сказал Андрей, утирая красное лицо.

— Не может быть! — настаивала на своем Тоня. — Они понимают, что мы не сразу к дороге можем подойти. Ждать надо!

— Хм!.. А ты как думаешь, Санька? — спросил Мохов.

Маврин кивнул, не отрывая прищуренных глаз от движущейся линии бадеек.

— Когда они сами-то успели до дороги докопаться? — вздохнула Стеша.

— Очень просто: дали сирену, пока мы спали еще, и начали работать. Всех, конечно, мобилизовали.

— Отец рассказывал, что как-то ночевал в клубе, когда я маленькая была, и выйти не мог. Отодрал балконную дверь на втором этаже и по крышам домой пробирался, — вспомнила Тоня.

— Идет! Идет груженная бадейка! — закричал Димка.

— Где? Где?

— Верно! Что это там торчит?

— Полено! — сказала Зина.

— Сама ты... — чуть не обругал ее Костя. — Это труба самоварная.

— Будет чушь-то нести! Лыжи, ребя!

— Лыжи плывут! Честное слово!

— Ну, теперь все в порядке.

— И другая бадейка идет! И третья!

Все протягивали руки, чтобы достать драгоценный груз. Отрезанной от прииска бригаде посылали сухие куртки, валенки, хлеб, бутылку спирта, спички, а главное — лыжи для всех. В одной из бадеек Тоня нашла даже укутанные в газеты и в одеяло еще теплые шанежки.

— Это уж мама! — счастливо засмеялась она, надкусывая хрустящую корочку. — Попробуйте, ребята, мамину стряпню. Ой, а записочки никакой нет?

— Нет, не видно.

— В пимах, в пимах ищите!

Действительно, в одном из валенок нашлась записка. Писал Каганов. Он выражал надежду, что все ребята здоровы, сообщал, что внизу люди расчищают дороги с шести часов утра, и советовал немедленно спускаться вниз.

Все повеселели. Были забыты и тревога, и мокрая одежда, и усталость.

— Сейчас напьемся чаю, ребята, — деловито сказала Тоня, — дров еще немножко осталось, и покатым! На лыжах-то нам никакой снег не страшен.

По сверкающему снежному покрову лететь с горы было легко, а в поселке бригаду радостно встретили. Люди беспокоились, как бы молодежь накануне не собралась домой. Сбившись с дороги, можно было обессилеть в борьбе со снежными завалами.

Спокойнее всех была Варвара Степановна: она уверяла, что Стеша и Зина — разумные девушки и никому не позволят покинуть тепляк.

— На свою, значит, не надеешься? — спрашивали ее.

— Жаловаться не могу, да на нее иной раз азарт нападает.

Так держалась мать на людях, но когда увидела Тоню, вся побелела.

А Николай Сергеевич двое суток не выходил из своей шахты и, поднявшись на поверхность, нашел дорогу к поселку уже расчищенной. Полный тревоги, он помчался домой и, проходя через кухню, где сидела дочь, взглянул на нее такими замученными глазами, что Тоня чуть не бросилась к нему, а он, боясь этого, сейчас же скрылся.

Но взгляд отца наполнил Тонино сердце радостью. Отогревшись и отдохнув, она ушла разгребать снег и работала до поздней ночи.

Снегопад принес району множество хлопот. Все население расчищало дороги.

Только через два дня к вечеру Тоня смогла попасть в Белый Лог. Бежала туда на лыжах вместе с Мавриным, пела по дороге, и ей казалось, что она полна сил, как никогда.

Павел уже все знал, но заставил Тоню подробно рассказать о ночи,

проведенной на гольце, и о возвращении бригады.

Когда Тоня замолчала, он несмело сказал:

— Ну вот... А я в тот вечер спать не мог, думал, как вы там... Видеть тебя хотелось. У меня ведь тоже новость... Выпуклый шрифт-то я одолел, могу с уверенностью сказать. Хочешь проверить?

Тоня чуть было не сказала: «В другой раз, Павлик», хотя давно с нетерпением ждала этих слов. Только теперь она почувствовала, как устала от работы на морозе и хочет спать. Но он, видно, не мог не похвастаться успехами, и Тоня ответила, что, конечно, хочет.

Пальцы Павлика скользили по страницам большой книги слегка запинаясь, он прочел начало рассказа Толстого.

— Здорово! — одобрила Тоня. — Если бы ты знал, как я приуныла, когда в первый раз эти книжки увидела! Думала, не одолеть тебе!

— А я-то сколько путался! Теперь кажется, что все это просто, однако читаю гораздо медленнее, чем... чем прежде.

Он никогда не говорил: «Когда я видел», или: «Когда я был зрячим».

Ненадолго прибежала тетя Даша, наскоро поела на краю стола и, уходя опять на скотный, где сегодня ждали рождения двух телят, сказала:

— Ты подтопил бы, Павлик, печурку. Тонюшка ежится, намерзлась.

— Сейчас мы ее обогреем! — весело ответил Павел и встал, собираясь принести дров.

— Я сама, Павлик, — предложила Тоня.

— Что ты! Не найдешь.

Тоня усмехнулась, но он действительно быстро принес дрова, нащепал лучины и, разжигая печурку, не переставал говорить:

— С Петром Петровичем вчера долго сидели. Вот, Тоня, человек! Кажется, и говорит мало и пошутит раз в год, а как придет — для меня праздник.

Тоня молча улыбалась. Сон морил ее. Она согрелась, ей было покойно, уютно. Чувство свободы и простоты в общении с Павлом, пришедшее к ней на собрании, не исчезало, а крепло, и каждая новая встреча тихо радовала ее. Правда, иногда казалось. Что теперь с ней не прежний Павел, товарищ детских игр, а другой человек. Сначала он был колючим и чужим, а теперь опять стал близким и дружественным.

Думая об этом, она легонько задремала, подложив под голову руки, и вздрогнула, услышав голос Павла. Он, растопив печку, снова сел рядом с ней.

— Ты теперь не беспокойся о моей учебе, Тоня. Не ходи так часто... Устаешь ведь. Все хорошо идет.

— Ну да, я уж теперь меньше боюсь, что ты обидишься на что-нибудь и бросишь заниматься, — в полусне ответила Тоня.

— Брошу? После всех трудов, что на меня положены? Ну, это последним человеком нужно быть... Обещал ведь ребятам, что не подведу.

Он замолчал, растроганный воспоминаниями о прощании с товарищами, потом подумал о Слобожанине и вдруг, выпрямившись, спросил чуть хрипло:

— Скажи правду, Тоня, ведь ты не только из-за работы, а немножко и из-за меня здесь осталась?

В вопросе прозвучала тревога, и Тоня в полусне ответила:

— Да, Павлик, да. Я так рада, что мы с тобой вместе!

Последним усилием она подняла руку, ласково коснулась плеча Павла. Но рука сейчас же скользнула вниз, и Павел услышал ровное сонное дыхание. Сам боясь громко вздохнуть, он долго сидел не шевелясь, поддерживая отяжелевшую руку спящей. Глубокое и нежное понимание

своих и Тониных чувств пришло к нему. Оно наполнило сердце, и ясность его была непреложна, но никакими словами нельзя было его выразить.

Павел вздрогнул от громкого стука в окно. Это Маврин, проводивший вечер в Белом Логу, вызывал Тоню, как уговорился с ней.

Но Тоня не просыпалась. Павел осторожно выпустил ее руку. Тоня, покряхтев, сейчас же сунула ее под голову и опять ровно задышала.

И тогда он сказал почти неслышно, одними губами:

— Тонюшка, проснись, радость моя!

И Тоня, не слыхавшая резкого стука в стекло, услышала эти невесомые слова. Она подняла голову, хотела что-то сказать, но Заварухин уже обычным голосом торопил ее, а Санька постучал еще раз.

Натянув ватник, она быстро простилась и выбежала из дома. Страшен был переход из теплой избы на ледянящий ветер, но, спеша за Мавриным и проваливаясь в снег, она прислушивалась к греющему воспоминанию.

«Нет, с Павликом все будет хорошо! — вдруг уверенно сказала она себе. — Вот с Лиственничкой надо справиться!»

Глава четырнадцатая

С некоторых пор Надежда Георгиевна перестала ощущать по утрам привычную ясность и деловитость. Голова была тяжелой, временами кружилась. Сердце билось неровно, то подскакивало куда-то к горлу, беспорядочно стуча, то замирало. Очевидно, в этом году Кисловодск не помог. Доктор Дубинский, прописывая лекарства, говорил, что нужен длительный отдых.

— Если я оставлю работу, то уж наверно расхвораюсь, а может быть, и умру, — шутливо сказала она доктору.

Болезнь вкрадчиво и незаметно забирала ее в свои лапы. Подступающая дурнота часто заставляла откладывать в сторону кипы тетрадок и ждать, когда станет лучше. Новикова и Петр Петрович замечали, что Надежда Георгиевна среди разговора внезапно бледнеет и замолкает. На их тревожные вопросы она отвечала:

— Пустяки, просто плохо выпалась. Скоро зимние каникулы, отдохну, и все пройдет.

В середине декабря ее вызвали в город. Вернувшись, она послала за Петром Петровичем и долго беседовала с ним. Спокойно рассказала о своем разговоре с инспектором в отделе народного образования.

— Держался сухо, почти неприветливо. Видимо, наша приятельница методистка многое успела ему наговорить. Я написала подробную докладную записку о случае с Пасынковым. Не знаю, чем это кончится, но хочу вас предупредить, что буду бороться..

Зачем Надежда Георгиевна ездила в город, кроме Петра Петровича, никто не знал.

Как-то у Сабуровой выдался свободный от уроков день. Утром она, как всегда, пошла в школу, но там все шло обычным порядком, и ее присутствия не требовалось. Надежда Георгиевна решила сходить в Белый Лог. Она помнила, что кончается полугодовой срок, данный ею Павлу Заварухину. До сих пор при встречах они об этом не заговаривали.

Она медленно шла, с удовольствием вдыхая чистый зимний воздух. После большого снегопада, завалившего поселок сугробами, внезапно наступила оттепель, и снег осел. Теперь опять начало морозить. Однако это еще не был настоящий таежный мороз, тот, что сковывает воздух напряженной тишиной, обжигает, как спирт. Обычно он уже владычествовал в это время и люди, привыкшие к нему, чувствовали, что

им чего-то недостает. Зима была «чудная», как говорили в поселке.

Перед домом Заварухиных Сабурову сильно качнуло, и она ухватилась за калитку, пережидая внезапное головокружение.

«Что же это такое? — подумала старая учительница. — Неужели придется с палочкой ходить?»

Впрочем, неприятное ощущение тут же оставило ее, и она вошла в дом, думая, как обрадуется Павлик ее приходу.

Павел в самом деле обрадовался. Он помог ей снять шубу и оживленно начал рассказывать о своих делах:

— Надежда Георгиевна, я ведь вчера первую беседу с ребятами проводил. Волновался ужасно! И как будто неплохо сошло. Провожали меня до дому, благодарили. — Он немного закинул голову назад, и от этого лицо приняло уверенное выражение. — Знаете, вышел на сцену — растерялся. Меня туда уже водили, чтобы я представил себе обстановку: кажется, все понял. А перед началом беседы неуверенность напала. Показалось, что из зала какой-то ветер на меня дохнул, шумят они, переговариваются... Потом, как начал беседу, они сразу тише стали, ну и я успокоился. Вот задумал теперь о каждой стране отдельно рассказывать. Ребята обещают делать подборку газетного материала.

Ничто в этом спокойном, оживленном юноше не напоминало того Павла, каким Надежда Георгиевна видела его полгода назад. Но Сабурова решила не доверяться первому впечатлению.

— Ну, своими молодыми учителями ты доволен?

— Да, Надежда Георгиевна, — серьезно ответил Павел. — И занятиями доволен и... не знаю, как сказать... общее мне в них нравится.

— Что значит «общее», Павлик?

— Понимаете... — Он задумался. — Я всегда мечтал о таком коллективе, в котором отражались бы общие хорошие качества, те, что мы считаем характерными для человека нашего времени... нашего строя, — поправился он. — Я и раньше думал, что в ребятах они есть, а теперь в этом убедился.

— Не сразу, правда? — мягко спросила Сабурова. — Сначала веры в эти качества у тебя было не много.

Павел опустил голову:

— Не совсем так... Первые дни дома очень тяжелыми мне показались, но, конечно, я и тогда знал, что наши ребята настоящие люди... Я только думал, что они из чувства долга так ко мне относятся, по тем правилам, что им внушены. А потом понял, что это уже органично, превратилось в личные качества каждого.

— В этом ведь главная сторона нашего воспитания, Павлик... Мне кажется, что настоящий советский человек не только знает, как надо поступать, но просто не может поступать иначе.

— Верно, Надежда Георгиевна, — тихо сказал Павел. — И я сразу должен был это понять... Мне все казалось, что буду им в тягость, обузой лягу на их плечи, что они жертвы приносить начнут... Теперь вижу, что иначе и быть не могло... И вот радует меня, что они мне помогли, хорошими товарищами оказались и что восприняли правильно, чему их учили. Ведь с одноклассниками я крепко связан, мы старые друзья. Теперешние мои педагоги не так близко меня знали, а отношение одно. Митя Бытотов так старается, Леночка Баранова... Это самые строгие мои учителя.

— Я, Павлуша, хочу по литературе тебя спросить, как ты усвоил пройденное.

— Пожалуйста, Надежда Георгиевна.

— Так. Расскажи мне о литературных течениях начала двадцатого века...

Павел заговорил свободно и спокойно. Но через это спокойствие старая учительница видела его настойчивое желание показать, что курс усвоен им полно и глубоко. Отвечать своей прежней преподавательнице, видимо, доставляло ему большое удовольствие.

Выслушав его, Надежда Георгиевна сама заговорила о русской литературе:

— ...Она демократична и глубоко человечна, приводит великолепные примеры самоотверженности, выполнения долга, патриотизма... А анализ общественных явлений? Возьми таких западных писателей, как Диккенс или Бальзак. Это, конечно, великаны. Они возвышаются порой до дерзкого социального протеста, клеймят свой строй. Но у них отрицательные явления даются как неизбежные, а наш Толстой показывает их как нечто немыслимое для нормального человека... Помнишь сцену суда в «Воскресении»?

— Да, да, верно, — быстро ответил Павел. — А в советской литературе меня интересует тема труда, она очень широко развернута...

Он снова заговорил, то хмурясь, когда подыскивал нужные слова, то светлея лицом, когда находил удачное выражение. Старая учительница, внимательно наблюдавшая за ним, сказала себе: «Нет, он не может быть несчастным!»

— Ну хорошо, Павлуша. Я очень довольна тобой.

Он улыбнулся так, как улыбался в прежние годы в классе получив

пятерку. Потом решительно сказал:

— Я ведь ждал вас не сегодня-завтра, Надежда Георгиевна. Почти полгода прошло после нашего разговора. Помните, в день моего приезда?

— Помню. И думаю, что можно не спрашивать, каково твое решение?

— Конечно, я остаюсь дома! — твердо выговорил он. — Матери и брату я нужен, в этом вы были правы. Она в чем-то опирается на меня, Алеша слушается, каждое слово ловит. Да и мне с ними хорошо... Вам понятно, — продолжал он, — что нелегко было это... ну, ложное самолюбие, что ли, преодолеть... Ребята меня перевернули. Если кругом такие люди — жить можно. Можно жить, — повторил он, — и неплохо даже.

— Я же говорила тебе, — откликнулась Сабурова.

— Право, — сказал он удивленно, — ко мне уже за советом иной раз приходят. Вот вчера... — Он замялся. — Вы меня не выдадите?

— Будь спокоен.

— Вчера паренек приходил, десятиклассник, Слава Черных. Мялся долго... Потом сказал, что ребята ему доверять перестали, не считают его настоящим товарищем.

— Из-за того, что он не захотел с тобой заниматься? Знаю. Что же, он у тебя защиты просил?

Павел засмеялся:

— Он начал с просьбы. Просил меня сказать ребятам, что я помощью вполне обеспечен и в нем не нуждаюсь. Ну, я сказал, что не в этом дело. Нельзя против класса идти. В советской школе такие вопросы решает коллектив.

— Сколько с ним об этом говорили, а настоящего понимания, значит, до сих пор нет...

— А я думаю, Надежда Георгиевна, что он понял. Парень неглупый, только избалованный, беспечный очень... Попросту — горя еще не нюхал. В таких ведь эгоизм легко развивается. Но с характером человек. Его можно повернуть.

— Да, хуже нет таких «безнатурных», как их Лесков называет. Вроде нашей Заморозовой. Ты с Маней девять лет учился, хорошо знаешь ее.

— И вам с такими трудно бывало, Надежда Георгиевна?

— И мне, — усмехнулась Сабурова. — Были в моей практике несколько человек, с которыми я не могла найти общий язык. Это, как правило, сильно балованные, сосредоточенные на себе ребята. Не на своей учебе, как Слава, даже не на внутренней жизни, а просто им хочется, чтобы все было хорошо, весело, а главное — легко. До всего остального дела

мало. Всегда у них вялость, медлительность, неспособность зажечься делом. Скучно с такими... Я думаю, оттого, что мне с ними было скучно, я и не справилась. Всегда тут же, рядом, были живые, ошибающиеся, но искренние, любопытные, и так хотелось им помочь, что на «безнатурных» внимания тратилось меньше, чем следовало. Это частое упущение педагогов.

Она помолчала и снова ласково обратилась к нему:

— Ну, дружок, порадовал ты меня своим настроением... верным, мужественным. Я очень успокоилась за тебя.

— Спасибо вам... И я спокоен теперь. Конечно... — с запинкой сказал он, — личной жизни у меня не будет. Но я с этим научусь мириться. Я понимаю, что быть настоящим человеком — это выше личного счастья. Вот к чему хочется все силы приложить.

— Большую ты перед собой задачу ставишь. А насчет личной жизни погоди загадывать.

Она попрощалась с Павлом и тронулась в обратный путь. Занятая мыслями о слепом юноше, о верно найденном им пути и наивном молодом самоотречении, она, как ей казалось, шла быстро и удивилась, увидев, как далеко еще до поселка.

Начало темнеть и в окнах стали зажигаться огни, когда Надежда Георгиевна добралась до дому. Снова пришлось бороться с резким головокружением, а последних шагов своих она просто не помнила, двигаясь, как во сне.

В сенях она долго искала дверную ручку и наконец, войдя в дом, как была, в шубе и валенках, легла на диван.

Сон или обморок наплывал на нее, она не знала. Противиться этому сковывающему, тягучему состоянию не хотелось, но что-то беспокоило, какая-то мысль пыталась прорваться через оглушительный звон, наполняющий голову.

«Дверь-то, кажется, не закрыла», — наконец поняла она, но встать уже не было сил.

В десятом часу к Кулагиным вбежала Новикова и сообщила, что, придя к директору, нашла Надежду Георгиевну в глубоком обмороке. Входная дверь была открыта и, судя по тому, как остыла квартира, больной стало плохо давно. Теперь она пришла в себя, но очень слаба, доктора же в поселке нет: Дубинский в городе на конференции врачей, а Зинаиду Андреевну срочно вызвали в дальнее селение на тяжелые роды.

— Как же быть? Что делать? — лихорадочно спрашивала Татьяна Борисовна. — Я послала к Надежде Георгиевне Петра Петровича, сейчас

сама туда побегу, но ведь нужна врачебная помощь...

Тоня с волнением слушала Новикову.

— И позвонить в город нельзя! — с досадой сказала Тоня. — Снегопад этот недавний в сотне мест провода порвал, чинят... Говорили Ю вот-вот восстановят связь, да пока не работает телефон. В Шабраки кого-нибудь послать? Поздно уже. Да и тамошний врач, наверно, на конференции. Знаете что? — Она сняла с вешалки полушубок. — Мне к Михаилу Максимовичу нужно. Он хотел меня в город послать, придется ехать. Закрой за нами, мама!

Тоня вернулась домой незадолго до прихода Новиковой. Радостное нетерпение переполняло ее. Тяжелый труд бригады подходил к концу. Завтра можно будет взять первую пробу. На неделю раньше срока! Как тут было не радоваться!

Последнее время Тоня жила захваченная горячим вихрем работы. Начиная с того утра, когда их засыпало снегом, она не помнила, как ела, когда спала. Все это делалось наспех, машинально, не доходило до сознания. Помнилось одно: шахта и сроки. И шахта поддавалась упорству бригады. Глыбы обрушенной породы таяли с каждым днем. Насос успешно убирал воду, осушая шахту. Старые, прогнившие крепи в главном штреке уступали место новым. На парней napало такое остервенение, что Тоня боялась предложить им отдохнуть. Каждый день работали дотемна, и ночевки в тепляке стали делом обычным.

Бригада разбирала завалы, поднимала наверх обрушенную породу. Закладывать ею старые просечки, как делается обычно, не было смысла. Кто знает — может быть, в них-то и окажется золото...

По состоянию шахты пора было приступить к полной перекрепке всех выработок, к очистке забоев, укладке выкатов; нужно было исправить и уцелевший сруб. Но все это откладывалось до результатов опробования. Покуда же обходились ручным воротком, мирились со всякими отступлениями от правил. Только там, где крепь угрожала обвалом, ее меняли, подводили подхваты. Волнуясь, ждали первой пробы.

И вот на тот день, когда можно наконец узнать, покажет ли шахта золото, Михаил Максимович надумал услатить Тоню в город.

Для приисковой лаборатории, имевшей всегда дело с песками, предстоящая обработка руды была непривычна. Лаборатория не имела ни тиглей, ни материалов для анализа. Оказался мал и запас ртути.

Руду, истолченную в чугунных ступах, полагалось просеять, отмучить в ковше и полученный порошок смешать с ртутью. Образовавшуюся амальгаму нужно было отжимать через замшу или молескин и выпаривать.

Из нее уходила ртуть, и оставалось золото.

Все это подробно объяснил Тоне Каганов.

— Поезжайте-ка сами, — сказал он, — больше мне некого сейчас послать. На материалы в тресте скупятся, так что придется там повоевать, поэтому нужно, чтобы заинтересованный человек поехал.

— Михаил Максимович! Завтра? А мы хотели первую пробу взять!

— Ну, тем лучше. Вернетесь с ртутью, а встретят вас с золотом, — пошутил Каганов. — Кстати, кабель изолированный привезите. На складе у нас его мало.

— Да я не сумею воевать там! — запротестовала Тоня.

— Вы лучше всякого другого сумеете, — весело сказал инженер, глядя в ее свежее решительное лицо. — Серьезно, Тоня, ведь это для шахты нужно. Зайдите вечером, я вам требование приготовлю.

Раздосадованная Тоня, придя домой, с надеждой думала, что, может статься, завтра ни одна машина не пойдет в город. Вот было бы хорошо!

Но известие о болезни Сабуровой мгновенно изменило ее намерения. Теперь, шагая с Татьяной Борисовной по тихим улицам, Тоня боялась, что Каганов передумал, что машина не пойдет или изменится погода. Ужасно, что нельзя уехать сейчас же... Мало ли что может быть ночью.

Все эти опасения так тревожили Тоню, что она не расслышала слов Новиковой.

— Что? Что? У Надежды Георгиевны неприятности? Какие? — переспросила она.

Татьяна Борисовна прикусила было язык. Завуч, расстроенный болезнью Надежды Георгиевны, поведал ей о кознях методистки. Он опасался, что эта история дурно повлияла на здоровье Сабуровой. Правда, Петр Петрович просил никому не говорить об этом, но Тоня спрашивала настойчиво и велико было негодование молодой учительницы на тех, кто осмелился обвинять Надежду Георгиевну в неправильном ведении дела... Новикова рассказала девушке все, что знала сама.

— Надежду Георгиевну мы в обиду не дадим, — жестко сказала Тоня. — Только бы она здорова была!

Глава пятнадцатая

Тоня вскочила в шесть часов утра и побежала к Сабуровой. Около больной дежурили Новикова и медицинская сестра из больницы. Они сказали, что Зинаида Андреевна не вернулась, а Надежда Георгиевна плохо провела ночь. Боятся нового приступа сердечной слабости.

В половине восьмого Тоня была возле гаража и тут узнала, что шофер Трескин уже уехал.

— Как? — крикнула Тоня с таким отчаянием, что пожилой начальник гаража встревоженно посмотрел на нее.

— Уехал в семь часов. Приказ от директора пришел — в Никольское завернуть. Он и поспешил...

Тоня молча отошла и села на скамейку. Она упорно глядела себе под ноги. Что же делать? Бежать к Михаилу Максимовичу? К директору? Кончается годовой план. Конечно, все машины в разгоне.

Она встала и подошла к дверям гаража:

— Скажите, а эти машины куда идут?

— Эти две в ремонте, та в Неверово пойдет и еще одна — в Щекино.

— Не годится... — прошептала Тоня.

— Тебе в город, что ли? Здесь работник трестовский в управлении, металлург, кажется. Он обратно сегодня поедет.

Тоня поблагодарила и побежала к приисковому управлению. Там действительно стояла легковая машина, и водитель сказал, что если металлург, который вот-вот должен выйти, разрешит, он довезет девушку до города.

Ободренная, Тоня начала ходить перед высоким крыльцом управления. Теперь все будет в порядке.

«А как же я вернусь? — вдруг спросила она себя. — Ведь машина-то обратно не пойдет... Ну, как-нибудь! Найду доктора Дубинского, вместе что-нибудь придумаем!»

Металлург запаздывал. Тоня ходила до тех пор, пока у нее не начало мелькать перед глазами. Она сильно прозябла, захотела есть и спохватилась, что оставила пакетик с хлебом, данный матерью, на скамейке возле гаража.

Около часу дня она в тысячный раз повернула за угол управления и услышала голос шофера:

— Девушка, скорее! Сейчас поедем!

Тоня кинулась к машине:

— Пожалуйста, товарищ, подвезите меня! Мне в город!.. У нас учительница заболела, я за врачом.

Голос у Тони был просительный, робкий, но смотрела она на пожилого, усталого металлурга так, точно хотела сказать: «Попробуй только, откажи!»

Он молча нагнул голову, шофер открыл дверцу машины, и Тоня уселась в кабину.

Радуюсь быстрой езде и сознанию, что наконец удаляется от поселка, она забыла о голоде и чуть не запела, но вовремя спохватилась, сообразив, что около нее чужие люди. А петь очень хотелось, и песня состояла из двух слов: «скорей» и «вперед».

Это приподнятое настроение постепенно понижалось и сменялось новой тревогой. Час проходил за часом, а впереди неизменно лежал отрезок дороги, огибавшей гору. Когда же горы кончатся и дорога протянется далеко видимой, ровной лентой? Скорей бы уж выехать на равнину — половина пути будет пройдена.

Тоня начала вертеться в кабине, нетерпеливо поглядывая в окно. Шофер понимал ее нетерпение и бормотал:

— Сиди, сиди. Еще не скоро.

В город приехали около шести часов. Поблагодарив своих спутников, Тоня зашагала к здравотделу, стараясь идти быстро, хотя затекшие за долгую дорогу ноги плохо ее слушались. Она чуть не вскрикнула от досады, когда ей сказали, что сегодня работа конференции кончена и врачи разошлись. Никто не мог сказать, где остановился доктор Дубинский. Узнав адреса двух амбулаторий и поликлиники, она поспешила туда.

Город вырос за годы пятилеток из большого села. В нем не было ни церквей, ни старинных зданий. Прямые, широкие улицы, новые аккуратные дома... Говорили, что еще недавно на месте городского сада было болото, на месте треста — озеро, а на главной площади, где теперь театр, научно-исследовательский институт и поликлиника, паслись стада...

Проходя мимо магазинов, Тоня жадно взглядывала на витрины. Особенно привлекали ее выставки книг. Многие магазины уже закрывались. Если бы сейчас, сию минуту войти, можно было бы успеть порыться в книжных сокровищах. Но останавливаться нельзя... Тоня торопливо уходила от соблазнов. Прохожие заинтересованно поглядывали на румяную, рослую девушку в белом платке и длинном полушубке, с твердыми и ребяческими глазами. Она шла уверенно, не спрашивая ни у кого дороги, но по тому, как оглядывалась по сторонам, можно было

понять, что это не горожанка.

Тоне решительно не везло: поликлиника была закрыта, а в амбулаториях она нашла только дежурных врачей, не имевших права отлучаться. Один из них дал ей адрес своего товарища, но, узнав, куда нужно ехать и что предстоит еще отыскивать машину, сказал:

— Ну, машину сейчас найти не так просто. Во всяком случае, сначала отыщите ее, а потом уже идите к врачу.

«Что же делать? Пойду в трест», — решила Тоня, снова очутившись на улице.

Все более тревожась, она почти побежала к тресту. Картины одна страшней другой преследовали ее... Надежде Георгиевне опять худо. Новикова и медсестра не знают, что делать. Сабурова задыхается, стонет... А не выполнить поручение Каганова тоже нельзя... Хотя бы в трест не опоздать...

Но в тресте было еще много людей, и даже «воевать», как выразился Михаил Максимович, ей не пришлось. Оказалось, что все знают о работах на Лиственничке и о том, что сегодня собираются брать пробу. Услышав, что Тоня — бригадир, молодой человек, взявший требование, посмотрел на девушку с уважением и сказал, чтобы она подождала, он сам все оформит.

К счастью, ждать пришлось недолго. Он скоро вернулся и провел Тоню в склад, где она получила тяжелый круг кабеля, тигли и банку с ртутью. Отыскивали какой — то старый мешок, чтобы удобнее было нести кабель.

Когда Тоня вышла из треста, был девятый час.

«Куда же идти?» спросила она себя, остановившись у ограды, чтобы поправить сползающий с плеч мешок, и громко сказала:

— Знаю куда.

Она подошла к первому прохожему:

— Как мне найти обком партии?

Однако, отыскав большое белое здание обкома, Тоня оробела. Там, наверно, уже кончился рабочий день... А если и не кончился, удобно ли тревожить такого большого и занятого человека, как Василий Никитич?

«Да, удобно, — решила она через минуту. — Он к Надежде Георгиевне хорошо относится, и... вообще удобно».

Секретарь Круглова, хорошо одетая, спокойная девушка, с удивлением посмотрела на слегка запущенную снегом Тоню, на ее большой мешок. Тоне стало неловко под ее взглядом.

— Василий Никитич, наверно, уже домой ушел? — несмело спросила она.

Девушка улыбнулась.

— Домо-о-ой? — протянула она. — Василий Никитич раньше двух часов ночи домой не уходит. Только прием давно закончен. А вы откуда? С Таежного? Ну, присядьте. У него совещание. Как народ выйдет, я доложу.

Тоня села, с удовольствием вытянула усталые ноги. Бегая по городу, она не догадалась купить чего-нибудь поесть и теперь снова почувствовала, как проголодалась. Словно назло, секретарю принесли чай с аппетитными бутербродами.

Тоня отвернулась и стала глядеть на часы.

— Вы, может быть, есть хотите? — спросила девушка. — Я попрошу еще чаю принести.

— Нет, что вы! Я сыта, — поспешно ответила Тоня, принуждая себя свободно и открыто взглянуть на любезную девушку.

«Не хватало еще, чтобы со мной тут люди возились... Разиня несчастная!..» — сердито подумала она.

Тоня начала было дремать, но встрепелась, услышав громкие голоса и смех. Из кабинета Круглова выходили люди.

«Какие огромные всё дядьки!» — подумала Тоня. В полусне эти действительно рослые, плечистые люди показались ей великанами.

Она испугалась, что Василий Никитич уйдет, и окончательно проснулась. А он уже стоял перед ней, такой же аккуратно одетый и веселозабоченный, каким Тоня видела его на прииске.

— Ко мне? — быстро спросил он и обернулся к секретарю — С Таежного, говорите? Везет нам сегодня на таежников...

«Когда же она успела сказать, что я с Таежного? Как я не слышала?» — удивилась Тоня.

— Василий Никитич, я... — начала она.

— Позвольте... — перебил ее Круглов. — Ну конечно же! Медалистка из таежной школы? Помню вас. Проходите в кабинет.

В просторном полутемном кабинете он сел за большой, освещенный лампой стол и указал Тоне на широкое кожаное кресло. По всей комнате в беспорядке стояли стулья. Два кресла, таких же, на какое села Тоня, почему-то отгораживали угол комнаты.

— Вас как зовут? — спросил Василий Никитич.

— Кулагина Антонина, — ответила Тоня, как бывало отвечала в школе.

— Да, да, Кулагина! — повторил он. — Горного мастера дочка. Хорошо ваш отец выступал тогда на вечере... Ну, слушаю вас.

Василий Никитич, директор наш, Надежда Георгиевна, опасно заболела, нужен врач, все амбулатории закрыты, поздно уже...

Тоня выговорила все это единым духом.

— Поехал врач к Надежде Георгиевне, да не один — еще профессора с собой повез, — ответил Круглов, чему-то улыбаясь.

— Как? — не поняла Тоня.

— Очень просто. Машина ваша сегодня тут была?

— Была... Шофер Трескин приезжал... Я с ним выехать опоздала.

— Ну вот. Я с вашим доктором Дубинским по телефону говорил и с профессором. Они уехали.

— Но вы-то как узнали, что больна Надежда Георгиевна? — недоумевала Тоня.

— А, это вам неизвестно? Пожалуйте сюда.

Василий Никитич на цыпочках направился к углу комнаты и поманил за собою Тоню. Она увидела за широкими креслами низенький диванчик. Здесь кто-то спал. Две мальчишеские головы — черная и белобрысая — лежали на подушке.

— Это что же такое? — вырвалось у Тони. — Степка и Митхат!

— Ш-ш... Вы не шумите! — испуганно погрозил пальцем Круглов. — Отойдите-ка лучше от греха. Я считаю большой своей удачей, что они заснули. — Он тихо засмеялся. — Не знаю, что мальцы там нагородили вашему шоферу, но старый дурень поверил, что их послали в город. Привез сюда — они прямоком ко мне... Да, в обком явились... — повторил он.

— Что же, они тоже за врачом? — Тоня не могла опомниться от удивления.

— Конечно. Я разыскал доктора по телефону, профессора уговорил, а этих разбойников отослал, чтобы с той же машиной ехали обратно. А они, видите ли, проплутали где-то, машину не нашли... Доктор опять звонит — долго ли ребят дожидаться. Я решил, что дело промедления не терпит, сказал, чтобы врачи ехали. А мальчишки блуждали, блуждали по городу и опять вернулись сюда.

— Ой, что же там, на прииске, делается? Ищут ведь их...

— Теперь там уже все известно — доктор расскажет, — успокоительно заметил Василий Никитич. — Они хотели взрослых выручить, — задумчиво сказал он, — знают, что все заняты... А у них, как Степа объяснил, отметки уже выставлены за вторую четверть. Они и сочли, что ущерба не будет, если денек в школу не пойдут.

— Горе с ними! — вздохнула Тоня.

— Горе, горе, да... — согласился Круглов, думая о чем-то своем. — И радость большая, правда? — опять засмеялся он.

Тоня вспомнила, что на прииске говорили, будто у самого Василия Никитича детей нет. Жаль. Много хорошего мог бы принести ребенку

такой отец.

— Теперь вот что, — уже серьезно сказал он, — надо ведь вас и ребят домой отправить, Кулагина Антонина. Я собирался в Таежный завтра или послезавтра. Перед концом года у меня правило — все прииски объезжать.

Он подумал, пересмотрел листки своего настольного календаря.

— Да, пожалуй, так будет лучше всего... Тоня, распорядитесь-ка, чтобы дали машину! — громко крикнул он. — Вы не пугайтесь, это секретаря моего тоже Тоней зовут.

— На ночь-то глядя, Василий Никитич! — укоризненно сказала вошедшая девушка.

— Ну, что делать. Не в первый раз ведь. Буфет открыт еще? Так вы нашу гостью покормите на дорогу, и двинемся.

Сидя в машине между Василием Никитичем и укутанными тулупом ребятами, Тоня перебирала в уме все события этого беспокойного дня. Как хорошо, что она решила пойти в обком! Каждый человек, пришедший туда с открытым сердцем, найдет добрый совет и помощь.

— Вашей Надежде Георгиевне хорошенько отдохнуть надо, — сказал Круглов. — Так Дубинский говорит. Нужно бы ей на годик школу оставить.

— Как оставить? Совсем уехать от нас?

— Может быть, и уехать, чтобы вернуться здоровой, окрепшей.

Тоня молчала, и Василий Никитич почуял в ее молчании затаенный вопрос.

— Ну что? — повернулся он к ней и чиркнул спичкой закуривая. Несмелый огонек на секунду осветил его крупный нос и живые глаза.

— Василий Никитич, — тревожно заговорила Тоня, — вы только правду мне скажите, я вас очень прошу... вы меня не обманывайте. Не потому ли вы говорите о ее отъезде, что кто — то в облоно недоволен работой нашей школы?

— Вы что меня так заклинаете правду говорить? — усмехнулся он. — Я правды не боюсь. Об этом деле в облоно я знаю. Неправы товарищи: у Надежды Георгиевны отношение к работе и к ученикам настоящее, советское. Словом, никаких неприятных последствий эта история не вызовет. Печально только, что еще попадают у нас люди в футлярах.

Тоня выпрямилась и порывисто вздохнула.

— Вам, наверно, много приходилось с такими людьми бороться? Да? — спросила она горячим шопотом.

Круглов захохотал:

— Приходилось и приходится, это верно. И тебе, девушка, еще придется повоевать с ними.

Так неожиданно и просто прозвучало его «ты», что Тоня в темноте благодарно улыбнулась.

— Видишь ли, — продолжал он, — такие люди могут быть и очень знающими работниками, да боятся каждого самостоятельного шага. Очень уж исключений не любят. Это бюрократизм душевный или...

— Равнодушие, вот что! — с жаром отозвалась Тоня. — И все, что их равнодушие, их покой может нарушить, им не нравится. Они лучше глаза закроют, чтобы не видеть.

— Может быть, и так... — задумчиво сказал Василий Никитич. — Но они должны исчезнуть. Огромное большинство у нас — живые, настоящие люди... Вот эти, что ко мне приехали, — помолчав, добавил он, — наверно, не будут равнодушными.

— Нет, не будем! — послышался вдруг тоненький голосок.

— Они, оказывается, не спят! — удивилась Тоня. — А ты разве понял, Митхат, про что Василий Никитич говорил?

— Я все понял, — серьезно ответил Митхат.

— Ну, принимаю твое обещание! — сказал Круглов. — Давай руку.

К нему потянулись сразу две руки, и обе исчезли в его широкой ладони.

— А теперь наденьте варежки и послушайте, что про вас старшие скажут. Много они там у вас безобразничают, Тоня?

— Ой, много, Василий Никитич!

— Ладно уж тебе! — дернул ее за рукав Степа.

Он был очень смущен неожиданным появлением Тони в кабинете Круглова и, проснувшись, первое время не отвечал на ее вопросы и отворачивался. Но известие, что сейчас все поедут домой в легковой машине, вместе с самим Василием Никитичем, показалось ему волшебным подарком судьбы, и он твердо уверился, что никаких неприятных последствий их самовольное путешествие не вызовет.

— Ты помолчи! — строго сказал секретарь. — Ну-с, Тоня, докладывай.

Тоня подробно рассказала о «белом мальчике» и о прогулке Степы в бадейке подвесной дороги.

— Хороши ребята! — Голос у Василия Никитича стал суровым. — И сегодня, значит, опять переполоху наделали?

— Мы ведь хотели как лучше, — грустно отвечал Степа.

— Ты, брат, ведь, наверно, военным хочешь быть?

— Ага. Командиром.

— Так имей в виду, что если ты себя и дальше так будешь вести, я, старший партийный руководитель, все меры приму, чтобы тебя в

Советскую Армию не взяли. Не надейся, что я позабуду твои проделки, пока ты вырастешь. У меня память железная.

Степа обиженно засопел.

— Пока ты до такого позора не дожил, давай условимся: перед тем как сделать что-нибудь, ты хорошенько подумаешь, ладно ли выйдет. Можешь такое обязательство на себя взять?

— Могу! — восторженно подтвердил Степа.

И Тоня живо представила себе, как твердо он сейчас уверен, что отныне будет обдумывать каждый свой шаг и поступки его будут удивительны и блестящи.

А более трезвый товарищ Моргунова сказал со вздохом:

— Раньше думать не помогает. Пока думаешь — все хорошо получается, а потом выходит плохо.

— Нет, друг, так бывает, когда люди плохо думают, — отозвался Круглов и тихо сказал Тоне: — Я бы не взялся их воспитывать, знаете... Очень мне все в них нравится. И сейчас как следует пробрать не могу... Уж там педагоги окажут подобающее воздействие.

— А Надежда Георгиевна поправится непременно, — заговорила Тоня, продолжавшая думать о старой учительнице. — Не надо ей со школой расставаться. Она всегда говорит, что около ребят здоровее и бодрее становится.

— Ну-ну, ей лучше знать, — ответил Василий Никитич.

Через несколько минут Тоня поняла, что он задремал. Успокоились и ребята. А Тоня сидела, боясь пошевелинуться, чтобы не потревожить своих соседей. Она глядела в темноту и чувствовала в себе большой и ясный покой. Ей, как и мальчикам, поездка казалась волшебной.

Завораживало плавное скольжение в черно-белой мгле, которому бесконечные повороты дороги придавали особую прелесть. Рядом ровно дышал человек, только что говоривший с ней, как с дочерью, а там, в поселке, около Надежды Георгиевны был врач, деловитый, уверенный, с большими белыми руками и громким голосом. Ее, Тоню, ждал друг... Как жадно будет он слушать рассказ о ее приключениях! Ждала и бригада — верные, напористые ребята. Конечно, они встретят ее хорошей вестью о золоте, найденном ими...

Сколько времени ехали, Тоня не знала, но внезапно ей стало холодно, и она услышала изменившийся голос ветра. Нагнувшись вперед, она старалась разглядеть что-нибудь сквозь ветровое стекло. Машина шла очень медленно, а свист ветра становился все резче. Тоня поняла, что теперь ветер не утихнет и будет бушевать всю ночь. Впервые за эту зиму на

землю пришел буран.

Она забеспокоилась и уже не спускала глаз с шофера, который, повидимому, тоже тревожился, озабоченно поглядывал по сторонам и бормотал что-то сквозь зубы.

Тоне удалось разглядеть какие-то строения. Шабраки, по ее расчетам, проехали уже давно. Значит, они в Белом Логу. На одно мгновение мелькнула мысль, что разумнее было бы переночевать здесь, но водитель молчал, а он, конечно, первый заговорил бы об этом, если бы было необходимо. В конце концов, осталось немного, значит надеется доехать.

Но прошло еще минут пятнадцать, и шофер обернулся:

— Плохо, Василий Никитич.

— Василий Никитич спит, — шопотом отозвалась Тоня.

— Кто спит? Ничего подобного! — сейчас же послышался спокойный голос. — Что там, Никанор?

— Не доедем. Заносит. Дороги не видать.

— Не пугай, не пугай!

Василий Никитич сел поудобнее, откашлялся и закурил.

Машина шла еще некоторое время, затем резко накренилась и стала.

— Приехали! — сказал водитель и тихо выругался.

— Вылезать? — спросил секретарь.

— Вылезайте, Василий Никитич, и вы, гражданочка. Ребят можно оставить.

Задние колеса съехали с дороги и глубоко ушли в снег. Три человека, по пояс увязая в сугробе, пытались сдвинуть машину с места.

— Нет, ничего не выйдет, — сказал Василий Никитич, выходя на дорогу и отряхиваясь. — Только поморозимся... Вот что, Никанор: залезай в машину к ребятам, укройся тулупом и спи. А мы с девушкой дойдем пешком и людей сюда отправим. Следовало бы ее оставить с детьми, да она местная, дорогу знает. Сколько до Таежного?

— Километра два, наверно, — сказала Тоня. — Но как в этой каше дойдешь?

— Дойдем, коли нужно.

Василий Никитич зашагал вперед.

Идти было невыносимо трудно. Тоня, напрягаясь, старалась не отставать от Круглова, а он, в своей тяжелой дохе, двигался быстро и все время маячил впереди нее. Ветер резал глаза, не давал дышать, и Тоня страстно, изо всех душевных сил желала одного: чтобы он не усилился. Она видела, что сейчас буран еще не дошел до той ярости, когда люди валятся и не могут подняться, как было с Татьяной Борисовной прошлой

зимой.

С трудом передвигая увязающие в снегу ноги, Тоня шла оглушенная и ослепленная, низко держа голову. Она решила, что, как всегда в трудных случаях, нужно поставить перед собой какую-то, пусть небольшую, цель и только о ней думать. И цель она себе нашла — обогнать Василия Никитича. Ей, местной жительнице, подобает привести гостя в поселок.

После долгих напрасных попыток удалось воспользоваться короткой остановкой секретаря и вырваться вперед. Теперь она шла первой, изредка оглядываясь.

Ноги у нее заоченели и плохо гнулись, сильно болел лоб от крепких ударов ветра. Как она ни старалась пониже опустить платок, он сейчас же уползал назад.

В белесом безумии крутящегося снега перед ней вдруг вырос какой-то холм. Тоня, недоумевая, как мог возникнуть посередине дороги такой сугроб, приблизилась к нему и поняла, что это засыпанная снегом машина.

Что же это значит? Каким образом она опять очутилась около машины?.. Значит, весь мучительный путь был пройден напрасно? А где Василий Никитич?.. Его не видно, они потеряли друг друга...

В отчаянии Тоня опустилась на снег около машины. Здесь ветер не так пронизывал, и она, закрыв глаза, слушала его свист. Показалось, что стало теплее, и страх охватил ее: так и замерзнуть недолго.

«Сейчас... одну минутку отдохну и поднимусь...»

Блаженная дремота мягко подбиралась к Тоне. Уже показалось, что всю ее окутывают большим пушистым одеялом, когда над самым ухом сильный голос сказал:

— Эй, спать не годится! Вставай, девушка!

Тоня открыла глаза. Перед ней в самом деле колыхалось какое-то пушистое одеяло, и она не сразу поняла, что это доха Василия Никитича. Он стоял нагнувшись, защищая ее от ветра.

— Василий Никитич, машина... — слабо выговорила Тоня.

— Ну и что же?

— Мы опять к ней пришли!

— Опять? Что ты! Это машина не наша.

Он взял Тоню за руки и заставил подняться.

— Ты прибодрись, милая. Мы уже от поселка в двух шагах. Слышишь, электростанция работает, собаки лают... А машина эта, верно, директорская... Тоже, значит, оставил, а сам пешком пошел.

Тоня снова поплелась за секретарем. Грудь и спину ломило. Ноги едва двигались, но она все явственнее слышала звуки селения.

«Еще... еще немножко», — подбадривала она себя.

Они уже шагали мимо заплотов, спящих домов. Тоня шла, не разбирая дороги, не думая о том, сколько еще нужно идти, и вдруг остановилась вздрогнув. В снежном вихре тускло светился круг: это были часы на здании приискового управления.

Тоня схватила Василия Никитича за рукав и молча показала ему на здание. Он понял и свернул с дороги к крыльцу.

«Дежурный-то, во всяком случае, там, — соображала Тоня. — Только чуть-чуть отогреться — и домой... А если дежурный уснул? Не достучишься...»

Но дверь оказалась незапертой. В коридоре было светло и чудесно натоплено. Тоня, вдохнув в себя теплый, с запахом застоявшегося табачного дыма воздух, опустила на табурет около двери.

К ним бежали люди, неизвестно почему очутившиеся здесь в эту пору. Их окружили, тормошили, раздевали.

— Василий Никитич! Товарищ Круглов! — кричали секретарю со всех сторон.

— Доехал, батюшка! Или дошел? А мы навстречу собрались, сейчас выходить хотели!..

— Да ну? — сказал секретарь, сбрасывая доху и растирая руки. — Как же узнали, что выехал? Наладили, значит, связь?

— Да-да, заработал телефон!

— Но вам, товарищи, все равно выходить придется: километрах в двух машина наша осталась, там двое ребят и шофер.

— А ну, пошли! Веревки у кого?

Мимо Тони прошагали парни с фонарями и кругами веревок. Мелькнули какие-то знакомые лица. Дверь захлопнулась, и за нею прозвучала команда:

— По веревке идти, ребята! Таштыпаев, ты, что ли, вперед встанешь?

— Братцы, а согреться нечем? — спросил Круглов.

Из своего кабинета уже спешил директор:

— Сюда, сюда, Василий Никитич! Сейчас и тебе и девушке согревающего хлебнуть дадим. Я сам час назад ввалился, чуть не замерз.

Тоня слышала все это, как сквозь вату. Кто-то снял с нее полушубок, платок, кто-то спрашивал:

— Не обморозилась? Руки как? Ноги?

— Ноги... да... — начала она. — А Надежда Георгиевна как?

До нее дошел голос дяди Егора Конюшкова:

— Лучше, лучше Надежде Георгиевне. И отец твой тут. Николай

Сергеевич, здесь они! Здесь Тоня. Цела дочка!

Тоня привстала с коротким криком. Отцовские руки обхватили ее.

— Доченька! Тонюшка! — бормотал Николай Сергеевич, прижимая к себе Тоню, глядя ее по лицу жесткими теплыми руками.

Она поймала эту жилистую руку, прижалась к ней щекой и закрыла глаза.

— Николай Сергеевич, ноги не поморозила ли? Надо посмотреть. Потом нацелуетесь... Да вот пусть выпьет спирту глоток, — хлопотал дядя Егор.

Тоня хлебнула обжигающей прозрачной жидкости. Ее опять усадили, сняли валенки.

— Пустяки! Чуть-чуть прихватило, сейчас ототрем!

— Да не надо... я сама...

— Сиди, сиди, не мешай!

Отец опустил на колени и начал с силой растирать побелевшие пальцы Тони. Это было очень больно, но она, вскрикивая и морщась, все же улыбалась.

«Простил! Простил! — звучало в ее сердце. — Опять со мной, прежний, ласковый!»

Она вдруг высвободилась и тревожно спросила:

— Папа, проба на Лиственничке была, не знаешь?

— Была, дочка, была! При мне пробу брали.

— Ты на голец ходил? Зачем?

— Ну, мало ли... посмотреть, как там... — забормотал Николай Сергеевич.

— Да уж говори прямо, что сердце не выдержало! — подхватил дядя Егор.

— И что же проба? Нашли что-нибудь?

Отец растерянно перевел глаза на товарища.

— Ни синь пороха там нет, голубка! — сказал старый Конюшков.

Глава шестнадцатая

— Расплавленный кварц когда-то поднялся из глубины земли. Потом тяжелые пласты его застыли, затвердели. У кварца молочно-белый излом. Иногда в нем блеснет золотника, встретится листочек слюды... зеленоватый такой. А порой кварц выглядит желтым или бледнокрасным — значит, в нем есть примазка охры. В природе постоянно идут процессы окисления, выветривания, вымывания. Вода, ветер, солнце работают непрерывно. Они подтачивают огромные горы, обломки уносятся вниз — в долины, на берега рек. Мощный кварц превращается в жалкие обломки, в песок; он смешивается с наносной породой... Так образуются россыпи. Считают, что если в россыпи богатое содержание золота, значит коренное месторождение разрушено. Но я верю, что выходы коренных жил здесь целы и в них окажется еще больше золота, чем в россыпях...

Тоню слушали, не переставая работать. В шахте шло непрерывное опробование. Первая неудача не обескуражила бригаду. Ребята не сдавались.

Для Тони ночное путешествие кончилось благополучно. Она только слегка поморозила кончики пальцев на ногах и на другой же день вышла на работу. Вторая проба показала слабые знаки золота. Радости не было конца, но третья и четвертая пробы не дали ничего. Предстояло еще и еще добиваться ответа у скупой шахты.

Бур все глубже уходил в рудное тело. Под коронкой его в скважину была насыпана дробь. Попадая в торец буровой коронки, она вращалась вместе с ней и высверливала столбик кварца — керн. Такие аккуратные столбики ежедневно подавались наверх для лабораторного анализа.

— Не идет Михаил Максимович, — сказал угрюмо Андрей.

— Значит, плохие вести, коли не торопится, — пробормотал Маврин. Он выпрямился, зеленые глаза его вдруг загорелись: — Честное слово, ребята, вчера чуть было не напился! Вот до чего понятно мне показалось, как люди от неудачи спивались... Ведь сколько трудимся над ней, над Лиственничкой этой, обхаживаем ее, улещиваем, а она уперлась — и ни в какую. Эх, думаю, напьюсь с горя!..

— Ты что, очумел? Что за разговоры такие?

— Ты стой, бригадир, стой, не ершишь! Я ведь говорю «чуть было». Ничего этого не случилось. После таких мыслей сильнее раззадорился, решил: не отступлюсь ни за что. Начальство запретит дальнейшие пробы

— ночью приходить буду, искать. Не может быть, чтобы не сдалась, проклятая...

— Ой, не ругай шахту! — боязливо вымолвила Стеша.

— Что, горного боишься?

— Да какой тут горный! Просто слушать как-то неприятно. Она, может быть, скольких людей кормить будет, а ты ее ругаешь.

— «Может, может»!.. — бормотал Санька. — Пока только завтраками кормит!

Тоня посмотрела на товарищей. У всех осунувшиеся, измученные лица, нетерпеливая тоска в глазах... Давно не озорничает Санька, перестал шутить и улыбаться Андрей. Одна мысль мучит каждого: неужели работали зря и в Лиственничке ничего нет?

Тоня молча переглянулась с Зиной и увидела слезы в широко открытых, всегда спокойных глазах.

— Товарищи, подтянуться надо, — сказала Тоня, стараясь, чтобы голос звучал твердо и уверенно. — Даю слово: мы Лиственничку победим. Что-то очень распустились! Санька напиться готов, Зина — плакать... Позорно, я считаю, для такой бригады, как наша.

— Пробирай, пробирай! — незлобно отозвался Маврин. — Хоть и знаешь, что я не напьюсь, а Зина не заплачет, все-таки на случай дай нам жару.

Мохов, возившийся с какой-то неподатливой стойкой, вдруг поднял от работы красное, потное лицо и прислушался.

— Идет Каганов, — глухо сказал он.

Бригада кинулась навстречу инженеру.

Спустившись с последней ступеньки лестницы, Михаил Максимович увидел бегущую к нему молодежь.

Лукаво прищурясь, он глядел на ребят. У всех вытянутые шеи, рты полуоткрыты, и все глядят на него, точно хотят проглотить.

— Ну? — непочтительно выдохнул Санька и облизнул пересохшие губы.

За ним вся бригада повторила:

— Ну? Что же?

— Позвольте вас поздравить, товарищи! — громко и значительно сказал Каганов. — Последние пробы показали высокое промышленное содержание золота!

— Ура-а!

— Ура! Наша взяла! Одолели!

Орали во всю силу молодых глоток, трясли руку Каганову, смеялись...

Андрей бросил шапку оземь и обеими руками взъерошил мокрые, слипшиеся вихры. На лице Маврина застыло выражение прекрасной задумчивой гордости. Кенка вдруг осторожно обнял Зину и глянул на нее так радостно и любовно, что бледная серьезная девушка, медленно краснея, расцвела улыбкой, в которой были и широкая радость и нежное лукавство.

А Тоня сильным движением раскинула руки, точно хотела обнять всех, кто делил с нею труды и тяготы. Вот оно, снившееся по ночам, не дававшееся в руки, прошенное и моленное у старой шахты чистое советское золото!

Михаил Максимович подошел к ней. Тоня шевельнула губами, но ничего не сказала. Только светло и благодарно сияли ее глаза. Была в них вся сила жизни и вся вера в грядущее. И сидящему инженеру подумалось: всего на свете, даже самого невозможного, добьется эта молодость.

Он почувствовал, что у него перехватило горло от волнения, и сделал над собой усилие, чтобы сказать строго:

— За дело, друзья, за дело! Чем больше скважин мы пробурим, тем точнее будем знать содержание золота.

К Новому году Тоня неожиданно для себя получила много денег. Всем

членам бригады выдали премию, прибавилась обычная заработная плата, сверхурочные. Словом, ребята разбогатели.

Когда Варвара Степановна спросила, что дочь хочет купить к празднику, Тоня, не задумываясь, ответила:

— Мне самой ничего не надо, а хочу я хорошо отпраздновать Новый год.

— Это мы предчувствовали, — засмеялась мать. — Уже говорили с отцом, что всю твою бригаду надо позвать и угостить как следует.

— Да, мама! Уж мы скупиться не будем, правда? Только бригада — это еще не все. Я много гостей хочу позвать. Сейчас мы их запишем.

Тоня побежала к себе в комнату за карандашом и бумагой, крикнув отцу:

— Папа, иди помогать!

Николай Сергеевич вышел из спальни и надел очки.

— Михаила Максимовича непременно, — перечисляла Тоня. — Женя ведь на зимние каникулы не приедет, он один... Татьяну Борисовну обязательно. Петра Петровича с Александром Матвеевичем, Моргуновых со Степой и Мухамета с Митхатом. Еще... ну, Надежду Георгиевну само собой...

— Об этом говорить нечего, — заметила Варвара Степановна. — Да сможет ли она?

— Сможет! Мы с Андреем вчера к ней заходили. Доктор Дубинский всерьез за нее взялся, ей лучше.

— Чего доброго, уже в школу собирается?

— Нет, в школу еще не пойдет. Петр Петрович замещать ее будет.

— Правильно, пусть отдохнет, — сказала Варвара Степановна и значительно взглянула на мужа.

— Что же не всех перечисляешь? — спросил Николай Сергеевич. — Заварухиных звать надо.

Тоня удивленно и смешливо посмотрела на отца.

— Да, да, да! — быстро сказала она. — Конечно, надо. Я только хотела, чтобы ты сам об этом вспомнил... Ну, и еще Иона с Ионихой.

— Куда я такую уйму народу посажу? — заволновалась мать.

— Усядутся, — решил Николай Сергеевич, — и сыты будут, пирогов хватит.

Он все еще праздновал свое примирение с дочерью. Ходил веселый, смотрел на Тоню влюбленными глазами и ни в чем не мог отказать ей.

— Ну, значит, иди, Варвара, на расправу, — пошутил отец. — Придется тебе поработать!

— Ладно уж, — отозвалась Варвара Степановна.

Старики шутили, но оба они, как и Тоня, чувствовали необычное значение нынешнего Нового года. Он знаменовал первый успех дочери в серьезной работе, был как бы разрешением долгой, тяжелой ссоры. Нужно, чтобы праздник получился особенно радостным и обильным.

Тоня сама убирала дом. Ей хотелось, чтобы нигде ни пылинки не было. Хозяйством занималась мать и, против обыкновения, даже похвасталась:

— Ну, нынче, кажется, я твоих гостей угощу неплохо.

— Когда же ты плохо угощала?

А Николай Сергеевич перебирал в уме имена приглашенных, и все они казались ему очень хорошими людьми. Даже удивительно, как они выросли в его глазах после примирения с дочерью.

Гости собрались в назначенное время, и в самом деле каждый по-своему был так хорош и интересен, что стоило рассмотреть его подробно.

Молодые горняки Маврин Александр Иванович, Андрей Мохов, Иннокентий Савельев и братья Сухановы щеголяли новыми костюмами. Правда, на худощавом Димке брюки сидели мешковато, а у моховского пиджака были коротки рукава, но на такие мелочи никто не обращал внимания. В общем, ребята выглядели молодцами. Каждый из них принес какое-то добавление к праздничному ужину и, несмотря на протесты Варвары Степановны, вручил его хозяйке.

Девушки немного дичились. Стеша прежде лишь изредка заходила к Кулагиным, а Зина была в доме впервые. Но, повидимому, им понравилось, что Варвара Степановна говорит с ними, как с близкими знакомыми. Значит, Тоня рассказывала матери о своих подругах и отзывалась о них хорошо.

Сабурова была бледна, но говорила, что чувствует себя гораздо бодрее. В самом деле, после долгого разговора с Василием Никитичем она обрела душевный покой и уверенность.

Тоня усадила старую учительницу на диван и все норовила засунуть ей за спину еще одну подушку, хотя Надежда Георгиевна уверяла, что ей очень удобно.

— Товарищи, имейте в виду, что доктор разрешил Надежде Георгиевне только встретить Новый год, а потом сейчас же домой и в постель. Ей теперь нужно много спать, — предупредила Новикова.

— Доставим, — кратко ответил Петр Петрович.

— Все провожать пойдем!

Петр Петрович сначала углубился в старенький Тонин гербарий, который неизвестно как углядел на этажерке среди книг. Он так

сосредоточенно разглядывал осыпавшиеся веточки кедра, лиственницы и пихты, будто в жизни не встречал таких растений. Но когда к нему подсели Андрей Мохов, Павел и другие ребята, он отложил гербарий, закурил трубку, и из-под кустистых бровей проглянула светлая голубизна его глаз.

Зато Александр Матвеевич сразу попросил разрешения снять пиджак, засучил рукава белоснежной рубашки и стал помогать Варваре Степановне. Он ловко раскупоривал бутылки, с большим искусством разрезал жареного гуся и еще успевал при этом говорить приятные слова девушкам. Во всяком случае, они смеялись, слушая его.

Татьяна Борисовна принарядилась и завила свои прямые волосы, что очень шло к ней. Тоня и Стеша поторопились сказать ей об этом.

Молодая учительница тоже хозяйничала и сильно беспокоилась о сладком пироге, который пекла по своему рецепту: без дрожжей и без соды, только масло и мука. Варвара Степановна с сомнением поглядывала на этот плоский и тяжелый пирог.

Михаил Максимович сегодня меньше сутулился, и лицо его никак нельзя было назвать «скорбным ликом», как говаривала докторша Дубинская. Он получил новогоднее поздравление от Жени и ее карточку. Женья была снята вместе с Толей Соколовым и какой-то незнакомой девушкой около Медного всадника. Очевидно, снимок был сделан в туманный ленинградский день и получился довольно расплывчатым, но Женья попала в фокус, и большие глаза ее смотрели на отца удивленно и ласково. Каганов всем показывал эту карточку и каждый раз бережно прятал ее в бумажник.

— Лучший подарок ему к Новому году, — тихо сказала Тоне Варвара Степановна.

Мухамет-Нур немножко подавлял молодежь своими солидными и полными достоинства манерами. Он степенно разговаривал с Николаем Сергеевичем и не переставал следить за Митхатом.

Дарья Ивановна была торжественно-тиха. По временам она дергала за рукав Иониху, высокую старуху с терпеливым морщинистым лицом, удивительно похожую на своего мужа. Показывая на портреты хозяев, тетя Даша шептала:

— Это вот старик, когда молодой был... Сурьезный... А вон сама. Представительная женщина.

Ион расхаживал по комнатам, мягко ступая в расшитых унтах. Подмигивая Тоне, он угощал ребят табаком и внимательно слушал Петра Петровича. Он всегда издали уважал завуча, но встретился близко с ним впервые.

— Это, однако, большой человек, — сказал он Николаю Сергеевичу. — Слова свои бережет, говорит мало.

Павел вместе с другими ребятами сидел около Петра Петровича. Тоня, накрывая на стол и хлопоча по хозяйству, взглядывала на него. Ее радовало, что он ничем не отличается от своих товарищей, только одет не в новый костюм, а в свои военные брюки и белую, расшитую у ворота колосками и синими цветочками рубашку. Он поворачивал к собеседнику внимательное лицо, когда слушал, говорил громко и весело. Посторонний, не знающий его жизни человек, взглянув на Павла, не смог бы предположить, что юноша слеп. Несчастье перестало отделять его от людей. И странное дело: с тех пор как он почувствовал себя на прииске нужным, своим человеком, к нему вернулись его прежние манеры. Он так же крутил головой, когда его что-нибудь сильно смешило, откидывал назад волосы и улыбался широко и смело.

Митхат нетерпеливо смотрел на дверь, поджидая Степу. Он освоился в незнакомом доме быстро: нашел в углу низенькие скамеечки, когда-то сколоченные отцом для маленькой Тони, усадил Алешу и уселся сам возле кадки с фикусом.

— Тут у нас будет лес, ага?

— Ага, — отозвался Алеша, с интересом глядевший на нового знакомого.

— Сейчас придет мой товарищ Степа, мы с ним на охоту пойдем, а ты будешь дом сторожить.

— А я на охоту?

— Ребенки на охоту не ходят, — важно ответил Митхат.

Моргуновы сильно запаздывали, и Тоня начала уже подумывать, что они не придут. Но в сенях наконец послышалось шарканье ног и прозвучал высокий голос Степы. Тоня широко распахнула дверь и ахнула. За стариками и Степой стоял еще кто-то — какая-то девушка. Тяжелые кудри выбивались из-под платка, блестели проказливые глаза.

— Лиза? Лизка! Ты!

— Антонина! Подружка моя!

Девушки обнимались, глядели друг на друга, начинали смеяться и снова обнимались.

— Что же мне никто не сказал, что Лиза приедет? — кричала Тоня.

— Да коли сама не сообразила, решили молчать, чтобы сюрприз вышел, — сказала Варвара Степановна.

— Лизка! Я ведь действительно не сообразила, что ты можешь приехать! Новоградск-то не Ленинград — близко. Я просто замоталась,

вздохнуть было некогда! — быстро говорила Тоня.

— Где тебе сообразить, когда друзья могут приехать! Ты теперь важное лицо — бригадир!.. Здравствуйте, Надежда Георгиевна, дорогая! Здоровье как? Перепугались мы с Нинкой, когда отец ей написал, что хвораете вы... Сейчас же телеграмму сюда послали... Ну, как теперь?

— Ничего, ничего, ожила. А Нина где же?

— Приехали и Нина, и Илларион, и Петя!

— Ой, так надо позвать их сюда! Мне сходить или, может, Степа сбегает? — всполошилась Тоня.

— Да успокойся ты! Никуда они нынче не пойдут. Ведь полгода своих не видели. Просили привет передать и сказать, что завтра к тебе явятся... Ну, а ты, Андрейка, соскучился без меня? — задорно спросила Лиза.

Андрей растерянно глядел на девушку.

— Что смотришь? Тоня, кто им теперь командует?

— Стеша... — засмеялась Тоня.

— Эх ты, варезка!

— Какая-то ты стала... рослая, что ли... — вымолвил Мохов.

— Вы, действительно, того... расцвели, Лизавета Панкратьевна, — сказал Петр Петрович.

А Александр Матвеевич сделал вид, что не узнает Лизу:

— Познакомьте меня, товарищи, с этой девушкой. Как, Лиза Моргунова? Моя бывшая ученица? Быть не может!

Лиза хохотала и была очень довольна.

— За стол прошу. Требуется старый год проводить! — возгласил Николай Сергеевич.

— Рано еще! Рано!

— Все равно, давайте садиться, — просила Тоня. — За столом все вместе, всех хорошо видно.

— А ты уже соскучилась по новым подружкам? — тихонько шепнула Лиза, украдкой косясь на Стешу и Зину. — Смотри, я только Женечку тебе прощала.

— Всех люблю, Лизавета, всех, ничего не поделаешь!

Уселись за стол, с удовольствием оглядывая расставленные на нем блюда.

— А вы знаете, кого мы на вокзале в Новоградске видели? — спрашивала Лиза. — Зинаиду Андреевну Соколову. Она в Ленинград ехала.

— Да, отпуск Зинаида Андреевна получила, к сыну отправилась, — подтвердила Анна Прохоровна, знавшая дела всех жителей поселка.

— Вот Анатолий обрадуется!

— Ведь сегодня ровно год, как я сюда приехала, — задумчиво сказала Новикова. — Помните,

Тоня?

— Еще бы не помнить! Мама тогда ягнят новорожденных принесла...

— А я вас смутила: спросила, не много ли на себя берете, что в наш далекий край заехали... — сказала Варвара Степановна.

Татьяна Борисовна и сейчас смутилась.

— Ну, что же, по-вашему: справилась я? — шепнула она.

— Может, не все еще ладно, — улыбнулась Варвара Степановна, — но в самом главном, по-моему, справились.

— Верно, Варвара Степановна, я то же говорю, — подтвердила Сабурова.

Тоня смотрела на всех сидящих за столом и представляла себе прошлый Новый год. Кажется, это было совсем недавно. Она пришла из школы, увидела в первый раз Новикова, ужинала с ней и Надеждой Георгиевной...

Она старалась вспомнить, какой была сама год назад.

Посмотреть в зеркало — как будто все такая же, только похудела немного да лицо обветрилось, а на самом деле изменилась, и сильно. Как определить это изменение, она не знала.

«Пожалуй, полней, интересней стало жить, — решила Тоня. — И в себя теперь больше верю».

Еще бы! Сколько нового принес промелькнувший год: окончание школы, первые радости и тяжести труда, новые отношения с людьми...

Татьяна Борисовна тогда была совсем чужая. Отец хоть и любил Тоню, но разве была между ними такая дружба, такое понимание, как сейчас, после этой мучительной ссоры? Ребят своей бригады она, за исключением Андрея и Стеши, совсем не знала. О Маврине порой думала с неласковым любопытством. А Павлик! Павлика тогда не было вовсе, и она только тосковала по нему. Теперь он здесь, сидит за столом в ее доме и каждый раз, когда Тоня взглядывает на него, оборачивается к ней, словно чувствует взгляд.

С того вечера, когда она уснула, положив руку на плечо Павла, ничего значительного не было сказано между ними, но Павел с такой покорной бережностью стал относиться к ней, точно чувствовал себя глубоко виноватым. А Тоне было хорошо, спокойно, и ничего другого ей не хотелось. Ее большая и важная тайна не мучила больше, а тихо грела, и Тоня иной раз спрашивала тайну: «Ты здесь, да? Ну потерпи еще немного, побудь со мной, укрытая от всех».

Она знала, что тайна только до поры с нею. Придет время — и она откроется. Когда и как это случится, неизвестно, только Тоня твердо верила, что огромное, летящее счастье приближается к ней. Это предчувствие большого крылатого счастья в прошлом году бывало только мимолетным, кратким ощущением, а теперь оно вошло в жизнь уверенно и прочно.

«Нет, этот Новый год лучше, во сто раз лучше прошлого, — решила Тоня, — а следующий будет еще лучше!»

Она прислушалась к разговору за столом. Гости тоже обсуждали прошлый год и загадывали о будущем.

— Лиственничка открывает огромные перспективы, — говорил Михаил Максимович.

— Вы подумайте, — перебивал отец, — сколько лет добывали только рассыпное золото, а оказалось, что основное богатство в рудном.

— Правда, что директор после Нового года в Москву едет? — спрашивал Санька.

— Да, да, — отвечал Каганов. — Будет добиваться, чтобы немедленно включили в план механизацию Лиственнички, постройку золотоизвлекательной фабрики.

— Разрешат! — уверенно сказал Маврин.

— А как же! Ведь это стране подарок богатый — наша Лиственничка!

— Расскажите, Михаил Максимович, что будет у нас на прииске в будущем году, — попросила Тоня.

— В будущем году, Тоня, мы будем называть Таежный уже не прииском, а рудником.

Каганов рассказывал, как затрещат в забоях старой шахты мощные перфораторы и белая пыль покроет бурильщиков с ног до головы — так, что они станут похожи на мельников; как отпальщики заложат патроны взрывчатки в пробуренные товарищами скважины, шустрый огонек побежит по шнуру и грохот взрыва заполнит шахту — он будет слышен людям далеко окрест. Богатая золотом руда поплывет по транспортеру, руду поднимут из шахты, и новые, беспрерывно движущиеся ленты транспортеров доставят ее на фабрику.

Перед слушателями вставляли дробильные машины, с хрустом перегрызающие белый сахарный кварц. Он переходит из дробилки в дробилку, и куски его становятся все мельче, а потом шаровые мельницы — вращающиеся барабаны, в которых заложены стальные шары — разбивают, истирают кварц в порошок. И вот кварцевая пыль, смешанная с водой и маслянистыми веществами, поступает во флотационную машину в виде

жидкой пульпы. Ее перемешивают лопасти машины, она пенится, и вместе с пеной навверх поднимается золото. Его соберут и отправят в сгуститель, а потом, в виде аккуратных плиток концентрата, в сушилку. Плитки уложат в тюки, и пойдет таежное золото плавиться в большой город.

— Фабрику будут строить на склоне гольца, чтобы материал шел к аппаратам самотеком, не так, как прежде вниз отправляли... — сказал Савельев.

— Ну, ясно: руда постепенно будет спускаться и проходить все процессы.

— Многоперфораторное бурение освоим, — размышлял Маврин. — Я давно мечтал о перфораторе. На Утесный рудник когда-то думал ехать, однако у себя на Таежном поработаю. Вот увидите — до семи забоев дойду, как Илларион Янкин, знатный бурильщик.

— Да, он — как в угольной промышленности Семиволос!

— Необязательно иметь много забоев, — объяснял Каганов, — можно в одном большом работать с несколькими перфораторами.

— Лавным способом! — обрадовался Кенка.

— Важнее всего, чтобы рабочее место было образцово организовано, — вставил Николай Сергеевич. — Я у вас порядок наведу... Хочу проситься мастером туда, на Лиственничку. Поучиться, конечно, придется.

— Скоростное крепление... — начал Костя Суханов.

Но Андрей перебил его:

— Погоди... Вот я читал, в Ленинграде нашли такой способ отпалки, что газов почти не получается. Надо нам этот рецепт узнать. После взрыва приходится ждать самое меньшее часа два, а тут — пожалуйста: через десять минут можно приступить к работе.

Как всегда, хоть Андрей не говорил ничего забавного, всех насмешила его горячность.

— Ты что, уже в запальщики собираешься? — спросил Павел.

— Я сказал: весь цикл работ хочу пройти.

— Хорошая вентиляция лучше всего «мертвый период» сокращает, — заметил Николай Сергеевич.

С ним заспорили так жаростно, что Лиза, поглядев на всех, засмеялась.

— Они всё о своей шахте! Да вы о чем-нибудь другом можете говорить? — тормозила она друзей.

— Каждому свое, — сказал Петр Петрович. — Вот мы, — он посмотрел на Сабурову, Новикову, Александра Матвеевича, — мечтаем, чтобы наши десятиклассники отличные аттестаты весной получили, чтобы школа вперед шла, неуспевающих не было...

— А товарищ Ион, наверно, об охоте загадывает, как бы медведя поднять, правда? — спросил Александр Матвеевич.

— Правильно говоришь, — серьезно ответил старый охотник. — Ползимы — самое время медведя бить. Он думает, что полночи прошло, на другой бок переворачивается, тут его и поднимают... У нашей охотничьей артели план большой, много пушнины надо сдать.

— Медведи не подведут, — сказал Николай Сергеевич, наполняя рюмки. — Твое желание, Ион Иванович, исполнится. Вот не знаю, как у меня... В прошлом году желал, чтобы дочка уехала учиться, — не сбылось... Не знаю, как нынче...

— Непременно сбудется, папа! — крикнула Тоня. — Только не сердись: не на исторический буду поступать, а в Горный институт.

— Это я давно понял, не возражаю.

— А я все мечтала, что буду твои исследования о нашем крае читать, — пожалела Сабурова.

— Я их попутно напишу, Надежда Георгиевна!

— Нет, дружок, попутно хорошо не напишешь. Может быть, Татьяна Борисовна это за тебя сделает. Статью свою она недавно мне читала. Очень живо и интересно написано.

— Послали в журнал-то? — спросил Петр Петрович.

Новикова, у которой при упоминании о статье заблестели глаза, радостно и смущенно закивала.

— Ну, у всех мечты заманчивые, ясные. Не помешали бы нам только... — задумчиво сказал хозяин.

— Кто посмеет нам мешать? — задорно крикнула Лиза.

— Как бы к новой войне дело не повернулось...

— Что ты, отец! Зачем такое говоришь?

Побледневшая Варвара Степановна положила на стол ложку, которой раскладывала на тарелки заливную рыбу. Суровыми стали лица учителей и Каганова. Строго и ясно смотрели ребята.

— Зачем говорю? Затем, что Черчилль недаром свою фултонскую речь произнес...

— Нет! — вдруг срывающимся голосом заговорил Павел. — Не может быть войны... Не может! Пусть они там какие угодно речи произносят. А наш первый во всей стране человек сказал, что миллионы простых людей на страже мира стоят... Во всем свете народ эту муку терпел, не захочет больше!

— Он еще сказал, — тихо напомнил Петр Петрович, — что если и удастся господам поджигателям новый поход организовать, будут они биты,

как двадцать шесть лет назад...

— А еще бы! — по-мальчишески взмахнул рукой Маврин. — Будет нужно — пойдем воевать за нашу шахту!

— За школу!

— За край!

— За Родину, товарищи, за наш Советский Союз!

— Ну, последние минуты старого года доживаем, — сказал торжественно Николай Сергеевич, — проводим его с честью! Хочу я выпить за все, что прошедший год принес нам хорошего, и за нас самих. Чтобы дальше успешно шла наша важная и нужная для страны работа.

— Ты так говоришь, папа, будто мы — знаменитые изобретатели или академики! — засмеялась Тоня.

— Разве не за нас товарищ Сталин в Кремле бокал поднимал? — строго ответил отец. — Помните его слова: «... за людей простых, обычных, скромных, за «винтики»...»

Все встали и выпили, а хозяин снова наполнил рюмки. Старые часы щелкнули и начали отбивать удары.

— С Новым годом!

— Ура!

— Здравствуй, Новый год!

— Ребята! — крикнула Тоня. — Давайте выпьем за наши общие желания, которые у всех одинаковы. Чтобы хорошо всем жилось! Чтобы кругом все строилось, крепло и росло! Чтобы Павлик получил аттестат и вместе со мною поехал учиться! Он ведь лектором, агитатором хочет быть! И чтобы Надежда Георгиевна была здорова!

— Правильно!

— Хорошо кончить школу, Паша!

— На много лет вам здоровья, Надежда Георгиевна!

— Учите ребят наших!

Молодежь вскочила с мест. Все окружили Павла и Сабурову. Заварухин тоже поднялся и поднял вверх свой бокал. Лицо его просияло улыбкой.

А Сабурова смотрела на всех, слушала веселый гомон и думала о судьбах Тони, Павла, Новиковой, о своих бывших и будущих учениках, о юношах и девушках, живущих в больших городах и в широкой степи, у синего моря и в дремучих лесах — во всех краях большой, чудесной Советской земли.

1947–1950

notes

Примечания

1

Голец — гора с голой, не покрытой лесом, вершиной.

Знаковое золото — находящееся в породе в виде песчинок, небольших частиц. Подъемное золото — отдельные самородки, которые не требуют промывки породы.

Марал — сибирский благородный олень. Из молодых рогов марала — пантов — готовится ценное лекарство.

4

Заплотом в Сибири называют забор.

Штейгер — старое название помощника инженера, наблюдающего за работой шахты и ее техническим оборудованием.

Выката — доски и железные листы, по которым в шахте возят тачки с породой.

Транспортер — непрерывно действующее транспортное устройство для вывоза породы из шахты.

Таляки — участки с незамерзающей мягкой породой.

Девушка, в лесок пойдем и малины наберем.

Залом — прибитый течением к берегу реки лес, валежник, корни деревьев. Залом может образоваться и посередине реки.

Сырчак — небольшой круглый сырок, прокопченный над огнем.

Бункер — ящик с открывающимся дном.

Перфоратор — бур или отбойный молоток, работающий под давлением сжатого воздуха.

Сбойка — соединение.

Гидравлический способ вскрыши торфов — разрушение верхних слоев почвы мощной струей воды под высоким давлением.

Голимо золото — сплошное золото.

Раскомандировка — помещение, где люди получают наряды на работу, переодеваются, едят.